Краснодарский университет МВД России

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Материалы
XI Международной научно-практической конференции

(20 октября 2017 г.)

Краснодар
2018

УДК 159.922
ББК 67.515
Ф42

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
А. А. Таганова, кандидат психологических наук, доцент (председатель);
С. А. Павлова, кандидат психологических наук, доцент
(заместитель председателя);
И. С. Нестеренко, кандидат педагогических наук
(ответственный секретарь);
Н. А. Деева, кандидат психологических наук, доцент;
А. С. Бондаренко, кандидат психологических наук

Феноменология и профилактика девиантного поведения
Ф42 [электронное издание] : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (20 окт. 2017 г.) / редкол.: А.А. Таганова, С.А. Павлова, И.С. Нестеренко, Н.А. Деева, А.С. Бондаренко – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 342 с.

ISBN 978-5-9266-1265-0

В сборнике содержатся научные статьи, посвященные исследованию актуальных проблем в области профилактики различных видов девиантного поведения.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 159.922
ББК 67.515

ISBN 978-5-9266-1265-0

© Краснодарский университет
МВД России, 2018

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПАТРИОТИЗМ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Абрамов Максим Алексеевич
(Ессентукский институт управления, бизнеса и права, г. Ессентуки)
e-mail: vngprof@gmail.com

Аннотация. В современном обществе приобретает актуальность проблема альтернативных внешнему государственному регулированию механизмов стабилизации правовой ситуации. В этом контексте приобретает интерес социально-аксиологический аспект проблемы. В статье рассматривается взаимосвязь между уровнем гражданского самосознания и характером правовой деятельности членов общества. Рассматриваются основные точки пересечения и общая взаимосвязь патриотизма и правосознания.

Ключевые слова: патриотизм, правосознание, преступность, социальная аксиология.

Одной из ключевых проблем российского общества является преступность: речь идет как о разовых, но достаточно широко распространенных случаях противоправной деятельности, так и о систематическом нарушении закона, примерами которого выступают организованная преступность и коррупция. При этом каждая из обозначенных форм преступности имеет весомое значение в конечной картине социальных процессов в Российской Федерации: если систематическое нарушение закона представляет собой институционализацию криминальной деятельности, то разовые случаи нарушения закона представляют собой тенденцию на уровне статистики, что позволяет усмотреть в факте их возникновения основания, укорененные в текущем состоянии общества. В этом отношении остро стоит вопрос о том, какие конструктивные социальные механизмы могут быть противопоставлены текущей ситуации. Одним из таких конструктивных принципов является правосознание, при высоком уровне развития которого имеет место пассивная защита общества от развития криминальных явлений.

Само по себе правосознание представляет собой сложный объект изучения, поскольку оно включает в себя, с одной стороны, развитое знание нормативно-правовой базы, с другой – ценностную ориентацию на следование букве закона. В этом смысле, например, человек с высшим юридическим образованием, совершающий противоправную деятельность, не может рассматриваться как человек с развитым правосознанием, равно как и неграмотный в правовом плане, но высокоморальный член общества. Вместе с тем, наличие пробелов в знании законодательства разрешается своевременным информированием населения при столкновении с трудными правовыми вопросами, равно как и в процессе школьного и вузовского образования. Вместе с тем, нельзя отрицать тот факт, что в ряде случаев

имеет место пренебрежение к закону, в результате чего основная мотивация при принятии решения о совершении или несовершении противоправной деятельности имеет не столько ценностный, сколько прагматический характер. Послушание членов общества, их следование законам, зачастую определяется наказуемостью противоправных деяний и вероятностью возмездия. Очевидно, что в условиях, когда вероятность совершения преступления определяется эффективностью правоохранительных органов, развитие преступности происходит достаточно интенсивно.

Здесь мы видим классическую ситуацию: общество стремится к определенному состоянию отношений внутри него, и при этом на участников социального процесса оказывается двойственное влияние. Внешнее влияние ориентировано на контроль действий посредством поощрений, наказаний и статусного изменения. Влияние изнутри связано с системой ценностей субъекта действия, его собственными мотивами, установками, устремлениями [3]. В рассмотренном выше случае с проблемой преступности снижение эффективности внутреннего регулятивного принципа, связанного с ценностным аспектом правосознания, в конечном итоге приводит к повышению нагрузки на внешние регулятивные механизмы. Практика тоталитарных режимов свидетельствует о том, что даже в случае повышения интенсивности и тотальности наказания, преступления совершаются. Их статистика ниже, однако статистику преступности в принципе достаточно сложно учитывать по причине феномена латентной преступности и сокрытия факта преступления. Однако то, что даже при условии тотальности наказания имеют место случаи противоправной деятельности, свидетельствует о значимости правосознания, как ценностно-ориентированного регулятивного принципа [4].

Возвращаясь к вопросу о том, каким образом может быть решена проблема низкого уровня ценностной ориентированности населения на соблюдение норм закона, следует обратить внимание на то, с чем у большинства членов общества ассоциируется закон. При условии, что факт наличия законов принимается большинством как норма, сами законы представляют собой объект непрерывного обсуждения, причем зачастую – с критической позиции. В общественном сознании прочно укоренилась точка зрения, что право и политика тесно связаны, при этом сведения о законах и, в частности, их оценку, население приобретает в рамках рассмотрения программ тех или иных участников политического процесса. Безусловно, законодательная деятельность представляет собой одну из основных функций института политической власти, однако прочное связывание политической и правовой сфер приводит к одному деструктивному последствию: отношение к нормативной сфере или состоянию правопорядка переносится на власть и, напротив, отношение к текущей власти и государству в целом становится одним из ведущих факторов оценки области права.

Сам факт наличия подобной взаимосвязи не является чем-либо однозначно негативным или позитивным. Можно судить о том, что наличие

подобного рода связей способствует как развитию конструктивных процессов, так и деструктивным тенденциям. Так, например, сторонники политического меньшинства могут с пренебрежением относиться к принимаемым законом не столько в силу их противоречивости или нецелесообразности, сколько в силу того, что они являются инициативой представителей другого политического блока. Еще одним примером неприятия сферы права является ситуация, когда отношение к обществу в целом завязано на ряд деструктивных установок. И здесь негативное отношение к государству может повлечь за собой пренебрежение принятыми в нем условностями взаимодействия.

В определенной мере проведенный выше обзор позволяет сделать вывод о том, что правосознание может существовать как в чистом виде – в качестве направленной установки на принятие законов и следование им, так и на уровне символической связи отношения к закону с какой-либо другой развитой мировоззренческой установкой. Так, например, развитое религиозное сознание выступает как достаточно мощное основание конструктивной с точки зрения права деятельности, равно как и приверженность традициям предполагает момент следования нормативным установлениям. Однако, проблема рассмотренных факторов принятия закона состоит в том, что зачастую нормы, диктуемые религией или традициями, противоречат нормам законодательства. Так, например, в Российской Федерации запрещено многоженство, разрешаемое исламом, а принятый в некоторых кавказских народах обычай воровства невест противоречит нормам права и допускается исключительно на уровне инсценировки, реализуемой на свадьбах. Таким образом, ни религия, ни традиции не могут в полной мере содействовать развитию правосознания в силу разнообразия вероисповеданий и передаваемых в различных местностях традиций. Вместе с тем, рассмотренный выше принцип, согласно которому отношение к государству переносится на сферу права, позволяет судить о высокой степени взаимосвязи между правосознанием и патриотизмом. При этом патриотизм, в силу его общесоциальной ориентации, не может быть рассмотрен как некое частное решение проблемы в силу того, что потенциальным объектом патриотических установок может быть любой член общества [2].

Следует обратить внимание на важный момент: патриотические установки определяют не только оценку государства (и, следовательно, символическое перенесение этой оценки на область законодательных норм), но и стремление к достижению этим государством состояния процветания [1], что автоматически предполагает неприятие деструктивных процессов в обществе, к числу которых, безусловно, относится и криминальная деятельность. Таким образом, патриотизм выступает как одно из важнейших ценностных оснований нормативно определенной деятельности.

Рассматривая вопрос на перспективу, можно отметить, что данная связь взаимна: чем выше уровень патриотизма, тем, соответственно, более развитым является правосознание. Вместе с тем, развитие правосознания также способствует росту уровня патриотизма, поскольку оценка правовой

сферы представляет собой одно из оснований формирования отношения к государству. В этом смысле, например, успех в борьбе с организованной преступностью и коррупцией представляет собой одно из оснований формирования положительных форм гражданской оценки общества. По этой причине, фактически, деятельность в любом из рассмотренных направлений в конечном итоге будет способствовать стабилизации ситуации в российском обществе, как на уровне права, так и в сфере гражданского самосознания.

Библиографический список

1. Дурягина А.И. Государство как основной объект проявления патриотизма // Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.,с. 43-54

2. Карманова Д.А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т].- Иваново, 2007.- 159 с.

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.

4. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. - Серия «Мир культуры, истории и философии». - СПб.: Издательство «Лань», 2000. - 608 с.

SENSE OF JUSTICE AND PATRIOTISM: POINTS OF INTERSECTION

Abramov Maxim A.
Yessentuki institute of management, business and right, Yessentuki

Summary. In modern society the problem of mechanisms of stabilization of a legal situation alternative to external state regulation acquires relevance. In this context the social and axiological aspect of a problem gets interest. In article the interrelation between the level of civil consciousness and the nature of legal activity of members of society is considered. The main points of intersection and the general interrelation of patriotism and sense of justice are considered.

Keywords: patriotism, sense of justice, crime, social axiology.

МЕТОД УБЕЖДЕНИЯ КАК ФОРМА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА

Асянова Светлана Рифовна
(Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа)
e-mail: 89273367919@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу предупреждения автодорожных происшествий с участием несовершеннолетних. Показана актуальность применения метода убеждения как формы психолого-педагогического воздействия в рамках мероприятий по профилактике нарушений дорожных правил несовершеннолетними.

Ключевые слова: убеждение, воздействие, профилактика, школьник, автоавария, безопасность, дети, мероприятия, слово.

Мониторинг состояния детской аварийности на автотранспорте показывает необходимость активной совместной работы как педагогов и родителей, так и общественности и правоохранительных органов по решению одной из приоритетных задач современности – сохранении жизни и здоровья подрастающего поколения. Актуальность проблемы обеспечения безопасности детей на дороге связана с тем, что у ребенка отсутствует свойственная взрослым защитная психологическая реакция на дорожную обстановку. В России, согласно анализу аварийности, дети становятся участниками дорожно-транспортных происшествий в каждом десятом случае.

Решение задачи по формированию культуры безопасного поведения несовершеннолетних на дороге немыслимо без психолого-педагогического воздействия [1, с. 27].

Одним из методов, направленных на ликвидацию преград, препятствующих поступлению новых позиций, мнений и, в целом, информации, является убеждение [2, с. 43]. Наиболее распространенно эта форма воздействия применяется в разнообразных пропагандистских мероприятиях по предупреждению автоаварий. В рамках профилактической работы с юными участниками дорожного движения метод убеждения может применяться как в индивидуальном общении со школьником, так и в классе перед группой детей.

Среди требований, предъявляемых к убеждению как к одному из методов воздействия на участников дорожного движения, можно выделить следующие основные:

формат мероприятия/акции с элементами убеждения должен соответствовать возрасту и уровню развития несовершеннолетнего;

убеждение в своей последовательности должно строиться исключительно с учетом индивидуальных особенностей школьника (особенно в случаях, когда ребенок оказался жертвой автодорожного происшествия);

убеждение должно подтверждаться конкретными фактами; помимо обобщенных принципов и правил, оно должно содержать реальные аргументы и примеры;

кульминацией в общении должен стать аналитический материал, известный обоим (всем) участникам;

педагог или психолог должен сам искренне верить в то, в чем убеждает школьника.

Для того, чтобы при взаимодействии убеждение было максимально действенным и эффективным, необходимо соблюдать определенные условия:

признанный авторитет убеждающего (убеждение не будет результативным, если убеждающий, к примеру, нарушает правила дорожного движения);

обязательный учет интеллектуального и психического состояния обеих сторон не только в момент общения, но и в последующем;

непременное следование «золотому правилу» в общении: диалога рекомендуется начинать не с того, что разъединяет, а с того, что сближает и объединяет.

Основным средством влияния при рассматриваемом методе психолого-педагогической поддержки является слово, непременно подтверждаемое фактами. При этом, с точки зрения целенаправленного воздействия, словесным выражениям должны соответствовать не только интонация и мимика взрослого, но и его жесты и эмоции.

Среди приемов положительного воздействия на школьника в период взаимодействия наиболее приемлемы:

авансированная похвала;

влияние на собеседника сдержанностью и невозмутимостью;

моделирование различных вариаций (школьнику предлагается включиться в игру, исключающую нежелательное поведение на дороге);

концентрация внимания над собственным мнением, поведением (использование приема «снятие стереотипов»);

резкое смещение акцентов, допущение нестандартных действий для принятия неожиданного решения;

прием «смена ролей» (школьнику предлагается «поменяться» местами с убеждающим, пережить иллюзию альтернативы).

Результативность убеждения зависит от единства слова и действий взрослого – это и есть основа доверительного отношения к преподавателю со стороны школьника. Успех убеждения достигается страстностью, эмоциональностью воспитателя, его способностью с помощью слова, жестов, дела и других способов воздействия на сознание и поведение добиться определенных действий и желаемых качеств [3, с. 204].

Метод убеждения как форма психолого-педагогического воздействия будет эффективным при условии целостности мыслей, чувств и волевого стимулирования. При этом важно в процессе общения «включить» в активное взаимодействие всех участников, потому что установки, выработанные в ходе участия детей в целенаправленных мероприятиях, оказываются более результативными, нежели решения, принятые единолично.

Применение данного метода в профилактике детского дорожно-транспортного травматизма и предупреждении нарушений правил дорожного движения как одной из форм девиантного поведения позволяет говорить о его действенности в связи с тем, что убеждение основывается на разумном принятии специальной информации, а ее мониторинг и оценка проходят осмысленно и сознательно. Убеждение в вопросах пропаганды безопасного поведения на дороге в своей основе обращается к интеллектуальному труду, к жизненноважным знаниям и опыту других участников дорожного движения, что играет положительную роль в формировании культуры безопасного поведения на дороге и сохранении жизни и здоровья подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Асянова С.Р. Формирование культуры безопасного поведения школьников на дорогах в условиях современного города: Дис. канд. пед. наук: Уфа: БГПУ, 2012 – 27 с.

2. Исхаков Э. Р., Линевич В.Л. Психолого-педагогические аспекты формирования антикоррупционного правосознания и поведения у сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие / Исхаков Э.Р., Линевич В.Л. Уфа: УЮИ МВД России, 2017. – 135с.

3. Мансурова З.Р. Морально-психологическая устойчивость личного состава при чрезвычайных ситуациях / Мансурова З.Р. // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. №2. 2017. С. 204-211.

METHOD OF PERSUASION AS A FORM OF PSYCHO-PEDAGOGICAL INTERVENTIONS IN THE PREVENTION OF CHILD ROAD TRAFFIC INJURIES

Asyanova Svetlana Rifovna
Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ufa

Abstract. In the article the problem of formation of culture of safe behavior of minors on the road. The urgency of the application of the method of persuasion as a form of psycho-pedagogical impact when carrying out of preventive actions for preservation of life and health of children.

Keywords: persuasion, influence, traffic, student, accident, safety, children, activities, word.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ В ПРЕОДОЛЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННОГО И ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Бедерханова Вера Петровна
Абдокова Людмила Вячеславовна
(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
e-mail: vpb57@mail.ru; abdokova.ludmila@mail.ru

Аннотация. В статье уделяется внимание проблеме социально-психологического содействия людям, склонных к виктимности и насилию
Ключевые слова: агрессия, виктимность, насилие, дезадаптация.

Под склонностью к насилию понимается склонность проявлять физическую силу, власть в виде действия или угрозы, последствием чего являются телесные повреждения, психологическая травма, или иного рода ущерб [7]. Склонность к виктимности предполагает субъективную предрасположенность человека становиться жертвой преступления, несчастного случая, негативных жизненных обстоятельств в силу своих социально-психологических качеств [8]. Данные феномены активно исследуются представителями разных наук – социологами, психологами, специалистами по социальной работе. При этом каждый из них в психологическом ракурсе изучается отдельно в отличие от юриспруденции, где насильник-жертва рассматриваются в рамках единой правовой ситуации.

Уже на уровне теоретического анализа прослеживается ряд сходных психологических характеристик людей, склонных к насилию и склонных к виктимности, что побудило нас предпринять сравнительное исследование этих категорий людей, в том числе сравнить их с людьми без отклонений в поведении. Исследование проводилось в период август-ноябрь 2016 года. На его основании была разработана и реализована программа социально-психологического содействия в преодолении насильственного и виктимного поведения.

Эмпирическую базу исследования составили 45 человек в возрасте от 25 до 33 лет. Такая возрастная группа была выбрана не случайно. В исследовательской литературе по вопросам виктимности и склонности к насилию недостаточно исследований психологических особенностей лиц такого возраста. Имеющиеся работы преимущественно проведены на подростках и молодежи. При всей важности изучения подростковых и молодежных групп, поскольку в этот период происходит самоопределение личности, выбор жизненного пути, не менее интересно изучение личности более зрелых возрастных групп, где более четко проявляются черты сформировавшейся личности. Все испытуемые, принявшие участие в исследовании, - люди без психических отклонений и тяжелых химических зависимостей.

Выборка была представлена тремя группами по 15 человек: 1) лица, склонные к насилию (критерии отбора – люди, в чьей биографии присутствует факт осуждения судом за насилие по одной из статей 115, 116, 117 УК РФ и отбывавшие срок до года); 2) лица, склонные к виктимности (люди, ставшие жертвой физического насилия – побоев, нападения (кроме сексуального); 3) контрольная группа, не проявляющая склонности к насилию либо виктимности (критерии отбора – люди, никогда не судимые, не состоявшие на учете в милиции, не замеченные в проявлении насилия и не бывшие жертвами насилия). Использовались методики агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки, диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, диагностической техники А. Адлера. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы STATISTICA 9.0, использовалась описательная статистика, непараметрические критерии Манна-Уитни, Крускала-Уоллиса.

Как показали результаты исследования, наиболее проблемной с психологической точки зрения является группа лиц, склонных к насилию. Для этой группы характерны деструктивные тенденции в области межличностных отношений, зависть к окружающим, ожидание негативного отношения к себе, неверие в доброжелательность и искренность людей; социально-психологическая дезадаптированность. В группе высок эмоциональный дискомфорт, непринятие себя и других, завышенные ожидания от мира, внешний локус контроля. Ярко выражено стремление к доминантности.

В группе людей, склонных к виктимности, преобладают люди настороженно настроенные по отношению к другим, склонные завидовать их успехам и недооценивать себя, ожидающие от других негативного отношения и заранее готовые принять его. Опасаясь отрицательных эмоций в контактах с людьми, они склонны проявлять грубость и бесцеремонность. В группе высокая степень неприятия себя; внешний локус контроля, стремление перекладывать ответственность за случившееся с ними на внешние обстоятельства и других людей.

Большинство представителей контрольной группы относятся доброжелательно к окружающим, ориентируются на собственные цели и мирное сосуществование в обществе; их адаптивность в пределах нормы; высокая степень самопринятия, адекватное принятие других, реалистичное восприятие действительности.

В контексте социально-психологических исследований склонность к насилию и склонность к виктимности можно представить как различные способы проблемной социализации. Как выявлено с помощью методики А. Адлера, процесс социализации людей в группах, склонных к насилию и склонных к виктимности, сопровождался значительным количеством неблагоприятных событий (эмоциональное пренебрежение к ним, физическое насилие и пренебрежение, наблюдение насилия в семье). Для сравнения – процесс социализации людей в контрольной группе сопровождался малым количеством неблагоприятных событий.

Наиболее распространенными бытовыми дисфункциями явились развод родителей и насилие отца по отношению к матери. Различным формам физического насилия, согласно детским воспоминаниям респондентов, чаще подвергались представители группы, склонные к виктимности (отмечается различие в 2 раза). Самым распространенным являлось наказание. Реже назывались тяжелые формы физического насилия, приводившие к увечьям, когда детей толкали, хватали, или чем-либо в них бросали. Также испытуемые из группы, склонных к виктимности, чаще по сравнению с лицами, склонными к насилию, сообщали о физическом пренебрежении (60% и 46,7% – соответственно). В детстве они носили грязную одежду, их не водили к врачу, когда это было необходимо. Люди, склонные к насилию, чаще указывают на эмоциональное насилие в детстве, по сравнению с людьми, склонными к виктимности (40% и 33% соответственно). Это выражалось в виде обидных слов в их адрес, грубых оскорблениях, угрозах физического и иного вызывающего страх воздействия. Склонные к насилию и склонные к виктимности часто являлись свидетелями насилия: избиений (53,8% и 77,4% из групп соответственно), убийств (19,5% и 11,3%), угроз оружием (32,5% и 23,2%). Таким образом, одна из причин – длительная неблагополучная обстановка в семье, частые глубокие негативные переживания. Склонность к насилию больше тяготеет к девиантной форме, склонность к виктимности – дезаптационной.

Таким образом, можно предполагать, что вероятность поведенческих отклонений вырастает с числом неблагоприятных событий детства. Жестокое отношение к ребенку, его отвержение в явной или скрытой форме и последствия такого отношения живут в виде психотравматических переживаний и трансформируются сначала в комплекс жертвы, а затем в агрессию или аутоагрессию.

Группы лиц, склонных к насилию и виктимности, различаются между собой, но имеют много общих характеристик, что наблюдается при сравнении их с контрольной группой. Этот факт дал нам возможность рассматривать их как единую группу лиц с нарушенной адаптацией, в результате которой сформировался комплекс их социально-психологических особенностей, и создать для них единую программу, направленную на социально-психологическое содействие в преодолении насильственного и виктимного поведения. Мы исходили из того, что насилие всегда предполагает пострадавшего, жертву. С юридической точки, это давно не подлежит сомнению, и в криминологии насильник и жертва рассматриваются парно, но в социально-психологической профилактике и реабилитации отдельно. Разработанная программа социально-психологического содействия в преодолении виктимного и насильственного поведения опирается на положение о вторичной социализации, представляющей собой процесс усвоения новых ценностей, норм, ролей [1].

Описанные в современной литературе меры профилактики и реабилитации пострадавших от насилия по своему содержанию направлены на усвоение навыков защиты от насилия. При этом потенциальный насильник представляется как враждебная сила, противник, неприятель. Соответственно, подлежащие усвоению меры – защитные, содержащие в себе элементы настороженности, агрессии, призывающие быть бдительными. Часто образ личности насильника гипертрофирован, а отдельные программы профилактики и реабилитации пострадавших от насилия поддерживают имеющиеся у человека иллюзии относительно личности, склонных к насилию людей. Кроме того, создаваемая превентивными и реабилитационными мерами изолированность может порождать дополнительные страхи, что не полезно для личности. Данные рассуждения не исключают предупреждающего поведения по отношению к потенциальной возможности стать жертвой насилия, они направлены на адекватность понимания опасности.

Принципиальным новшеством данной программы выступает объединение ряда мероприятий для людей как склонных к насилию, так и склонных к виктимности. Ее содержанием выступило комплексное обеспечение социально-психологического содействия людям, склонным к насилию и склонным к виктимности, включающее организационные, психолого-педагогические и коррекционные мероприятия. Программа прошла апробацию на базе Городского комплексного центра социальной адаптации граждан города Черкесска и Дома милосердия для людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, города Армавира.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект-Пресс, 2008.

2. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: автореф. дисс. ... кандидата психологических наук: 19.00.01. – Новосибирск, 2005.

3. Барановский Н.А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика. – Минск: Белорусская наука, 2011.

4. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 2008.

5. Гаджиева А.А. Виктимология. – Махачкала, 2016.

6. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. – СПб.: Речь, 2005.

7. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. – М.: Весь мир, 2003.

8. Полубинский В.И. Жертва в контексте виктимологических исследований // Научный портал МВД России. 2008. № 2.

9. Фатеев А.Н. Основы виктимологии. – Ростов-на-Дону: Институт управления, бизнеса и права, 2009.

10. 1Эминов В.Е. Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. – 2015, № 1. – С. 107-116.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN OVERCOMING VIOLENT AND VICTIM BEHAVIOUR

Bederkhanova Vera P., Abdokova Ludmila
Kuban state University, Krasnodar

Abstract. The article focuses on the problem of social-psychological assistance to people who are prone to victimization and violence
Key words: aggression, victimization, violence, maladjustment.

ДИАГНОСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ-НОВАТОРОВ ПО СОПРОВОЖДЕНИЮ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Бедулина Галина Федоровна
(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск)
e-mail: bedulina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам диагностики влияния Интернет-пространства на социализацию подростков. На примере изучения эффективности деятельности педагогов-новаторов выявлена необходимость изучения, разработки и внедрения новых воспитательных подходов для успешной социализации современных подростков в онлайн-среде, гибкого и разнопланового использования информационных ресурсов.
Ключевые слова: диагностика, педагог-новатор, классный руководитель, социальные сети, инновационные площадки, интернет-пространство, социализация, сетевая коммуникация.

Интернет является новой средой, которая влияет на социализацию личности подростка, не только обладает мощным образовательным потенциалом, но и имеет отрицательные стороны. В виртуальном пространстве происходит спонтанный поиск самореализации личности подростков. Общение с помощью онлайновой переписки заставляет забыть о реальном общении, быть заложником виртуальной репутации, демонстрировать большую свободу выражения и поступков (вплоть до оскорблений, непристойных выражений), а долгое пребывание в социальных сетях приводит к интернет-зависимости. Те возможности, которые дает Интернет, до сих пор полностью не изучены, вследствие чего оценивать влияние Сети на социализирующие процессы в подростковой среде можно только приблизительно.

Практика показывает необходимость новых воспитательных подходов, способных формировать системное мышление учащихся, целостное

освоение мира. В современных условиях становится возможным гибкое и разноплановое использование информационных ресурсов, когда можно не только видоизменять традиционные формы работы, но и применять новые. Организаторы образовательного процесса испытывают определенные трудности методического сопровождения, планирования, организации и содержательного наполнения процессов социализации обучающихся онлайн-среде.

Для формирования модели, с помощью которой будет осуществляться взаимодействие в Интернет-пространстве, сторонами которого являются обучающиеся и педагоги, в Гродненской области Республики Беларусь реализуется проект «Классный руководитель в социальны сетях» (научным консультантом является автор статьи). Базой являются 7 учреждений общего среднего образования, имеющих статус инновационных: ГУО «Гимназия №1 имени К. Калиновского г. Свислочь», ГУО «Государственная гимназия № 1 г.п. Зельва», ГУО «Средняя школа №1 г. Лиды», ГУО «Средняя школа № 3 г. Свислочь», ГУО «Средняя школа № 12 г. Гродно», ГУО «Средняя школа № 1 г. Ошмяны», ГУО «Средняя школа № 2 г. Ошмяны».

Инновационный проект включает следующие составляющие:

работу с педагогическими кадрами, направленную на подготовку классных руководителей к осуществлению процессов сопровождения социализации подростков в Интернет-пространстве;

работу с обучающимися, направленную на изучение, учет и удовлетворение своих интересов и образовательных потребностей в сети Интернет;

создание условий для позитивной социализации подростков в Интернет-пространстве и обеспечения информационной безопасности;

работу с родителями учащихся (цель – преодоление их негативного отношения к инновациям, внедряемым в школьных условиях; привлечение родителей к взаимодействию через социальную сеть).

Практика показывает, что успешное участие педагогических инициатив сопровождается организацией научных исследований по оценке эффективности внедрения педагогических инициатив в практику работы учреждений образования [1,с.34].Для реализации этой деятельности Министерством образования Республики Беларусь принята инструкция «О порядке осуществления экспериментальной и инновационной деятельности в сфере образования» (Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 01.09.2011 № 251). Согласно этому документу инновационная деятельность осуществляется педагогами-новаторами.

Для диагностики эффективности деятельности педагогов-новаторов на базе инновационных площадок Гродненской области проведено исследование. В опросе приняло участие 40 педагогов-новаторов 11 инновационных площадок Гродненской области. В контексте распределения по полу среди респондентов 85% – женщины и 15% – мужчины; из них 28 человек (70%)

работают в сельских школах, 12 (30%) в учебно-производственных комплексах. Среди опрошенных наибольшая численность имеет большой профессиональный опыт работы: у 44% респондентов стаж педагогической деятельности более 10 лет; у 32% респондентов – 5-9 лет; у 20%- 1-4 года и только у 4% - до 1 года.

Результаты диагностики показали, что педагоги-новаторы являются активными пользователями интернет-ресурсов: 97 % респондентов являются участниками социальных сетей и только 2 % не пользуются Интернет-услугами. Большинство опрошенных зарегистрированы и пользуются такими социальными сетями как «Одноклассники» и «Вконтакте» – 85%; Viber – 82%; Skype и Mail.ru – 64%; Facebook – 49; WhatsApp, Instagram – 19%; Twitter – 10%.

Ответы участников опроса показали, что основными каналами выхода в социальные сети являются: стационарный компьютер (выход из дома) на это указало 97% опрошенных, со смартфона – 67%, из учреждения образования – 34%, из заведений (интернет кафе и т.д.) – 3%. 86% опрошенных считают, что зависимость от социальных сетей стала глобальнной проблемой. На вопрос «Могут ли современные школьники успешно общаться без помощи Интернета?» ответы распределились следующим образом: нет, не могут - 66%; да, могут – 31%; не задувылись об этом 3%.

91% респондентов считает, что учащимся необходимо больше уделять внимания формированию культуры общения в Интернет-пространстве; 74% указали на то, что педагогам необходимо участие в онлайн-коммуникациях вместе с подростками через разработку инновационных технологий по данному направлению.

Данные диагностики свидетельствуют о том, что педагоги-новаторы признают эффективность инновационных форм и методов, разработанных непосредственно самими специалистами-практиками. По формам разработок ответы распределить таким образом: создание закрытого Sci-сообщества «Мой голос» для общения классного руководителя и родителей - используют 10% педагогов - новаторов; программу для обучающихся «Мой безопасный Интернет» - 23%; инновационные занятия для обучения родителей общению в Интернете; создание аккаунтов в соцсети «В контакте» - 10%;электронные версии тематических классных часов: «Анализ информации в социальных сетях», «Как правильно найти друзей и знакомых в социальной сети», «Как собрать свою команду единомышленников в социальной сети», «Как научиться доверять людям в социальной сети» - 43%;программу объединения по интересам «Инфознайка»; организацию постоянно действующего Интернет-форума, в котором принимают участие специалисты различных служб: IT-специалисты, врач-нарколог, психолог, инспектор по делам несовершеннолетних -10%; сетевые воспитательные площадки и сетевые блоги - 5%.

Педагогам-новаторам было предложено на основе диагностики объективно оценить насколько эффективна внедряемая ими технология. Ответы распределились следующим образом: 43% отметили скорее высокую эффективность; 33% − скорее среднюю эффективность; 15% − среднюю эфективность; 9% − высокую эффективность. Таким образом, можно сделать вывод, что педагоги-новаторы высоко и в среднем оценивают результативность своей инновационной деятельности.

Инновационная деятельность ставит перед педагогами–новаторами задачу не только создания новых форм и методов работы, но и их апробации. Анализ внедрения собственных разработок показал, что они используются достаточно активно: 13% апробировали 3 раза; 20% - 2 раза; 27% - 4 раза; 40% - 6 и более раз.

Для выявления сильных и слабых сторон внедряемых разработок были заданы соответствующие вопросы, на которые респонденты ответили следующим образом: сильной стороной своей технологии 75% считают формирование системных основ культуры пользователя в Интернет-пространстве; 33% - новизну и доступность для учеников; 15% - возможность авторской разработки; 5% - считают, что авторские разработки не требуют больших временных затрат.

По мнению респондентов, собственные разработки помогают в решении следующих задач:

- обеспечивают обратную связь с учащимися и формируют культуру пользователя и безопасное поведение в сети на это указали 80% опрошенных;
- формируют IT-компетенции учащихся на это указало -57%;
- помогают в коммуникациях с учащимися в интернет-среде - 58%;
- вовлекают подростков в обсуждение культуры пользователя Интернет-ресурсами (75%);
- стимулируют разработку инновационных методов и технологий для общения с учащимися в онлайн-пространстве - 68%.

Педагоги отмечают, что онлайн-коммуникация обладает скорее высокой эффективностью – 56%, скорее средняя эффективность – 25%, высокая эффективность – 12%, скорее низкая эффективность – 7%.

Таким образом, опыт работы инновационных площадок дает возможность понять, какие формы реализации взаимодействия через социальную сеть между классным руководителем и субъектами воспитательного процесса являются самыми эффективными. Кроме того, отмечается, что коммуникация между родителями и педагогами также может осуществляться посредством площадок воспитательного назначения, существующих в социальных сетях.

В Республике Беларусь деятельность по внедрению сетевых технологий в процессы образовательного характера пока не стала массовой, однако, учитывая тот факт, что тенденция к информатизации

всех сторон учебного процесса сегодня активно развивается, можно сде-сделать прогноз о переходе на коммуникации через Интернет для решения самых разных вопросов, связанных с образованием. Именно поэтому сегодня нужно проводить общественное обсуждение проблемы, связанной с тем, как социальные сети сегодня используются подростками и как такие ресурсы Интернета влияют на процессы их социализации.

Библиографический список

1. Бедулина Г.Ф.Формы работы классного руководителя по сопровождению процессов социализации подростков в интернет-пространстве / Г.Ф.Бедулина //Выхаванне і дадатковая адукацыя.- 2015. - № 5- С.32-38.

2. Бедулина Г.Ф. Социально-педагогическая профилактика девиантного поведения подростков: пособие для педагогов учреждений общ. среднего образования / Г.Ф. Бедулина.- Минск: Нац. ин-т образования, 2013. - 192 с.

3. Хиневич Н.В. Ребенок в социальных сетях: учеба, досуг, общение / Н.В.Хиневич // Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований: материалы междунар. науч. - практ. конф.; г. Минск 21 ноября 2014 г. / ред. кол. Котляров И.В. и др.; Ин-т социологии НАН Беларуси; кафедра экономической социологии БГЭУ.- Минск.- Право и экономика. -2014.- 212 с./С.153-156.

DIAGNOSTICS OF EFFICIENCY OF ACTIVITY OF TEACHERS-INNOVATORS FOR THE MAINTENANCE OF PROCESSES OF SOCIALIZATION OF ADOLESCENTS IN THE INTERNET SPACE

Bedulina Galina F.
Belarusian state economic University, Minsk

Abstract. Article is devoted questions of diagnostics of the impact of the Internet on the socialization of adolescents. On the example of studying the effectiveness of the teachers-innovators identified the need for research, development and implementation of new educational approaches for successful socialization of modern teenagers in the online environment, flexible and diverse use of information resources.

Keywords: diagnosis, teacher-innovator; classroom teacher, social networks, innovative platforms, Internet, socialization, communication.

ВИДЫ ВОЗМОЖНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ДЕСТРУКЦИЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Бикчинтаева Ляля Гильвановна
(Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа)
e-mail: lyalya-bik@yandex/ru

Аннотация. Статья посвящена концептуальным положениям и описанию возможных проявлений профессиональных деструкций, обусловленных выполнением правоохранительной деятельности. Профессиональные деструкции представлены через четырехкомпонентную структуру личности как субъекта социальных отношений и активной деятельности.

Ключевые слова: профессионально обусловленные деструкции, профессиональная деформация, профессиональная компетентность, субъект профессиональной деятельности.

Правоохранительная деятельность относится к тем видам труда, условия и характер которых оказывают травмирующее воздействие на психику. Психологи констатируют, что на стадии профессионализации по многим видам профессий происходит развитие профессиональных деструкций (от лат. «разрушение») – изменений сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающихся на продуктивности труда и взаимодействии с коллегами), нарушается целостность личности, снижается ее адаптивность и устойчивость.

При анализе литературы по проблеме Э.Ф. Зеером сформулированы следующие концептуальные положения развития профессиональных деструкций личности [5].

Профессиональные деструкции – это нарушение уже освоенных способов деятельности, разрушение сформированных профессиональных качеств, появление стереотипов профессионального поведения и психологических барьеров при освоении новых профессиональных технологий, новой профессии или специальности. Переживание профессиональных деструкций сопровождается психической напряженностью, психологическим дискомфортом, а в отдельных случаях конфликтами и кризисными явлениями. Профессионально обусловленные деструкции предполагают рассогласование структурных компонентов субъекта профессиональной деятельности.

При классификации профессионально обусловленных деструкций с целью определения возможных деструктивных изменений Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк опираются на представленную ниже четырехкомпонентную структуру личности как субъекта социальных отношений и активной деятельности [6].

Первой подструктурой, системообразующим фактором субъекта деятельности является направленность, показателем деформации которой является профессиональное отчуждение, проявляющееся в изменении «Я – концепции»: человек не идентифицирует себя с выполняемой деятельностью, не принимает на себя ответственность за происходящее, не разделяет организационные ценности. Также к показателям деформации профессиональной направленности относится «выученная беспомощность» – привычка жить, не оказывая сопротивления, не принимая ответственности на себя.

Вторая подструктура субъекта деятельности – профессиональная компетентность. К деструкциям профессиональной компетентности относится, в первую очередь, некомпетентность. Некомпетентность в профессиональной деятельности встречается повсеместно, характеризуется снижением продуктивности деятельности и потерей чувства удовлетворенности работой. Негативные изменения профессиональной компетентности проявляются также в профессиональной стагнации (застое, потере способности к развитию). К деструкциям профессиональной компетентности относится также консервация профессионального опыта. Профессиональный опыт в настоящее время устаревает быстрее, чем завершается жизнь специалиста в профессии, и его консервация происходит вследствие отсутствия у человека умения или готовности к его пересмотру в целях максимального соответствия требованиям должности.

Третьей, важнейшей составляющей подструктурой субъекта деятельности являются профессионально важные качества и способности личности. Длительная эксплуатация одних и тех же профессионально-важных качеств приводит к изменению уровня их выраженности, т.е. к профессиональной деформации.

Четвертой профессионально-обусловленной подструктурой субъекта деятельности являются профессионально значимые психофизиологические свойства. Чрезмерное проявление психофизиологических свойств субъекта деятельности может привести к развитию профессиональных акцентуаций.

Профессиональные деформации в литературе определяются как сложно организованные интегративные личностные новообразования, возникающие в результате закрепившихся в особенностях сознания и самосознания личности негативных, по своему характеру, образцов поведения и нерезультативных способов деятельности, сформированных в пространстве профессионального взаимодействия [4].

В наибольшей степени профессиональные деформации развиваются у представителей социономических профессий, постоянно взаимодействующих с людьми, в том числе сотрудников органов внутренних дел. Это вызвано тем, что общение с другим человеком обязательно включает и его обратное воздействие на субъект труда [2]. К основным профессиональным деформациям, развивающимся у представителей социономических

профессий, относятся: авторитарность, демонстративность, догматизм, до-доминантность, индифферентность, консерватизм, агрессия, ролевой экспансионизм, социальное лицемерие, поведенческий трансфер, сверхконтроль.

Анализируя качественное своеобразие объекта профессиональной деятельности, определяющего качественное содержание сознания субъекта, С.П. Безносов выводит существование особого типа профессий, представители которых вынуждены совершать манипуляции над «ненормальными» людьми. Сущность профессиональной деформации личности сотрудников органов внутренних дел объясняется переносом этой чуждой логики существования из профессиональной сферы в область жизни личности [1].

По отношению к деятельности сотрудников органов внутренних дел издавна существует специальный перечень проявлений профессиональной деформации. В дореволюционной России в распространенном «Букваре современного городового» содержалась специальная статья 40 «Проступки служащего в полиции» [5]. Эти проступки сводятся к следующим формам и подчеркивают степень их распространенности и в прошлые времена: пьянство на службе, так и вне службы; неповиновение старшим; неисполнение обыденных правил и уставов; непочтение к старшему; ненужное вмешательство; лишняя грубость к арестованному; невежливость и бранные слова; сообщение частному лицу о полученном приказании, происшествии и положении дела; дача сведений, могущих повлиять на дело во вред службе; отлучка с поста или небрежное отношение к нему; нерадение при необходимости немедленного арестования злоумышленника; болтовня и разговоры на службе; прием вознаграждения без доклада о том.

Э.Ф. Зеер подчеркивает, что каждая профессия имеет свой ансамбль профессиональных деструкций, и выделяет следующие уровни проявлений профессиональной деформации [5]. К первому уровню автором отнесены «общепрофессиональные деформации», типичные для работников определенной профессии. Второй уровень – «специальные» профессиональные деформации, возникающие в процессе специализации по профессии. Третий уровень представлен «профессионально-типологическими» деформациями, обусловленными наложением негативных индивидуально-психологических особенностей личности: темперамента, способностей, характера на психологическую структуру деятельности, в результате чего складываются профессионально и личностно обусловленные комплексы. К четвертому уровню автор относит «индивидуализированные» деформации, назвав их «профессиональным кретинизмом»: это может быть сверхответственность, суперчестность, гиперактивность, трудовой фанатизм, профессиональный энтузиазм.

С.Е. Борисова перечисляет следующие профессионально важные качества личности, которые в некоторых случаях могут выступить фактором

профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: реши-решительность, воля и педантичность [2].

В юридической психологии к значимым формам проявления профессиональной деформации личности сотрудника ОВД относится правовой нигилизм – осознанное игнорирование требований закона, исключающее преступный замысел [11].

При анализе причин, препятствующих профессиональному развитию личности, А.К. Маркова выделяет следующие общие направления нарушений, названные ею «тенденциями профессионального дизонтогенеза»: возрастные изменения, связанные со старением организма; профессиональные деформации; профессиональную усталость, создающую конфликт между внешними требованиями профессии и снизившимися возможностями человека; монотонию, возникающую в условиях однообразной работы; психическую напряженность, вызванную трудными условиями деятельности; профессиональные кризисы, являющиеся естественным спровождением профессионального роста; профессиональные заболевания, возникающие в крайне неблагоприятных условиях труда [10].

Все многообразие факторов, детерминирующих общепрофессиональные деструкции, объединяется в три группы: объективные, субъективные, объективно-субъективные [7]. Показательно, что обозначенные факторы в целом соотносятся с факторами, выделенными в исследовании А.В. Буданова [3]. В первую группу входят свойства, обусловленные спецификой правоохранительной деятельности; вторая группа объединяет свойства, связанные с личностными особенностями сотрудников: К третьей группе отнесены свойства, обусловленные социально-психологическими условиями организации.

В целях упорядочения детерминант, обуславливающих деформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов, коллектив авторов предлагает выделить причины и условия, способствующие ее возникновению и развитию, на макроуровне и микроуровне [8]. Макроуровень включает в себя общие детерминанты: организационно-управленческие, социально-экономические, социально-политические, социально-правовые, социально-психологические, культурно-нравственные. Микроуровень выделяет непосредственные детерминанты, относящиеся к уровню отдельного сотрудника, и состоит из двух групп: «деятельностные» детерминанты, связанные со служебной деятельностью и отдельными служебными задачами, и «личностные» детерминанты, связанные с индивидуально-личностными характеристиками сотрудника.

Профессиональные деструкции являются существенным фактором снижения эффективности деятельности сотрудников ОВД, ухудшения их нравственного, психического и соматического здоровья, раннего развития у них профессиональной непригодности, низкого авторитета среди населения.

Библиографический список

1. Безносов С.П. Профессиональные деформации личности (подходы, концепции, метод). – [Текст] : дис. докт. психол. наук: 19.00.03 / Безносов Сергей Петрович. – СПб., 1997.

2. Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты. – [Текст]: дис. канд. психол. наук: 19.00.06 / Борисова Светлана Евгеньевна. – М., 1998.

3. Буданов А.В. Программа и методические рекомендации по профилактике профессиональной деформации сотрудников ОВД [Текст]: методическое пособие / А.В. Буданов. – М., 1992.

4. Егорова Т.Е., Семячкина Е.Н. Профессиональные деформации и условия предупреждения риска их возникновения у руководителей образовательных учреждений [Текст]: 125 лет Московскому психологическому обществу: Юбилейный сборник РПО: В 4-х томах: Том 2. / Отв. ред. Богоявленская Д.Б., Зинченко Ю.П. – М.: МАКС Пресс, 2011.

5. Зеер Э.Ф. Психология профессий [Текст]: учебное пособие / Э.Ф. Зеер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

6. Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций [Текст]: учебное пособие / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.

7. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития [Текст]: учебник / Э.Ф. Зеер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.

8. Злоказов К.В. Профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов как предмет психолого-юридического анализа [Текст]: монография / К.В. Злоказов, Р.А. Кузнецов, В.С. Плетников; Уральский юрид. ин-т МВД РФ. – Екатеринбург, 2009.

9. Исхаков Э.Р., Линевич В.Л., Бикчинтаева Л.Г., Гайнуллина А.В. Психолого-педагогические и медицинские аспекты обеспечения профессиональной деятельности сотрудников ОВД [Текст]: монография / Э.Р. Исхаков, В.Л. Линевич, Л.Г. Бикчинтаева, А.В. Гайнуллина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2016.

10. Маркова А.К. Психология профессионализма [Текст]: монография / А.К. Маркова. – М.: международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.

11. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел [Текст] : методическое пособие / М.И. Марьин [и др.]; Под общ. ред. В.М. Бурыкина. – М.: ГУК МВД России, 2004.

VARIOUS KINDS OF POLICEMAN PROFESSIONAL DESTRUCTIONS

Lyalya Bikchintaeva
Ufa law institute of the Ministry of internal affairs, Ufa

Abstract. This article reveals us conceptual positions and descripts potential revelation of professional destructions, which were determined by solving law enforcement tasks. Professional destructions are presented through four-part personality structure as a subject of social relations and activity.

Key words: professional destructions, professional deformation, professional competency, subject of professional activity.

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Бондаренко Анна Сергеевна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: anika-vl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи индивидуально-типологических особенностей и ценностных ориентаций с показателями нервно-психической устойчивости в контексте формирования психологической устойчивости сотрудников полиции.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, эмоциональная устойчивость, нервно-психическая устойчивость.

В большинстве психологических исследований в качестве основного компонента психологической устойчивости личности отмечают умение сохранять оптимальное функционирование психики в изменяющихся обстоятельствах, вызывающих состояние стресса (Л.Г. Дикая, А.К. Дорожевец, Е.П. Крупник, Д.А. Леонтьев, В.С. Роттенберг, МА. Филатова) [3]. Следовательно, динамической составляющей является совокупность адаптационных процессов и согласованность основных функций личности при стабильности их выполнения (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, Г.М. Акдреева, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, Е.Е. Данилова, М.В. Ермолаева, Э.И. Киршбаум, Е.С. Мазур, В.Э. Чудновский) [6].

Различают понятия эмоциональной и нервно-психической устойчивости. Так, эмоциональная устойчивость предполагает сохранение высокой эффективности деятельности при действии факторов негативного эмоционального характера, а нервно-психическая устойчивость определяется в большей степени как способность функционировать в

критических условиях внешних и внутренних факторов и оставаться на адаптивном уровне.

Наиболее общими критериями психологической устойчивости в исследованиях этих авторов выступают: 1) субъективный жизненный мир, который выстраивается человеком в процессе его жизненного пути; 2) особенности ценностно-смысловой сферы (Л.И. Анцыферова, Б.С. Братусь, М.В. Дмитриева, Д.А. Леонтьев) [10].

Присутствие стрессогенных факторов в профессиональной деятельности сотрудников полиции неизбежно, тем не менее, навык продуктивно справляться с ними – то, что каждый человек должен развивать в течение всей жизни.

В основе психологической устойчивости личности лежит гармоническое (соразмерное) единство постоянства личности и динамичности, которые дополняют друг друга. Главной составляющей постоянства является жизненный путь личности, без него невозможно достижение целей жизни. Оно поддерживает и укрепляет самооценку, способствует принятию себя как личности и индивидуальности. Развитие личности невозможно без изменений, которые происходят в отдельных сферах личности и в личности в целом, они обусловлены как внутренней динамикой, так и средовыми воздействиями. По сути, развитие личности и представляет собой совокупность ее изменений.

Психологическую устойчивость личности можно рассматривать как сложное качество личности, синтез отдельных качеств и способностей. Насколько она выражена - зависит от множества факторов.

Главным фактором повышения психологической устойчивости является отношение человека к ним: если человек не способен изменить обстоятельства, то он в силах изменить свое отношение к ним. Еще одним не менее значимым методом является позитивный образ самого себя, то есть человек должен принимать себя таким, какой он есть и ценить положительное отношение к своей личности.

Еще одним способом повышения психологической устойчивости является систематическая разгрузка нервной системы. Если человек постоянно занят не совсем любимым делом и на него давит окружающая среда или коллеги, то это оказывает крайне отрицательное влияние на психику человека. В связи с этим он становится очень раздражительным, нервным и постоянно уставшим. В данном случае хорошей психологической разгрузкой будет полноценный. У каждого человека есть любимое занятие, то есть хобби, это так же позволяет снизить напряжение и поддержать психологическую устойчивость.

На повышение психологической устойчивости оказывают большое влияние условия, в которых живет человек. Если человек от природы обладает реактивным типом нервной деятельности, т.е. ему присущ интенсивный образ жизни, частая смена обстановки, повышенная

активность и т.п., то, скорее всего, ему будет совсем не комфортно жить в маленьком городе или сидеть на одном месте без возможности выплеснуть свою энергию. Чтобы психика человека была более устойчивой, нужно чтобы образ его жизни соответствовал его природным предрасположенностям [4].

Если рассмотреть формирование психологической устойчивости более детально, то можно выделить, что человек обращает внимание на следующие составляющие своей жизни: социальная среда и ближайшее окружение, самооценка и отношение к самому себе, самореализация и самовыражение, независимость и самодостаточность, вера и духовность, наличие позитивных эмоций, наличие смысла жизни и целеустремленность и т.д.[5]

В проведенном исследовании предполагалось, что оптимальная модель формирования психологической устойчивости сотрудников ОВД может быть выстроена с учетом взаимосвязи индивидуально-типологических особенностей и ценностных ориентаций с показателями нервно-психической устойчивости.

Для исследования были выбраны методика «Прогноз-1», индивидуально-типологический опросник и методика ЦОЛ-1.

По методике «Прогноз-1» у сотрудников полиции выявлены самые низкие показатели по шкалам аддиктивная предрасположенность (очень низкий уровень) и депрессия (очень низкий уровень), что является признаком отсутствия аддикции и депрессии. А также у сотрудников низкий уровень психотических проявлений, агрессивности и социальной желательности, что говорит об их психической сохранности и достаточно адекватном восприятии собственных потребностей, а также умеренной агрессивности. Показатели выше среднего получены по шкалам нормопринятие и волевой контроль. У сотрудников мужского пола наиболее высокие показатели нормопринятия и волевого контроля, а самые низкие показатели по шкалам аддиктивная предрасположенность и депрессия. У сотрудников женского пола наиболее высокие показатели по шкалам нормопринятие (выше среднего), социализация, нервно-психическая устойчивость, атипичность ответов, волевой контроль и социальная желательность (средний уровень). Менее всего выражены аддиктивная предрасположенность и депрессия.

Индивидуально-типологический опросник представляет собой личностную психодиагностическую методику, основанную на теории ведущих тенденций. Самый низкий показатель у сотрудников полиции получен по шкале интропунитивность. Избыточно выраженные значения в средних значениях по группе не выявлены. Зону умеренно выраженных значений, акцентуаций характера попали такие черты как интроверсия, спонтанность, экстраверсия, лидерство и конформизм, компромиссность и социальная желательность. По остальным чертам значения в пределах

нормы. При отдельном рассмотрении показателей сотрудников мужского пола в зону акцентуированных черт попали лидерство, спонтанность, экстраверсия, интроверсия, ригидность, лабильность социальная желательность и компромиссность. Интересно, что как фактор нервно-психической устойчивости, социальная желательность больше свойственна сотрудникам женского пола, а как черта характера более характерна для сотрудников мужского пола. То есть, сотрудники женского пола в больше степени проявляют социальную желательность в стрессовых ситуациях. В зону акцентуаций характера у сотрудников женского пола попали конформизм, интроверсия, компромиссность и адаптивность.

По результатам исследования с использованием методики ЦОЛ-1 низкие показатели в данной группе (ниже 5,5) выявлены в отношении потребностей в стимуляции, самостоятельности, гедонизм, традиции, а также потребностей в достижений и власти. На среднем уровне потребностей не выявлено, можно лишь говорить о преобладании таких потребностей как потребность в безопасности и конформность. А также можно отметить, что для сотрудников мужского пола больше характерны потребность в гедонизме, а для сотрудников женского пола потребность во власти.

Далее был проведен корреляционный анализ полученных данных и на основе полученных взаимосвязей сформулированы рекомендации.

Поскольку наше исследование показало значительное отличие показателей нервно-психической устойчивости у сотрудников мужского и женского пола, следует это взять во внимание при прогнозировании поведения сотрудников.

При сравнении полученных данных, видно, что для сотрудников мужского пола больше характерна агрессивность, а сотрудникам женского пола в большей степени присущи социализация, нормопринятие и социальная желательность. То есть, более терпимо настроены по отношению к социуму представители женского пола и, соответственно, особенностью их нервно-психической устойчивости будет являться восприимчивость к социальному влиянию. При формировании нервно-психической устойчивости у сотрудников женского пола необходимо особо уделить внимание обучению противостоянию влиянию и концентрации на служебных задачах.

Также, выявлено, что представители женского пола более тревожные и конформные, что ставит необходимым обучение навыкам саморегуляции и выработку профессионального мышления, профессиональной ответственности.

Стоит также взять во внимание то, что представители мужского пола больше ориентированы на гедонистические потребности, а представители женского пола показали ценность проявления власти. Соответственно, сотрудникам женского пола можно больше давать заданий, требующих

высокий контроль, а деятельность сотрудников мужского пола строго кон-контролировать.

Учитывая выявленные взаимосвязи, при формировании нервно-психической устойчивости можно рекомендовать:

1. Развивать навыки саморегуляции и управления агрессией с совокупности, поскольку при высоких проявлениях агрессии констатируются и высокие показатели депрессии.

2. Необходимо снижать чрезмерную сензитивность, используя обучение техникам рациональной регуляции, поскольку возрастание сензитивности повышает риск психотических реакций.

3. Замыкание в себе с невыраженной агрессией повышает риск ухода в аддиктивное поведение. То есть, необходимо обучать не только контролировать агрессию, но и отреагировать ее в социально-приемлемых формах (например, спорт).

4. Чем выше показатели ценности доброты и универсальности, тем ниже уровень нервно-психической устойчивости в целом. Основным направлением здесь может выступать формирование четкой профессиональной позиции и понимания профессиональной ответственности.

5. Для повышения уровня нормопринятия необходимо контролировать стремления к проявлению доброты, универсальности и потребность в стимулировании.

6. При возрастании потребности в самостоятельности, стимулировании и власти волевой сознательный контроль снижается, человек действует больше бессознательно. В качестве рекомендации можно предложить моменты разделения ответственности и полномочий в самостоятельных и властных решениях, чтобы больше контролировать сознательность, не поддаваться импульсам.

7. Склонные к конформности, следованию традициям, проявлению доброты сотрудники больше показали агрессивность. Развитие навыков гибкого поведения будет способствовать снижению агрессивности таки сотрудников. А также к депрессии больше склонны личности с потребностями в соблюдении традиций, доброте, универсальности и безопасности, которым тоже необходимо развивать гибкость поведения и повышать навыки саморегуляции, уверенность в себе.

8. Тревожность повышается при развитии таких стремлений как конформизм, доброта, универсальность, безопасность и гедонизм. Данные факторы также можно контролировать развитием профессиональной позиции.

9. Аддиктивная предрасположенность проявлена больше у лиц со стремлением к универсальности. Само стремление быть эффективными во всех сферах может быть и показателем хорошей адаптивности, но при риске аддиктивного поведения может в качестве способа достижения желаемой, но сложнодостижимой цели, выступать ПАВ или зависимые формы поведения.

Таким образом, психологическая устойчивость - совокупность определенных качеств и свойств психики, благодаря которым организм сохраняет способность к адекватной и эффективной жизнедеятельности под воздействием каких-либо неблагоприятных факторов. Степень устойчивости - величина непостоянная и зависит от множества факторов.

Библиографический список

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004.

2. Адаев А. И. Оценка и прогноз психологической готовности сотрудников ОВД к деятельности в экстремальных ситуациях. - СПб., 2004.

3. Гремлинг С., Ауэрбах С. Практикум по управлению стрессом. – СПб.: Питер, 2002.

4. Губачев Ю.М., Иовлев Б.В. Эмоциональный стресс в условиях нормы и патологии человека. – М.: изд-во «Медицина», 2001.

5. Китаева-Смык Л.А. Психология стресса. – М.: Наука, 1993

6. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психопрофилактика стрессов. – М.: изд-во Моск. Ун-та, 2004.

7. Немчин Т.А. Состояние нервно-психического напряжения. - СПб., 2004.

8. Уруймагов Р.Р. Профессионально-психологические требования к личности сотрудника органов внутренних дел/ http://www.stav-roo.ru/blog-rukovoditelya/439-rukovodstvo.html

9. http://mybiblioteka.su/tom2/5-22184.html

10. http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-07/dissertaciya-psihologo-pedagogicheskie-osnovy-i-usloviya-formirovaniya-psihologicheskoy-ustoychivosti-lichnosti#ixzz4kcwPYc94

THE FORMATION OF THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF POLICE OFFICERS AS A FACTOR IN THE PREVENTION OF PROFESSIONAL BURNOUT

Bondarenko Anna S.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Annotation. In the article the questions of the relationship of individual-typological peculiarities of value orientations and indicators of the neuro-mental stability in the context of formation of psychological stability of police officers.

Key words: psychological stability, emotional stability, mental stability.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА УРОВЕНТ ДЕВИАЦИИ МОЛОДЕЖИ (ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ)

Вакула Иван Михайлович, Загутин Дмитрий Сергеевич
(Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону)
e-mail: rostov-zd@mail.ru

Аннотация. В условиях интенсивного развития информационно-коммуникативных технологий, обращение к проблеме профилактики делинкветного поведения молодежи в социальных сетях приобретает чрезвычайно важное значение на пути профилактики и противодействия экстремизма в подростковой и молодежной средах. В данной статье исследователи поставили цель выявить и оценить с точки зрения социализации молодежи ключевые научные подходы в рассмотрении данного вопроса.

Ключевые слова: культурный обмен, социализация, девиация, делинкветное поведение, социальные сети, информационная безопасность.

Сегодня не найти более актуальной научную тему, имеющей многочисленные научные обсуждения, публикации, как та, что имеет отношение к изучению процесса культурного и информационного обмена молодежи в социальных сетях. Это обусловлено, прежде всего, глубинными преобразованиями российского общества, изменением ценностно-ориентационной системы в нем, ломкой устоявшихся социальных стереотипов и формированием новых.

Безусловно, каждая эпоха детерминирует свои типы личностей. И. Гете справедливо подметил: «…хотя мир в целом двигается вперед, молодежи приходится всякий раз начинать сначала». Рассматривая тенденции формирования современного общества, следует отметить, что современная молодежь подвержена влиянию средств массовых коммуникаций, вследствие, чего в большинстве случаев становится медиа зависимой. Медийная зависимость накладывает подчас необратимый отпечаток на ее социализацию, приводит к отрыву от настоящей реальности и закрытия от молодежи прошлого, и как следствие - формируются новые фантомы общества.

В данном контексте становятся особо актуальными вопросы, связанные с профилактикой девиантного, в том числе делинквитного, поведения молодежи в социальных сетях. В первую очередь заслуживает внимание воздействие культурного и информационного обмена в среде молодежи в социальных сетях на уровень ее девиации.

Разрушительный характер процессов культурного и информационного обмена в среде молодежи сопровождается аномийными

тенденциями, интеллектуальной и духовной деградацией молодежи; стре-стремительного снижения социального доверия, ценности жизни; роста межэтнической напряженности и агрессии.

Проблема агрессии, особенно молодежной, приобретает глобальный характер и превращается в одну из главных угроз социальной стабильности [1].

Сегодня остро стоит вопрос определения причин агрессии, для формирования профилактических, а не реактивных (типа полицейских операций) стратегий противодействия этой угрозе [9].

Социальная и политическая неудовлетворенность – на самом деле является поводами. Причины же лежат глубже и связаны они в первую очередь с противодействием экстремизма в подростковой и молодежной средах [3].

В результате культурного и информационного обмена в среде молодежи все социальные явления становятся более связанными и более зависимыми от всех его субъектов [3]. Возникает своеобразная система, в которой проблемы разных социальных групп и просто отдельных субъектов поднимаются на более высокий уровень и охватывают большие массы людей, тем самым распространяясь и оказывая как позитивное, так и негативное воздействие на различные социальные явления.

В качестве важнейших факторов культурного и информационного обмена в среде молодежи, хотелось бы выделить следующие:

- технологические факторы, связанные с бурным развитием новых технологий, новых медиа и переходом общества, и особенно молодежи, к новому технологическому укладу общественных отношений;

- информационные факторы, связанные с развитием новых медиа, компьютерных и новых информационных технологий.

Среди основных причин, актуализирующих рассматриваемую в данной статье проблему культурного и информационного обмена в среде молодежи как фактора развития делинкветности в молодежной среде, выделим следующие:

- возникновение в обществе стихийной, деструктивной для развития молодежи, опасной по своим последствиям социальной ситуации;

- появление новых требований со стороны общества к личности;

- размывание и девальвация системы традиционных ценностей, сложившегося механизма социализации поколений и, как следствие, разрыв межпокаленческих связей, нарушение преемственности между ними, усиление бездуховности, безнравственности, падение образовательного и культурного уровня молодежи.

Как можно наблюдать, в двадцать первом веке так и не разрешился спор между такими философскими школами современности как сциентизм и антисциентизм. Сегодня наше общество, как и сто лет назад, стоит перед делемой: НТР это благо или разрушение для индивида, и как следствие и

для общества в целом. Анализируя глубинные противоречия в данных ми-мировоззренческих позициях, следует отметить идеи классиков русской философии в преломлении к вопросам современности, которые звучат еще более убедительно и отвечают на многие вопросы дня сегодняшнего.

Практика использования современных технологий, новых медиа, социальных сетей, доступность информации ставит общество в вопросе развития вновь перед дилеммой, которую описал в своих работах Ф.М. Достоевский [6].

Рассматривая в своих работах проблему человека, он выделил два варианта жизненного пути, по которому может идти человек:

1. Путь человекобожества – это путь абсолютной свободы человека. Человек отвергает всякие авторитеты, в том числе Бога, считает свои возможности безграничными, а себя вправе делать все, что угодно.

2. Путь богочеловека – путь следования Богу, стремление во всех своих привычках и поступках.

Используя в повседневной жизни социальные сети, молодой человек теряет связь с реальностью, что приводит к формированию иллюзий: иллюзий всезнания, иллюзия безнаказанности, иллюзии безграничности своих возможностей и т.д. А это в свою очередь формирует крепкий фундамент в сознании подростка модели поведения в социальных сетях и в реальной жизни.

Характерными особенностями социальной сети являются:

создание личных профилей (публичных или полу-публичных), в которых зачастую требуется указать реальные персональные данные и другую информацию о себе (место учебы и работы, хобби, жизненные принципы и др.);

предоставление практически полного спектра возможностей для обмена информацией (размещение фотографий, видео-записей, размещение текстовых записей (в режиме блогов или микроблогов), организация тематических сообществ, обмен личными сообщениями и т. п.);

возможность задавать и поддерживать список других пользователей, с которыми у него имеются некоторые отношения (например, дружбы, родства, деловых и рабочих связей и т.п.) [3].

Особую значимость для нас представляют работы М. Кастельса [4], поскольку в них уделяется много внимания развитию и влиянию Интернета, в пространстве которого возникли компьютерные социальные сети.

Так современную культуру, которую впитывает в себя молодежь, М. Кастальс характеризует как "культуру реальной виртуальности", культуру, детерминированную глобальными интерактивными электронными системами коммуникации. Как он пишет, "это - система, в которой сама реальность… полностью схвачена, полностью погружена в

виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отобра- отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом". Эта среда способна "охватывать и интегрировать все формы выражения, так же как и разнообразие интересов, ценностей и воображения". Следовательно, у нее своя структура и логика.

Таким образом, можно смело говорить о социальных сетях как общественном институте, который оказывает непосредственное влияние на социализацию молодежи. Можно определить виртуальные социальные сети как набор формальных и неформальных правил, норм, установок, регулирующих различные сферы деятельности молодежи и организующих их в систему ролей и статусов.

Тем самым, многие свои потребности молодежь частично или полностью удовлетворяет через информационно-коммуникативные сети – в виртуальном мире, отрываясь от жизни реальной, настоящей.

Анализ влияния Интернета как принципиально нового средства коммуникации на человека и культуру проводился так же в работах В.П. Гончарова, Н.В. Корытникова, К.Э. Разлогова, Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна [5].

Вопрос профилактики девиантного поведения молодежи в социальных сетях необходимо рассматривать, опираясь на имеющийся научный и практический опыт в социологии, психологии, педагогики, культурологии и философии.

В социальных медиа России должна появиться молодежная политика. Здесь, специально не употребляется слово государственной молодежной политики, потому что успешная молодежная политика может быть только там, где есть интерес самой молодежи, интересы общества, интересы государства.

Во-первых, следует отметить три формы объединения молодежи. Первая - субкультура, вторая – движение, третье – организация. Каждая из названных крупнее последующей [8].

Субкультура по определению очень большая форма объединения молодежи, очень аморфная, не структурированная, и часто мало политизированная. Например, толкиенисты, это тоже субкультура, но это малая, так называемая субкультура, есть большие, гигантские, захватывающие весь мир. Классические – это хиппи, панки, скинхеды.

Далее, по размерам идут движения. Движения это уже более структурированные организации, и, как правило, они возникают под какую-то цель. Например, антивоенное движение, или движение за гражданские права, движение за равноправие чернокожих в США. Движение состоит обычно из нескольких организаций, которые находятся в каких-то сложных отношениях друг с другом. Движения включают в себя большое количество активистов, которые в организацию не входят, но

они также участвуют в них, так как связаны определенной целью, за что-то - или против чего-то - например, против прекращения войны [7].

А третье – это организации молодежные. Их достаточно много. Как во всем мире. Они делятся на различные группы. Либо они создаются властью под разные цели – например, скауты – во всем мире создаются властными структурами вполне сознательно, это такая форма занятия молодежи, подготовки в военно-спортивном духе, относительно безопасная – существующая по принципу - чтобы молодежь на улице не болталась.

Перед современной Россией возрастает роль государства, как ключевого института, обеспечивающего координацию процесса разработки публичных решений и создающего институциональные условия для реализации сетевого менеджмента в вопросе социализации молодежи в эпоху информационных технологий.

Однако еще более остро стоит проблема культурной и духовной деградации, которая самым тесным образом связана с социализацией молодежи, поскольку обеспечение последней невозможно в условиях, когда молодежь предоставлена сама себе и не только в виртуальном социальном пространстве.

Эффективное решение проблемы повышения культурной и информационной защищенности российской молодежи видится в преодолении тенденций глобальной аномии, социальной неопределенности и деконсолидации российского общества [13]. Необходимо акцентировать внимание на разработку мер в области формирования жизнеспособного, социально активного молодого поколения со здоровым правосознанием в процессе освоения им социокультурных норм в обществе.

Библиографический список

1. Самыгин С.И., Загутин Д.С. Психология развития, возрастная психология Изд.: Феникс. Ростов-на-Дону. – 2014г. – с.248.

2. Загутин Д.С., Степанова А.А. Влияние социальных сетей на социализацию молодежи: интенсивность, уровни, последствия. Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2015. № 1 (39). С. 111-116.

3. Загутин Д.С., Ивченко М.В. Профилактика молодежного экстремизма и агрессии в социальных сетях на примере молодежной политики в ростовской области. Вестник непрерывного образования. 2015. № 2. С. 82-89.

4. RUSSIA IN SEARCH OF NATIONAL INTEGRATION MODEL Lubsky A.V., Lurje A.G., Popov A.V., Serikova I.B., Zagutin D.S. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4. С. 209-214

5. Загутин Д.С., Горбаткова Н.В., Исаханян А.В. Роль материальных и духовных ценностей в формировании творческих качеств молодежи (применительно к работе с молодежными организациями и объединениями). Вестник непрерывного образования. 2016. № 1. С. 66-73.

6. Загутин Д.С. Практический опыт реализации процесса интеграции дополнительного образования и вуза. Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1. С. 36а-38.

7. Лубский А.В., Лубский Р.А. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4. С. 27–37.

8. Лубский А.В. Российская социология на рубеже веков: состояние и тенденции развития // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 59–75.

9. Сухорукова Л.М. Организационное сопровождение управленческой магистратуры в педагогическом образовании. // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ЮФУ, № 5(37)2014.

10. Фокин Н.И. Основные тенденции развития образования как фактора национальной безопасности. // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – Ростов н/Д: ИПО ЮФУ, № 5(37)2014.

11. Фокин Н.И. Актуальные проблемы формирования образовательной стратегии как ключевого фактора обеспечения национальной безопасности России // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2014. – № 4 (36);

12. Загутин Д.С. Особенности учебно-воспитательной работы, направленной на развитие культуры творческой деятельности студентов, в технических ССУЗах Среднее профессиональное образование. 2007. № 11. С. 17-18.

13. Гафиатулина Н.Х., Загутин Д.С., Самыгин С.И. Глобализация как фактор разрушения социального здоровья российской молодежи А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2017. № 1. С. 4

IMPACT OF CULTURAL AND INFORMATION EXCHANGE IN SOCIAL NETWORKS ON THE LEVEL OF YOUTH DEVELOPMENT (INFORMATION SAFETY OF YOUTH)

Vakula Ivan Mikhailovich, Zagutin Dmitry Sergeevich
Rostov law Institute of MIA of Russia, Rostov-na-Donu

Abstract. In the context of the intensive development of information and communication technologies, the appeal to the problem of preventing delinquent behavior of young people in social networks becomes extremely important in the way of preventing and countering extremism in adolescent and youth environments. In this article, the researchers set out to identify and evaluate

from the point of view of the socialization of young people the key scientific ap-approaches to the consideration of this issue.

Key words: cultural exchange, socialization, deviation, delinquent behavior, social networks, information security.

ПРОФИЛАКТИКА СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕРСОНАЛА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Верстова Марина Викторовна
(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
Верстов Вадим Викторович
(Юридическое агентство «Гардарика», г. Краснодар)
e-mail: vadimarin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена психологическим особенностям синдрома эмоционального выгорания у персонала исправительных учреждении. Рассмотрены психологические аспекты работы с данной категорией.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания.

Реформирование пенитенциарной системы сопряжено с решением широкого круга психологических проблем по укреплению дисциплины сотрудников, обеспечению их личной безопасности, созданию благоприятного морально-психологического климата в служебных коллективах. Одними из приоритетных направлении работы пенитенциарных психологов являются своевременная профилактика различных форм отклоняющегося и деструктивного поведения, предупреждение чрезвычайных происшествий а также повышение психологической подготовленности персонала исправительных учреждении) [5, 6].

Среди приоритетных направлений важнейшим является организация пенитенциарной социально-психологической службы. Деятельность пенитенциарных служб отличается необходимостью вступать во взаимодействие с правонарушителями. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня нравственной и психологической устойчивости часто наблюдается развитие синдрома эмоционального выгорания. При этом синдром негативно влияет на деловое общение работника и эффективность его служебной деятельности.

Результаты исследований последних лет, проведенных разными авторам широко представили многогранность внедрения социальной работы и проблемы развития синдрома выгорания как одного из направлений профилактики. Это теоретические и практические

исследования феномена эмоционального выгорания (Г.Фрейденбргер, К. Маслач, В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, Р.М. Грановская) и работы, содержащие теоретико-методологической основы пенитенциарной социальной работы (А.Я. Гришко, Е.И. Холостова, В.И. Курбатов, О.В. Соколова) [1, 2, 3, 6].

По-прежнему остро стоит проблема теории и практики противодействия развитию дестабилизирующего феномена. В данной работе внимание акцентируется на практическом аспекте проблемы.

Целью работы послужило выявление эффективных методов работы с сотрудниками с позиции профилактики синдрома эмоционального выгорания у пенитенциарных служащих.

Предметом явилось исследование профилактики синдрома эмоционального выгорания у персонала исправительных учреждений.

Пенитенциарная социально-психологическая работа специфична по субъектам деятельности. В какой – то степени наряду с другими функциями большинство сотрудников исправительного учреждения (начальники отрядов, воспитательный аппарат, психологи, врачи, инспектора по трудовому и бытовому устройству осужденных, а также руководители исправительных учреждений) занимаются социальной работой с осужденными.

Будучи включенной в государственную систему социального обеспечения в качестве ее составной части, социально-психологическая работа с персонала исправительных учреждений придает ей целостность, завершенность, а также качественно совершенствует структуру.

Социально-психологическая работа с личным составом представляет собой комплексную деятельность по оказанию социальной помощи и поддержки, осуществлению социальной защиты сотрудников. В работе изучены социальные гарантии, представляемые государством: работа проводится с нуждающимися в материальной, морально-психологической, юридической или иной социальной помощи.

В ходе исследования мы выявили различия между сотрудниками исправительных учреждений с низким и высоким уровнем выгорания по методике В.В. Бойко «Диагностика эмоционального выгорания». Подробно охарактеризовали усредненные личностные профили сотрудников с разной степенью выраженности синдром выгорания [1].

В исследовании выступили в роли респондентов 81 сотрудник ИУ, из них 59 мужчин и 22 женщины. Соотношение различимого числа исследуемых по половому признаку, объясняется спецификой служебной деятельности.

Возраст испытуемых от 21 до 49 лет, средний возраст 34 года. В свою очередь, среднее значение вызвано низким пенсионным возрастом.

Стаж работы до 5 лет включительно имеют - 25 человек.

Исходя из анкетных данных, мы определили две группы, где равное количество сотрудников распределяется между стажем от 6 до 10 лет и больше 11 лет - по 28 человек в группах. В группе сотрудников синдром эмоционального выгорания не сформировался у 49% респондентов (40 человек). У 30% синдром эмоционального выгорания сформировался (24 человек). В стадии формирования у 21% (17 человек) сотрудников.

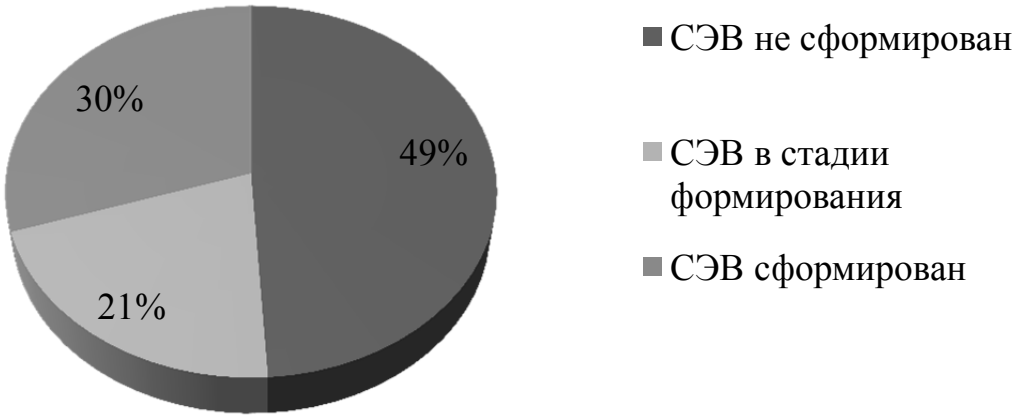

Рис.1. Показатели сформированности эмоционального выгорания (n – 81)

Таким образом, в результате проведенной методики, 38% респондентов продемонстрировали уже достаточно высокий уровень эмоционального выгорания (выше 100 баллов); 29 % респондентов - средний уровень выгорания (выше 80 баллов); 33 % - относительно небольшой уровень эмоционального выгорания до 79 баллов.

Среднее значение суммарного балла эмоционального выгорания по В.В. Бойко у персонала исправительных учреждений составило 99,1 балла, стандартное отклонение для данной выборки составило 35,1 балла.

Распределение суммарного балла эмоционального выгорания достаточно равномерно, что позволило выделить группу с «высоким уровнем эмоционального выгорания» для данной выборки (более 100 баллов), которая составила 38% (31 человек) и группу с «низким уровнем эмоционального выгорания» (менее 79 баллов), которая составила 33 % (27 человек) сотрудников.

Группа «среднего уровня профессионального выгорания» составила 29% (23 человека).

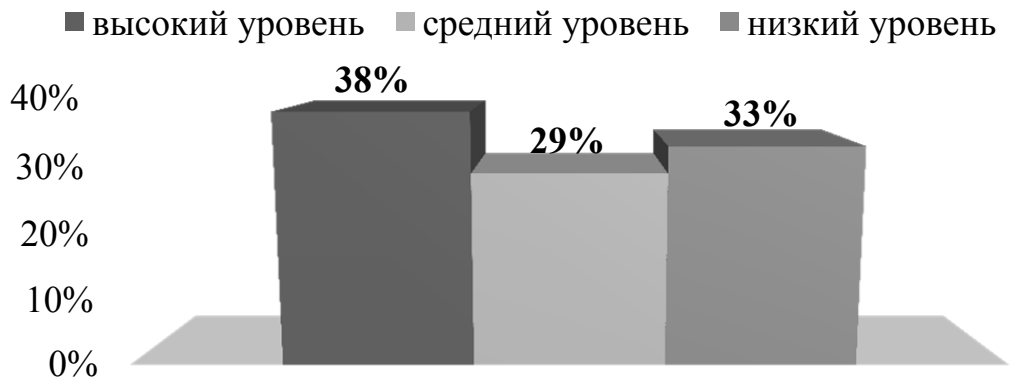

Рис. 2. Уровни «профессионального выгорания» сотрудников (n-81), %

Проведенное исследование позволило определить, что одна из трех фаз «выгорания» у подавляющего большинства обучающихся находятся в стадии формирования.

У сотрудников развивается процесс эмоционального выгорания. Сравнение различных фаз эмоционального выгорания указывает на то, что интенсивнее всего формируется фаза «Резистенция» (42%), которая энергетически и эмоционально является наиболее затратной. Данный факт может говорить о том, что, при проведении своевременной профилактической работы большее количество сотрудников может справиться с негативными проявлениями синдрома профессиональное выгорания.

Тем не менее, анализируя данные, не могли не обратить внимание на складывающуюся фазу «Истощения» у 23% обследованных. В этом случае дальнейшая мобилизация резервов психологической защиты индивида становится невозможной. Поэтому физиологические и психологические симптомы этой фазы – фактически крик о помощи. При продолжающемся развитии этой фазы наступает тяжелое заболевание.

С целью выявления личностных факторов, влияющих на возникновение выгорания, необходимо сравнить личностные качества присущие профессионалам обеим группам. Для диагностики этих качеств был использован многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла.

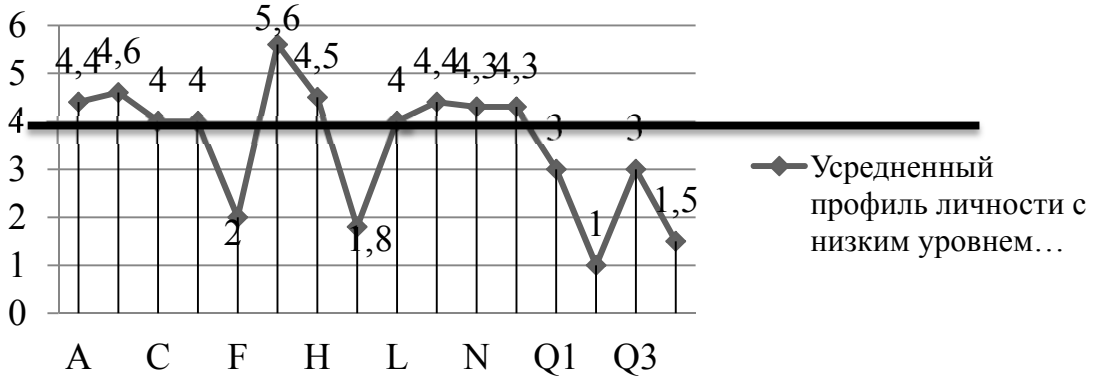

Рис. 3. Усредненный профиль личности с низким уровнем выгорания

Как следует из анализа рисунка 3, усредненные показатели испытуемых расположены в пределах «статистической нормы» (с 4 до 7 баллов) по факторам методики: «F» – озабоченность–экспрессивность, «I» – жесткость – мягкосердечность, «Q1» – консерватизм–радикализм, Q2 – конформизм (зависимость от группы) – нонкомформизм (самостоятельность), Q3 – низкий – высокий самоконтроль, Q4 – расслабленность – напряженность:

В ходе исследования нами также был проведен сравнительный анализ между средними величинами личностных характеристик сотрудников двух групп: с низким уровнем выгорания и с высоким уровнем.

У сотрудников с высоким уровнем выгорания шкалы, отвечающие за консерватизм–радикализм, конформизм – нонкомформизм, низкий–высокий самоконтроль, расслабленность – напряженность и имеют наивысшее среднее значение, по сравнению с остальными. Преобладание этих личностных факторов у группы с высоким уровнем профессионального выгорания характерно для людей самодостаточных, озабоченных планированием и умеющих гибко подчинять себя правилам и решать нестандартные профессиональные проблемы [4]. Исходя из разницы показателей на рисунке 5 значение фактора «F» определяет профессионалов с позитивным отношением к жизни.

У рассматриваемой группы шкалы, средние показатели которых выше, чем у группы с низким уровнем выгорания, являются факторы «A», «E», «H», «I» и «O».

Дополняя характеристику специалистов с высоким уровнем выгорания, мы отмечаем показатель «A», описывающий сотрудников как людей, которых привлекает труд в обществе других людей, и в тоже время готовых полагаться на самих себя.

Значимые характеристики: умение найти выход, открытость, склонность к лидерству, способность выдерживать большие эмоциональные нагрузки и противостоять усталости при работе с людьми. Но пограничное значение дает основание полагать, что проявление подобных черт может быть не стабильным. Работа с осужденными отличается напряженностью, повышенной ответственностью и сверхнормативностью. Поэтому мы наблюдаем повышающееся значение тревожности («O») у группы с высоким уровнем выгорания, которое может оказывать негативное влияние на активность и результат трудовой деятельности специалистов ИУ. Выделим, что следует совершенствовать потенциал кадров за счет профилактических работ, противодействующих распространению профессиональному истощению.

Методом анкетирования мы получили от испытуемых данные о возрасте, стаже, название отдела, в котором работает каждый из опрашиваемых.

Мы рассмотрели количественные показатели синдрома профессионального выгорания. Проанализируем возможную зависимость выгорания от стажа работы.

На рисунке показано соотношение выгорания в группах со стажем работы менее 5-ти лет, между 6 и 10 лет и стажем больше 11 лет. Как видно в группе сотрудников, стаж которых составляет 5 лет и менее, выгорание сформировалось у 43%. У 56% респондентов этой группы синдром не выявлен.

В группе со стажем от 6 до 10 лет выгорание сформировано у 21% респондентов. Это ниже, чем в первой группе. Отсутствует синдром выгорания у 16% исследуемых. В стадии формирования у 25%.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в группе сотрудников со стажем больше 11 лет синдром сформировался у 36%. Сотрудники, у которых отсутствует выгорание, в этой группе опрошенных 28%. Как и в предыдущей группе в стадии формирования 25% респондентов.

Таким образом: Проведенное исследование позволило определить, что одна из трех фаз «выгорания» у подавляющего большинства обучающихся находятся в стадии формирования. У персонала исправительных учреждений развивается процесс эмоционального выгорания. Сравнение различных фаз эмоционального выгорания указывает на то, что интенсивнее всего формируется фаза «Резистенция». Выявленный спад сформированности фазе «Истощение» позволил предположить, что сотрудники сопротивляются симптомам эмоционального выгорания.

Результаты исследования частично подтвердили первоначальную гипотезу, синдром эмоционального выгорания развивается в процессе профессиональной деятельности и у молодых специалистов, и у сотрудников с опытом более 11 лет равносильно.

Также было определено, что содержание явления «эмоционального выгорания» у пенитенциарных служащих обусловлено рядом внешних (связанных с условиями деятельности) и внутренних (связанных с особенностями личности сотрудника) факторов.

Основываясь на полученные данные методикой Р.Кеттелла «16-ти факторный личностный опросник», в нашей работе описаны усредненные личностные портреты персонала исправительных учреждений с разной степенью выраженности синдрома выгорания. Сравнивая обновленные характеристики, мы разработали психограмму специалиста, который готов сопротивляться дестабилизирующему феномену. Таким образом, результаты рекомендованы в практику пенитенциарной социальной работы по снижению выраженности синдрома эмоционального выгорания, его симптомов и факторов возникновения.

Библиографический список

1. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – Санкт - Петербург: Питер, 1999. – 105 с.

2. Верстова М.В., Стеблий Е.Р. Взаимосвязь показателей самоотношения и индивидуально-типологических особенностей личности. // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Управление: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 8-9 апреля 2016 г.)/ под ред. А.В. Егупова. в 2 т. - Том 2, г. Краснодар, ИПЦ КубГУ, Россия, 2016, С.210-213

3. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 336 с.

4. Выбойщик, И.В. Личностный многофакторный опросник Р. Кэттелла / И.В. Выбойщик, З.А. Шакурова – Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2007. – 54 с.

5. Выгорание персонала. [Электронный ресурс]. – Электрон.дан. – Режим доступа: http://www.readcube.com/articles/10.1111/j.1540 (дата обращения 25.09.2017).

6. Прокопьев В.В. Актуальные вопросы профилактики синдрома «выгорания» сотрудников УИС. Вестник Владимирского юридического института. 2007. №2. С. 85-92.

PREVENTION OF THE SYNDROME OF EMOTIONAL BURNOUT OF CORRECTIONAL FACILITY PERSONNEL

Verstova Marina V.
Kuban State University, Krasnodar
Verstov Vadim V
Juridical agency "Gardarika", Krasnodar

Abstract. The article is devoted to the psychological peculiarities of the syndrome of emotional burnout in the personnel of correctional institutions. The psychological aspects of working with this category are considered.

Keywords: emotional burnout syndrome.

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРОБЛМЫ «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧСКОГО ИСЛЛЕДОВАНИЯ[1]

Войнова Елена Александровна, Сумова Юлия Владимировна
(Кубанский государственный университет г. Краснодар)
e-mail: alena.voynowa@yandex.ru, sumova1@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования направленного на выявление интересов, проблем и особенностей образа жизни трудных подростков. Интересы в значительной степени определяют выбор образа жизни, а проблемы становятся причинами протестных настроений, экстремизма и радикализма. Полученная информация представляет интерес для экспертов, которые занимаются организацией профилактических мероприятий с молодежью.

Ключевые слова: молодежь, трудные подростки, интересы молодежи, образ жизни, недовольство, проблемы молодежи, протестный потенциал, экстремизм.

Успешная социализация, наличие четких жизненных целей и ценностно-нормативных установок, продуктивная деятельность и насыщенный образ жизни существенно снижают риски экстремизации сознания молодежи. Создать условия для успешной социализации подростков и молодых людей – первостепенная задача экспертов, работающих с молодежью. Особенно актуальной эта задача становится в настоящее время, когда социально–экономическая нестабильность, внешнеполитические угрозы и ряд других факторов привели к увеличению протестных настроений. Поэтому в ходе проведения социологического исследования направленного на выявление рисков экстремизаци молодежи мы включили в него блок вопросов на тему интересов, времяпровождения и жизненных проблем. Это позволило нам определить жизненные проблемы, ценности и цели молодых людей, которые непосредственно влияют на их мировосприятие и поведение.

Выборка респондентов, опрошенных посредством анкетирования составила 1970 человек в возрасте от 12 до 35 лет. Кроме того, респонденты были разделены на четыре группы: активисты, учащиеся казачьих классов, состоящие на учете в отделе по делам несовершеннолетних (ПДН) и студенты СУзов и ВУЗов. Такое разделение позволило нам получить обобщенную информацию и провести сравнительный анализ по группам. Сфера интересов и увлечений в значительной степени определяет образ жизни и поведенческие стратегии

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика».

молодежи, поэтому первый вопрос нашей анкеты, который был задан трем группам респондентов, касался их интересов. Результаты иллюстрирует таблица № 1.

Здесь мы видим, что во всех группах в качестве самых приоритетных интересов респонденты отметили *фильмы* - 54,9%, *музыку* – 55,4 и *будущую карьеру* – 40, 8%. Эти показатели остаются стабильными на протяжении многих лет и во - первых, свидетельствуют о значительном влиянии СМИ, продвигающих ценности массовой культуры на сознание молодежи, а во-вторых, о наличии естественного в этом еще не обремененном обязательствами возрасте инфантилизме и стремление к развлекательной форме времяпровождения. Следующая группа интересов, которая незначительно уступает предыдущей по процентному соотношению – *спорт чы*- 37, 3% и *вопросы о смысле жизни* – 31, 7%. Примечательно, что в «неблагополучной» группе состоящих на учете интерес к спорту так же высок, как и у остальных групп, чего не скажешь о поиске смысла жизни. Интерес к нему проявляют только 14 % подучетных респондентов, тогда как в группе учащихся казачьих классов этот показатель выше в два раза, а у активистов он превышает 50 %. Скорее всего, именно отсутствие жизненных смыслов и конкретных целей становится причиной ценностной «дезориентации» молодых людей, появлению поведенческих отклонений и последующей постановке на учет. Следовательно, в качестве ресурсов социализации трудных подростков можно использовать вовлечение в спортивную деятельность и проведение мероприятий направленных на выработку четкой жизненной стратегии, определении смысла жизни.

Настораживают и другие показатели таблицы. Значительный интерес к *моде* (от 26% до 40% по группам), стилю и качеству одежды еще один показатель приверженности молодежи к потребительской культуре. Он выше всего в группе активистов, которые стремятся не только «правильно поступать», но и прилично выглядеть. В этом не было бы ничего плохого, если бы повышенное внимание к моде, всячески пропагандируемое СМИ, не принимало, порой, извращенных, угрожающих форм. Примером такой трансформации может служить молодежное движение так называемых «кэжуалов» «Предъяви за шмот!», которое выделившись из единичных околофутбольных субкультур в начале 90-х и сейчас приобретает массовый характер. За несколько лет мониторинговых исследований в этом году впервые подростки в процессе фокус – групп называли данную проблему одной из актуальных и распространенных. Ведь если в 90- е «за шмот» предъявляли только неонацисты из околофутбольных субкультур и в основном только «своим» же болельщикам и соратникам по движению, то сейчас это обычные сообщества хулиганов, не имеющих отношения к околофутболу и желающих «спросить» за стиль и качество одежды одноклассников, однокурсников и даже незнакомых прохожих. Помимо моды молодежь активно интересуется *новостями интернета* (19-33%), *событиями*

в соцсетях (от 26 до 40%). Тенденция роста потребления информации в Сети началась еще в прошлом году. Вероятно, она возникла на фоне известных внешнеполитических событий (Украина, Сирия, террористические угрозы, санкции) и постепенной утраты доверия респондентов к федеральным СМИ. Большинство респондентов продолжают получать информацию, используя телевидение, однако проверять и обсуждать ее предпочитают в Сети. Возможность изучить сразу несколько источников информации, обсудить их в тематической группе, сопоставить факты и прийти к самостоятельным выводам, потратив минимум времени – все это привлекает посетителей в сеть. Таким образом, Интернет – пространство значительно влияет на сознание всех групп респондентов.

В числе относительно востребованных интересов (боле 20%) – *компьютерные игры, учеба, новые книги, экзотические страны, новости политики и культуры*. Примечательно, что среди активистов, политике и учебе уделяют внимание в два раза больше респондентов, чем среди казаков и состоящих на учете. С другой стороны, если принять во внимание, что активисты – это волонтеры, а так же члены тех или иных общественных организаций их интерес к политическим событиям не вызывает удивления. Что касается учебы, всего 20% в группах казаков и состоящих на учете наводит на определенные опасения, поскольку нехватка образованности часто становится причиной отклоняющегося поведения и вовлечения в различные организации экстремистского толка, отсутствия способности логично и критично оценивать ситуацию.

Реже всего, респонденты интересуются живописью и *компьютерными технологиями*.

Теперь обратим внимание на способы времяпровождения наших респондентов, представленные в Таблице 3. Здесь мы можем увидеть и общие для всех предпочтения и значительные различия по группам. Например, все опрошенные любят *слушать музыку* (от 31,7 до 38,0 %) и проводить свободное *время в компании друзей* (от 23, 2 до 26,5%). Кроме этого, активисты часто *читают книги* (31,3%) и *занимаются творчеством* (32,6%); состоящие на учете *смотрят телевизор или видео* (29,5%); казаки – так же как и первая группа *вовлечены в творческую деятельность* (27,6%). По сравнению с другими группами у состоящих на учете не хватает продуктивных способов времяпровождения, они больше фокусируются на развлечениях, намного реже *читают*(18,0%) и *занимаются творчеством* (11,0%). Именно в этой группе предельно низок процент тех, кто посвящает свободное время *подработке* (5,0%); социально значимым практикам, таким как, *участие в общественном движении* (2,2%); заботе о близких (11,2%) или своем питомце (10,0%). Зато четверть «неблагополучных» респондентов, *проводит время в спортзале* (23,4), как и все остальные участники опроса (от 22,7 до 27, 9%).

Значительным разнообразием отличается свободное времяпровождение казаков, которые помимо прослушивания музыки и творческой деятельности, активно *готовятся к занятиям* (25,7%), *читают книги* (25,7), *присматривают за братом* или сестрой (26*%), домашними питомцами* (22,9%). Среди них, как и ожидалось, высок (по сравнению с другими) процент респондентов, *посещающих церковь* (12,9%) и *занятых подработкой* (20,4%). Отчасти, времяпровождение активистов тоже можно назвать «развлекательным», поскольку чтение, прослушивание музыки и творчество – скорее можно отнести к сфере увлечений, чем работы, однако они отличаются от увлечений подучетной молодежи своей продуктивностью и развивающим потенциалом.

Таблица. *Как Вы обычно (т.е. чаще всего) проводите свободное время?*

	ПДН		Активисты		Казаки		Всего	
Варианты ответов	**Кол-во**	%	**Кол-во**	%	**Кол-во**	%	**Кол-во**	%
Читаю книги	90	18,0	218	31,3	82	25,7	390	25,0
Занимаюсь творчеством	55	11,0	227	32,6	88	27,6	370	23,7
Смотрю телевизор или видео	147	29,5	187	26,8	75	23,5	409	26,6
Хожу на дискотеки, в клубы, бары	33	6,6	68	9,8	80	25,1	181	13,8
Слушаю музыку (дома)	182	36,5	265	38,0	101	31,7	548	35,4
Готовлюсь к занятиям (делаю уроки)	102	20,4	137	19,7	82	25,7	321	21,9
Ничего не делаю, скучаю, лежу на диване	39	7,8	66	9,5	72	22,6	177	13,3
Присматриваю за братом/сестрой (или другим родственником)	56	11,2	50	7,2	83	26,0	189	14,8
Ухаживаю за домашними питомцами	50	10,0	50	7,2	73	22,9	173	13,3
В церкви (мечети, собрании верующих)	10	2,0	19	2,7	41	12,9	70	5,8
Участвую в деятельности движения	11	2,2	79	11,3	24	7,5	114	7
Занимаюсь своим хобби, увлечением	39	7,8	110	15,8	21	6,6	170	10,0
«Путешествую» по сайтам Интернета	60	12,0	97	13,9	88	27,6	245	17,8
«Сижу» в социальных сетях	116	23,2	172	24,7	88	27,6	376	25,1
В компании друзей	132	26,5	175	25,1	74	23,2	381	24,9
Занимаюсь спортом	117	23,4	158	22,7	89	27,9	364	24,6

Играю на компьютере	91	18,2	61	8,8	66	20,7	218	15,9
Общаюсь с друзьями по телефону	54	10,8	35	5,0	66	20,7	155	12,1
Со своей девушкой, парнем	38	7,6	92	13,2	63	19,7	193	13,5
Подрабатываю	26	5,2	41	5,9	65	20,4	132	10,5
Общаюсь с семьей, родственниками	49	9,8	107	15,4	65	20,4	221	15,2
В библиотеке	7	1,4	9	1,3	50	15,7	66	6,1
В Интернет-библиотеке	12	2,4	9	1,3	29	9,1	50	4,2
Другое	9	1,8	19	2,7	0	0	28	2,25
Итого*:	**1525**	**305,6**	**2451**	**351,6**	**1565**	**490,6**	**5541**	**382,6**

Еще одним популярным у всех респондентов способом времяпровождения является *общение в соцсетях* (от 23,2 до 27,6%). *Просматривать сайты* и искать в сети необходимую информацию, в основном, настроены казаки (27,6%), тогда как активисты и состоящие на учете *путешествуют по Интернету* в два раза реже (соответственно, 13,9 и 12,0%). Популярность социальных сетей согласуется с результатами предыдущих вопросов (в той части, где они касаются Сети) и доказывает значительное влияние Интернета на социализацию и поведение молодых людей. Соответственно, сеть становится самым первостепенным источником рисков вовлечения молодых людей в запрещенные сообщества и группы, пропагандирующие преступность, насилие и экстремизм. Но, в то же время, она может стать и позитивным ресурсом социализации, если использовать ее возможности для осуществления определенной информационной политики.

В целом можно сделать несколько общих выводов. Молодежь не утратила интереса к чтению, который мы впервые зафиксировали в прошлом году. Очевидно, что предпочтение отдается личным книгам и электронным устройствам для их использования, поскольку процент посещения библиотек и Интернет-библиотек – очень низок, в большинстве групп он не превышает 2%. Респонденты, как и прежде, тянутся к развлечениям и ценят круг друзей, но характер развлечений и уровень их «полезности» варьируется в зависимости от группы. Молодых людей, кроме тех, которые состоят на учете, можно назвать амбициозными и целеустремленными. Они много времени отводят творчеству и собственному развитию (спорту и чтению). Однако, молодые люди испытывают дефицит реального общения. Даже «времяпровождение с друзьями» вошло в тройку основных видов досуга только у состоящих на учете. Что касается общения с родителями, родственниками и представителями противоположного пола, – его показатели остаются низкими во всех группах и только у казаков достигают 19-20%. Таким образом, сфера общения перемещается в Интернет

- пространство, что негативно влияет на развитие и психологическое состояние молодежи, поскольку нехватка межличностного взаимодействия не может компенсироваться виртуальным.

Респондентам предлагалось дополнить вопросы об участии в общественных движениях и о своих хобби (увлечениях) конкретизацией в форме свободного ответа. В структуре свободных ответов выделяется несколько основных направлений как в движениях и сообществах, так и в увлечениях молодежи. Значительное число казаков и активистов – участники локальных волонтерских сообществ, действующих при школах и университетах, а иногда и по всему краю (Эковахта, Волонтерский Центр КУБ ГУ). Меньшее количество респондентов состоят в студенческих, молодежных и общественных советах. И только единицы сообщили, что участвуют в политических партиях и объединениях с определенными политическими стратегиями (КПРФ, МолПарт, Эковахта). Примечательно, что из 320 учащихся казачьих классов только 10 человек указали казачество в качестве движения. Из 500 опрошенных пдучетных только один участвует в движении «За здоровый образ жизни».

Следующий блок вопросов задавался респондентам с целью выявить их главные жизненные проблемы. Наличие серьезных проблем, часто становятся причиной депрессии, агрессии, отклоняющегося поведения, экстремизации сознания и вовлечения в различные виды противоправной деятельности. Кроме того проблемы – основной повод для протестных акций, число которых существенно возросло именно в 2017 году. Данный вопрос был задан трем группам респондентов (казаки, активисты, состоящие на учете). Сводная таблица с ответами представлена ниже, остальные иллюстрирующие ситуацию по группам вынесены в Приложение 3.

Таблица. Бывают ли у Вас в жизни трудные ситуации, представляющие лично для Вас серьезную проблему, с которой тяжело справиться? (сводная, входят все три группы).

Варианты ответов (ситуация)	**Кол-во (%)**					
	Почти всегда	Иногда, время от времени	Очень редко	Никогда	Пропущенные	Всего
Отсутствие близкого человека, среди взрослых, одиночество	6,1	16,0	27,3	50,1	0,5	100,0
Недостаток любви, заботы со стороны взрослых	2,4	11,2	26,8	59,2	0,4	100,0
Жестокость, унижение, побои со стороны родителей, родственников	1,5	5,0	15,2	77,9	0,4	100,0

Унижения, угрозы, поступающие от других посредством сети Интернет	1,8	6,3	15,7	75,7	0,5	100,0
Отсутствие денег	6,3	20,1	31,7	41,3	0,6	100,0
Недостаток еды, голод	1,7	7,7	18,0	72,1	0,5	100,0
Отсутствие нормальной (обычной) одежды	1,7	9,2	21,0	67,8	0,3	100,0
Отсутствие взаимопонимания, конфликты с родителями	2,8	14,6	30,9	48,9	0,3	100,0
Отсутствие модной (престижной) одежды	4,1	14,8	29,4	51,4	0,3	100,0
Скука, отсутствие интересных занятий	4,8	16,9	32,1	45,9	0,3	100,0
Недостаток развлечений	4,6	19,4	30,8	45,0	0,5	100,0
Несчастная любовь	3,1	11,0	25,3	60,3	0,3	100,0
Конфликты со сверстниками, неуважение с их стороны	1,7	11,7	30,5	55,9	0,2	100,0
Отсутствие близкого друга	4,1	14,2	25,3	56,2	0,2	100,0
Проблемы с учебой	3,3	18,6	32,2	45,6	0,3	100,0
Отсутствие девушки (парня)	6,9	13,8	23,0	56,0	0,3	100,0
Невозможность избавиться от вредных привычек (курение, алкоголь и т.п.)	4,5	10,4	18,9	66,0	0,2	100,0
Я не знаю, зачем и для чего жить	2,0	11,2	18,8	67,8	0,2	100,0
Проблемы со здоровьем	2,3	16,7	29,8	50,9	0,3	100,0
Другое	0,4	14,4	2,6	15,8	66,8	100,0

В группе активистов самой актуальной проблемой является *нехватка денег* (стабильно ее испытывают 8,3%, время от времени 27,6%, редко 30,4%). Следовательно, 2/3 респондентов сталкиваются с данной проблемой. На втором месте *отсутствие близкого человека среди взрослых, одиночество* (постоянно 7,6%, время от времени 21,7% и редко 25,1%). Таким образом, более 50% опрошенных испытывают дискомфорт от нехватки теплых доверительных отношений со взрослыми. Это очень тревожные показатели, которые свидетельствуют о глобальном комплексе проблем внутреннего одиночества молодежи, который возникает когда не складываются отношения со взрослыми, появляется дефицит авторитетных людей и советчиков, отсутствует доверие к друзьям. Наличие данного комплекса подтверждается и другими показателями: 43,7% активистов заявляют о *недостатке любви и заботы со стороны взрослых*, 49,1% *сетуют на конфликты с родителями*, 44,3 *обеспокоенны отсутствием близкого друга*. Кроме того, активисты часто жалуются на *проблемы со здоровьем* (55,9%) и *учебой* (48,3%), *нехватку модной престижной одежды* (48,7%).

Жизненные проблемы в группе казаков встречаются гораздо чаще и отличаются разнообразием. Тревожным показателем, является тот факт, что практически по всем перечисленным в таблице проблемам от 30 до

60% казаков давали положительный ответ. На первом плане у молодых людей – *недостаток развлечений* (59,4%), *скука, отсутствие интересных занятий* (55,4%), *нехватка денег* (53,1%), *проблемы с учебой* (54,7%). Немного реже респонденты сталкиваются *с одиночеством, отсутствием близкого человека среди взрослых* (46,9%), *проблемами со здоровьем* (52,8%). В то же время от 40 до 50% опрошенных обозначили такие проблемы, как *конфликты с родителями и со сверстниками*, *отсутствие девушки или парня, отсутствие смысла жизни, недостаток модной престижной одежды*. Серьезное беспокойство вызывает и тот факт, что около 1\3 респондентов указали нетипичные и очень серьезные проблемы: *жестокость, унижения и побои со стороны взрослых* (30,1%), *угрозы и попытки унизить, поступающие через Интернет* (32,2), *зависимость от вредных привычек* (44,1).

Что касается состоящих на учете, у них в числе самых актуальных жизненных неурядиц оказались *проблемы с учебой* (60,0%), *отсутствие денег* (56,2%), *конфликты с родителями* (53,8%) и *недостаток развлечений* (51,2%). На втором плане у данной группы респондентов комплекс одиночества - 47,9% опрошенных указали на *отсутствие близкого человека* среди взрослых, еще 41,4% заявили о *нехватке любви и заботы со стороны взрослых*, у 41, 2% *нет близких друзей*. Кроме того, почти ½ респондентов не могут обрести смысл жизни и найти свою вторую половину. Примечательно, что состоящие на учете реже других респондентов жалуются на проблемы со здоровьем и вредные привычки. Скорее всего, о последних им просто не хочется говорить.

В сводной таблице, обобщающей данные по всей выборке можно выделить несколько главных сложных жизненных обстоятельств, которые включают в себя несколько проблем и сильно влияют на развитие и социализацию молодежи:

1) **ухудшение материального состояния респондентов.** *Отсутствие денег* (58,7%) указано в числе первостепенных проблем по всем группам. Как следствие этой появляются и другие проблемы: *недостаток модной брендовой (*41,4%) а иногда и *обычной* (32,2%) *одежды*, в редких случаях *нехватка еды, голод* (27,9%);

2) **комплекс подросткового и юношеского одиночества**, который включает в себя *отсутствие близких и авторитетных взрослых* (49,9%); *недостаток любви и заботы с их стороны* (40,8%); *отсутствие взаимопонимания с родителями* (51,1%); конфликты *со сверстниками*(44,1); *отсутствие близких друзей* (43,8%), *девушки или парня* (44%). Одиночество – серьезная проблема современности, охватывающая и «трудную» и «благополучную» молодежь. К ней располагает множество факторов – переход общения из реального взаимодействия в виртуальное пространство Интернета, стремление к излишествам, навязываемые ценностями культуры потребления и как следствие жизнь в бешеной гонке за достижениями, в которой доминирует материальное благополучие и не остается времени на простое человеческое общение. Зачастую, именно в среде «благополучной» молодежи возникает проблема межличностного общения. Постоян-

ные уроки, тренировки, кружки и репетиторские занятия не оставляют времени на общение и искреннюю дружбу. Преуспевающие родители уделяют больше времени карьере и заработку, чем своей семье. Учителя, которые после реформ образования постоянно завалены работой с отчетами, повышением квалификации, публикациями и прочими формами занятости тоже перестали общаться с учениками и в значительной степени утратили свой воспитательный потенциал. Ничтожные показатели их авторитета для учащихся, которые были представлены выше – следствие этого «отчуждения». В итоге молодые люди остаются в одиночестве и растерянности, не зная где искать ориентиры, цели и смыслы;

3) **трудности с учебой**, которые характерны для всех групп респондентов;

4) **проблемы со здоровьем** – тревожный показатель, который требует дополнительного изучения;

5) **проблемы, возникающие в связи с отсутствием жизненных целей, позитивных интересов и продуктивных видов досуга** – *скука, отсутствие интересных занятий* (54,1%), *недостаток развлечений* (55%).

Данные проблемы создают предпосылки для протестных настроений молодежи, поэтому их решение является первостепенной задачей для успешной профилактики отклоняющегося поведения и экстремизма.

Библиографический список

1. Остапенко А.А., Войнова Е.А. Протестный потенциал и межэтнические конфликты в молодежной среде полиэтничного региона / А.А. Остапенко, Е.А. Войнова // Феноменология и профилактика девиантного поведения [электронное издание] : материалы IX Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., 4 дек. 2015 г. / редкол.: А.А. Таганова, С. А. Павлова, И. С. Нестеренко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – 206 с.

LIFESTYLE AND THE PROBLEMS OF "DIFFICULT" TEENAGERS: THE EXPERIENCE EMPIRISCHE TRIALS

Voynova Elena A., Shumova Julia V.
Kuban state university, Krasnodar

Summary. The article presents the results of a sociological survey aimed at identifying the interests, concerns and characteristics of lifestyle of troubled Teens. Interests largely determine the choice of lifestyle, and the problems become the reasons of dissent, extremism, and radicalism. The information obtained is of interest for experts involved in the organisation of preventive actions with young people.

Keywords: youth, troubled Teens, youth, lifestyle, discontent, problems of youth, potential for protest, extremism.

ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ: ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ[1]

Войнова Елена Александровна
(Кубанский государственный университет г. Краснодар)
e-mail: alena.voynowa@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования направленного на изучение причин и факторов протестной деятельности молодежи в полиэтничном регионе. Посредством фокус-групп и глубинных интервью с респондентами удалось выяснить основные причины недовольства молодых людей, оценить уровень их протестного потенциала и сделать прогноз на будущее. Полученная информация представляет интерес для экспертов, которые занимаются организацией профилактических мероприятий с молодежью.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, протесты, протестный потенциал молодежи, факторы протеста, коррупция внешнеполитические и внутренние проблемы общества.

Одной из главных тем социологического исследования, проведенного нами в 2017 году на базе Кубанского государственного университета стали протестные акции Алексея Навального, которые прошли в Краснодаре и в других городах страны. Многих жителей края до сих пор удивляет тот факт, что местная молодежь, которая на протяжении многих лет практически не реагировала на призывы активистов поддержать общественные акции, вдруг весьма организованно вышла на эти два мероприятия. Хотя у нас акции протеста не вызвали удивления, серьезные предпосылки к ним мы выявили еще в 2015 году [Остапенко, Войнова, 2015]. Качественная часть исследования в этом году включила в себя три блока, каждый из которых позволял нам решить определенные задачи.

В первом блоке посредством фокус - групповых интервью были опрошены учащиеся высших учебных заведений (10 интервью) и учащиеся специализированных казачьих классов общеобразовательной школы (возраст 14-17 лет, 10 интервью). Второй блок включил в себя 20 стандартизированных интервью с участниками протестных акций, организованных штабом Навального 26 марта и 12 июня 2017 года. В третьем блоке представлены результаты анализа 10 глубинных интервью с мигрантами из стран средней Азии и Закавказья временно проживающими и работающими на территории Российской Федерации. Поскольку содержание интер-

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика».

вью во всех блоках имело единую тематическую основу, мы посчитали возможным представить результаты исследования в обобщенном тексте, обозначив в определенных фрагментах специфику выборки

Примечательно, что в большинстве своем участниками протестных акций Навального стали молодые люди в возрасте от 13 до 25 лет. Поэтому наш первый вопрос респондентам касался причин возникновения этой волны протеста. Мнение респондентов здесь разделилось на три основные версии:

1) активисты и часть обычных участников протестных акций полагают, что волна митингов поднялась по причине совпадения двух важных обстоятельств: во- первых, низкий уровень жизни простых граждан страны, экономический кризис и внешнеполитическая напряженность достигли апогея, когда о них заговорила вся страна; во- вторых, наконец- то в России подросло поколение просвещенной и эрудированной в политических вопросах, а главное небезразличной молодежи. Респонденты подчеркивают, что на протяжении многих столетий власть в России была авторитарной и вместо диалога с народом, практиковала его жесткое подчинение своим приказам. В качестве примера молодые люди упоминают Ивана Грозного, Петра Первого, Иосифа Сталина и других исторических лидеров, которым были присущи жесткие расправы над несогласными. Поэтому население нашей страны «исторически отдалено от власти», а между властью и народом сложились далеко не диалоговые отношения. Более того, народ в большинстве случаев предпочитал не вмешиваться в дела власти. Это отразилось и на гражданской активности россиян постперестроечной страны, которые, несмотря на свободу слова и демократию, отдавали предпочтение спокойной, далекой от политики жизни. И только сейчас благодаря просвещению, которое в свою очередь стало реальным за счет открытых границ и интернет - пространства в стране появилось новое поколение (12-18 лет) «смелых и небезразличных» молодых людей. Главная характеристика «нового поколения» заключается в том, что молодые люди считают долгом гражданскую активность и свое участие в политической жизни страны. Они осознают смысл выборной системы и готовы выходить на диалог с властью. В их понимании глава государства - ставленник народа, который обязан согласовывать с ним основные стратегии внешней и внутренней политики. Такое отношение к власти, по мнению участников акций, присуще очень незначительному числу людей старших поколений, и отличает именно молодежь. Поэтому мы стоим на пороге нового позитивного периода в развитии страны. Небезразличная молодежь должна добиться диалога с властью.

- *«В нашей стране благодаря просвещению появилось поколение небезразличных людей и это нас, более взрослых, очень радует. Они ездят за границу, смотрят на то, как там все устроено, многое черпают в Интернете. Понимаете, это уже другой масштаб. Это «человек мира», кото-*

рый знает, как усовершенствовать то или иное в своей стране, знает какими должны быть взаимоотношения власти и народа, какой должна быть экономика России с учетом ее ресурсов и возможностей». (*Ж.*, 34 года, участница акций);

- *«Сейчас молодежь делится на две части – меньшинство активистов, готовых бороться за справедливость и свои интересы, готовых проявлять свою гражданскую позицию и даже рисковать ради благополучия своей родины. И большинство неблагополучных потребителей, с завышенными требованиями к жизни и отсутствием каких бы то ни было перспектив. Им без разницы на все. И это очень большая проблема. Молодежь должна быть мыслящей, активной, смелой, должна влиять на политику своей страны. Ведь нам в ней жить и развиваться».* (Настя, 19 лет, активистка, участница акций);

- *«Сейчас молодежь другая. Не знаю почему, но они выросли другими, и это очень здорово».* (Сергей, 21 год, учащийся ВУЗа, участник акции);

2) другая часть участников протестных акций, а так же учащихся казачьих классов и высших учебных заведений высказывают мнение о том, что активисты, готовые что-то изменить в жизни страны, среди молодежи были всегда, но не существовало столь явных поводов для недовольства, и не было деятельных лидеров оппозиции, вызывающих симпатию у молодежи. Последние несколько лет на фоне внешнеполитических событий изменились наши отношения с Америкой и другими странами. Санкции и напряженность не вдохновляют молодое поколение, тем более что они ухудшили и без того сложную обстановку внутри страны. Часть респондентов считают внешнеполитический курс действующей власти ошибочным и опасаются, что он может привести нас к полной изоляции по принципу Северной Кореи или, более того, к войне. Что касается оппозиции, то компартию, ЛДПР, Яблоко и прочих, которые в думе соседствовали с партией власти сложно отнести к таковой. Это – псевдооппозиция. Появившийся не так давно М. Прохоров, человек из элиты, по роду деятельности и биографии сотрудничающий с видными чиновниками и проправительствнными политическими деятелями, тоже не вдохновил электорат. А Навальный – простой бизнесмен, проживающий в съемной квартире на окраине Москвы, организовывающий большинство своих мероприятий через «народную» сеть Интернет более «прозрачен» и понятен молодежи. Поэтому он смог объединить вокруг себя и своих акций другие оппозиционные движения и даже сторонников существующей власти, выступающих против коррупции и других внутренних проблем страны.

- *«Поводов для протеста прибавилось. Если раньше было просто тяжело жить, то теперь еще появились и риски извне – Украина, Америка, санкции».* (Ж., 16 лет, казачьи классы);

- *«Внешняя политика нашей страны активно пропагандирует вмешательство Украины. Ухудшаются отношения с Америкой, создаются предпосылки к войне*». (М., 23, учащийся ВУЗа);

- *«Навальный пока не тянет на роль Президента, но он живет в простой съемной квартире, и наиболее «прозрачен» среди всех оппозиционных политиков. Он способен объединить оппозицию. И такой лидер появился впервые за долгое время».* (М, 21,участник акций);

3) третью версию предпосылок к возникновению волны протеста выдвигают некоторые участники фокус - групп и мигранты. С их точки зрения в России сейчас все относительно хорошо. Страна развивается так, как ей и положено, есть внешнеполитические проблемы, но действующая власть решает их профессионально, а большинство проблем возникает по причине наличия внешних врагов – Западных стран и США. Американские следы респонденты усматривают и в деятельности протестного движения Навального, иногда сравнивая его с националистами Украины, учинившими Майдан. По мнению этой группы респондентов, в стране есть серьезные проблемы, которые требуют решения (к примеру, коррупция, бюрократия, нехватка рабочих мест), но это не повод для протестов и тем более свержения власти. С проблемами должна разбираться действующая власть, и в настоящее время она уже предпринимает усилия для их решения. А молодежь должна понять, какие угрозы несет в себе поддержка не санкционируемых протестных акций. Ведь с таких же мероприятий в начале века начиналась революция. Но если революция воспринимается респондентами как воля собственного народа, то современные протестные движения и за рубежом (Ливия, Сирия) и в соседних странах (Украина) и у нас в России – происки США, которые ведут сознательную политику разрушения и подчинения других стран.

- *«У нас все в порядке. Сильная страна и все необходимое есть. Не вижу поводов для протеста. Скорее всего, прошедшие митинги это какая – то провокация».* (М., 17, казачьи классы);

- *«Все будет хорошо пока Путин у власти. Все знают за давление Америки и санкции, у нас это часто в школе обсуждается. Но ничего страшного. Мы – большая страна и сами можем все необходимое изготовить». (Ж, 14, казачьи классы);*

- «*У нас авторитарная власть и нет демократии, и проблем много, но это никому не нужно. Оппозиционные силы, которые сейчас все это устраивают (имеются в виду протесты), это происки Америки, которая все эти объединения спонсирует, чтобы нас развалить. Если оппозиция придет к власти – ситуация будет еще хуже, чем сейчас».* (Ж., 22 , студентка Вузов)

- *«Украину уже пустили по «ливийскому сценарию». Теперь и нас хотят. Но в России это сложно сделать, большинство все-таки поддерживает действующую власть».* (М., 20, студент ВУЗа);

- *«В России намного лучше, чем в странах бывшего союза. Хоть какое- то производство есть, работа есть. И почему молодежь протестует – непонятно. В стране есть все необходимое для комфортной жизни»*. (М., 23, мигрант из Казахстана).

Практически все респонденты, принявшие участие в протестных акциях или обладающие информацией о них заметили, что более половины участников – это школьники в возрасте от 13 до 18 лет. Вторую половину составила более зрелая молодежь (от 18 до 35 лет) и люди среднего и пожилого возраста (от 35 до 75 лет). Респонденты подчеркивают, что присутствие всех возрастных групп на акции свидетельствует о поддержки оппозиции со стороны разных слоев населения, а количественное преимущество юных протестующих – это естественное явление, поскольку они – самая заинтересованная в переменах активная часть населения.

Однако, не все респонденты воспринимают митингующих школьников, как новое поколение гражданских активистов. Даже среди оппозиционеров встречаются те молодые люди, которые считают, что несовершеннолетние активисты не осознают всей ответственности за свои поступки, и еще даже не в состоянии понять против чего протестуют. Их притягивает реклама в Интернете, перспектива почувствовать себя героями и «потусить» на массовом мероприятии. Очевидно, организаторы акций учли эти слабости подростков, чтобы привлечь их к своим мероприятиям. Для пропаганды протестной деятельности они использовали даже элементы розыгрышей (к примеру, конкурс на лучший видеоролик о социальной проблеме региона) и по-детски «няшные» атрибуты акций (игрушечные уточки, значки и прочее).

- *«Я представляла одну из оппозиционных партий на этом митинге! Тесно общалась с организаторами, но считаю, что реально митинг поддержала молодежь в возрасте от 20 до 30 лет. Они сделали свой осознанный выбор. Что касается школьников, нас, конечно же, радует их появление на мероприятиях. Но, думаю, их привели сюда друзья, пиар, любопытство, да все что угодно, кроме осознанного выбора!*» (Ж., 19, участница акции);

- *«Да, сейчас наши (оппозиционеры) заговорили о новом поколении молодежи. Речь идет о школьниках. Но я полагаю, пока рано говорить о появлении такого поколения. Есть, конечно же, отдельные личности достойные внимания. Но большинство современных подростков, наоборот, проявляют абсолютное безразличие ко всему вообще. Даже к своей учебе и работе. А активистами становятся единицы. Именно из них собираются те 200-500 человек, которые приходят на акции. Но приходят единицы, а тысячи безразличны. Поэтому нет повода для оптимизма».* (Ж., 21 участница акции).

Студенты ВУЗов и мигранты удивляются появлению несовершеннолетних на политических акциях и предполагают, что взрослые их просто использовали в своих целях.

- «*… да что вообще школьники могут знать о коррупции? Что эти дети делают там? Они хоть слово «коррупция» понимают?».* (Ж., 23, учащаяся ВУЗа);

- *«Сто процентов, их привлекли через Интернет, в группах приглашали, манипулировали ими! Через интернет можно любую информацию привлекательно подать. А они дети. Еще толком соображать не способны».* (М., 20, мигрант из Грузии);

- *«Я за протестные акции, и сама бы в них охотно участвовала, если бы не боялась, что выгонят из университета. Но детям там не место. Они не могут за себя постоять, а там могут быть провокации и вообще все, что угодно. Если нам, взрослым угрожают отчислением, за участие в подобных акциях, то с ними в школе что потом будет?!».* (Ж., 18, учащаяся ВУЗа);

Любопытно, что сверстники несовершеннолетних оппозиционеров, учащиеся казачьих классов, либо полностью отвергают протесты как таковые, либо сокрушаются по поводу того, что не были проинформированы о проведении акций - в противном случае непременно приняли бы в них участие! Такой разброс мнений свидетельствует о том, что отбор учащихся казачьих классов осуществляется спонтанно, иногда даже вопреки желанию школьников. Просто на базе школы выбирается класс, который попадает под образовательный эксперимент. В итоге его участники знакомятся с историей и традициями казачества, погружаются в эту атмосферу посредством игр, просветительских мероприятий и досуга. Но это не казаки в прямом смысле слова. Это учащиеся казачьих классов, готовые в случае необходимости поддержать оппозицию.

- *«У нас страна не развивается, молодежь не развивается. Просто не создают для этого условий. По сравнению с европейскими странами мы находимся на очень низком уровне развития. И в СССР так было и сейчас. Поэтому я бы поучаствовал в протестной акции. Должны быть перемены!»* (М., 15, учащийся казачьих классов);

- *«Коррупция у нас везде. В том же образовании и на ЕГЭ и при поступлении в некоторые ВУЗы. И в других сферах тоже. Если ты не дашь взятку, то лечить тебя никто не будет. В общем, я бы пошла на этот митинг, если бы вовремя узнала нем!».* (Ж., 16, учащаяся казачьих классов);

Практически все группы респондентов сходятся во мнении, что существует множество серьезных причин для недовольства и протестов. И в первую очередь, это коррупция, которая стала главной темой протестных акций. Коррупцией, по мнению респондентов, в России охвачено, все, что только можно: бизнес, образование, здравоохранение, силовые ведомства, политические институты, административные структуры. Ее называют

«русской болезнью», которая неизлечима, поскольку респонденты выражают уверенность в том, что таких всеохватывающих масштабов коррупция достигла только в нашей стране. К этому, увы, располагает ряд причин: менталитет граждан, ничтожный уровень зарплат, на который без взяточничества невозможно прожить, устоявшиеся правила работы в определенных инстанциях, где «чрезмерная» честность и порядочность могут стать причиной увольнения, «круговая порука» всех коррумпированных структур.

С точки зрения респондентов эта болезнь общества стала привычной для большинства жителей страны, и они приняли ситуацию, такой как есть. Не устраивает коррупция именно молодежь, поскольку последние годы она «зашкаливает» и провоцирует множество других проблем. Если взяточничество в ГИБДД и полиции молодые люди воспринимают с иронией и улыбкой, то аналогичное поведение сотрудников системы здравоохранения и образования является поводом для возмущения и протеста. Врачи, которые не выполняют своих обязанностей и требуют взятки, это социальная трагедия и непосредственная угроза здоровью россиян. Коррупция в системе образования препятствует честной конкуренции абитуриентов, учащихся и сотрудников образовательной системы, это тот канал, по которому бесталанные и некомпетентные люди могут пробиться на работу на стратегически важные предприятия, в государственные учреждения и другие важные сферы деятельности. В то же время респонденты признают, что борьба с коррупцией необходима, однако численность коррумпированных чиновников не позволит довести дело до логического завершения. Примечательно, что о проблемах с коррупцией охотно рассуждают и молодые респонденты (от 18 до 35 лет) и подростки (14- 18). Несовершеннолетние респонденты в первую очередь беспокоятся о недостатках здравоохранения и образования, тогда как остальные больше переживают по поводу коррупции в полиции. И только мигранты относятся к данной проблеме снисходительно и даже находят в ней свои положительные стороны.

- *«В престижное учебное заведение тоже сейчас просто так не поступишь. Я лично знаю ребят, которые постарше, они платили, чтобы поступить и прошли по конкурсу. А если у тебя нет денег?»* (М., 14, учащийся казачьих классов)

- *«Коррупция везде. Если бы она не «зашкаливала», мы бы не увидели такой уровень поддержки акций Навального. Если Вы заметили, на акции присутствовали не только сторонники политика, там было много представителей других оппозиционных партий и движений».* (Ж., 27, участница протестных акций);

- *«Коррупция в России есть. Но как без нее? Мы без нее вообще бы не могли здесь просуществовать. Законы очень строгие. Но находишь нужного человека, и через него решаешь свои вопросы».* (М., 31, гражданин Узбекистана);

Именно актуальная и болезненная тема коррупции, привлекла к мероприятиям Навального большое количество митингующих. На второй санкционированной акции, которая состоялась в Краснодаре 12 июня, собрались не только сторонники политика, но и представители других оппозиционных партий («Солидарность», «Яблоко», движения «Голос»), экологи, зоозащитники и даже приверженцы действующей власти, которые присоединились к мероприятию, чтобы выразить свое отношение к коррупции. Несмотря на лозунги, призывающие к смене власти, большинство участников акции не видят в Алексее Навальном будущего Президента. Его считают героем, порядочным человеком, достойным лидером оппозиции, но не будущим Президентом страны. Даже те респонденты, которые готовы поддержать политика в этой роли, подчеркивают, что в настоящее время он еще не готов к управлению. Однако, именно Навального и его команду респонденты относят к настоящей оппозиции, способной бороться за интересы простых людей, подчеркивая, что таких партий и движений еще не появлялось на политической арене постсоветской России. Поэтому у значительной части респондентов политик вызывает глубокое уважение.

Отдельного интереса заслуживают рассказы респондентов о том, как давление на протестующих; нарушение законодательства, регулирующего правила проведения митингов и пикетов; провокации и незаконные задержания становятся дополнительными факторами протеста. Такие инциденты, которые со слов респондентов, встречаются практически на каждом мероприятии, заставляют проправительственную молодежь переходить на сторону оппозиции. Таким образом, излишний ажиотаж, который возникает вокруг протестной активности молодежи, только стимулирует ее недовольство существующим положением дел.

Настоящим прорывом и проявлением демократии митингующие сочли согласование акции 12 июня, когда представители администрации без проблем подписали необходимые документы, и мероприятие прошло без провокаций. После этого мероприятия некоторые участники начали подчеркивать, что нынешние протесты – еще не требования смены власти, а попытка до нее достучаться. Простые люди, в частности молодежь призывают действующую власть к диалогу и просят решить, конкретные проблемы, благодаря которым страна все больше и больше погружается в кризисное состояние. Если люди будут услышаны, а проблем начнут решаться усилиями действующей власти, мы сможем избежать более серьезных общественных потрясений, которые при определенном стечении обстоятельств могут стать неминуемыми. Такого мнения придерживается большинство респондентов, даже активисты оппозиции. Поскольку респонденты всех групп свидетельствуют о наличии значительных предпосылок для санкционированных и даже противозаконных акций, а уровень протестного потенциала в молодежной среде увеличивается с каждым годом можно предположить, что в ближайшее время могут возникать неконтролируемые протестные мероприятия и массовые беспорядки. С точки зрения респондентов, единственная возможность избежать общественных потрясе-

ний заключается в налаживании мирного диалога молодежи с властью и решении острых внешнеполитических и внутренних проблем общества, главной из которых является коррупция.

Библиографический список

1. Остапенко А.А., Войнова Е.А. Протестный потенциал и межэтнические конфликты в молодежной среде полиэтничного региона / А.А. Остапенко, Е. А. Войнова // Феноменология и профилактика девиантного поведения [электронное издание] : материалы IX Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., 4 дек. 2015 г. / редкол.: А.А. Таганова, С.А. Павлова, И.С. Нестеренко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – 206 с.

THE PROTESTS OF YOUNG PEOPLE IN MULTIETHNIC REGION: CAUSES, FACTORS AND THE FUTURE

Voynova Elena A.
Kuban state university, Krasnodar

Summary. The article presents the results of a sociological research aimed at studying the reasons and factors of the protest activities of the youth in the multiethnic region. Through focus groups and in-depth interviews with respondents found out principal causes of discontent of young people to assess their level of protest potential and make predictions for the future. The information obtained is of interest for experts involved in the organisation of preventive actions with young people.

Keywords: youth, extremism, protests, protest potential of the youth, factors of protest, corruption, foreign policy and internal problems of the society.

ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Гдалевич Ирина Александровна
(Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", г. Таганрог)
e-mail: Gdalevich-Irina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правосознания противоправного поведения. Выявлены факторы, влияющие на формирование правомерного и предупреждение противоправного поведения. Определены элементы общей превенции противоправного поведения.

Ключевые слова: правовое поведение, противоправное поведение, девиантное поведение, правосознание, превенция.

Основополагающей категорией правового поведения является категория «правосознания», которая отражает «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей к действующему или желаемому праву» [11]. Именно через правосознание теория права «выходит» на изучение проблем, связанных с правомерным и противоправным поведением [3].

Отечественный правовед И.А. Ильин отмечает, что даже «уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием, но извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему, пользуется ею по-своему, злоупотребляет ею и наполняет ее недостойным, извращенным содержанием; возникает неправое право, которое, однако именуется «правом» и выдается за право, компрометируя в сознании людей самую идею и подрывая веру в нее» [5].

Правосознание субъекта, если оно правильно отражает содержание права, стимулирует соблюдать правовые нормы. «Сама норма встает перед его мысленным взором через призму правовых знаний и понятий. Поэтому и модель поведения, которую представляет собой субъект, есть косвенный продукт правосознания. Эта модель создана не одной лишь нормой и не правоотношением, в котором этот субъект участвует, а взаимодействием четырех составляющих: нормы, правоотношения, правовых знаний и ценностных представлений субъекта» [7]. Правовая надстройка кроме прямого воздействия на сознание субъекта может оказывать косвенное влияние через правовую организацию общественной жизни в целом, через действия других лиц и учреждений, создавая необходимые условия и предпосылки правомерного поведения.

Рассмотрим факторы, влияющие на формирование правомерного и предупреждение противоправного поведения. Так, по мнению В.Н. Куд-

рявцева, «на выбор решения существенное влияние оказывают характерологические и психофизиологические особенности личности, например, склонность к определенному типу реакции: преодолению трудностей либо уходу от них, приспособлению к обстановке или жизни по принципу выживания; быстрой или медленной оценке ситуации и принятию решений. Если содержание и направленность поступка детерминируются главным образом системой ценностных ориентаций (установок) личности, то тип принятого решения во многом зависит от характера субъекта, а его динамика – от его психофизиологических особенностей» [8].

Заслуживает внимание исследование ценностно-нормативной системы, проведенное А.Р. Ратиновым и его сотрудниками, которое выявило существенные различия между преступниками и законопослушными гражданами на уровне развития правосознания, отношения к различным правовым институтам общества. «Так, максимальная солидарность с уголовным законом и практикой его применения выражена у законопослушных граждан и в значительно меньше степени у преступников, хотя правовая осведомленность у них примерно одинакова, а отчасти (знание статей Уголовного кодекса) имеет и обратную закономерность. Степень усвоения правовых ценностей и норм в качестве «своих» у преступников значительно ниже, чем у законопослушных граждан. Основным побуждением, удерживающим преступников от дальнейших противоправных действий, является боязнь нежелательных последствий, а не согласие с установленными нормами и правилами их соблюдения, как это характерно для законопослушных граждан» [10].

Установлено, что преступники от непреступников на статистическом уровне отличаются психологическими особенностями, которые и обуславливают противоправное поведение. «Иными словами, - отмечает Ю.М. Антонян, - понятие личности преступника может быть наполнено этим психологическим содержанием. Поскольку же указанные психологические черты участвуют в формировании нравственного облика личности, есть основания утверждать, что преступники от непреступников в целом отличаются нравственно-правовой спецификой» [1].

В целях предупреждения противоправного поведения на первый взгляд кажется, что незнание законов – это одна из причин их нарушения, т.к. «массы не могут усвоить твердых правил поведения» [2]. Кажется, что достаточно разъяснить гражданам требования закона и предусмотренную им ответственность, как противоправное поведение прекратится.

Однако ни практика применения законодательства, ни проведенные исследования не подтвердили этого предположения. Оказалось, что по степени знания права большинство правонарушителей практически не отличаются от лиц, соблюдающих закон, а в некоторых случаях и превосходят их. Это связано с тем, что опросы проводились после совершения преступлений, то можно предположить, что до совершения преступлений их

знания в сфере права либо не отличались от знания других граждан, либо были хуже.

Другое объяснение представляется более радикальным: правонарушители знают некоторые требования не потому, что они лучше знакомы с законодательством, а потому, что эти требования совпадают с общими нравственными принципами, являются распространенными и общепринятыми нормами поведения.

В самом деле, нужно ли быть юридически грамотным человеком, чтобы понимать противоправность кражи, хулиганства, убийства, чтобы знать о существовании лишении свободы, других мер наказания? Речь идет об элементарных знаниях, которые есть у каждого гражданина. То, что дело обстоит именно таким образом, подтверждается данными рядя социально-правовых исследований [7].

Как показывает практика, знание права является необходимым, но недостаточным условием для обеспечения правомерного поведения. И.А. Ильин отмечает, что «недостаточно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием… необходимо не только знать все это, но и… иметь достаточную силу воли для того, чтобы соблюдать признанное» [5]. Таким образом, содержание поступка субъекта права определяется сложной системой факторов: правовая информация влияет на поведение совместно с социальной информацией, проходящей через его мировоззрение, культуру, потребности и интересы, психику и т.д. Элементы поведения субъекта определяются не самими правовыми нормами и содержащимися в них предписаниями, а скорее представлениями об этих нормах и предписаниях, которые сложились в правовом, нравственном сознании субъекта права. Для этого необходимо привить субъектам правоотношений такие ценности, как чувство ответственности, соблюдение права и исполнение обязанностей, уважение к закону и избранной власти, и вместе с тем сохранить уважение к старшим, личное достоинство, независимость и т.д. Известно, что правовая информация лучше усваивается гражданами, если она имеет для данного лица практическое значение. Вероятно, благодаря этому удалось бы правомерное поведение сделать престижнее противоправного.

В.Н. Кудрявцев в работе «Право и поведение» отмечает, что представление о нежелательных юридических последствиях поведения включает три основных элемента общей превенции (предупреждение):

знание о том, что за данный поступок установлена ответственность;

знание о степени строгости этой ответственности;

предвидение реальности (неотвратимости) этой ответственности.

Право имеет возможность не только принуждать лицо к соблюдению соответствующих правил поведения, но и стимулировать, поощрять к этому. Именно эта черта права перспективна для дальнейшего развития. В

случае действия поощрительных норм в представление субъекта о последствиях его поведения входят:

знание о том, что данное действие поощряется;

знание меры поощрения;

понимание того, что это поощрение твердо гарантированно законом.

Второй элемент общей превенции – понимание характера и степень строгости ответственности, как считает В.Н. Кудрявцев, признается не всеми учеными. Но психологические и правовые исследования указывают, что представление о строгости ответственности имеет немаловажное предупредительное значение. Для определенного процента граждан страх перед законом играет сдерживающую роль. Пока еще не наступил тот момент, когда устрашение отдельных категорий лиц возможностью применения мер государственного принуждения стало излишним. И.И. Карпец отмечает, что «воздействие страхом не может выступать как метод воспитания. Воспитание страхом, угрозами и т.п. – это прошлое человеческого общества, самый грубый способ воздействия на людей» [6].

Исследования показывают, что страх, боязнь наказания не могут стать решающим стимулом будущего позитивного поведения. Наказание само по себе не подавляет интереса, который лежит в основе мотивации поступка. Но это не означает, что строгое наказание всегда не эффективно. Экспериментальные психологические исследования приводят к выводу, что «наказание помогает избегать неверных реакций, вынуждая испытуемого быть более внимательным к сигналам среды всякий раз, когда он сталкивается с необходимостью сделать выбор или принять решение. Таким образом, наказание в этом случае создает мотивацию, побуждающую испытуемого выбирать тот особый тип поведения, который можно определить как «осторожный» [9]. Нетрудно заметить, что осторожное поведение еще неравнозначно сознательному и добросовестному исполнению права. Страх вынуждает взвесить последствия поступка, но не исправляет субъекта. Подлинное воспитательное значение наказания основывается не только и не столько на угрозе его повторения в будущем, сколько на позитивной перестройке интересов, установок, ценностных ориентаций личности, закрепленных и выраженных в праве.

Третий элемент общепревентивного воздействия права – напоминание о неотвратимости наступления ответственности за правонарушение. Этот элемент во многих случаях имеет решающее значение, т.к. даже строгая санкция теряет предупредительный смысл, если субъект полагает, что она не будет к нему применена. При оценке роли неотвратимости наказания нельзя забывать о конкуренции мотивов, которыми руководствуется нарушитель. С одной стороны, действуют опасения, связанные с грозящей ответственностью, с другой – мотивы, эмоции, влечения, толкающие его на совершение преступления. Здесь даже неотвратимость наказания может оказаться бессильной. Еще Д. Дидро писал: «Если бы закон был летающим по воздуху мечом, разящим преступника в момент совершения им преступления, то преступлений не существовало бы, кроме разве тех, которые

рождены гневом или местью и, быть может, любовью и отчаянием» [4]. Это добавление Д. Дидро подчеркивает ограниченность общепревентивных возможностей наказания.

Все три элемента общей превенции (предупреждение) неравноценны, доля каждого из них в разных ситуациях может быть различной. Но только в совокупности они обеспечивают эффективное предупредительное или стимулирующее воздействие правовой нормы.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 34.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 85.
3. Гдалевич И.А. Особенности правосознания противоправного поведения // V Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Феноменология и профилактика девиантного поведения» Краснодар. 2011; Гдалевич И.А. Мотивация и мотив правового поведения в юридической науке: проблемы теории // // Юрист-Правовед. 2004. № 1.
4. Дидро Д. Собр. соч., т. 10. Л., 1947. С. 460.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 20.
6. Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 142.
7. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 69.
8. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 192.
9. Нюттен Ж. Мотивация. - Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М., 1975. С.65.
10. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988. С. 229-230.
11. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. С. 611.

WRONGFUL CONDUCT AS A KIND OF DEVIANT BEHAVIOR

Gdalevich Irina A.
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Federal state budgetary educational institution of higher education "Rostov state economic University (RINKH)", Taganrog

Abstract. The article is devoted to analysis of legal consciousness of the wrongful conduct. The factors affecting the formation of the legitimate and the prevention of unlawful conduct. Defined elements of the overall prevention of wrongful conduct.

Keywords: legal behavior, illegal behavior, deviant behavior, awareness, prevention.

ДЕВИАНТНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Гилинский Яков Ильич
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы девиантных проявлений в современном обществе постмодерна. Особенности постмодерна существенно сказываются на состоянии, структуре, тенденциях всех форм девиантности. Это должно учитываться социальной политикой государств, как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Необычность, непривычность, неопределенность особенностей общества постмодерна, быстрота происходящих технологических и социальных изменений существенно затрудняют выработку адекватной социальной политики.

Ключевые слова: девиантность, общество постмодерна, проблемность.

Примем за аксиому, что общество постмодерна есть реальность; оно характеризуется вполне определенными свойствами, признаками, особенностями; его особенности сказываются на всех социальных процессах, феноменах, включая различные проявления девиантности; это необходимо учитывать в социальной политике государства.

Главная особенность общества постмодерна – существенное повышение уровня *индивидуальной и социальной свободы* человека при усилении «несвободы», *зависимости от современных и предстоящих технологий*, включая робототехнику и искусственный интеллект.

Общество постмодерна предоставляет невиданные возможности, но и содержит значительные угрозы. «Грядут великие изменения. Созданные нашим разумом технологии изменят ход вещей в мире и это неизбежно. Мы навсегда забудем о старости и голоде, мы навсегда забудем о войнах и предрассудках. Мы станем едины со своими творениями и обретем такую власть над материей, которую цари прошлого не могли вообразить даже в самых смелых психоделических мечтаниях. Или мы погибнем, от рук себе подобных или от рук своих творений. Сегодня все еще зависит от нас, от наших действий и решений» [9].

Обратимся к особенностям общества постмодерна, значимым для формирования современной социальной политики в отношении девиантных проявлений.

Технологический прогресс, называемый Четвертой промышленной революцией. Уже можно ездить на автомобилях без водителя. Так, в Санкт-Петербурге и Сочи опробован такой автобус «Матрешка»; беспи-

лотный наземный транспорт ходит в Эстонии и ряде других стран. Беспилотники (дроны, БПЛА) летают во многих странах, включая Россию. Дрон можно купить в магазине. В Хельсинки перед Торговой площадью, где расположены Дворец Президента, посольство Швеции и ряд административных зданий, висит ограничительный знак: «No drone zone» (зона, свободная от дронов). Можно у себя дома с помощью 3D изготовить действующий пистолет (пока, правда, стреляет 2-4 пулями, но можно усовершенствовать или изготовить на кухне пару пистолетов). Можно приобрести робота-домработницу, робота-любовницу. Кстати, в одном из публичных домов Вены искусственная девушка пользуется бóльшим успехом, чем живые, и поэтому срочно закупается вторая силиконовая девушка. В Барселоне 27 февраля 2017 г. открылся первый в Европе публичный дом с силиконовыми куклами вместо женщин, один час пребывание с ней стоит 80 евро. А за 250-300 евро можно купить силиконовую даму себе домой.

Возникают вопросы. Кто будет субъектом ДТП беспилотника, или при столкновении дронов, или если дрон врежется в кого-нибудь, или если робот-домработница стукнет по голове хозяйского ребенка со смертельным исходом? Если же учесть безмерное количество хакеров, то безобидные сами по себе машины без водителя, беспилотники, роботы могут представлять смертельную опасность, оказаться на службе ОПГ или террористов. А когда искусственный интеллект заработает в полную силу… Может быть работ начнет потреблять наркотики и угощать ими хозяйских детей. Сегодня это не утопия. А ведь все это – проблемы сегодняшнего дня. Готовы ли государства, правоохранительные органы, законодательство к технологическим новеллам и их последствиям? Государственная Дума, судя по сообщениям СМИ, приступила к разработке законопроекта о взаимодействии человека и робота. Такое начинание следует приветствовать.

Глобализация экономики, финансов, транспортных потоков, технологических новшеств является фактом. Но глобализируется и преступность, прежде всего, организованная (торговля наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами и др.). Глобальный характер носит терроризм, многие экономические преступления, проституция. Очевидно, политика государств должна предусматривать хотя бы частичную «интернационализацию» законов, деятельности полиции, спецслужб. Это не просто в условиях современного межгосударственного отчуждения (чтобы не сказать – вражды). И здесь политика изоляционизма – ошибка, которая хуже преступления.

Глобализация сопровождается *массовой миграцией* и, соответственно, неизбежным «конфликтом культур» (Т. Селлин) с ксенофобией и «преступлениями ненависти». Современная ситуация с миллионами беженцев в Европу тому лишнее подтверждение. Бегущих из охваченных войной и нищетой регионов в Европу можно понять и посочувствовать им. Но, ока-

завшись в Европе, они не столько воспринимают европейский образ мысли и жизни, сколько пытаются противостоять ему, навязывая свои представления, а то и отвечая терактами на лояльность и толерантность европейцев. И это только начало. Демографический взрыв (к началу XX в. население планеты составляло около 1,7 млрд человек, а в 2017 г. - семь с половиной миллиардов человек), существенные различия в миропонимании, культуре при массовом перемещении народов грозят невиданными по остроте проблемами. Как их решать, в том числе, средствами закона, полиции, судов?

«Виртуализация» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем одновременно в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильников, смартфонов и прочих *IT* не мыслится существование. Это, прежде всего, относится к подросткам и молодежи. Как одно из следствий – киберпреступность и кибердевиантность [11]. Виртуальный мир необъятен и легко доступен – не вставая с привычного кресла. Интернет предоставляет невиданные ранее возможности. Но он коварен, он затягивает вплоть до интернет-зависимости, как заболевания [5]. А если вспомнить сети «группы смерти», неофашистов, экстремистов, использование интернета организованной преступностью для распространения наркотиков, то и социально опасен. Но – неизбежен. (Правда, имеются и иные, позитивные последствия: общемировое сокращение уровня преступности, включая убийства, как результат «ухода» молодежи в Интернет).

Растет *социально-экономическое неравенство*, а с ним – криминальное и/или ретретистское девиантное поведение (уход в алкоголь, наркотики или тотальный уход из жизни). Все человечество и население каждой страны разделено на постоянно уменьшающееся меньшинство «включенных» (*included*) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и постоянно увеличивающееся большинство «исключенных» (*excluded*) из нее. В 2015 г. 50% мирового богатства оказалось в руках 1% населения Земли, а в 2016 г. уже 52% всех богатств принадлежало 1% населения [7]. Это катастрофическое неравенство неравномерно распределено по странам. Так, 1% населения России владеет 71% всех богатств страны. С развитием робототехники все больше людей останется без работы. Безработица (а, следовательно, «исключенность») грозит и сокращающемуся «среднему классу», лишь часть которого соответствует все новым требованиям Четвертой промышленной революции. Одна из печальных особенностей современной России – бедность *работающего* населения. Что уж говорить о неработающих (безработных, пенсионерах, нетрудоспособных).

Между тем, экономическое неравенство является одним из главных криминогенных, девиантогенных факторов, а «исключенные» - основная социальная база преступности, алкоголизации, наркопотребления, проституции, самоубийств, но… и жертв преступлений [2] Один из многочисленных показателей – увеличение в России доли таких «исключенных», как

«лица без постоянного источника доходов» в числе всех лиц, совершивших преступления, с 11,8% в 1987 г. до 65,5% в 2016 г., а доля таких лиц среди убийц возросла за тот же период с 15,3% до 74,7% [8]. Исследования самоубийств показало устойчивую обратную корреляционную зависимость между уровнем образования и уровнем самоубийств (работы А. Гизатулиной, Е. Ушаковой, М. Черепановой).

Фрагментаризация общества постмодерна, а также взаимопроникновение культур приводят к размыванию границ между «нормой» и «ненормой», к эластичности этих границ. Одна из характерных особенностей постмодерна - стирание границ между дозволенным/недозволенным, нормальным/девиантным, разрешенным/ запрещенным. Проституция – девиантность или бизнес, трудовая деятельность? Наркопотребление – девиантность или, наряду с употреблением алкоголя, удовлетворение потребности снять напряжение, утолить боль? Где грань между «порнографией» и литературой (Дж. Джойс, Г. Миллер), искусством, Modern Art? (и кто знает, что такое «порнография»?). Чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур, а, следовательно, и вариантов «отклонений». И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»? Бескомпромиссная «борьба» с наркотиками в России или кафе-шопы с марихуаной в Амстердаме, «*Christiani*а» в Копенгагене, легализация в Чехии, ряде штатов США? Административная ответственность за занятие проституцией, уголовная – за содержание «притонов разврата» в России или *Red Light District* («квартал красных фонарей») в Амстердаме? Репербан в Гамбурге? Доступность алкоголя в европейских странах или длительное тюремное заключение за бутылку водки/вина в ОАЭ?

Сколько групп единомышленников («фрагментов»), столько и «будущего», столько и моральных императивов, столько и оценок деяний, как «нормальных» или «девиантных». Если в предшествующие эпохи «люди одного поколения жили в *одном* историческом времени и, соответственно, по *одним* моральным нормам», то «для сложного социума характерен эффект *временно́го дисхроноза*: в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*: моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других к другому» [6]. Поэтому есть мораль журналистов «Charlie Hebdo» и мораль их убийц; мораль создателей и сторонников современного искусства и мораль «истинных православных», атакующих выставки, спектакли, концерты; есть мораль толерантная и интолерантная; есть мораль космополитическая (интернационалистская), отвечающая запросам современного мира, и мораль «ура-патриотов»; есть мораль современного мира постмодерна, когда свобода – высшая ценность, и есть мораль В. Милонова и ему подобных. Размывание границ межу «дозволенным» и «недозволенным» - непосредственный сюжет социальной политики.

Консьюмеризация сознания и жизнедеятельности [3]. «Общество потребления» характеризуется криминальными (преступления против собственности, должностные и экономические преступления) и некриминальными, но негативными способами обогащения – от проституции до «теневой экономики». При этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и легальным бизнесом практически невозможно (Л. Тимофеев).

Вся наша жизнь, наша деятельность (и бездеятельность) протекает в *пространственно-временно́м континууме*. Все вышеназванные (и не названные) особенности постмодерна, оказывая влияние на все, происходящее в обществе, реализуются в пространственно-временно́м континууме. Между тем, происходит у*скорение времени.* Попробуем сравнить, что можно было успеть сделать за один час (один день, один год) 40 лет тому назад и сегодня при одной и том же виде деятельности (трудовой, домашней, рекреационной и др.). Сколько можно было получить информации и обменяться ею 40 лет тому назад и сегодня. Очевидна несопоставимость сравнений. В обществе постмодерна время «летит», нравится нам это или нет. «Если я скажу, что сегодняшний год - это как пять лет, или как семь - 10 лет назад, я, наверное, не очень сильно промахнусь. Потому что за год происходят очень большие изменения. Причем большие изменения во всем» [1], утверждает Г. Греф, и с ним нельзя не согласиться. Бег времени требует быстрой реакции на происходящие в мире изменения, ускорение процесса образования, постоянного, «пожизненного» пополнения знаний и умений, совершенствования технологий.

Отсюда одна из проблем социального контроля. 40 лет тому назад осужденный к 5 годам лишения свободы освободился и вышел на свободу. Он возвращается (как правило, исключения бывают) в ту же среду, на тот же вид деятельности, в тот же привычный мир. Сейчас человек осужден к 5 годам лишения свободы, освободится по отбытии наказания через 5 лет. Что он увидит? Автомобили без водителя, роботы выполняют бывшую его работу и убирают квартиру, дети разъехались по всему миру, в магазинах деньги не принимают, оплата только по каким-то картам. Как адаптироваться, как ресоциализироваться (а ведь это - «цели наказания»)?

Непривычные для людей процессы глобализации, виртуализации, массовой миграции, фрагментаризации, всеобщей консьюмеризации, «ускорения» времени приводят к *массовому изменению психики*, «шизофренизации» сознания, психологической растерянности, непониманию мира постмодерна и неумению в нем осваиваться. Ф. Джеймисон, один из теоретиков постмодерна, пишет: «Психическая жизнь становится хаотичной и судорожной, подверженной внезапным перепадам настроения, несколько напоминающим шизофреническую расщепленность» [10]. Это особенно болезненно проявляется в России и тех странах, чье развитие существенно замедленно по сравнению с условными «западными» страна-

ми, к числу коих сегодня относится и «азиатская» Япония. Не осознавая реальности новелл постмодерна, население России находится в состоянии «психологического кризиса». Психологический кризис сопровождается вспышками немотивированной агрессии [4], взаимной ненависти, «преступлениями ненависти» (*hate crimes*), актами внешне необоснованного уничтожения сотен людей ценой собственной жизни (второй пилот аэробуса А-320 Андреас Лубитц) или длительного тюремного заключения («норвежский стрелок» Андерс Брейвик). Все это - помимо терроризма, политическая (идеологическая, религиозная) мотивировка которого очевидна. Как социальная политика должна учитывать эту новеллу?

Наша цель не разработка рецептов, а обращение внимания на новые проблемы, подлежащие обсуждению и требующие совершенствования социальной политики государства. Лишь несколько очевидных направлений: разработка и реализация социально-экономических программ по сокращению социально-экономического неравенства и обеспечению «социальных лифтов»; существенная декриминализация деяний, не представляющих большой общественной опасности; законодательное и фактическое сокращение сроков лишения свободы (при обязательном исключении смертной казни из перечня наказаний); разработка и реализация программы противодействия киберпреступности; разработка и реализация социально-экономической программы противодействия межрелигиозным, межконфессиональным, межэтническим конфликтам; разработка и реализация программ профилактики (не репрессий!) наркотизма, злоупотребления алкоголем, суицида и оказания медико-психологической помощи субъектам ретретистского поведения.

Библиографический список

1. Герман Греф о революции в США - URL: hvylya.net/analytics/tech/german-gref-o-revolyutsii-v-ssha-uzhe-net-nikakoy-konkurentsii-tovarov-produktov-ili-uslug.html (Дата обращения: 09.06.2017).

2. Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. №6. 2004. С. 69-77.

3. Девиантность в обществе потребления. - СПб: Алеф-Пресс, 2012; Ильин В.И. Потребление как дискурс. – СПб: Интерсоцис, 2008.

4. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. – М.: РОССПЭН, 2014.

5. Интернет-зависимость // URL:http://constructorus.ru/zdorovie/internet-zavisimost.html (дата обращения: 30.09.2016).

6. Кравченко С.А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали. В: Проблемы теоретической социологии. Вып.8. - СПб: Скифия-Принт, 2011. С.79-80.

7. Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля // URL: http://expert.ru/2015/10/14/polovina-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsenta-naseleniya-planetyi/ (Дата обращения: 14.10.2016)

8. Преступность и правонарушения. Статистический сборник. 1991. М., 1992. С. 22, 45; Преступность и правонарушения. Статистический сборник. М., 2014. С. 20, 64; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 г. // URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (Дата обращения: 10.12.2016).

9. Ромул М. Сингулярность действительно близко // URL: http://novadeus.com/wp-content/uploads/Singularity.pdf С.49 (дата обращения: 19.04.2017).

10. Цит. по: Андерсон П. Истоки постмодерна. – М.: Территория будущего, 2011. С. 76.

11. Humphrey J. Deviant Behavior. - NJ: Prentice Hall, 2006. Ch.13 Cyberdeviance, pp. 272-295; Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М., 2014.

DEVIANCE IN THE POST-MODERN ERA: PROBLEMS AND REALITY

Gilinskiy Yakov Il'ich
Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen

Abstract. The article speaks about the problems of deviance in the post-modern society. Features of postmodernity significantly affect the state, structure, trends of different forms of deviance. This should be taken into account by the social policy of states, both in lawmaking and in law enforcement activities. The unusual, unaccustomed, uncertainty of the features of the postmodern society, the speed of technological and social changes that occur make it very difficult to develop an adequate social policy.

Keywords: deviance, postmodern society, problems.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Гринина Елена Сергеевна
(Саратовский научный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов)
e-mail: elena-grinina@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимаются вопросы профилактики девиантного поведения подростков. Анализируются психологические особенности подростков с девиантным поведением, подчеркивается деформация их личностно-характерологических образований и межличностных отношений. Рассматриваются возможности диагностики склонности к девиантному поведению у подростков и его психологической профилактики.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки с девиантным поведением, психологическая профилактика, профилактика девиантного поведения.

Современные социокультурные условия актуализируют риск формирования девиантного поведения у подростков. Недостаточная сформированность ценностных ориентиров общества, практически неограниченный доступ к различного рода информации, в том числе и деструктивного характера, деформация межличностных и внутрисемейных отношений и т.д. формируют предпосылки отклоняющегося поведения детей. Особо пристального внимания в рассматриваемом контексте заслуживают подростки, поскольку для них в большей степени, чем для других возрастных категорий характерна сензитивность формирующихся ценностей, самоопределения, моделей поведения, что обусловлено особой кризисностью возрастного этапа.

Стремление к самоутверждению, демонстрация собственной «взрослости» в сочетании с низким самоконтролем и чувствительностью к влиянию значимой группы сверстников в ряде случаев могут обусловливать склонность подростков к девиантному поведению. Изучение факторов, в том числе и психологических, детерминирующих девиантное поведение подростков и его своевременная профилактика являются одной их актуальных проблем современной психологии.

Под девиантным поведением понимают поведение, отклоняющееся от общепринятых, социально одобряемых, наиболее распространенных и устоявшихся в обществе норм. Девиантное поведение подростков может быть обусловлено воздействием целого ряда факторов как биологического, социального, так и психологического характера. К числу психологических особенностей подростов-девиантов можно отнести их повышенную тревожность, дефектность ценностной системы, склонность к импульсивности

[7], низкую конфликтологическую компетентность [2,3], деформацию межличностных отношений [5] и т.д.

Изучая психологические особенности личности подростков, обусловливающих их девиантное поведение, А.И. Ахметзянова, И.А. Кедрова, Е.В. Рудакова [1] выявили, что старшие подростки, находящиеся в местах лишения свободы, характеризуются заметно более выраженной эмоциональной нестабильностью, острой потребностью в неформальном межличностном общении и неприятием формальных сторон общения. У таких подростков актуализируются такие показатели акцентуаций характера, как педантичность, возбудимость, гипертимность, экзальтированность и циклотимность.

Панкстьянова Н.А., Ярославкина Е.В. подчеркивают значимость семьи в формировании склонности к девиантному поведению у подростков [6]. Авторы констатируют достоверную связь между количеством неблагополучных семей и административных правонарушений, приходящихся на школы. В связи с этим в качестве важного направления работы по профилактике девиантного поведения детей рассматривается своевременное выявление неблагополучных семьей и проведение соответствующей работы с ними.

Рассматривая предпосылки девиантного поведения подростков, К М. Ковальчук, И.Ю. Тарханова [4] подчеркивают, что лишь для 10-15% малолетних преступников характерна преобладающая антисоциальная направленность личности. В то же время, для 30-40% подростков-правонарушителей характерна отрицательная направленность, однако они не стремятся к преступному поведению, 25-30% подростков с неусточивой личностной направленностью совершили преступления в ситуации, располагающей к правонарушению. Приведенные факты позволяют констатировать значимость психологической составляющей профилактики девиантного поведения подростков, формирование личностной ответственности и способности к саморегуляции поведения.

В ходе эмпирического исследования осуществлялось изучение склонности к девиантному поведению у подростков. В исследовании принимали участие 24 подростка (13 девочек и 11 мальчиков) в возрасте 14-15 лет. Изучение склонности к девиантному поведению осуществлялось с применением методов наблюдения, анкетирования, эксперимента. В процессе анкетирования подростки отвечали на вопросы, раскрывающие особенности их семейного воспитания, обучения в школе, наличие склонности к употреблению спиртных напитков, табака и наркотических веществ, специфику отношений с окружающими, поведения и т.д. В ходе наблюдения за подростками фиксировались проявления агрессии, недисциплинированности, чрезмерной эмоциональности, раздражительности, конфликтности, враждебности; отмечались случаи срыва уроков, прогулы и т.д. Экспериментальное исследование осуществлялось с применением методики «Па-

тохарактерологический диагностический опросник» (А.Е. Личко), позволяющей выявить тип акцентуации характера, а также включающей ряд шкал, которые помогают выявить риск дезадаптации подростков, склонности к депрессии, употреблению наркотических веществ, выраженность реакции эмансипации и т.д.

В ходе анкетного опроса было установлено, что 80% опрошенных подростков имеют конфликты с учителями, родителями, сверстниками; 23% опрошенных признались, что пробовали курить; 100% никогда не попробуют наркотические средства; 52% опрошенных отметили, что время от времени посещают вечеринки, где употребляют спиртные напитки; 37% иногда пропускают занятия в школе без уважительной причины.

В результате наблюдения различные варианты нарушений поведения были зафиксированы у 20% испытуемых (1 девочки и 4 мальчиков). Эти подростки нарушали дисциплину, во время занятий бегали по классу, выражались нецензурно, игнорировали замечания и требования взрослого. Эти подростки невнимательны, склонны к конфликтам со взрослыми и сверстниками. Было выявлено, что свободное от учебы время подростки тратят на прогулки с друзьями, основную часть своего времени проводят вне дома, в разных компаниях. При этом уровень успеваемости таких учащихся может быть охарактеризован как средний, а большая часть замечаний в адрес подростков обусловлена их неудовлетворительным поведением.

Применение методики ПДО показало, что у 20% исследуемых подростков выявлен эпилептоидный тип акцентуации характера, характеризующийся педантичностью, инертностью, склонностью к злобно-тоскливым состояниям, повышенной агрессивностью, стремлением к лидерству со строгой дисциплиной и наказанием подчиненных. У 30% испытуемых отмечается гипертимный тип акцентуации, проявляющийся в преобладании хорошего настроения, высокой активности, энергичности, стремлении к лидерству, общительности, неустойчивостью интересов. Лабильный тип акцентуации отмечался у 25% испытуемых, для которых свойственна непредсказуемая изменчивость настроения, избегание лидерства, зависимость активности, работоспособности, общительности от настроения, привязанность к тем людям, которые к ним относятся с симпатией. У 15% подростков констатировался психастенический тип акцентуаций с нерешительностью, склонностью к пространным рассуждениям, повышенной боязнью за будущее и судьбу своих близких и себя самого. У 5% испытуемых выявлены сензитивный и шизоидные типы акцентуаций.

Анализ данных по дополнительным шкалам методики ПДО показал, что 45% исследуемых подростков характеризуются склонностью к эмансипации; риск алкоголизации отмечается у 20% испытуемых; 37% находятся в зоне риска дезадаптации.

Сопоставление и анализ результатов исследования показали, что 50% подростков с гипертимным типом акцентуации могут быть отнесены к

группе риска по фактору склонности к девиантному поведению, поскольку характерологические особенности усугубляются неблагоприятными социальными факторами, в частности, воспитанием в неполной семье. Эти подростки характеризуются склонностью к употреблению алкоголя, часто посещают вечеринки, где употребляют спиртные напитки. Кроме того, у половины испытуемых с указанным типом акцентуации наблюдается выраженная реакция эмансипации.

Среди подростков с лабильным типом акцентуации 61% испытуемых могут быть отнесены к группе риска по фактору склонности к девиантному поведению. Они воспитываются в неполных семьях, имеют склонность к употреблению алкоголя, ранним сексуальным отношениям (от 14 до 18 лет). Все испытуемые этой группы имеют конфликты с родителями, сверстниками, педагогами. Реакция эмансимации у них выражена умеренно или слабо, что может обусловить проявления девиантных форм поведения под воздействием значимых представителей ближайшего окружения.

По данным исследования, у 47% испытуемых с эпилептоидным типом акцентуации отмечается склонность к алкоголизации, при этом более половины опрошенных (61%) посещают вечеринки и употребляют алкоголь. 83% испытуемых этой группы конфликтуют с друзьями, родителями, педагогами. Высокая выраженность реакции эмансипации выявлена у 61% подростков.

По результатам дополнительных шкал методики ПДО определена наибольшая склонность к девиантному поведению у подростков, акцентуации характера которых относятся к гипертимному и к лабильным типам. Эти данные подтверждаются и результатами анкетных данных, наблюдения за подростками. Так, у 4 подростков, демонстрировавших во время наблюдения различные формы нарушений поведения, выявлен лабильный тип акцентуации, у 1 – гипертимный.

С учетом полученных в ходе констатирующего эксперимента данных была разработана программа профилактики девиантного поведения подростков. К числу основных задач психопрофилактической работы относятся:

- актуализация интереса подростка к себе и окружающим, развитие социальной активности;

- формирование навыков саморегуляции, сотрудничества, адекватного проявления активности, самостоятельности;

-создание и закрепление позитивных образцов поведения.

Реализация программы предполагала такие виды и формы работы, как дискуссия, консультирование, психокоррекционные мероприятия. В ходе дискуссии с подростками обсуждались проблемы межличностных отношений, полового развития и поведения, влияния вредных привычек на человека и т.д. Участники дискуссии имели возможность высказать и аргументировать свою точку зрения по различным вопросам, получали пред-

ставление о влияние различных вариантов девиантного поведения на состояние и перспективы развития человека, задумывались о последствиях девиантного поведения, возможных вариантах его предупреждения.

Основными задачами консультирования подростков с риском девиантного поведения стали: поддержание (восстановление) позитивного самоотношения; совместный анализ проблемной ситуации; постановка позитивной жизненной цели, описание желаемого поведения. В ходе консультаций актуализировался положительный опыт, нивелировалась значимость опыта девиантного поведения. Важным направлением работы являлся поиск и обсуждение конструктивных путей преодоления различного рода проблемных ситуаций.

В ходе групповой и индивидуальной психологической коррекции подростки исследовали и анализировали особенности своего характера, специфику и последствия его проявления в различных ситуациях, осваивали приемы саморегуляции, апробировали позитивные формы поведения, навыки конструктивного взаимодействия с окружающими и др.

После завершения формирующего этапа эксперимента было проведено контрольное исследование. Результаты наблюдения свидетельствуют, что подростки, попавшие в группу риска по фактору девиантного поведения на констатирующем этапе эксперимента, стали более дисциплинированными. Во время занятий они вели себя спокойнее, адекватно реагировали на замечания педагогов. Во взаимодействии со сверстниками чаще демонстрировали готовность к сотрудничеству, реже проявляли агрессию. Подростки стали более критично оценивать свое поведение и его последствия, прибегать к социально одобряемым формам разрешения проблемных и конфликтных ситуаций.

Несмотря на то, что повторное проведение методики ПДО существенных изменений акцентуаций характера у подростков не выявило, что связано с относительной устойчивостью данных личностных характеристик, полученные в ходе контрольного эксперимента данные позволяют говорить о положительных тенденциях личностного развития и поведения подростков в результате реализации программы по профилактике девиантного поведения.

Итак, девиантное поведение подростков является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. Оно может быть детерминировано взаимодействием различных факторов как биологического, так и социального характера. Особо важным представляется своевременное выявление рисков девиантного поведения подростков и реализация психопрофилактических мероприятий.

Библиографический список

1. Ахметзянова А.И., Кедрова И.А., Рудакова Е.В. Психологические особенности личности подростков, детерминирующие их девиантное поведение // Акмеология. 2016. № 4 (60). С. 201-209.
2. Гринина Е.С. Межличностные конфликты в представлениях подростков с девиантным поведением // Психология обучения. 2014. № 11. С. 31-42.
3. Гринина Е.С. Конфликтологическая компетентность подростков с девиантным поведением / Феноменология и профилактика девиантного поведения [электронное издание]: материалы X Междунар. Науч.-практ. Конф., 8 дек. 2016 г. / редкол.: А.А. Таганова, С.А. Павлова, И.С. Нестеренко, Н.А. Деева, А.С. Бондаренко, А.С. Осипова. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. С. 87-90.
4. Ковальчук М.А., Тарханова И.Ю. Девиантное поведение. Профилактика, коррекция, реабилитация. М.: Владос, 2014. 288 с.
5. Малкова Е.Е., Наумова А.А. Особенности межличностных отношений подростков-девиантов // Вестник психотерапии. 2014. № 52(57). С. 130-139Усова Е.Б. Психология девиантного поведения. Мн.: Изд-во МИУ, 2010. 321 с.
6. Панкстьянова Н.А., Ярославкина Е.В. Семейное неблагополучие как фактор, влияющий на девиантное поведение подростков / Современная психология образования: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 273-279.
7. Рудзинская Т.Ф. Проблемы самоактуализации подростков-девиантов // Коррекционная педагогика: теория и практика. 2011. № 2-3. С. 44.

PSYCHOLOGICAL PREVENTION OF DEVIENT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Grinina Elena Sergeevna
Saratov Scientific Research State University named after NG Chernyshevsky, Saratov
e-mail: elena-grinina@yandex.ru

Abstract. The article raises questions of prevention of deviant behavior of adolescents. Psychological features of adolescents with deviant behavior are analyzed, deformation of their personality-characterological formations and interpersonal relations is emphasized. The possibilities of diagnosing susceptibility to deviant behavior in adolescents and its psychological prevention are considered.

Key words: deviant behavior, adolescents with deviant behavior, psychological prevention, prevention of deviant behavior.

МАКИАВЕЛЛИЗМ И СКЛОННОСТЬ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ КАК ЧЕРТЫ МАНИПУЛЯТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Деева Наталья Александровна
Урбонавичус Марина Игоревна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mal: natalya_deeva@bk.ru

Аннотация. В статье обозначена актуальность понимания и изучения манипулятивной личности в современной ситуации развития общества. Освещена проблема взаимосвязи макиавеллизма и склонности к девиантному поведению как черт манипулятивной личности. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи макиавеллизма и склонности к девиантному поведению на примере юношеского и молодого возрастов.

Ключевые слова: психологическая манипуляция, манипулятивная личность, макиавеллизм, девиантное поведение.

В современной ситуации общественного развития манипуляция как психологический феномен все больше интересует исследователей. Это обусловлено характерными явлениями и процессами для постиндустриального общества неопределенности: борьба за власть на всех уровнях социальной жизни личности, управление массовым сознанием, достижение целей, эгоистическая направленность личности, размытость и динамичность ценностных ориентиров, морально-нравственная незрелость общества. На этом фоне формируется особый тип личности, который в психологических исследованиях обозначается как «манипулятивная личность», «личность манипулятора», «личность с манипулятивной направленностью».

Психологический смысл манипуляции заключается в том, что на личность оказывается скрытое воздействие, осуществляется скрытое тактическое управление с целью добиться своих целей в ущерб как личности, так и взаимоотношениям [1, 4, 7, 8]. Личность, для которой тактики и техники такого воздействия на других людей, с целью использования их в своих корыстных целях [4] становятся привычными приобретает специфические черты, которые могут являться деструктивными для ее развития и жизнедеятельности вообще. Как справедливо отмечает Л.И. Рюмшина «с помощью манипуляций можно

быстро достичь цели, «выиграть» тактически, но проиграть стратегически. В этом и есть самый главный психологический смысл манипуляций и их онтологическая бессмысленность» [7] Итак, манипулятор — личность, вставшая на путь самоуничтожения, которая использует или контролирует себя и других людей в качестве вещей. Манипуляция не является необходимым отношением к жизни и не приносит никакой действительной пользы. Поэтому манипулятивной личности присуще агрессивная настроенность на социальную реальность, неудовлетворенность собой и другими, в конечном итоге потеря личностных смыслов и смысла жизни вообще, что приводит к искаженному восприятию окружающей действительности на фоне попыток самооправдания и демонстрации убеждения «цель оправдывает средства».

Пожалуй, принцип: «цель оправдывает средства» - является основной характерной чертой манипулятора, которую уже традиционно принято называть макиавеллизмом. Макиавеллизм как научная категория получил широкое распространение в 70-х гг. XX в., в настоящее время он понимается как психологический синдром, сочетающий во взаимосвязи когнитивные, мотивационные и поведенческие характеристики [10] и входит в так называемую «темную триаду». «Макиавеллизм обычно определяется как склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими тонкими, едва уловимыми или нефизически агрессивными способами, такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание». [9, с.223]. Человек, склонный к макиавеллизму, способен манипулировать людьми при этом скрывая свои подлинные намерения и, как правило, ставя социально-статусные ценности выше моральных и гуманистических. Опытный гриптонг способен добиться от своей «жертвы» того, чтобы она сама того не осознавая, изменила первоначальные цели и поведение под мощным внушающим и убеждающим натиском. При этом у жертвы манипуляции может возникать взаимопонимание о доверие по отношению к манипулятору. Отметим также, что для человека с высоким уровнем маккиавеллизма характерно непреодолимое желание манипулировать, которое порой, выливается в зависимость, что ведет к различного рода проявлению деструктивного поведения, а порой, и к девиациям. Например, такое поведение может перерастать ретретизм [6] - форму девиантного поведения которая представляет собой отказ и от социально одобренных целей, и от способов их достижения.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что высокий уровень макиавеллизма – это уже граница девиации, а уход макиавеллиста от социально одобряемых подлинных целей и смыслов. Это может

обусловливать как возникновение склонности к различного рода девиации-девиациям, так и ярко выраженные проявления девиантного поведения как поступка, действия человека, не соответствующего «официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам)» [2, 55с.] Девиантность возникая в результате нарушений социализации обусловливает формирование противоречащих мотивов, социальных ролей и статусов личности и, как следствие, использование окружающих людей в качестве «инструментов» для решения своих проблем и противоречий.

В современном ситуации склонность и проявления девиантного поведения присущи не только юношескому возрасту, как нестабильной и наиболее уязвимой социальной группы, но и молодому возрасту тоже. В данных возрастных периодах при неблагоприятном течении социализации остается доминирующей тенденция ориентации на групповые нормы, противоречащие общественным, поиск наиболее легких и быстрых путей самоутверждения, преобладание фикс целей и т.п. При этом юность и молодость – это период становления человека в социуме, определения жизненных приоритетов.

Вышесказанное определило проблему исследования, которая заключается в том связан ли и каким образом связан уровень макиавеллизма со склонностью к различным видам девиантного поведения в юношеском и молодом возрасте.

В связи с этим, был определена исследовательская выборка в количестве 80 человек, которые были поделены на две группы в зависимости от возраста. Первую группу составили респонденты от 18 до 21 года в количестве 40 человек, из них девушки 20, юноши 20. Вторую группу составили респонденты в возрасте от 22 до 25 лет в количестве40 человек, из них мужчин 20, женщин 20. Для получения эмпирических данных были использованы методики: русскоязычная версия шкалы Мак-IV (В.В. Знаков) [3]; Методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел) [5].

Проведя исследование макиавеллизма, обнаружилось, что наибольшая часть испытуемых во всех группах имеет средний уровень его выраженности (60-65% респондентов). Однако увеличение количества респондентов с высоким уровнем отмечается в юношеском возрасте, причем наибольшее число в группе девушек (таблица 1).

Таблица 1.

Процентное соотношение респондентов с разным выраженности макиавеллизма в различных половозрастных группах

Уровень макиавеллизма Выборка	Низкий уровень развитости макиавеллизма	Средний уровень развитости макиавеллизма	Высокий уровень развитости макиавеллизма
Девушки 18-21 год	5%	60%	35%
Женщины 22-25 лет	30%	60%	10%
Юноши 18-21 год	25%	50%	25%
Мужчины 22-25 лет	25%	65%	10%

Наряду с этим, было установлено, что склонность к девиантному поведению имеет наиболее высокие показатели в юношеском возрасте.

С помощью корреляционного анализа нам удалось установить, что уровень макиавеллизма, находится в взаимосвязи со шкалами девиантного поведения, причем взаимосвязи различаются в каждой половозрастной группе. Результаты исследования представлены в таблице 2.

В группе девушек (18-21 год) обнаружена положительная значимая взаимосвязь между макиавеллизмом и склонностью к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонностью к делинквентному поведению. а также со шкалой волевого контроля. Это подтверждается отрицательной корреляцией макиавеллизма с установкой на социально-желательные ответы.

Таблица 2

Взаимосвязь уровня выраженности макиавеллизма и склонности к девиантному поведению, где $r = 0,42$ при $p \leqslant 0,05$

Взаимосвязь склонности к девиантному поведению и уровня макиавеллизма (названия шкал)	Девушки (18-21 год)	Женщины (22-25 лет)	Юноши (18-21 год)	Мужчины (22-25 лет)
Установка на социально-желательные ответы	-0,652*	0,073	-0,163	-0,467*
Склонность к преодолению норм и правил	0,397	-0,234	0,158	0,374
Склонность к аддиктивному поведению	0,332	-0,267	0,499*	0,254
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	0,557*	-0,114	0,256	0,192
Склонность к агрессии и насилию	0,307	0,300	0,278	0,077
Волевой контроль	0,446*	0,213	0,529*	0,005

эмоциональных реакций				
Склонность к деликвентному поведению	0,440*	0,276	0,637*	0,324
Принятие женской социальной роли	-0,116	0,130		

*- значимая корреляция

В группе юношей (18-21 год) обнаружены значимые положительные взаимосвязи макиавеллизма со склонностью к аддиктивному и делинквентому поведению, а также с волевым контролем эмоциональных реакций. Манипуляция в данном случае связана с зависимостью, где последняя возможно выступает в качестве компенсации внутренней опустошенности в связи с фиктивностью поставленных целей, достижение которых, либо их замещение возможно посредством даже противоправных действий, однако при усиленном волевом контроле и сокрытии истинных переживаний.

В группе женщин (22-25 лет) значимой взаимосвязи уровня макиавеллизма с уровнем склонности к девиантному поведению обнаружено не было на фоне невысокого уровня данных показателей по сравнению с другими группами. Возможно, это связанно с тем, что большую часть данной выборки (80%) составили женщины, которые обучаются в университете по специальности, связанной с работой в социальной сфере. В группе мужчин (22-25 лет) обнаружилась обратная значимая взаимосвязь между макиавеллизмом и установкой на социально-желательные ответы.

Итак, по результатам проведенного исследования можно обозначить следующие тенденции. В молодом возрасте на фоне снижения уровня макиавеллизма и склонности к девиантному поведению, отмечается уменьшение, либо отсутствие значимых взаимосвязей между данными показателями по сравнению с юношеским возрастом, при этом наибольшее число значимых корреляций обнаружено в выборке девушек. Отметим также, что в выборке девушек и юношей (18-21 год) присутствует значимая корреляция макиавеллизма со шкалой волевого контроля. Данные тенденции могут свидетельствовать о том, что в процессе взросления макиавеллизм, с одной стороны, имеет тенденцию к снижению, а с другой, приобретает наиболее социально приемлемые формы. Последнее, однако, на наш взгляд не является положительным моментом для становления и развития личности.

В заключении хотелось бы отметить, что взаимосвязь макиавеллизма и склонности к девиантному поведению имеет половозрастную специфику в юношеском и молодом возрасте. Данный факт, требует дополнительного подтверждения, и в дальнейшем может быть учтен при реализации

Библиографический список

1. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М.: Эскимо, 2002. С. 567.
2. Глинский Я.И. Социальный контроль и отклоняющееся поведение. Социология девиантного поведения и социального контроля. Краткий очерк // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар. 1992. №2. С.54-57.
3. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал, 2000, том 21, № 5, с. 16-22
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
5. Клейберг Ю.А. Практикум по девиантологии. СПб.: Речь, 2007 г. 144 с.
6. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Социологические исследования. 1992. № 2-4. С.118-124.
7. Рюмшина Л.И. Психологический смысл и онтологическая бессмысленность манипуляций // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. Т. 6. № 1. С. 49-53.
8. Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск: Харвест 2010. 768 с.
9. Ames M. Kidd A.H. Machiavellianism and women's grade point averages // Psychological Reports. 1979. V. 44. № 1. p. 223-228.
10. Studies in Machiavellianism / Ed. By r. Christie. F. L. Geis. New York: Academic Press, 1970.

MACHIAVELLIANISM AND PREDISPOSITION TO DEVIANT BEHAVIOR AS A TRAIT OF MANIPULATIVE PERSONALITY

Deeva N.A.
Urbonavichus M.I.
The Krasnodar Universitu of the Ministry of Ynternal Affairs of Russia, Krasnodar

Abstract: The article is devoted to the problem of manipulative personality in the modern situation in society. The problem of Machiavellianism and predisposition to deviant behavior as a trait of manipulative personality is posed. The results of an empirical study of the correlation between Machiavellianism and the predisposition to deviant behavior are presented on the example of young age: 18-21 and 22-25 years old.

Keywords: psychological manipulation, manipulative personality, Machiavellianism, deviant behavior.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Жуланов Александр Владимирович
(Краснодарский Университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: sandrik111@mail.ru

Аннотация. Девиация как негативное явление современности требует пристального внимания общественности к данной проблематике. Актуальность статьи, по мнению автора, взаимосвязана с тем, что наблюдается снижение престижа службы в ОВД. При этом социальная незрелость курсантов образовательных учреждений МВД увеличивает степень проявления отклоняющегося поведения, что оказывает негативное воздействие на служебную дисциплину и социально-психологический климат в подразделениях ОВД. Данный аспект поставил перед педагогическими работниками образовательных учреждений системы МВД задачу - организовывать профилактическую работу среди курсантов и слушателей с целью недопущения и предупреждения различных форм девиантного поведения**.**

Кроме этого, в статье представлены основные направления профилактики девиантного поведения, которые должны осуществляться на протяжении всего процесса обучения курсантов и слушателей, а также при адаптации к новому месту службы.

Ключевые слова: девиантность, курсанты и слушатели, профилактика, конфликтное поведение.

Девиантное поведение в современном обществе является актуальной проблемой, обсуждаемой многими учеными в рамках таких гуманитарных наук, как история, философия, психология, педагогика, социология, медицина, юриспруденция, политология, так как представляет научно-предметную сферу для психологов, педагогов, социальных работников, криминологов. Наиболее разработанной эта тема является в социологии, что обусловило появление в современной науке одного из прикладных направлений – девиантологии. Возникло множество социологических теорий, которые упорядочивают разнообразные утверждения в определении термина, причин возникновения, поведенческие проявления. Видные ученые современности – Г. Тард, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Я.И. Глинский, Э.Г. Сазерленд и др. внесли колоссальный вклад в развитие девиантологии. Накопление теоретических и практических знаний происходит и в настоящее время.

Под социальной девиацией мы будем понимать особый тип поведения, который отклоняется от принятого, социально приемлемого поведения в определенном обществе, как в позитивном, так и в негативном смысле.

На основе встречаемого множества классификаций, в научной литературе, выделим основные виды девиантного поведения у курсантов.

1. Конфликтное поведение. Безусловное подчинение в служебном коллективе порождает два вида конфликтов: внутриличностный, как возникшие противоречия между усвоенными нормами гражданского общества и полным подчинением нормам среды, и межличностный, в виде противоречий между сотрудниками ОВД. Выражается это в мелких проступках, нарушениях норм морали, не представляющих общественной опасности.

2. Уклонение от служебных обязанностей, выражающееся в основном в неисполнении приказов путем имитации деятельности или бездействия.

3. Самовольная отлучка за пределы соответствующей территории. При этом девиация приобретает не демонстративную форму, а становится, с одной стороны, обязательным элементом вторичной социализации, с другой стороны – опытом нестандартного решения задачи в условиях строгого служебного порядка.

4. Систематическое употребление спиртных напитков, особенно в месте прохождения обучения и службы. Провоцирующим фактором возникновения девиации являются ритуалы, связанные с присягой, вхождением в служебный коллектив, присвоением первого специального звания у слушателей и др. Ими выступают накрытие стола «по-походному», наличие важнейшего атрибута – спиртных напитков, рассаживание за столом в зависимости от положения в сообществе. Несоблюдение этих ритуалов повышает риск изоляции индивида.

5. Употребление табака, наркотиков и других психоактивных веществ.

6. Суицидальное поведение как проявление аутоагрессии в форме нанесения себе ранений или причинения себе смерти.

7. Сексуальные перверсии в виде гомосексуализма, педофилии, геронтофилий, зоофилий, некрофилий.

Причинами, формирующими мотивацию к девиантному поведению у курсантов, служат негативный социальный опыт, несвоевременное решение жизненных проблем, возрастные кризисы, особенности протекания процесса адаптации и социализации.

По мнению И.К. Стригуненко у курсантов отмечается наличие типичных девиантных поступков в форме употребления алкоголя, наркотических веществ, сексуальной безнравственности, бытовой враждебности, аморального образа жизни [5]. Исследовательские изыскания, проведенные автором, позволили выявить почти треть (29,77%) курсантов и слушателей Краснодарского университета МВД России, которые сталкивались с девиантным поведением. Вместе с этим толерантно относятся к такому поведению 30,06% респондентов. Обнаружено, что более половины (52,60%) не сталкивались с подобным, а 17,63% затруднились ответить. Это говорит

о существовании угрозы распространения девиации. И.К. Стригуненко описал кластер потенциальных девиантов, у которых сочетаются неудовлетворенность учебой (6,94%) с позитивным восприятием девиантного поведения и отождествлением его с собственной жизнью в 6,07% случаев. Отметили злоупотребление алкоголем 0,87% опрошенных, при этом еще 7,51% испытуемых регулярно принимают алкоголь в качестве релаксирующего средства и снятия стресса. Разочарованы в выбранной профессии и испытывают негативизм по отношению к жизни 2,31% курсантов. Выражают категоричность суждений, юношеский максимализм, нежелание прислушиваться к чужому мнению 10,12% опрошенных. Агрессивное поведение по отношению к другим людям, к окружающим проявляют 4,34% респондента при этом периодическая раздражительность и злобность характерна для 37,86% испытуемых. Нарушают нормы морали, нравственности 0,29% курсантов. Склонны к самосуду 7,51% респондентов. Нарушают правила дорожного движения 6,36% опрошенных. Склонны допускать незначительные отклонения от норм законодательства - 35,26% респондентов. Убежденны в том, что в России за деньги можно решить любые проблемы с законом и уйти от ответственности 52,02% респондента. Уверены в том, что верность сексуальному партнеру является пережитком прошлого 13,58 % участников исследования; при этом 3,18% из них практикуют беспорядочные половые связи.

Приведем для сравнения исследование, проведенное Р.Ю.Поляковым в Пензенском артиллерийском инженерном институте также показывает часто встречающиеся формы девиантного поведения у курсантов военных вузов [4]. Наиболее распространенной формой отклоняющегося поведения является словесное оскорбление, встречающееся в 36% случаев. Далее по степени убывания следуют пререкания с командирами (28%), мелкое воровство (12%), физическое оскорбление (9%), употребление спиртных напитков (8%), самовольные отлучки (4%), другое (2%)[4].

Таким образом, исследования показывают, что среди обучающихся в образовательных учреждениях МВД России установлена категория лиц, отличительной особенностью которой является потенциальная или реальная девиантность. Однако сформированная система образования и воспитания сдерживает эти девиантные акты, в результате чего проявляются они на порядок меньше, чем в молодежной среде гражданского общества современной России.

Мерами предупреждения девиантного поведения можно считать те, посредством которых будет осуществляться строгий контроль за деятельностью курсантов и слушателей.

В первую очередь таковыми можно считать различные приказы и распоряжения, в которых обозначен контроль за деятельностью лиц, проходящих службу. С нормативно-правовыми актами, регламентирующими прохождение служебной деятельности в ОВД курсанты знакомятся уже с

первых дней обучения в учреждениях МВД России и в последствии понимают их значение.

Следующей формой контроля можно считать общественный контроль посредством образования родительских комитетов в ВУЗах. [4]. Родительский комитет, осуществляя разностороннее взаимодействие с курсовыми офицерами, курсантами, преподавателями, родителями способствует устранению причин и условий, порождающих противоправные действия.

Также мы считаем важной формой профилактики сопровождение курсантов начальных курсов в процессе адаптации его к новым условиям жизнедеятельности. Здесь необходимо привлекать все категории командиров курса, опытных курсантов с безупречной дисциплиной, ветеранов ОВД, педагогов-наставников, психологов. Очень важен индивидуальный подход к каждому курсанту. При этом основной упор необходимо сделать на выявлении лиц с девиантным поведением и положительно относящихся к ним. Необходимо различными мерами способствовать формированию негативного отношения к пагубным привычкам, исключив демонстрацию привлекательности такого рода поведения. В то же время нужно внимательно относиться к жалобам курсанта, письмам, проявлениям заботы о своей семье и всячески формировать ценности и нормы здорового общества.

Пропаганда здорового образа жизни и профессионально-ориентированная физическая подготовка являются не менее важными мерами профилактики. Противодействие агрессии путем совершенствования сложно-координационных движений можно достигнуть путем органичного соединения базовой и специальной физической подготовки. Одним из элементов профилактики девиантного поведения является обучение рукопашному бою с ударной и борцовской техникой [2]. Выполняя приемы самостраховки, стойки, удары ногой и рукой, броски, приемы обезоруживания, курсант воспитывает в себе самодисциплину, инициативу, самостоятельность, высокую психологическую и стрессоустойчивость. В процессе подготовки и проведения учебных занятий и спортивных соревнований курсанты получают морально-психологическую поддержку, активизируют логическое и аналитическое мышление, что позволяет в качестве ориентира видеть здоровую жизненную позицию.

Включение курсантов в культурно досуговую деятельность также представляет собой ресурс, обеспечивающий активное сопротивление девиантному поведению. Привлекаемый к данной деятельности в условиях ВУЗа курсант проявляет интеллектуальную активность, реализует собственный творческий потенциал, развивает автономию личности, формирует систему личных ценностей, формирует адекватный образ своего «Я» [1]. Формами досуга при этом является не только концертная деятельность и интеллектуальные игры, но и участие в создании тренинговых групп в формате рефлексивного тренинг-клуба.

Нельзя не принимать во внимание возросший интерес в современной России к церкви. Главным здесь является понимание того, что курсанты не обязаны участвовать во всех церковных мероприятиях, но священнослужители, привлекаемые к воспитательной работе могут пропагандировать общечеловеческие ценности. В некотором смысле они берут на себя обязанности психолога, когда помогают разобраться курсанту в жизненных ситуациях посредством беседы, в которой обсуждаются проблемы, затрагивающие не только бытовые ситуации, но и внутренний духовный мир человека. Если это взаимодействие направлено не на служение всецело церковной идеологии, а только внесение религиозных элементов (например, поминовение погибших воинов, исторические боевые традиции) в элементы службы, то пробуждая в человеке чистые чувства, церковь помогает пробуждать и укреплять любовь к Отечеству и воспитывать новое поколение в духе патриотизма.

Мы считаем, что перечисленные направления профилактики девиантного поведения должны обязательно осуществляться на протяжении всего обучения курсантов и слушателей в образовательных учреждениях системы МВД России, а также иметь место в процессе адаптации их к новому месту службы.

Библиографический список

1. Мищенко И.Е. Педагогические условия профилактики девиантного поведения курсантов средствами культурно-досуговой деятельности / И.Е. Мищенко // Проблемы современного педагогического образования. 2016. - № 53-4. – С. 108-114.

2. Овчинников А.Ю.Обучение рукопашному бою в образовательных учреждениях ФСИН России как условие профилактики девиантного поведения курсантов / А.Ю. Овчинников // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. – 2011. - № 29 С.- 181-185.

3. Папкин А.И. Причины формирования мотивов девиантного поведения у сотрудников правоохранительных органов / А.И. Папкин // Прикладная юридическая психология. – 2010. - № 2. – С. 135-146.

4. Поляков Р.Ю. Методы предупреждения девиантного поведения курсантов / Р.Ю. Поляков // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. - № 28. – С. 950-956.

5. Стригуненко И.К. Источники и формы девиантного поведения учащихся в учебных заведениях МВД России / И.К. Стригуненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. - № 7-1. – С.-131-133.

PECULIARITIES OF MANIFESTATION OF DEVIANT BEHAVIOR AND ITS PREVENTION IN TERMS OF TRAINING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF RUSSIA

Zhulanov Alexander V.
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs, Krasnodar

Abstract. Deviation as a negative phenomenon of our time requires the attention of the public to this issue. The relevance of the article, in the author's opinion, related to the fact that there is a decrease of prestige of service in the police Department. The social immaturity of cadets of educational institutions of the MIA increases the degree of manifestation of deviant behaviour that has a negative impact on the service discipline and the socio-psychological climate in the ATS units. This aspect is put in front of pedagogical workers of educational institutions of the interior Ministry the task - to organize preventive work among the cadets and students with the purpose of prevention and prevention of various forms of deviant behavior.

In addition, the article presents the main directions of prevention of deviant behavior that should be implemented throughout the process of training of cadets and students, as well as when adapting to a new place of service.

Key words: deviance, cadets and trainees, prevention, conflict behavior.

ОСОБЕННОСТИ НАПРАВЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД НА ВЕДЕНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ СВЯЗАННОГО С ПРОФИЛАКТИКОЙ РАЗВИТИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Исхаков Эдуард Робертович
(Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа)
e-mail: iskhakov1964@mail.ru

Аннотация. В статье установлена частота изменения поведенческих факторов формирующих образ жизни направленный на поддержание высокой работоспособности и сохранения здоровья среди сотрудников ОВД после получения ими специальной информации и рекомендаций. Наиболее выполняемой оказались рекомендации по отдельным вопросам питания, приему медикаментов, применению психофизиологических методов снятия стресса, наименее выполняемыми по факторам связанным с курением, избыточной массы тела, диетических привычек, сна, приему рекомендованных природных адаптагенов.

Ключевые слова: сотрудники ОВД, здоровый образ жизни, профилактика заболеваний, иммунитет, трансфер фактор.

Актуальность. Исследования показывают, что труд сотрудников ОВД непосредственно контактирующих с правонарушителями (преступниками) (например, патрульно-постовой и других служб) относится категории опасных профессий, при котором высока вероятность, развития заболеваний, что в итоге приведет к снижению эффективности служебной деятельности [2]. Кроме того, отсутствие здорового образа жизни у сотрудника в ряде случаев способствует развитию у него суицидальных намерений, а проблема суицидов в МВД России, к сожалению, остается все еще актуальной [1]. Сохранение физического и психического здоровья сотрудников ОВД, повышения эффективности их служебной деятельности является важной задачей в медико-психологическом обеспечении деятельности ОВД. В свою очередь, как сохранение здоровья, так и поддержание высокой работоспособности и как следствие эффективное выполнение служебных обязанностей сотрудников ОВД будет зависеть, в том числе от наличия у них поведенческих психологических факторов формирующих здоровый или нездоровый образ жизни и имеющих направленность на профилактику развития соматических заболеваний.

Материал и методы. Были опрошены сотрудники ОВД, которым была доведена информация и даны рекомендации по ведению здорового образа жизни и поведению, направленному на профилактику развития соматических заболеваний. К факторам, которые считаются поведенческими навыками, направленными на ведение здорового образа жизни и поведению, направленному на профилактику развития соматических заболеваний таких как гипертоническая болезнь, сахарный диабет, инсульт, инфаркт, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки относились: ежедневная физическая нагрузка в аэробном режиме, согласно рекомендациям Всемирной Организации Здравоохранения, отсутствие курения, сон продолжительностью 8 часов, приверженность к приему медикаментов предписанных врачом по имеющимся хроническим заболеваниям, снятие стресса психофизиологическими методами, проведение мероприятий по снижению избыточной массы тела (при ее наличии), регулярное применение немедикаментозных (в том числе и нетрадиционных) методов лечения и профилактики заболеваний – пребывание в санатории, санатории-профилактории, физио-лечение, различные виды массажа, апитерапия, прием БАДов (биологически активных добавок, в частности рекомендовалось добавление в питание средств на основе «Трансфер фактора», природного иммунорегулятора, изготовленного из молозива коров), нормальное питание (4-5 кратное питание в день, употребление ежедневно в пищу около полкилограмма свежих фруктов (овощей), непересаливание пищи, отсутствие потребления газированных сладких напитков с длительным сроком хранения и колбасных изделий с длительным сроком хранения).

Проведено структурированное интервью с 90 действующими сотрудниками ОВД, из них 60 мужчин и 30 женщин, в сроки от 1 недели до

двух месяцев после получения ими информации и рекомендаций (групповые и индивидуальные) по ведению здорового образа жизни. Из числа 60 мужчин 31 человек имели соматические заболевания такие как гипертоническая болезнь, язвенная болезнь желудка или двенадцатиперстной кишки, артрит. Из числа женщин 17 человек имели такие заболевания как гипертоническая болезнь, хроническая обструктивная болезнь легких, заболевания, связанные с дисгормональными изменениями.

Критериями наличия факторов ведения здорового образа жизни являлось приобретение данных факторов после получения информации и рекомендаций при первоначальном их отсутствии. Рассчитывались относительные показатели изменивших свой образ жизни к числу тех, кто не имел предварительно факторов ведения здорового образа жизни и профилактики развития соматических заболеваний.

Полученные результаты. Предварительный неформальный опрос показал, что значительная часть участвующих в исследовании сотрудников ОВД как мужчин, так и женщин не имели поведенческих факторов, направленных на здоровый образ жизни и предупреждение соматических заболеваний

Установлено, что после получения информации и рекомендаций:

- включили в свой распорядок дня ежедневную физическую нагрузку в аэробном режиме, согласно рекомендациям Всемирной Организации Здравоохранения, лишь 5 % мужчин и женщин;

- лишь 10 % курильщиков за период после получения рекомендаций и интервью попытались бросить курить (но все попытки оказались безуспешными);

- ни у кого из интервьюированных сон не достиг продолжительности 8 часов;

- у 35% имеющих хронические заболевания возросла приверженность к приему медикаментов предписанных врачом по имеющимся хроническим заболеваниям;

- 40% начали применять снятие стресса психофизиологическими методами,

- никто не начал проведение мероприятий по снижению избыточной массы тела (при ее наличии),

- по 1 мужчине и женщине начали регулярное применение немедикаментозных (в том числе и нетрадиционных) методов лечения и профилактики заболеваний – пребывание в санатории, санатории-профилактории, физио-лечение, различные виды массажа, апитерапия, однако никто не стал проводить прием БАДов (биологически активных добавок, в частности рекомендовалось добавление в питание средств на основе «Трансфер фактора», природного иммунорегулятора, изготовленного из молозива коров), хотя имелась их доступность.

- лишь у 10% установлилось 4-5 кратное питание в день,

- 15% начали употребление ежедневно в пищу около полкилограмма свежих фруктов (овощей),

- никто не смог отказаться от пересаливания пищи,

- почти 90% отказались от потребления газированных сладких напитков с длительным сроком хранения, однако никто не отказался от употребления в пищу колбасных изделий с длительным сроком хранения).

Выводы. Таким образом, исследование показывает, что наиболее изменяемым поведенческим фактором после получения информации и рекомендациям по изменению образа жизни в сторону здорового и направленного на предупреждение развития заболеваний оказался отказ от употребления в пищу сладких газированных напитков с длительным сроком хранения, на втором месте оказалось применение психофизиологических приемов по снятию стресса, на третьем месте – приверженность к выполнению врачебных рекомендаций по медикаментозному лечению имеющихся заболеваний. Вместе с тем ряд поведенческих факторов таких как борьба с лишним весом, отказ от курения, занятия физической культурой, изменение питания, включение в рацион средств, улучшающих иммунитет так и не изменился, что повышает у сотрудников угрозу риска как развития соматических заболеваний так и их утяжеления.

Библиографический список

1. Линевич В.Л. Посттравматические стрессовые расстройства – фактор суицидального риска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61). С. 45-48.

2. Мансурова З.Р. Морально-психологическая устойчивость личного состава при чрезвычайных ситуациях. Сборник трудов конференции «Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 2. № 2. С. 204-211.

THE FEATURES OF LIFE STYLE AMONG LAW ENFORCEMENT BODIES ACTIVITY TOWARD TO PREVENTIVE SOMATIC DISEASES

Iskhakov Eduard Robertivich
Ufa law institute of the Ministry of internal affaires of Russia, Ufa

Abstract. Estimated the changing in frequency of life stile which forms behavior concerning preventive somatic diseases among law enforcement bodies officers after receiving then useful information and personal recommendation. The most changing factors were in connection to some aspects of nutrition, psychological methods for stress relieving, compliance for medical treatment but less or nothing were for smoking, overweight, food habits, sleeping, using natural food supplements for immune system.

Key words. Law enforcement bodies officers, health life style, preventive diseases, immunity, transfer factor.

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В РОССИИ СЕГОДНЯ: ДЕВИАЦИЯ ИЛИ НОРМА?

Карабаш Дмитрий Васильевич, Фролов Алексей Анатольевич
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)

Аннотация. В статье проводится анализ ситуаций применения оружия гражданским населением в Российской Федерации и предпринимается попытка ответить на вопрос об адекватности и отклонении поведения людей с оружием. Изучаются правовые основы оборота огнестрельного оружия в России сегодня и исследуется практика применения огнестрельного оружия в зарубежных странах.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, легальное применение, нелегальное применение, закон, поведение, защита жизни и здоровья, полицейская статистика.

Когда человек берется за оружие,
он обязательно хочет что-то защитить.
Это может быть его собственная жизнь,
положение в обществе, честь;
кто-то, кто ему дорог; что-то,
во что он верит… хорошее это или плохое,
но это желание защитить одинаково для всех.
«Блич», манга Тайто Кубо

Огнестрельным является оружие, использующее для производства выстрела энергию сгорания пороховых газов, в результате чего осуществляется выброс или метание снаряда (пули, мины). В настоящее время главным документом в России регламентирующим оборот огнестрельного оружия является закон «Об оружии» от 13.12.1996 N 150-ФЗ [14]. Данный документ устанавливает понятия оружия, вводит классификацию, определяет правоотношения и контроль за ним, а также разграничивает принадлежность областей использования и применения. Согласно этому нормативному акту, гражданские лица в нашей стране имеют право на хранение охотничьих ружей, травматических пистолетов (с энергией при выстреле не более 91 Дж), газовых пистолетов (снаряженных разрешенными к применению веществами), электрошокеров (соответствующих обязательным требованиям), пневматического оружия (с энергией не более 25 Дж) и холодного клинкового оружия (охотничьего или предназначенного для ношения с казачьей формой и национальными костюмами) [14, 10]. Боевое огнестрельное оружие в обороте гражданского населения не состоит и относится к сфере влияния правоохранительных органов и вооруженных сил. Вместе с тем, многочисленная практика легального и нелегального приме-

нения и использования огнестрельного оружия в России в настоящее время заставляет задуматься о существующих границах законодательства, оценить необходимость расширения действующих рамок или наоборот произвести мероприятия по ужесточению контроля обращения, и, в целом, ответить на вопрос – является ли поведение человека, применяющего огнестрельное оружие в настоящее время девиантным или оно уже давно должно быть отнесено к устоявшейся норме? Попытаемся в этом разобраться на примере случаев применения огнестрельного оружия гражданским населением у нас в стране, а также произведем сравнение с западными странами.

Как уже было замечено ранее, ситуации применения оружия гражданским населением в России сегодня можно классифицировать по двум направлениям – легально и нелегально.

К числу легально применяемым относятся также перечисленные выше основания, указанные в законе «Об оружии» - занятия охотой, спортивной стрельбой, коллекционированием или для самообороны [14].

К нелегально применяемым относятся все случаи несоответствия прямого предназначения указанного вида оружия (например, в ситуации празднования какого-либо мероприятия открывается стрельба из охотничьего оружия, ради забавы или розыгрыша, а также использование легального оружия в преступных целях. Кроме того, к ситуациям нелегального применения оружия относятся все случаи использования запрещенного в обороте боевого стрелкового оружия, приобретенного незаконным путем. В первую очередь это криминальные группировки и бандформирования. Вместе с тем, случаи применения огнестрельного оружия в отношении тех же криминальных группировок, которыми пестрит телевидение и киноиндустрия (фильм «Ворошиловский стрелок», «Брат» и т.д.) на поверку оказались лишь вымышленными историями. В многочисленных каналах информации СМИ, МВД РФ реальных фактов такого применения оружия обнаружено не было, хотя эти выдуманные истории не исключают возможности их отношения к реальным событиям.

Но как же обстоят дела в отношении оценки населением ситуаций применения огнестрельного оружия. Здесь также существует два лагеря – те, кто поддерживает, и кто против. Аргументы приводятся и одними и другими, однако обратимся к статистике. В первую очередь, стоит отметить, что ситуации применения огнестрельного оружия имеют более высокий общественный резонанс, особенно, если в результате имеется большое количество пострадавших или они совершаются в многолюдных общественных местах [7]. Так в России за истекший период 2017-2016 года произошло несколько подобных случаев, вот некоторые их них:

- стрельба подростков в поселке Псковской области по полицейским, закончившаяся убийством и самоубийством 14 ноября 2016 года [11];

- массовое убийство 9 человек ночью 4 июня 2017 года в садоводстве «50 лет Октября» в поселке Редкино под Тверью. В результате бытового

конфликта мужчина расстрелял из охотничьего ружья 9 человек — 4 женщин и 5 мужчин [3];

- стрельба 5 сентября 2017 года ученика 9-го класса в школе в подмосковной Ивантеевке [8];

- стрельба 28 сентября группы молодых людей на стационарном посту ДПС при въезде в г. Краснодар, которой предшествовало жестокое убийство жителя г. Краснодара [6].

Случаи зарубежных стран еще более красноречивы, чего только стоит последний случай стрельбы в Лас-Вегасе, результате которой погибли 59 человек и более 520 – пострадали [13].

Конечно приведенные примеры и случаи шокируют население и данный аргумент хорошо используется против доступности оружия.

Сторонники легализации оружия приводят контраргумент – полицейская статистика свидетельствует, что каждый год от гражданского оружия гибнет в среднем от 500 до 600 человек [12]. Вместе с тем, от бытовых убийств с применением кухонных ножей, молотков, топоров, лопат, гаечных ключей и прочих инструментов труда погибает каждый год почти 30 тысяч человек. Примерно такое же количество граждан страны становится за год жертвами дорожно-транспортных происшествий [4]. Но ведь никто не рвется запрещать сковородки или автомобили? И в средствах массовой информации нет дотошного освещения данных происшествий. Конечно, может возникнуть закономерный вопрос – раз оружие станет доступнее, то теоретически возможно увеличение цифры бытовых преступлений до уже обозначенной. Однако, с трудом верится, что в случае разрешения, основная масса населения ринется закупать огнестрельное оружие с надеждой его применения [9]. В первую очередь это связано с ужесточением правил по контролю за приобретением, выдачей и хранением оружия, а также увеличением его стоимости. Очевидно, что приобретение оружия рядовому гражданину без надобности ради развлечения будет неинтересно и не выгодно [1]. Вместе с тем, та же статистика зарубежных стран свидетельствует об уменьшении количества противоправных деяний в странах с разрешенным оборотом оружия и увеличение преступлений и убийств, в странах с имеющимся запретом [2, 5]. Объясняется это тем, что замышляющий преступление человек точно не знает – есть ли оружие самообороны у потенциальной жертвы или нет. В то же время актуальна статистика демонстрации оружия в момент совершения преступления - в ряде случаев она заставляет злоумышленника отказаться от своих намерений.

И еще один аргумент – у криминала и преступности, как правило, присутствует нелегальное огнестрельное оружие, а законопослушный гражданин, получив лицензию и пистолет, сможет защитить не только себя и свою семью, но и своих соседей или просто прохожих от нападения преступников. Не по наслышке приходилось сталкиваться с ситуациями бытовых дебоширов, видеть страх этих семей и их соседей. Зачастую, право-

охранительные органы не в состоянии защитить всех здесь и сейчас, а потом уже бывает поздно [10].

Приведенные доводы являются лишь немногими в ответе на вопрос о норме или девиации в ситуации применения оружия. Крайне негативными формами поведения можно считать совершение преступлений, ситуации адекватного отпора или самообороны возможно рассматривать в качестве близких к нормальным. Очевидно, для достижения этой самой нормы необходим некий баланс между абсолютным запретом и разрешением. В этом направлении в нашей стране назревают определенные тенденции, которые, в первую очередь, требуют грамотной реализации в рамках правового поля и практической сферы применения оружия.

Библиографический список

1. Выпуск № 53 Что ждет владельцев оружия с 1 октября 2017 года: [Электронный ресурс]. URL: http://www.riogun.ru/pokupateliu/poleznoe/vypusk-53-chto-zhdet-vladeltsev-oruzhiia-s-1-oktiabria-2017-goda (Дата обращения: 20.11.2017).
2. Корецкий А.Д. Криминальная армалогия - учение о правовом режиме оружия. 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://jurisprudence.club/ugolovnoe-pravo-uchebnik/kontrkriminalnoe-primenenie-orujiya.html (Дата обращения: 20.11.2017).
3. Кровавая бойня в Тверской области: подробности массового убийства: [Электронный ресурс]. URL: https://tvernews.ru/news/221949/ (Дата обращения: 20.11.2017).
4. Люди и оружие. Версия, № 12 (185), 25-31 марта 2002: [Электронный ресурс]. URL: http://www.aferizm.ru/bb/ludi_i_oryjie.htm (Дата обращения: 20.11.2017).
5. О «странной» связи между оружием у граждан и уровнем преступности: [Электронный ресурс]. URL: http://maxpark.com/community/129/content/1493472 (Дата обращения: 20.11.2017).
6. Перестрелка в Краснодаре 28 августа 2017 года: что известно сейчас: [Электронный ресурс]. URL: https://rrnews.ru/articles/u15113/2017/08/29/perestrelka-v-krasnodare-28-avgusta-2017-goda-chto-izvestno-seychas-u15113-144873 (Дата обращения: 20.11.2017).
7. Плонский И. Огнестрел под вопросом. Ждет ли Россию запрет гражданского оружия? [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/119292-ognestrel-pod-voprosom-zhdet-li-rossiyu-zapret-grazhdanskogo-oruzhiya.html (Дата обращения: 20.11.2017).
8. Подросток устроил стрельбу из ружья и разбросал дымовые шашки в подмосковной школе: хроника событий, последние новости, фото и видео: [Электронный ресурс]. URL: http://allpravda.info/podrostok-ustroil-strelbu-iz-ruzhya-i-razbrosal-dymovye-shashki-v-podmoskovnoy-shkole-khronika-sobytiy-poslednie-novosti-foto-i-video-46807.html (Дата обращения: 20.11.2017).

9. Раскин А. Россияне все чаще пускают в ход оружие: [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/t/главное/895485/rossiianie_vsio_chashchie_puskaiut_v_khod_oruzhiie (Дата обращения: 20.11.2017).

10. Россиянам предлагается разрешить короткоствольное оружие для самообороны: [Электронный ресурс]. URL: https://aftershock.news/?q=node/544791&full (Дата обращения: 20.11.2017).

11. Рудяк А. Псковские подростки открыли стрельбу по полицейским и покончили с собой: [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5829a72b9a79470453bc44c5 (Дата обращения: 20.11.2017).

12. Статистика по оружию – 50 фактов: [Электронный ресурс]. URL: http://blogger.com.ua/2016/статистика-по-оружию-50-фактов/ (Дата обращения: 20.11.2017).

13. Стрелок из Лас-Вегаса собирал оружие более 20 лет: [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/10/04/strelok-iz-las-vegasa-sobiral-oruzhie-bolee-20-let.html (Дата обращения: 20.11.2017).

14. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии» (с изменениями и дополнениями).

USE OF FIREARMS BY THE CIVILIAN POPULATION IN RUSSIA TODAY: DEVIATION OR NORM?

Karabash Dmitry V., Frolov Alexey A.
Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Summary. In article the analysis of situations of use of weapons by the civilian population in the Russian Federation is carried out and an attempt to answer a question of adequacy and a deviation of behavior of people with weapon is made. Legal bases of a turn of firearms in Russia are studied today and practice of use of firearms in foreign countries is investigated.

Keywords: firearms, legal application, illegal application, law, behavior, protection of life and health, police statistics.

НОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Кашин Олег Валериевич
(Краснодарский Университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: olegk_1373@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между процессом патриотического воспитания военнослужащих и изменением его социальных характеристик. Анализируется роль патриотизма в формировании установки на социально-конструктивную деятельность, ставится вопрос о

ценностной определенности установки на следование общепринятым социальным нормам.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, социальные нормы, подготовка военнослужащих.

Воспитание в ведомственных структурах предполагает формирование набора личностных качеств, способствующих своевременной результативной деятельности, слаженности групповой работы, а также проявлению инициативы в сложных ситуациях[1]. Несмотря на то, что деятельность военнослужащих в ключевых своих аспектах определяется Уставом, в ряде ситуаций имеет место вариативность действий и социальных проявлений. В этом отношении наличие конструктивных социальных установок представляет собой то основание, которое определяет эффективность Вооруженных Сил, а также общую социальную оценку военнослужащих как группы.

Одним из важных составляющих элементов воспитательной работы является развитие в среде военнослужащих патриотических установок [3]. Здесь следует обратить внимание на важный момент: деятельность военнослужащих представляет собой, с точки зрения социальной прагматики, область социальной активности, в которой преобладающее значение имеют интересы государства, в то время как носители социальной активности тратят свой временной и трудовой ресурс без какой-либо существенной выгоды для себя. Этот момент практически полной самоотдачи с незначительным материальным вознаграждением определяет возникновение конфликта интересов военнослужащих-призывников и общества, однако ситуация конфликта становится возможной лишь в том случае, когда в мировоззрении призывника личные интересы доминируют над общесоциальными.

В этом отношении патриотическая составляющая воспитательного процесса призвана сформировать адекватное представление о значении воинской службы и, в частности, мотивировать военнослужащих к ее эффективному несению. Вместе с тем, помимо нивелирования ценностного конфликта в воинских коллективах, существует и еще одна важная функция патриотического воспитания: оно ориентирует солдат на конструктивную деятельность, мотивируя ее интересами общества, создавая в сознании солдат положительный образ военнослужащего-патриота. Одной из положительных характеристик в данном случае является социальная активность, направленность на оптимизацию социальной ситуации и разрешение возникающих в обществе проблем. Речь идет об активности социальной позиции, в которой зазор между констатацией проблемы и действиями по ее устранению стремится к нулю.

Здесь есть два важных аспекта: с одной стороны, патриотизм предполагает смещение акцентов социальной деятельности, перенаправление

ее от следования личным интересам к принятию интересов группы и, рассматривая шире – общества в целом [2]. Изменение социальной аксиологии, стремление к развитию позитивных форм взаимодействия, представляет собой важнейшее основание повышения социальной значимости действий конкретного человека. Вместе с тем, существует и другая сторона, связанная не столько с ценностными установками военнослужащих, сколько с нормами взаимодействия, что определяет форму социальной активности и ее векторы. Для того, чтобы проиллюстрировать данный момент, необходимо обратить внимание на различие между ценностями и нормами в социальной деятельности. Социальные ценности предполагают момент значимости какой-либо сферы для человека, в то время как нормы определяют конкретную оптимальную форму социального процесса и граничные состояния, при которых он утрачивает свой конструктивный характер. В этом смысле, например, принятие одних и тех же ценностей может сопровождаться различиями на уровне норм поведения. Так, при сходных установках, связанных с признанием ценности семьи, могут кардинальным образом различаться приемлемые формы взаимодействия.

Здесь обнаруживается видимое противоречие: если патриотизм представляет собой общую ценностную установку, а его объектом является общество в целом, каким образом возможно, что в ходе патриотического воспитания реализуется привитие социальных норм, которые обладают вполне конкретной определенностью? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо первоначально обратить внимание на то, что нормы социального взаимодействия могут не только даваться как некий готовый продукт воспитательной деятельности или образец, но и получать свое обоснование в ходе воспитательного процесса. Рассмотренное выше разделение норм и ценностей не предполагает, что они не взаимосвязаны. Речь идет скорее о теоретической детализации, которая допускает как наличие неактуализированных в ценностном плане норм взаимодействия, так и ненормальных в социальном плане установок, выходящих за рамки общей определенности конструктивных отношений.

Патриотическое воспитание реализует установку на принятие коллективных ценностей и, в частности, предполагает актуализацию общепринятых на уровне социальной системы норм. Здесь важным является то, что стремление к достижению высокого уровня развития общества и его общего процветания предполагает утверждение конструктивной формы общественной организации, одной из составляющих которой является приведение системы социальных отношений к нормативно определенной форме.

На этом уровне актуализируется важный момент: одним из важнейших факторов, лежащих в основе девиантного поведения, является акцентуация члена общества на индивидуальной сфере потребностей, что предполагает общую трактовку значимости конкретных социальных действий с

точки зрения личных интересов. Патриотические установки предполагают преобладание общесоциального аспекта, что, в свою очередь, означает смещение социальной аксиологии от субъективно-ситуативной трактовки социальной деятельности в сторону ее идеального рассмотрения с точки зрения значения того или иного действия для общества. Речь идет о качественном развитии личности, в рамках которого критерии оценки окружающих явлений существенно меняются, результатом чего становится изменение характера поведения человека.

Следует отметить, что современная система патриотического воспитания в рядах вооруженных сил представляет собой непосредственную работу с социальными установками военнослужащих. И потому важно не только прививать установку на достижение высокого уровня развития и процветания общества, но и давать ее расширенную трактовку, поскольку развитое патриотическое сознание не может существовать на уровне смутной интенции. На деле именно недоразвитый, не прошедший стадию рефлексивного осмысления патриотизм представляет собой объект спекуляций и манипулирования, результатом которого зачастую является склонение носителей, в целом, конструктивной исходной установки к негативной деятельности. Таким образом, патриотическое воспитание военнослужащих должно включать в себя не только формирование положительного отношения к Родине, но и понимание того, что является благом для общества. Именно в такой форме патриотическое воспитание можно рассматривать как состоявшийся процесс, и именно такая форма патриотического воспитания может способствовать общему качественному развитию социальных характеристик военнослужащих.

Библиографический список

1. Боровых А.С., Логинов К.Г., Чейда И.И. Формирование у курсантов профессионально-значимых качеств личности [Текст] / А.С. Боровых, К.Г. Логинов, И.И. Чейда. - Иваново: ИПТУ МВД России, 1998.-230 с.

2. Карманова Д.А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т].- Иваново, 2007.- 159 с.

3. Костылев С.В. Формирование нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ в полиэтническом регионе (постановка проблемы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. №7. С.56-60

NORMS OF SOCIAL INTERACTION IN THE SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION OF THE MILITARY PERSONNEL

Kashin Oleg V.
Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar

Summary. In article the interrelation between process of patriotic education of the military personnel and change of his social characteristics is considered. The patriotism role in formation of orientation on social and constructive activity is analyzed, asked about valuable definiteness of installation on following to the standard social norms.

Keywords: patriotism, patriotic education, social norms, training of the military personnel.

МОДА НА СМЕРТЬ: ОПАСНОСТЬ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ

Киселев Сергей Сергеевич
(Краснодарский Университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: kiselev_omamvd@mail.ru

Аннотация. Тезисы посвящены проблеме актуализированного в последнее время тренда танатофилии, ужасающей распространенности детских суицидов, непосредственно связанных с «группами смерти» (социальной сети «ВКонтакте»), в которых несовершеннолетним и малолетним внушается идея смерти-спасения. Кратко описывается проблема предупреждения подобных общественно опасных явлений в России.

Ключевые слова: мода, суицид, танатофилия, социальные сети.

В колоссальном потоке всеобъемлющего контента существует новое информационное (постиндустриальное) общество о котором много писал, недавно ушедший из жизни, Элвин Тоффлер. Еще в 1970-х годах в книге «Футурошок» он предсказал, что стремительное развитие технологических процессов к началу XXI в. буквально «разорвет» общество, так как оно окажется не готово к преждевременно наступившему будущему [2].

Главную угрозу нашего настоящего он видел в информации. Э. Тоффлер предсказал, что ни взрослые, ни тем более дети не будут до конца готовы адекватно реагировать на социальные вызовы, связанные с информационным потреблением. Но вряд ли он мог предположить, насколько окажется прав…

Из 90 млн. интернет-пользователе в России, около 50 млн. сегодня пользуются интернетом через мобильные устройства. На протяжении 2016 года владельцам «ВКонтакте» удалось заработать 8,9 миллиардов рублей, что

вдвое превышает результаты, зафиксированные в 2015 году (главным источником дохода является актуальный контент и реклама).

В условиях такого тотального потребления информации и технологий ребенка стало трудно удивить чем-либо. Родители чрезвычайно отстали от нового поколения и не могут или не хотят предупреждать трегедию. На этом фоне множество детей подверглись воздействию ужасающего тренда танатофилии (танатомании). Смерть стала крайне интересна для них, при этом в большинстве случаев они вообще не понимают, что происходит.

На протяжении долгого времени в сети Интернет в свободном доступе распространено изображение с очень странной инструкцией для детей. Девочки в возрасте примерно от 4 до 8 лет благодаря предлагаемой инструкции могут узнать как стать огненной феей «Винкс» в ночное время, с помощью газовой кухонной плиты.

На данный момент трагических случаев не зафиксировано, но прецеденты по применению этой инструкции имели место. Изображение с этой инструкцией может стать доступной ребенку через простой поисковый запрос. Почему оно не блокируется и не оценивается как опасный контент? Может потому что еще никто не погиб?...

Примечательно, что 10 лет назад девочки играли в куклы «Барби» и хотели быть красивыми как они. Сейчас же они играют в куклы монстры «Хай» и раскладывают их не по кукольным домикам, а по гробам. Ученые доказали, что куклы «Барби» нарушают психику по отношению к внешнему виду женщины. Но почему до сих пор не доказано, что куклы монстры «Хай» калечат психику ребенка, изменяют его отношение к смерти? Почему эти куклы являются хитом продаж, взрослые люди – родители покупают своим детям этих монстров, не понимая, что этим самым они превращают отношение к смерти в игру? Девочки с несформированной психикой и понятием о смерти считают, что гроб это уютный домик, в котором живет ее любимая кукла, расчлененная по частям на ночь. Почему эти куклы не снимают с продажи в нашей стране? Почему родители не осознают вредность таких подарков? Бесспорно, что такое отношение к ребенку в детстве приводит к серьезным последствиям в подростковом возрасте.

Где их ждет следующие игры уже посерьезнее. Такие, например как: «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4.20».

Государственная власть борется с различными видами преступлений и общественно вредных явлений, но перед этой игрой, как показывает практика, бессильна. Не смотря на изменение законодательства, в социальных сетях по-прежнему создаются «группы смерти».

В них с детьми работают взрослые люди, осознающие свою цель и идущие системно и планомерно к ней. Суть действий этих лиц – психологическое воздействие на ребенка через социальные сети. Внушение ему того, что он неудачник и есть другой мир, там, где он будет избранный. Говорить о системе игры можно очень долго учитывая особенности каждой истории ги-

бели ребенка. Суть в следующем: ребенок желающий вступить в эту игру размещает на своей странице, в комментариях надпись следующего содержания: #хочу в игру, разбуди меня в 4:20, синий кит, ищу куратора. Далее если его страница подходит, т. е. давность ее создание, фотографии, возраст, посты, размещенные в профиле, с этим ребенком связывается куратор и приглашает в игру, входя к нему в доверие откровенными разговорами. Затем предлагает выполнить 50 заданий, конечным из которых является суицид. Эта цифра связана с книгой «50 дней до самоубийства», автором которой является Стейс Крамер. Считается, что человек решивший покончить жизнь за 50 дней может осмыслить и сделать осознанное решение «за» или «против». Но в этой игре на протяжении этих дней на игрока идет колоссальное психологическое воздействие под давлением которого ситуация только усугубляется. Когда ребенок получает статус игрока, с ним каждый день в 4.20 связывается куратор и дает задания. Определенной последовательности в этих заданиях нет, кроме первого и последнего. В середине пятидесятидневного срока они варьируются в зависимости от эмоционального состояния ребенка.

Если ребенок осознает, что с ним происходит что-то страшное и хочет выйти из игры ему объясняют, что это уже не возможно и начинают угрожать. Обещают, что если он перестанет отвечать или кому-либо расскажет, убьют его родителей и близких. В подтверждение своих слов присылают адрес его проживания, который они получают посредством специальной программы в тот момент, когда игрок переходит по ссылке для просмотра видео групп.

Начало этого движение было положено еще в 2015 году. С тех пор количество детских суицидов увеличилось втрое. Точные цифры по количеству самоубийств не публикуются, но по некоторым данным в прошлом году было совершено более 700, то есть практически по 2 каждый день.

Самое страшное, что для подростков это превращается в моду. Не смотря на то, что ежедневно эти группы блокируются, ежечасно появляются новые (только за 2016 год было заблокировано более 150 подобных сообществ). И даже после ареста Филиппа Будейкина (ник Филипп Лис) – администратора нашумевшей группы смерти «f57», такие сообщества не прекратили действовать. А в сети появляются видео с новыми и новыми самоубийствами, так называемых китов.

Самым известным случаем стало самоубийство девочки Рины Паленковой в ноябре 2015 года (ее куратором являлся упомянутый выше Филипп Лис). Она легла под поезд и перед этим выложила свою фотографию с прощальной надписью. На фото девочка завязала нижнюю часть лица шарфом. Все участники игры считают эту девочку героем и хотят быть такой как она. Предсмертное фото является своего рода иконой этого движения, шарф на лице символом кита.

В целом действия лиц, организующих и курирующих эти группы, несут потрясающего объема общественную опасность. Жертвами данного

преступного деяния становятся совершенно не защищенные в информационном поле дети.

На данный момент уголовное законодательство абсолютно бессильно перед стоящим глобальным вопросом. На первый взгляд имеет место состав преступления регламентированного статьей 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Доведение до самоубийства». Но в ходе расследования выясняется: есть жертва – ребенок, который покончил жизнь самоубийством, есть виновный, но в его действиях нет состава преступления. В рамках объективной стороны доведения до самоубийства требуется установить, что имели место угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Но когда злоумышленник, используя возможности глобальной сети, склоняет ребенка к суициду, практически никогда нет с его стороны ни реальных угроз, ни жесткого обращения, ни систематического унижения достоинства ребенка. В этом и есть весь парадокс происходящего помешательства. Перед нами юридический казус, который возник из-за появления современных средств общения.

Преступник заставляет детей в результате сложной манипуляции над их сознанием совершать суицид, тем самым он не доводит детей до самоубийства, а является организатором убийства потерпевших их же руками. Жертвы, подвергшиеся такому психологическому насилию уходят из жизни, до конца не понимая суть происходящего. Манипуляции над сознанием ребенка с целью его ухода из жизни, должны рассматриваться как способ убийства человека – посредственное исполнительство.

В дальнейшем для более точного и простого применения уголовной нормы необходимо рассмотреть вопрос о включении во вторую часть ст. 105 УК РФ квалифицирующего признака «путем гипноза или любой другой специальной методики психологического воздействия на лицо не достигшие 14 летнего возраста» [1].

Спустя два года после создания групп несущих смертельную угрозу молодому поколению России, Совет Федерации инициировал включение в уголовный закон норм по аналогии с законодательством Белоруссии. Остается только надеяться, что это позволит привлекать к ответственности создателей и администраторов данных сообществ, купировать любую деятельность, которая несет информационную угрозу не сформировавшейся психики наших детей.

Но проблема сегодня не только в том, за что и как наказывать этих злоумышленников, а больше в предупреждении новых трагедий. В указанной книге Э. Тоффлера отдельная глава «Люди: модульный человек», содержит целую систему обучения детей высоким темпам изменений [3]. Сегодня родители должны научить детей адекватно воспринимать информацию. Повысить уровень общей безопасности медиа-устройств. Предостерегать ребенка от встреч с незнакомцами, особенно в соцсетях. Убедить ребенка советоваться и принимать совместные решения. Берегите наших детей.

Библиографический список

1. Ищенко Е.П., Плоткин Д.М, Батманов А.В. Детский суицид: недетские проблемы квалификации и профилактики // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 9–20.

2. Э.Тоффлер Шок будущего: пер. с англ. Е. Рудневой. М., 2002. С. 71.

3. Э. Тоффлер Указ. соч. С. 68-70.

FASHION FOR DEATH: DANGER AND PREVENTION

Kiselev Sergey S.
Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar

Abstract. The thesis is devoted to the problem improved in the recent trend of tanatofilia the appalling prevalence of child suicides directly related «groups of death» (a social network «VKontakte») in which minors and young are taught the idea of death-salvation. Briefly describes the problem of preventing such socially dangerous phenomena in Russia.

Keywords: fashion, suicide, tanatofilia, social networks.

МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОДРОСТКА

Ковалева Маргарита Сергеевна
(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
Иванов Денис Александрович
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: margaritakovales@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена молодежной преступности и социальному портрету «экстремального подростка»: социальному окружению, ценностям, семье. Социологические исследования проведены в 2015-2017 годах за счет средств гранта РНФ № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика».

Ключевые слова: молодежь, преступность, социальный портрет, экстремальность, подросток.

В ситуациях, характеризующихся отсутствием действующих установок, ориентирующих на законопослушность и консенсус с государственными институтами, чаще всего проявляется экстремизм. Криминализация

ряда сфер общественной жизни по праву является одним из значимых факторов возникновения экстремистских проявлений [1].

В последние годы статистика состояния преступности в России свидетельствует, что на протяжении последних десятилетий в России сохраняется сложная криминогенная ситуация, характеризующаяся противоречивыми тенденциями. С одной стороны, в России, как и во всем мире, наблюдается снижение преступлений различной направленности.

К примеру, до 2015 года сохранилась положительная тенденция по уменьшению числа тяжких преступлений: значительно меньше зафиксировано изнасилований, убийств, разбойных нападений и других преступлений, увеличилось число раскрываемости. Меньше зафиксировано угонов транспортных средств [2].

С другой стороны, в последние два года фиксируется рост преступности, которая непрерывно снижалась в предыдущее десятилетие. Быстро растет число зарегистрированных краж, изнасилований, случаев мошенничества. В 2015 году зафиксирован почти 12 %-ный рост числа преступлений.

По официальным статистическим данным МВД, размещенным на сайте ведомства, число преступлений по статье «Мошенничество» в 2016 году выросло на четверть (в России). Прирост за первые 6 месяцев 2016 года составил 25,3 % (это 112 тысяч преступлений). При этом доля краж среди всех преступлений, совершенных в России в 2016 году, составила 40 %. Социальная напряженность, экономический кризис и их рост в первую очередь сказался на подростках и молодежи [1].

С 2003 года преступность несовершеннолетних умеренными темпами снижалась (в сравнении с всплеском молодежной преступности в 1991-1995 годах). С 2003 по 2013 годы удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, сократился с 12 до 6 %. Несмотря на сокращение количества преступлений, совершенных этой категорией лиц, на протяжении ряда лет наибольшая криминогенная активность сохраняется у возрастной группы 16-17 лет (70 %). Меньший удельный вес составляет возрастная группа 14-15 лет, наблюдается сокращение количества совершенных преступлений: с 49,3 тысяч в 2000 году до 19,7 тысяч в 2013 году. За этот же период почти втрое сократилось число зарегистрированных преступлений из числа выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. Однако статистические данные, отражающие сокращение преступности несовершеннолетних, не должны успокаивать. Специалисты обращают внимание на то, что некоторая стабилизация количества преступлений, совершенных с участием подростков, наметившаяся в последние годы, свидетельствует, скорее, об увеличении латентности этого вида преступности, чем о ее фактическом снижении.

В 2015 году детская и подростковая преступность в России выросла на 5 %. В настоящее время статистика подростковой преступности в Рос-

сии следующая: 40 % несовершеннолетних осуждены за кражи; 13 % – за разбой; 14 % – за грабеж; 5 % – за убийство. Этот, достаточно внушительный, новый всплеск молодежной и подростковой преступности – тревожный фактор. Он свидетельствует о глубоких кризисных тенденциях в жизни российского общества.

Основными источниками молодежного экстремального поведения и экстремизма в России прежде всего являются такие социально-политические факторы, как кризис экономической и социально-политической системы; криминализация массовой культуры, социокультурный дефицит; отсутствие альтернативных форм проведения досуга и т.д.

Наши исследования отражают, что ценностное сознание молодежи сегодня отличается неустойчивостью, отсутствием четкой дифференциации и противоречивостью. Согласно результатам, молодежь стремиться показать себя высоконравственной. С другой стороны исследования показывают наблюдающуюся рассогласованность в оценках тех или иных явлений, расширение норм относительной допустимости определенных действий или допущениях незаконных поступков при определенных условиях.

В современном обществе молодежь ориентирована не на личностно-нравственную значимость, а на «рыночные» качества личности. В качестве основной цели жизни рассматривается материальный успех.

Согласно данным, полученным в ходе исследований, наиболее значимыми ценностями для всех групп молодежи, в том числе и для состоящих на профилактическом учете, являются семья, достаток и в целом материальная обеспеченность. Во второй круг вошли наличие надежных друзей и самостоятельность. Работа также входит в список приоритетных.

Таким образом, в ответах респондентов отчетливо проявляются ценностно-целевые установки, отражающие произошедшие в обществе перемены, которые можно назвать «приватизация жизни». Социально значимые ценности мало интересуют молодежь. Мало кто хочет «помочь людям, стране».

По сравнению с благополучными подростками, респонденты из неблагополучных семей, склонные к девиантным проявлениям, с отрицательной направленностью личности гораздо большую значимость придают материальным ценностям. Чем не благополучнее группа, тем большую важность приобретают материальные блага. Особенно это характерно для подростков, отбывающих в колонии.

В ходе опроса, отбывающие наказание подростки ответили, что до попадания в колонию добывали деньги различными полулегальными и даже незаконными путями.

Высокая значимость семейных ценностей уравновешивается допустимостью интимных связей без любви, от скуки или для удовлетворения сексуальных потребностей (60 % в группах с отрицательной направленностью личности, 48 % в контрольных группах), возможностью вступления в

брак без любви, по расчету (46 % в группах с отрицательной направленностью личности, 43 % в контрольных группах), супружеских измен (48 % в группах с отрицательной направленностью личности, 40 % в контрольных группах). Почти две трети респондентов во всех группах допускают мысль о разводе [1].

По мнению подростков с отрицательной направленностью личности, в современной жизни нужно быть в первую очередь сильным и уверенным в себе человеком, а также удачливым, обеспеченным и умным. Мнение «трудных» подростков в основном совпадает с мнением их сверстников из более благополучных групп, однако в этих группах несколько выше ценятся ловкость, напористость, сообразительность. Необходимо отметить, что обычно именно эти качества вызывают восхищение в подростковых группировках, в том числе девиантной направленности.

Высокий уровень терпимости к лицам из мест лишения свободы – свидетельство того, что криминальные ценности не вызывают отторжения у значительной части учащихся, несмотря на их помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения за определенные преступления. Подобные нормативные установки «трудных» подростков формируют почву для рецидивов противоправного поведения. Следует учитывать, что рецидивная преступность несовершеннолетних имеет высокую общественную опасность не только из-за своей распространенности, но и из-за своих последствий. Повторное совершение преступлений свидетельствует о формировании у несовершеннолетних стойкой противоправной установки. Так, например, 15 % опрошенных в 2014 году подростков, отбывающих наказание в колонии отметили, что после выхода из заключения по-прежнему готовы совершать различные экстремальные и девиантные поступки, а для некоторых это будет основной вид занятий.

После освобождения эти респонденты хотели бы быть «ворами в законе» «мафиози», «крутыми пацанами» и т.д. Лишь 7 % подростков размышляют о необходимых нравственных переменах: «стать человеком», «исправиться». Совсем небольшая группа ответивших мечтают создать семью, «стать отцом», «жениться», «вернуться домой» – 5 %.

Мысль о самоубийстве появляется в голове у 45 % российских девушек и у 27 % юношей. Согласно данным научных исследований, до 92 % самоубийств у детей и подростков прямо или косвенно связано с неблагополучием в семьях (алкоголизм родителей, конфликты в семье, жестокое обращение).

Материалы исследований позволили выявить определенные особенности рискованного поведения, такие как: склонность к рискованному поведению; тревожность как психологически фактор, влияющий на склонность респондентов к рискованному поведению; образ себя и специфика представления о себе.

Библиографический список

1. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи / [В. В. Брюно и др.]; отв. ред. Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова. – М.: ФНИСЦ РАН, Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – 340 с.
2. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Второй этап исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2016. 272 с.

YOUTH CRIME AND SOCIAL PORTRAIT OF A TEENAGER

Kovaleva Margarita S.
Kuban State University, Krasnodar
Ivanov Denis A.
Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar

Abstract. The article is devoted to youth crime and social portrait «extreme teenager»: the social environment, values, family. Sociological research conducted in the years 2015-2017 at the expense of the grant RSF № 15-18-00038 «Extremism and ethno-social conflicts in the youth environment of a polyethnic region: prediction and prevention».

Key words: youth, crime, social portrait, extreme, teenager.

К ВОПРОСУ ИЗМЕНЕНИЯ НАРКОСИТУАЦИИ В РОССИИ

Козлова Ирина Викторовна
(Институт социологии РАН г. Москва)
e-mail: iraangarskaya@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ наркоситуации в России. На статистическом материале (Росстат, НИИ Наркологии, данные МВД, и др.) показаны изменения наркоситуации, а также рассмотрены тенденции роста потребления наркотиков различных химических групп. На обширном эмпирическом материале, Сектора социологии девиантного поведения Института социологии РАН, показаны некоторые механизмы изменения нормативных представлений населения о наркотиках.

Ключевые слова: наркотизация, наркотики химических групп, молодежь, нормативные представления о наркотиках.

Исходя из данных официальной статистики, наркомания в России находится в эпидемической стадии, характеризующейся ее распространением среди самых широких слоев населения, и в первую очередь среди

тех, кто обладает самыми слабыми навыками самоконтроля и несформировавшейся, неустойчивой системой ценностей – молодежи. Наблюдается изменение нормативных представлений о наркотиках среди данной социальной группы. Социальная норма «общество без наркотиков» меняется на развитие толерантного отношения к наркотикам. В данной статье представлен анализ наркоситуации в России за 2016-2017 гг.

Согласно данным Всемирного доклада ООН за 2016 год, показатели с производством и потреблением запрещенных наркотиков и их воздействием на здоровье человека за последние несколько лет существенно не изменились, следует отметить, что они остаются недопустимо высокими. Общемировая картина употребления наркотиков становится менее ясной из-за того, что многие лица, употребляющие наркотики как эпизодически, так и регулярно, как правило, являются полинаркоманами, поскольку они одновременно или в разное время используют несколько веществ. Характерной особенностью мирового наркотического рынка, является появление большого количества новых психоактивных веществ (НПВ). Управление ООН по наркотикам (УНП) и преступности получило информацию о 75 впервые обнаруженных новых веществах, в то время как в 2014 – 2015 гг. было сообщено лишь о 66 новых веществах. Результаты мониторинга НПВ, которым УНП ООН занимается с 2008 года, свидетельствуют о довольно динамичном развитии их предложения, которое демонстрирует как устойчивость (некоторые вещества появляются, распространяются и сохраняются на протяжении нескольких лет), так и изменчивость (значительное число веществ появляется на короткий период и только в каких-то отдельных районах) [9]. Те же тенденции наблюдаются и в России.

По данным НИИ МВД России за 2017 год, вопрос о наркотизации населения отошел на периферию социальных проблем. Если в 2011-2013 годах, наркомания и алкоголизм занимали 3 место в списке наиболее волнующих население тем, то к 2017 году их значимость упала (до 8 места), уступив таким экономическим проблемам, как рост цен на товары и услуги, низкий уровень доходов, плохое материальное положение.

Одновременно для России характерна динамика снижения показателей в наркоситуации в целом: на 2,2% снизилось общее количество потребителей наркотиков, состоящих на учете в специализированных медицинских учреждениях, и составило 643378 человек (в 2015 г.–657922). Зафиксировано снижение числа зарегистрированных органами здравоохранения потребителей наркотиков, употребляющих их инъекционным способом (298155; -5%). Количество лиц, у которых потребление наркотиков инъекционным способом зарегистрировано впервые, сократилось на 8,1% (с 25222 до 23167) [3]. В 2016 г. специализированными учреждениями Минздрава зарегистрировано 2406702 пациента с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, или 1642,3 человека в расчете на 100 тысяч населения, т.е. 1,6%

общей численности населения. Сокращение числа зарегистрированных пациентов по сравнению с уровнем 2015 г. составило 9,3%. По сравнению с 2005 г., когда наркологическими учреждениями страны было зарегистрировано максимальное за весь период наблюдения число пациентов с наркологическими расстройствами (2426,8 на 100 тыс. населения), данный показатель снизился на треть [2].

По результатам статистики Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии и Всероссийского научно-исследовательского Института МВД происходит снижение потребителей инъекционных наркотиков (ПИН). Однако следует отметить, что, как и во всем мире в России происходит существенная трансформация наркоситуации, вызванная многими факторами, например, такими как появление новых видов веществ, а также моделей потребления.

Анализ статистической информации показал, что за период с 2012 по 2016 г. удельный вес больных опиоидной наркоманией в общем числе пациентов с зависимостью от наркотиков снизился с 76% до 38%, но при этом увеличились доли пациентов с зависимостью от каннабиноидов (с 9,7% до 17,7%), психостимуляторов (с 2,8% до 15,8%), других наркотиков и их сочетаний (с 11,6% до 28,7%). Также, несмотря на неуклонное снижение обращаемости числа ПИН (потребителей инъекционных наркотиков) в наркологические учреждения, уровень ВИЧ-инфекции среди этой категории пациентов растет. Так, если в 2009 г. этот показатель составлял 13,2%, то в 2016 г. – 24,3%. Из общего числа зарегистрированных лиц, употребляющих наркотики инъекционным способом, в 2016 г. инфицированы ВИЧ 63900 человек (в 2015 г. – 63121 человек) [2].

Таким образом, процесс стабильного снижения заболеваемости опиоидной наркоманией сопровождается устойчивой тенденцией роста общей и первичной заболеваемости каннабиноидной наркоманией, а также зависимостью от других наркотиков и сочетаний наркотиков различных химических групп (полинаркоманией). Наряду с этим наблюдается существенное увеличение числа пациентов с зависимостью от психостимуляторов. Происходит возрастание объемов незаконного оборота синтетических наркотиков при снижении распространения наркотиков растительного происхождения.

По официальной статистике МВД России, наряду с изменением структуры изымаемых наркотических средств, одной из тенденций последнего времени является активизация нелегального производства синтетических наркотиков на территории России, что определяется их доступностью по цене и способу приобретения (в основном, в местах массового досуга и через сеть Интернет). Синтетические наркотики – это ряд соединений, вызывающих сильную зависимость, к ним относят «спайсы» (JWH, курительные смеси) эфедрон («болтушка», «порох», «джеф»), первитин («винт»), ЛСД («кислота», «марки», «промокашка»), порошки (эйфорети-

ки, стимуляторы и эмпатогены на основе мефедрона или метилона). Особенностью новых наркотиков является их широкий ассортимент. Наркопроизводители, стараясь обойти действующее законодательство, создают новые синтетические вещества путем некоторых изменений в структуре уже существующих наркосредств. Такие наркотики также получили название «дизайнерские», как и все наркотики они губительно воздействуют на человеческий организм и психику, но могут некоторое время не запрещаться по закону.

Указанная тенденция взаимосвязана с другой – увеличение поставок крупных партий синтетических наркотиков («концентратов») с территорий государств Азиатского региона, в основном из Китая. При этом вторая тенденция оказывает непосредственное влияние на первую, являясь, по сути, необходимым условием для наличия в России подпольных лабораторий по преобразованию «концентратов» в готовые к потреблению вещества. В настоящее время фиксируется рост незаконного оборота новых психоактивных веществ, схожих по своему воздействию на организм человека с такими наркотическими средствами, как амфетамин, марихуана и ЛСД, что обусловлено практически неограниченными возможностями их синтеза, производства, а также низкой стоимостью [3]. Данное обстоятельство подтверждается изменениями в структуре больных наркоманией. В 2016 году доля больных полинаркоманией и зависимостью от наркотиков увеличилась с 10,6 до 12,9%, больных с зависимостью от психостимуляторов – с 3 до 4,1% [4].

Также не исчезает тенденция неуклонного роста преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса. Во многом этому способствует развитие информационно-телекоммуникационных систем. Задав в любой поисковой машине Интернета, слово наркотической тематики, поисковики дают ссылки более чем на 5 тысяч различных сайтов, из которых менее 1 % являются антинаркотическими. Остальные же представляют собой ресурсы, проводящие открытую пропаганду наркотиков и наркотического образа жизни. На страницах данных сайтов подробным образом рассказывается о способах приготовления наркотиков в домашних условиях, умышленно преуменьшается вред от их употребления, проводятся сборы подписей в поддержку легализации марихуаны в России, предлагаются к продаже предметы наркотического обихода.

В многочисленных интернет – сообществах идут обсуждения в защиту о легализации некоторых наркотиков и смягчении наркополитики. Неприятие «тяжелых» наркотиков сменяется на более лояльное отношение к некоторым веществам. В этом следует согласиться с исследованиями Сектора девиантного поведения Института социологии РАН. По результатам данных исследований, можно отметить, что молодежь менее категорично относится к людям употребляющих наркотики, чем старшее поколение, среди которого меньше равнодушных к этой проблеме. Отношение

к употреблению наркотиков, как к свободному выбору имеет широкое распространение среди молодого поколения, снизилась доля тех, кто относится к потребителям с опаской. К потребителям, употребляющим изредка «легкие» наркотики отношение несколько улучшилось [6].

В 2016 году Сектором девиантного поведения Института социологии РАН был проведен опрос учащихся колледжей (было опрошено 305 студентов). Цель опроса – исследование образа жизни студенческой молодежи, в том числе выявление наркотизации среди студентов.

По результатам исследования самый распространенный вид наркотика, который употребляли респонденты – каннабиноиды (марихуана, гашиш) – 54%; на втором месте – спайсы, миксы – 18%; на третьем – скорости (спиды) – 4%. Было выявлено, что 19% опрошенных имели опыт употребления наркотических веществ. Из них: 12% пробовали 1-2 раза; 3% употребляли относительно редко (не каждый месяц); 2% периодически употребляют какое-нибудь вещество. 2% респондентов скрыли факт употребления наркотических веществ, однако при анализе ответов на косвенные вопросы было выявлено, что они также пробовали наркотики.

Основная масса (27%) впервые пробовавших наркотические вещества сделала это в возрасте 15 лет. Необходимо отметить, что 4% ответивших имели опыт первой пробы в детском возрасте – 10 лет.

Подавляющее большинство тех, кто пробовал какое-либо вещество (67%) подтолкнуло к первой пробе любопытство, желание испытать новые незнакомые ощущения. 22% в качестве причины первой пробы указало желание испытать «кайф», новый вид удовольствия; 18% в первый раз употребили наркотики за компанию; 16% хотели снять стресс, уйти от проблем. Следует обратить внимание, что каждый десятый опрошенный отметил свое желание давно попробовать.

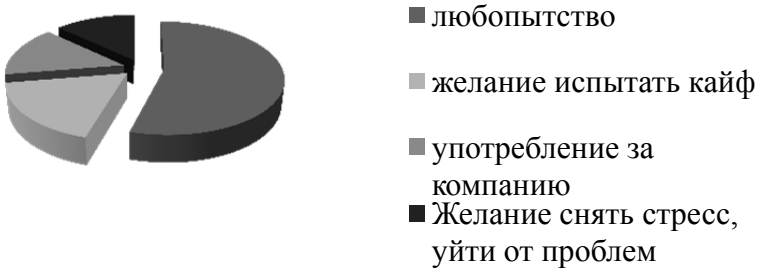

Рис. 1. Причины первой пробы наркотических

Из рисунка видно, что основной причиной первой пробы наркотиков является любопытство. Наряду с активной профилактикой наркомании среди студенческой молодежи, в современном обществе наблюдается и рост пропаганды наркотических средств, как в быту, так и СМИ. Для пропаганды наркотиков распространилась целая серия мифов:

• наркотики бывают «серьезные» и «несерьезные», легкие;

• наркотики делают человека свободным;

• наркотики помогают решать жизненные проблемы.

Что касается запрета на распространение наркотических веществ, подавляющее большинство студентов (77%) считают, что под запретом должны быть любые наркотики, 18% - только «тяжелые», а «легкие» можно разрешить.

Таким образом, подростки не до конца оценивают уровень вреда, который причиняют наркотические вещества молодому развивающемуся организму. Но при этом основная масса ответивших признает распространение наркотиков серьезной актуальной проблемой для всего российского общества (65%) либо некоторых социальных групп (22%). В качестве меры, которую необходимо применять к потребителям наркотиков 43% опрошенных выбрали принудительное лечение, 27% - добровольное лечение и 21% - уголовное наказание.

Такие показатели в целом говорят об эффективности профилактических мер по антинаркотической пропаганде среди учащихся. Тем не менее, среди молодежи, остается тенденция изменения амбивалентного отношения к наркотикам на нейтральное. Происходит процесс «нормализации» потребления наркотиков.

Многочисленные исследования Сектора социологии девиантного поведения, говорят об увеличивающемся проценте скрытой наркотизации, в которую вовлечено значительное число людей с высшим образованием и высоким социальным статусом. Для потребителей новых наркотиков в современном обществе характерна саморегуляция при употреблении, которая позволяет им оставаться не только социально полезными на работе и в семье, но и быть успешными людьми. Такие люди, пропагандируют свой образ жизни, демонстрируют свою высокую работоспособность, рекламируют положительные свойства наркотиков [1].

Анализ наркоситуации в России, позволяет сделать вывод о том, что показатели с потреблением запрещенных наркотиков и их воздействием на здоровье человека остаются достаточно высокими. Наблюдается увеличение числа пациентов с зависимостью от психостимуляторов, при этом происходит стабильное снижение заболеваемости опиоидной наркоманией. Устойчивой тенденцией, является рост общей и первичной заболеваемости каннабиноидной наркоманией, а также зависимостью от других наркотиков и сочетаний наркотиков различных химических групп (полинаркоманией).

Происходят существенные изменения, как в массовом сознании молодежи, так и на индивидуальном уровне личности по отношению к наркотикам. Отношение к употреблению наркотиков, как к свободному выбору имеет широкое распространение среди молодого поколения.

Также в настоящее время фиксируется рост незаконного оборота новых психоактивных веществ, что связано с высокой организованностью наркобизнеса, чему способствует развитие информационно-телекоммуникационных систем.

Библиографический список

1. Брюно В.В. Новая наркоситуация в России – стабилизация или трансформация? // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. С. 5623-5635.
2. Киржанова В.В., Григорова Н.И., и др. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2015-2016 годах. Статистический сборник/ ННЦ наркологии – филиал ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России – М. 2017 – С. 183
3. Комплексный анализ состояния преступности в РФ по итогам 2016 г. Аналитический обзор. / НИИ МВД России – М. 2017 г. – С. 54
4. Минздрав России [электронный ресурс] / URL https://www.rosminzdrav.ru (Дата обращения 31.10.17)
5. Позднякова М. Е. Особенности современной наркоситуации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 – С. 201-227.
6. Позднякова М.Е. Наркотики «новой волны» как фактор изменения наркоситуации в России // Социологическая наука и социальная практика, 2013, №2, С. 123-139
7. Рыбакова Л.Н. Дилема наркополитики: между запретом и попустительством / Социологическая наука и социальная практика // Институт социологии РАН. М. 2016, – С. 91-102
8. Нет наркотикам: информационно публицистический ресурс [электронный ресурс]/URL http://www.narkotiki.ru/5_5623.htm (Дата обращения 29.10.17)
9. Управление Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности. Всемирный доклад о наркотиках 2016. [электронный ресурс]]/URLhttp://www.unodc.org/doc/wdr2016/WDR_2016_ExSum_russian.pdf (Дата обращения 1.11.17)
10. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]/ URL http://www.gks.ru (Дата обращения 31.10.17)

TO CHANGES IN THE DRUG SITUATION IN RUSSIA

Kozlova I.V.
Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract. The article presents the analysis of the drug situation in Russia. On statistical data (Rosstat, research Institute of Narcology, Ministry of the interior, etc.) shows the changes of the drug situation, as well as the tendencies of growth of consumption of drugs of different chemical groups. On extensive em-

pirical material, Sector of sociology of deviant behavior, Institute of sociology, shows some of the mechanisms of change normative beliefs about drugs.

Key words: Anesthesia, drugs, chemical groups, youth, normative beliefs about drugs

СЛУЖБА УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Копцов Сергей Васильевич
(Краснодарский университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: tspopz@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности несения службы участковых уполномоченных полиции в условиях модернизации российского общества.

Ключевые слова: служба участковых уполномоченных полиции, бытовая девиация, делинквентность.

Модернизация российского общества затронула все его основные институциональные структуры и подсистемы. Российская полиция также оказалась глубоко интегрирована в стремительно развивающиеся модернизационные процессы. В структуре российской полиции важную роль играет служба участковых уполномоченных; именно эта служба призвана непосредственно контактировать с населением, а интенсивность коммуникаций участковых с людьми значительно выше, чем у других подразделений полиции.

Следует подчеркнуть, что участковый уполномоченный является представителем системы общественной безопасности, выполняющим возложенные на него задачи по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на закрепленной за ним в установленном порядке территории, обслуживаемой органами внутренних дел. Служба участковых уполномоченных, непосредственно обеспечивающая личную безопасность граждан, охрану общественного порядка и общественную безопасность, осуществляющая предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, неслучайно является одним из центральных звеньев в системе органов внутренних дел. Оптимизация повседневной деятельности участкового уполномоченного предполагает глубокое изучение всего комплекса проблем, связанных с организационно-правовыми основами функционирования этой службы[1].

[1] Ахмедов Ч.Н. Участковый уполномоченный милиции: генезис института и специфика организации деятельности. СПб., 2007. С. 3–4.

При рассмотрении функциональных ролей службы участковых уполномоченных, становится очевидным ее важное место в организационной системе полиции. Именно участковые находятся в шаговой доступности от населения страны, и в первую очередь их действия должны быть понятными для граждан. Можно сказать, что участковые представляют полицию в глазах общества. Данное обстоятельство актуализирует необходимость исследования феномена образа современного участкового уполномоченного полиции как представителя ведомства, так как от его профессионализма и компетентности зависят общественное мнение о полиции и уровень доверия населения страны[1].

Кроме того, о значимости института участковых уполномоченных полиции можно судить по внушительному количеству направлений деятельности, а также перечню прав и обязанностей, которые закреплены в нормативных правовых актах. Наряду с общими правами и обязанностями сотрудников полиции, которые предусмотрены федеральным законодательством России, существуют и специальные, перечисленные в ведомственных нормативных правовых актах[2].

Как указывает В.А. Джемелинский, отсутствие научно обоснованных рекомендаций по организации деятельности участкового, именно ее по планированию, приводит к бессистемности в работе. Из-за отсутствия четкого плана, наполненного конкретными заданиями, отсутствует объективная оценка собственного труда сотрудника. А у руководителя нет возможности объективно оценить работу своих подчиненных[3].

Цели и задачи деятельности служб участковых уполномоченных полиции тесно связаны с общей стратегией деятельности МВД России и служат удовлетворению критически важных запросов и потребностей государства и общества, прежде всего в социально-политической сфере. В условиях модернизации российского общества ситуация значительно усложняется и требует повышения оперативности реагирования всех структурных элементов системы МВД России на инновационные угрозы и вызовы, связанные со становлением постиндустриального общества начала XXI в.

На службу участковых уполномоченных в системе МВД России в последние годы возлагаются серьезные надежды, что обусловливает постановку критически важных для государства и общества задач. Фактически участковые уполномоченные – авангард современной российской полиции, призванный первым принимать на себя удар преступности, осу-

---

[1] Ушакова О.В. Процесс формирования образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (на примере участковых уполномоченных полиции Хабаровского края): дис. … канд. социол. наук. Хабаровск, 2015.

[2] Там же. С. 47–48.

[3] Джемелинский В.А. Актуальные вопросы совершенствования планирования в деятельности участкового уполномоченного полиции // Общество и право. 2015. № 2.

ществлять эффективную профилактику преступлений, проводить разнообразную оперативную работу. При этом, что немаловажно, именно участковый в большинстве случаев – это «лицо полиции», ее «визитная карточка», современный имидж. Именно поэтому весьма важным, особенно в настоящее время, представляется ответственный и профессиональный подход к отбору личного состава, к управлению кадровым составом подразделений участковых, а для эффективной реализации такого подхода необходимо активно привлекать не только психологические (что делается достаточно долгое время, но положительного перелома так и не позволило достигнуть), но и социологические службы. Лишь социология в обществе XXI в. способна полноценно ассистировать подразделениям участковых уполномоченных – как в вопросах теоретического познания законов социального развития, так и практического проведения исследований с целью прояснения различных проблемных ситуаций. Современный участковый не может эффективно исполнять свои служебные обязанности без глубокого понимания основ функционирования общества, специфики его основных институтов и подсистем. Именно в отсутствии должного внимания служб участковых уполномоченных к социологии заключается, на наш взгляд, определенная проблема, с другой стороны, ее решение – это очевидный стратегический ресурс развития на ближайшую перспективу.

Высокие скорости социальных изменений в российском социуме начала XXI в. породили ряд системных противоречий, создающих риски и напряжения. Преодоление подобных «узлов сопротивления» современной социальной системы и диктует необходимость участковым уполномоченным сосредоточиваться в сфере межличностных и групповых отношений. Именно здесь в последние годы нарастают напряженность, агрессия, нетерпимость, что с неизбежностью продуцируется и на макросоциальную сферу российского общества. Стоит отметить, что бытовая девиация и делинквентность выступают основой для потенциальной и/или реальной дестабилизации обстановки в современном российском обществе. В связи с этим основным последствием реформирования МВД России заключается в интенсификации обратной связи с населением, придание большей значимости фактору общественного мнения. Здесь роль участковых уполномоченных сложно переоценить.

Библиографический список

1. Ахмедов Ч.Н. Участковый уполномоченный милиции: генезис института и специфика организации деятельности. СПб., 2007.

2. Джемелинский В.А. Актуальные вопросы совершенствования планирования в деятельности участкового уполномоченного полиции // Общество и право. 2015. № 2.

3. Ушакова О.В. Процесс формирования образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (на примере участковых уполномоченных полиции Хабаровского края): дис. … канд. социол. наук. Хабаровск, 2015.

SERVICE PRECINCT POLICE IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF RUSSIAN SOCIETY

Koptsev Sergey
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs, Krasnodar

Abstract. The article discusses the features of service of police officers in conditions of modernization of Russian society.
Keywords: service, precinct police, domestic deviation, delinquency.

ОБРАЗЫ КУМИРОВ И ГЕРОЕВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ[1]

Корниенко Любовь Викторовна
(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
e-mail: kornienko.lyubov@bk.ru

Аннотация. В статье рассмактривается социологическое изучение вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений в молодежной среде.
Ключевые слова: экстремизм, молодежь, конфликт, ценности.

В 2016 году в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-0038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика» учеными Кубанского государственного университета было продолжено социологическое изучение вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений в молодежной среде. В опросе принимали участие 2467 респондентов (в 2015 г. 2658) в возрасте от 10 до 30 лет. Исследование было направлено на выявление приоритетов и жизненных стратегии молодежи юга России, важнейших тенденций межнациональных отношений, а также анализ динамики их изменений [8]. Опрос охватывал ряд направлений, в

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержки Российского научного фонда, проект № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика»

рамках данной статьи рассмотрим вопрос, касающийся предпочтений молодежи в выборе героев и кумиров.

С точки зрения теории поколений, в опросе принимали участие представители поколений Y и Z. Теорию поколений впервые разработали исследователи из США Нейл Хоув и Уильям Штраус [9]. Согласно данной теории, существуют различия в ценностях людей разных поколений, на которые в частности влияют экономическая и политическая ситуация, уровень технологического развития общества и т.д. Теория поколений применяется специалистами различных областей: социология, маркетинг, управление персоналом, политология и т.д. Поколение Y, годы рождения – 1983 – 2003. Ценности представителей данного поколения формировались под действием таких событий, как распад СССР, теракты и военные конфликты, развитие цифровых технологий, и продолжают формироваться в настоящее время. В систему ценностей этой группы включены такие понятия, как гражданский долг и мораль, ответственность, но при этом психологи отмечают их наивность и умение подчиняться. Поколение Z, годы рождения – 2003 – 2023. Люди, рожденные на стыке поколений, соответственно обладают ценностями и той, и другой группы. На поколении Z сказывается гиперопека. После школы они занимаются в секциях или с репетиторами, практически не бывают предоставлены сами себе. В итоге – дефицит общения со сверстниками. В современных технологиях они разбираются лучше, чем в эмоциях людей. Зато семья для них является большой ценностью: это единственное, что безопасно в их мире.

Проведенный опрос показал, что большинство респондентов не имеют конкретного героя, которому они хотели бы подражать. Аналогичный результат был получен при проведении опроса Фондом общественного мнения в 2010 г. Тогда было выявлено, что респонденты 46 – 60 лет (дети хрущевской оттепели, родившиеся в 1950 – 1964 годах) чаще, чем современная молодежь, говорят о наличии кумиров в период своей юности (14–18 лет) – 45% против 30% соответственно [4]. Тогда как современная молодежь, поколение Y и Z все чаще говорит об отсутствии кумиров и героев. Причем само понятие герой зачастую отсутствует в лексиконе молодых людей. Чаще применяются понятия кумир, звезда и т.д. По словам координатора проекта «Теория поколений в России-Rugenerations» Евгении Шамис: «Игрек – первое поколение, у которого нет героев, но есть кумиры. Предполагаем, что у них не будет героев. Они станут ими для других поколений, несмотря на то, что не всегда хотят быть героями» [5]. А поколение Z, которые также были участниками опроса, еще достаточно юны, возможно этим объясняется тот факт, что многие из них не назвали своего героя.

Опрос «Молодежь Краснодарского края: интересы, ценности, протестный потенциал и конфликты» 2016 г. показал, что киногероев имеют всего 30% опрошенных, литературных – 23,9%, исторических – 23,6%. Для

сравнения в 2015 г. в качестве кумиров киногероев и актеров называли 19,4% опрошенных, героев книг – 19,4% респондентов, исторических деятелей – 19,2% [7, с. 71]. Т.е. можно сделать вывод о том, что количество молодых людей, выбравших себе кумиров, увеличилось.

В качестве любимого персонажа зарубежных фильмов, как и в 2015 г. были названы Железный человек и Бэтмэн, к ним добавились Дэд Пул, и Сойка Пересмешница. Среди любимых актеров Джим Керри, Джон Сноу, Вин Дизель, Роберт Дауни Младший, Бред Пит, Анжелина Джолли, Сергей Безруков, Данила Козловский, Сергей Бодров и другие.

Предпочтения среди литературных героев у участников опроса также, как и в 2015 г. смещены в сторону отечественных – 201 против 161 ответа, соответственно 55,5% и 44,5% [8, с. 68]. Среди героев литературы назывались персонажи Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, в основном из произведений школьной программы. Аналогичная ситуация была в 2015 г., это является свидетельством того, что молодежь читает мало, за рамки школьного курса выходят единицы.

Также соответствует результатам предыдущего года и распределение ответов относительно исторических героев. Не смогли назвать кого-либо 76,4%, ответили положительно – 23,6%. Среди всех ответов преобладают представители российской истории – 72,2% против 27,8% зарубежных героев. Среди отечественных исторических героев наиболее часто назывались Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Николай II, Г. Жуков, А. Суворов, М. Кутузов, Александр Невский и другие. Среди политиков: В. Путин, П. Столыпин, И. Сталин, В. Ленин. Среди зарубежных исторических и политических деятелей чаще выбирались Наполеон, Цезарь, Александр Македонский, О. Бисмарк.

Авторы исследования с настороженностью восприняли тот факт, что среди кумиров и героев были названы нацистские лидеры А. Гитлер (4 упоминания) и Б. Муссолини (1 ответ). В.И. Чупров и Ю.А. Зубок называют распространение молодежного экстремизма одной из наиболее острых проблем современной России [3, с. 145 – 165]. И подобные предпочтения молодых людей могут стать плодотворной почвой для распространения экстремистских и националистических идей в молодежной среде [8, с. 70].

23,3% респондентов выбрали вариант ответа «Любимых героев у меня нет – я сам(а) себе герой». Отсутствие героя, которому хочется подражать, тоже негативный факт. Молодежь склонна к идеализации, а в ситуации смыслового и ценностного вакуума в сознании достаточно большой части молодых людей, их легче склонить к несвойственным им изначально идеям, в том числе радикальным [8, с. 70].

Возвращаясь к теме теории поколений, следует отметить, что по мнению исследователей, поколение Y получает информацию через соци-

альные сети, они имеют доступ к самой разнообразной и богатой информации по любым темам [5]. Но у этого имеется и обратная сторона. Информация о самих молодых людях присутствует в социальных сетях. Это используют, в частности, маркетологи. Но эту информацию, а также открытый доступ к личным данным в сети могут использовать и представители экстремистских организаций. Существует возможность целенаправленного распространения материалов, например, для определенной возрастной группы пользователей для оказания наиболее сильного воздействия. Еще одной особенностью молодого поколения является доверие к информации, полученной из интернета. И если поколение 70-х, родившихся в СССР склонны к анализу, глубокому рассмотрению проблемы с разных точек зрения, то поколение Y многое принимает на веру, не анализируя [5]. Подобного рода информация может распространяться как новостная рассылка от сообщества, в котором состоит пользователь социальной сети, так и напрямую от пользователя к пользователю [1, с. 28 – 31]. Скорость распространения информации в этом случае очень высокая.

Владелец страницы в социальной сети воспринимает эту страницу как некое личное пространство, что связано с особенностями социальных сетей: самостоятельный выбор пользователем круга общения и фильтрация контента посредством членства в интересных пользователю сообществах. Во многом именно этим объясняется доверие к информации, получаемой таким образом.

Социальные сети в настоящее время выступают в роли распределителя готового контента, формируя информационное пространство. Такой мощный медийный инструмент, обладая своей спецификой, может быть использован и уже используется для публикации материалов экстремистской направленности [1, с. 28 – 31]. В тоже время традиционные инструменты регулирования и фильтрации распространяемой информации контента бывает сложно использовать. Кроме того, помимо распространения информации социальные сети могут осуществлять функции по организации и координации массовых акций.

Как отмечает С.К. Тамазян, негативной стороной распространения социальных сетей является появление новых типов и способов социальных интеракций между индивидами и социальными группами, носящими, в том числе, и социально опасный характер [6].

По мнению Н.Р. Димлевича, информация, публикуемая в интернет-ресурсах по продвижению идеологии насилия, отличается наступательным, агрессивным характером, а также серьезной теоретической базой, сформированным комплексом методов управляемого информационно-психологического воздействия на пользователей. Наиболее опасными в этой связи являются опасность для российского общества представляют русскоязычные интернет-ресурсы, вовлекающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, в том числе популяризирующие

образ «террориста-героя» [2]. К этому следует добавить, что в отсутствие сформированного образа героя в сознании молодого человека, легче навязать ему героя извне, в том числе героя-террориста.

Таким образом, в условиях полиэтничного состава населения Юга России распространение религиозного экстремизма, фундаментализма среди молодых людей в возрасте от 10 до 30 лет имеет свою специфику, которая обусловлена, в частности, следующими обстоятельствами:

легкость распространения информации, в том числе экстремистской направленности посредством социальных сетей;

высокая степень доверия среди молодежи к любой информации, поступающей из интернета, и как следствие – легкость внушаемости;

отсутствие героев у большей части молодежи, и в целом отсутствие склонности к героизации. На смену героям пришли кумиры, и это в основном актеры, герои боевиков и фантастических фильмом. В реальной жизни, вокруг себя молодежь героев не видит. Как следствие – смысловой и ценностный вакуум, который легко заполнить идеями религиозного экстремизма.

Одним из направлений борьбы с распространением экстремистских проявлений в молодежной среде должен стать непрерывный мониторинг и оперативное блокирование вредоносного контента [1,с. 28–31]. Это должно осуществляться строго в рамках действующего законодательства, не допуская нарушения прав и свобод человека. На уровне региона, региональных учебных заведений и общественных организаций должна быть налажена работа по противодействию распространению информации экстремистской направленности. Этого можно достичь, в частности, регулярным обсуждением существующих проблем в данной сфере, формированием информационного потока, связанного с проявлениями толерантности, проведением мероприятий при сотрудничестве с представителями национальных диаспор в молодежной среде.

Библиографический список

1. Гладышев-Лядов В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Обзор. НЦПТИ. – 2013. – № 2. – С. 28 – 31.

2. Димлевич Н.Р. «НЕТ!» Информационному терроризму в Интернете. // http://www.truenet.info/analitika.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Экстремизм среди молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 1(89). – С. 145 – 165.

4. Кумиры нашей юности. Итоги общероссийского опроса населения 15 – 16 мая 2010 г. 44 субъекта РФ. 100 населенных пунктов. 2000 респондентов. // http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21 /fomter110610_pressr.

5. Соколова Н. Поколение Игрек // Профиль. – 2010. – № 34 (685).

6. Тамазян С.К. Социальная интеракция в неформализованных сетях современных российских подростков: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ставрополь, 2012.

7. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Второй этап исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. – Краснодар: Парабеллум, 2016. – 272 с.

8. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. – Краснодар: Парабеллум, 2015. – 232 с.

9. Howe, Neil; Strauss, William (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.

THE IMAGES OF HEROES AND HEROES OF TODAY'S YOUTH IN THE MULTIETHNIC REGION

Kornienko Love V.
Kuban state University, Krasnodar

Abstract. The article rassmatrivaetsya sociological study of interethnic and interfaith relations in the youth environment.

Keywords: extremism, youth, conflict, values.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ РАБОТНИКОВ ПОЛИЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Коротких Виктория Николаевна
(Краснодарский Университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: nio_krdu@mvd.ru

Аннотация. Существуют сферы профессиональной деятельности, обладающие в общественном сознании гендерной маркированностью. Деятельность сотрудников полиции традиционно рассматривается как мужское дело, и это определяет сложности в осуществлении профессиональной деятельности женщин-полицейских. В статье рассматриваются положительные и отрицательные модели взаимодействия в полицейском коллективе, связанные с гендерным аспектом взаимодействия.

Ключевые слова: гендер, правоохранительные органы, модели взаимодействия в коллективе, гендерные стереотипы.

Эффективность деятельности правоохранительных органов во многом связана с моментом функциональной специализации в коллективах ОВД, результатом которой становится грамотное распределение ролей и эффективное коллективное выполнение сложных задач. Поскольку оперативно-розыскная деятельность предполагает момент тесного взаимодействия в коллективе, чрезвычайно важным является построение продуктивной системы отношений внутри него. В этом отношении существует два измерения: характер формализованных отношений и общий неформальный фон взаимодействия в коллективе. Несмотря на то, что в ведомственных организациях момент дисциплины развит значительно сильнее, нежели в гражданских организациях, отрицание значимости неформального аспекта отношений было бы серьезным упущением. Характер неформального взаимодействия определяет уровень отвлекающих факторов в работе, мотивацию сотрудников, степень их взаимопонимания и, следовательно – эффективности совместной работы. В этом контексте нельзя не отметить большое значение гендерного аспекта, актуализация которого представляет собой одну из сложных проблем как для сотрудниц ОВД, вынужденных сталкиваться с особым, замешанным на стереотипах отношением, так и для руководителей структурных подразделений МВД, перед которыми зачастую встает вопрос нормализации отношений в коллективе.

Наиболее явная проблема состоит в том, что сфера деятельности сотрудников полиции традиционно рассматривается как «мужская», что существенно усложняет профессиональную работу сотрудниц ОВД. Здесь имеет место набор профессиональных и гендерных стереотипов, существование которых определяет исходное статусное неравенство в профессиональном коллективе. Речь идет как об уровне ожиданий, различающемся в зависимости от гендерней принадлежности сотрудника полиции, так и о сложностях в рамках коллективной работы. Здесь сразу следует отметить важный момент: несмотря на то, что российское общество активно движется в сторону модернизации, существует достаточно серьезная социальная традиция, в рамках которой выстраивается система ожиданий и оценок. Это тем более актуально в силу многонационального и поликонфессионального характера российского общества. Поясняя сказанное, следует отметить, что гендерное разделение наиболее интенсивно развито в традиционных обществах, и в данном отношении можно констатировать наличие ряда этнических групп, на уровне которых отношение к женщинам связано с четко выраженной традицией ролевой определенности «слабого пола», с характерным набором функций и возможностей. Не менее существенно и то, что на уровне религиозного сознания в отдельных религиях также регламентируется место женщины в обществе. Хотя данные суждения противоречат конституционной идее равноправия, сложно отрицать их значение в рамках непосредственной социальной коммуникации.

Вместе с тем следует обратить внимание, что проблема значительно шире, нежели традиционно рассматриваемая тематика неравнозначности социальных оценок в деятельности мужчин и женщин. В обществе существуют устойчивые модели взаимодействия, основанные на гендерной специфике субъектов коммуникации[2,3], в результате чего можно судить о наличии трех возможных вариантов коммуникативной практики: «мужского», «женского» и смешанного. Существует множество работ, посвященных гендерной психологии, в которых рассматривается специфика среды взаимодействия, определяемая полом участников коммуникативного процесса. Один и тот же человек, в зависимости от гендерных характеристик среды взаимодействия может вести себя различным образом, что проявляется на уровне выбора тем обсуждения, формы выражения мысли, способа самопозиционирования. Попадание мужчины в женский коллектив, равно как и попадание женщины в мужской, часто приводит к ролевому конфликту, связанному либо с некомфортным характером коммуникации для представителя статистического меньшинства (в случае, если характер взаимодействия членов коллектива не меняется), либо с подсознательным восприятием инородности нового члена коллектива, присутствие которого делает табуированными отдельные, комфортные для окружающих формы взаимодействия. По этой причине тяжелая психологическая обстановка в трудовом коллективе зачастую ошибочно оценивается как результат установки на притеснение представителя другого пола. На деле речь идет о кризисном характере самой ситуации, основанном на стереотипных моделях реализации коммуникативного процесса.

Здесь следует обратить внимание на важный аспект: изменение гендерного состава коллектива представляет собой событие, которое активизирует полоролевые модели социального действия. Речь идет не только о характере отношения непосредственно к новому члену коллектива, но и о том, каким образом меняется характер самопозиционирования. В частности, присутствие женщины в мужском коллективе активизирует момент конкурентной борьбы, направленной на привлечение внимания представителя другого пола[1], в результате чего, с одной стороны, может возрасти эффективность работы (при условии, если общепринятым критерием оценки является уровень профессионализма сотрудников), с другой – очевидна интенция на рост конфликтности в коллективе.

В данном отношении существует два возможных направления разрешения проблемной ситуации: нивелирование гендерного аспекта путем активного включения в несвойственную с точки зрения гендерных стереотипов форму коммуникации, либо деактуализация неформального аспекта взаимодействия в рамках интенсификации непосредственно формализованной профессиональной деятельности. Рассмотрим данные варианты подробнее.

Перенятие женщиной традиционно воспринимаемой в качестве «мужской» модели коммуникации представляет собой один из эффективных способов нивелирования гендерных различий. В современной практике коммуникации достаточно распространенным является рассмотрение мужской составляющей коллектива отдельных женщин посредством модели восприятия, снимающей большую часть гендерной определенности. Зачастую таких участниц социальной коммуникации, перенявших свойственную мужскому коллективу модель взаимодействия определяют как «пацанку», «своего парня» и т.д. Вместе с тем, данная практика отражает, в первую очередь, вариант вливания в коллектив, реализуемый на индивидуальном уровне самими носителями отягощенной гендерными стереотипами профессиональной деятельности. Значительно больший интерес представляет возможное изменение общего фона взаимодействия, реализуемое на уровне регулятивных функций общества. И здесь очевидную актуальность приобретает принцип формализации отношений, в рамках которой неформальное взаимодействие сводится к минимуму, а в процессах формирования статусно-ролевой определенности решающую роль играют профессионально значимые личностные качества и актуальные достижения, возникшие в ходе трудовой деятельности.

Несмотря на то, что даже у негативных тенденций установления социального взаимодействия в коллективе носителей «исконно мужской» деятельности есть положительные последствия (в частности, высокий уровень карьерного рвения у сотрудниц ОВД, как результат стремления утверждения личного статуса, на общем уровне очевидна необходимость деактуализации возникающих противоречий. И в данном отношении наиболее перспективным видится последовательный процесс актуализации формального и профессионального аспектов деятельности сотрудников полиции.

Библиографический список

1. Кузнецова Е.Б. Психология соперничества в контексте тендерного подхода: Автореф. дис. … канд. психол. наук. Хабаровск, 2007.

2. Курбатов В.И., Романовская В.С. Пол и гендер: различные аспекты в анализе // Теория и практика общественного развития. 2005. № 2 С. 67-70.

3. Петрова Р.Г. Гендерология и феминология. М.: Дашков и К, 2010.- 272 с.

POSITIVE AND NEGATIVE MODELS OF INTERACTION IN GROUP OF EMPLOYEES OF POLICE: GENDER ASPECT

Korotkih Victoria N.
Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar

Summary. There are spheres of professional activity having in public consciousness gender character. Activity of police officers traditionally is considered as men's activity, and it defines difficulties in implementation of professional activity of policewomen. In article the positive and negative models of interaction in police collective connected with gender aspect of interaction are considered.

Keywords: a gender, law enforcement agencies, interaction models in collective, gender stereotypes.

ДЕВИАТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИИЙ МВД РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА

Краснокутский Дмитрий Николаевич
(Краснодарский университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: tspopz@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается анализ поведения курсантов образовательных учреждений МВД России в социальных сетях Интернета.

Ключевые слова: межличностная, групповая коммуникация, социальные сети, интернет-общение.

Социальные сети Интернета с каждым годом усиливают свою значимость в российском обществе. В российском обществе в начале XXI в. наблюдается рост аудитории виртуальных сетевых объединений, усиливается интенсивность контактов, что свидетельствует о переходе компьютерно-опосредованной коммуникации в сферу повседневной реальности. Вместе с тем, происходящие социокоммуникативные изменения в социальной системе не встречают адекватной управленческой реакции, что выражается в противоречивых мерах государства в отношении социальных сетей Интернета: с начала 2000-х г. был пройден путь от практически полной вседозволенности до достаточно жестких мер нормативно-правового регулирования активности граждан в социальных сетях. Ситуация осложняется тем, что современные общественные науки недостаточно внимания уделяют данной проблеме, особенно – прикладным проектам, ориентированным на сотрудничество с управленческими структурами. В частности,

одним из наиболее эффективных инструментов объективного, системного анализа социальных сетей Интернета выступает социологический мониторинг эффектов коммуникации, как явных, так и латентных.

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационно-компьютерных технологий. Информация становится движущей силой общественного развития, а одну из центральных ролей в социальной системе играет глобальная компьютерная сеть Интернет. В этой связи вполне закономерен тот факт, что в рамках социологической науки формируется отраслевая социология Интернета. В рамках данного направления, прежде всего, с теоретических позиций, исследуется проблематика цифрового неравенства (в контексте ограничения доступа к сети по классу, расе и нации); отношения между Интернетом и сообществами социального капитала (социальные связи); влияние Интернета на политическое участие граждан, а также социальных групп и общностей; влияние интернет-технологий на культурную жизнь и культурное разнообразие.[1]

Становится очевидным, что социология Интернета за время своего существования значительно увеличила гносеологический потенциал социологической науки, прежде всего, фундаментальной, в понимании особенностей функционирования новых информационных технологий. Вместе с тем, многие проекты, осуществляемые в рамках социологии Интернета, характеризуются существенным дисбалансом в сторону теории, вследствие чего не уделяется должного внимания процедурам эмпирической верификации фактов. Одним из перспективных направлений социологии Интернета в начале XXI в. исследователи по праву считают пространство социальных сетей. Однако подобные социологические проекты сталкиваются с рядом методических проблем.

По мнению С.Г. Белобородова, виртуальные сообщества отличаются тем, что их члены общаются и действуют исключительно в интернет-пространстве. Основными достоинствами таких сообществ являются неограниченная свобода в выборе «стержня», абсолютная мобильность, многочисленность как критерий актуальности. Недостатков здесь два – полное отсутствие реального влияния и высокая «текучесть» членов.[2]

В основе функционирования социальных сетей Интернета лежит специфическая межличностная, групповая коммуникация, которая возводится в ранг массовой. Именно этот факт придает уникальность социальным сетям как новым медиа. Также необходимо обратить особое внимание на характер коммуникации – не непосредственной, а технически опосредованной.

---

[1] Nicki Lisa Cole. The Sociology of the Internet and Digital Sociology. URL:// https://www.thoughtco.com/sociology-of-the-internet-4001182 (дата обращения 12.05.2017).

[2] Белобородов С.Г. Формирование Интернет-сообществ как способ самоорганизации и влияния на власть http://politjournal.spb.ru/120114.html (дата обращения 10.06.2017).

Именно интернет-общение дает возможность удовлетворить ряд потребностей и интересов, весьма затрудненных в реальной, повседневной жизни. Здесь отсутствуют многие барьеры и ограничения коммуникации, однако, данная ситуация может рассматриваться как в позитивном, так и негативном аспектах.

Как отмечают исследователи, среди распространенных применений сервисов Интернета одними из наиболее интересных являются разнообразные трансформации собственной идентичности, под которыми подразумевается как частичное изменение (сокрытие или отрицание фактов) сведений о себе, лежащих в основе самопрезентации, так и конструирование сетевой идентичности, по большинству параметров отличной от реальной – вплоть до выбора другого имени, пола, биографии, профессии и т.п., представления чужих, в том числе случайно выбранных фотографий.[1]

Именно поэтому в центре внимания научного социологического анализа социальных сетей Интернета находится их взаимосвязь с объективной реальностью (в какой мере данные структурные элементы глобальной сети соответствуют объективной реальности). Сложность ситуации с социальными сетями заключается в том, что их пользователи обладают фактически неограниченной возможностью для введения в заблуждение своих интернет-собеседников в ходе построения своего интернет-профиля. Это значительно усложняет контроль и управление данной сферой интернет-пространства, так как при соблюдении минимальных мер по конспирации, такие псевдо-пользователи социальных сетей могут осуществлять троллинг, провоцировать виртуальные конфликты, при определенных обстоятельствах грозящих трансформироваться в реальные.

Стоит подчеркнуть, что активность в социальных сетях сама по себе представляет элемент ухода от физической реальности в виртуальную – это общеизвестный факт. Вместе с тем, тенденции эскапизма имеют далеко идущие негативные последствия – как для личности, так и для социума. Как отмечает М.С. Безбогова, Интернет предоставил множество возможностей уйти от реальности в вымышленный мир: онлайн-общение, массовые игры, новости, развлечения, а теперь и социальные сети – все это позволяет человеку отойти от проблем и барьеров, существующих в его жизни. Однако сеть дает не только возможность убежать из мира, но и возможность построить в нем собственный, что сказывается не только на восприятии индивидом объективной реальности, но и на его психике.[2]

Становится очевидным, что активность в социальных сетях Интернета оказывает существенное влияние на социально-психологический облик

---

[1] Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. №1. С.66-69.

[2] Безбогова М.С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: дис. … канд. психол. наук. М., 2016. С.5.

личности, формирует ее мировосприятие, систему ценностей, отношение к социальным нормам. Однако должной научной рефлексии данная, весьма актуальная проблема, до настоящего времени фактически не получила. В этой связи необходимо акцентировать внимание на возможностях социологического анализа аудитории социальных сетей. Имеющийся на сегодняшний день в распоряжении эмпирической социологии арсенал количественных и качественных методов, разнообразных методик и техник сбора первичной информации, ее обработки и анализа позволяет уверенно решать задачи направленные как на детальный анализ аудитории социальных сетей, специфики взаимодействия между акторами интернет-коммуникации, так и, едва ли не самое главное, замерять разнообразные эффекты функционирования сетевой интернет-коммуникации.

Именно такая исследовательская стратегия предоставляет возможность для количественно-качественного всестороннего анализа проблемы функционирования социальных сетей Интернета. В данном случае, целесообразно сосредоточить внимание на следующих элементах исследовательской стратегии:

– изучение социально-психологических, социально-возрастных и социокультурных характеристик аудитории социальных сетей, ее многоуровневая сегментация по ряду ключевых признаков;

– анализ сообщений в социальных сетях Интернета, посредством количественной (контент-анализ) и качественной (традиционный анализ) стратегии, выявление основных эффектов виртуальной коммуникации;

– изучение мнений экспертного сообщества по проблеме взаимодействия и взаимовлияния социальных сетей Интернета, с одной стороны, и основных сфер общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовной), с другой стороны;

– анализ перспектив развития событий с учетом непрекращающегося роста социального влияния Интернета, в том числе и сегмента социальных сетей, в контексте нарастающих проблем информационной перегрузки, информационного неравенства и т.п.;

– исследование проблем, связанных с проникновением радикальных, экстремистских идей в пространство социальных сетей Интернета, особенностей воздействия подобных сообщений на сознание и поведение пользователей глобальной сети;

– выработка рекомендаций для государственных управленческих структур, ответственных за обеспечение правопорядка и законности в информационно-коммуникационной сфере.

Отмеченные социологические методики позволяют осуществлять эффективный анализ поведения курсантов образовательных учреждений МВД России в социальных сетях Интернета. Подобный подход позволяет оперативно выявлять и классифицировать и девиантные тенденции в поведенческих стратегиях курсантов. Данная задача выглядит весьма перспек-

тивной в условиях реформирования системы МВД, когда особенно важно, чтобы кадровый резерв полиции не отличался склонностью к девиантному поведению. В данном аспекте необходимо обратить особое внимание именно на возможности социологического анализа проблемы – как эмпирического, так и прикладного. Полученные результаты могут стать опорой для принятия соответствующих управленческих решений в системе образовательных учреждений МВД России.

Библиографический список

1. Безбогова М.С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: дис. … канд. психол. наук. М., 2016.

2. Белобородов С.Г. Формирование Интернет-сообществ как способ самоорганизации и влияния на власть http://politjournal.spb.ru/120114.html (дата обращения 10.06.2017).

3. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. №1.

4. Nicki Lisa Cole. The Sociology of the Internet and Digital Sociology. URL: // https://www.thoughtco.com/sociology-of-the-internet-4001182 (дата обращения 12.05.2017).

DEVIANTNOE BEHAVIOR OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF RUSSIA IN SOCIAL NETWORKS, THE INTERNET

Krasnokutsky Dmitry
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs, Krasnodar

Abstract. The article deals with the analysis of the behavior of cadets of educational institutions of the MIA of Russia in the social networks of the Internet.

Key words: interpersonal, group communication, social networking, Internet communication.

АНОНИМНОСТЬ В ОНЛАЙН-ОБЩЕНИИ КАК ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ

Кропчина Наталья Олеговна, Носенко Евгения Викторовна, Белашова Яна Юрьевна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: gepard-995@bk.ru

Аннотация. В основе конструктивного общения лежит совпадение ожиданий участников коммуникативного процесса и их поведения. Это определяет необходимость правил взаимодействия, общих знаковых систем и стремления участников коммуникативного процесса к диалогу. Однако в ситуации упразднения внешних норм взаимодействия проявляется тенденция выплеска социальной агрессии. В статье рассматривается возможность анонимного участия в процессе общения как фактор выплеска социальной агрессии. Рассматривается специфика онлайн-коммуникации, определяются перспективы Интернета, как поля взаимодействия представителей различных культур.

Ключевые слова: анонимность, Интернет, коммуникация, социальная деформация.

Современное общество развивается чрезвычайно бурными темпами, и одной из причин данного процесса является высокий уровень информационного обмена, связанного с развитием цифровых технологий [2]. При этом большое значение имеет не только обмен продуктами культуры, но и интенсивный процесс коммуникации между представителями различных локальных обществ. Данный процесс, в силу специфики поля коммуникации, существенно меняет набор применяемых в общении моделей взаимодействия, в результате чего в отдельных случаях можно констатировать факт социальной деформации, связанной с отсутствием достаточно развитых механизмов контроля в цифровой среде. Рассмотрим данный момент подробнее.

Одним из важных аспектов коммуникации является ее нормативная определенность: существуют сложившиеся в ходе социальной эволюции нормы взаимодействия, соблюдение которых определяется внутренними социальными установками членов общества, а также внешними механизмами социального контроля. Значение этих механизмов весьма велико: с одной стороны, они определяют позитивные, социально одобряемые формы взаимодействия, с другой – налагают ограничения на деструктивные формы коммуникативных практик. Это определяет момент ответственности, связанный с реакцией сообщества на те или иные проявления члена общества. Ответственность за некорректные формы социальной деятельности вариативна: от институционально определенных штрафных санкций

и вплоть до общественного порицания. В результате имеет место ситуация, когда далеко не все интенции социального взаимодействия выходят на уровень коммуникации. Одним из следствий наличия социальных ограничений является накопление агрессии, связанное с невыраженными деструктивными установками сознания отдельных членов общества. При этом, поскольку возникновение конфликтов интересов представляет собой достаточно распространенное явление, можно судить о систематическом подавлении наиболее деструктивных реакций у отдельных представителей социальной среды.

В этих условиях момент социального контроля представляет собой один из решающих факторов, ограничивающих действия членов коммуникации. Табуированность тех или иных социальных проявлений находится в прямой взаимосвязи со степенью тотальности ответственности, имеющей место в той или иной ситуации. Отсюда, например, логично наличие практики «откровенных разговоров» с незнакомцами, зачастую реализуемых во время совместных поездок в транспорте, а также повышенного уровня агрессии или аморального поведения отдельных членов общества вне среды их социальной включенности. Налицо закономерность: при сохранении в неизменном виде общего уровня личных табуированных потребностей, их реализация становится тем более интенсивной, чем меньше риск получения негативной адресной реакции, определяющей статусные характеристики человека.

В современном обществе пространство коммуникации существенно изменилось, причем речь идет как о различиях между малыми населенными пунктами и крупными городами, в которых момент анонимности развит значительно более сильно, а также имеются широкие возможности по смене круга общения, так и о возникновении специфического поля коммуникации, гарантирующего практически полную анонимность – сферы Интернет-коммуникации.

Феномен онлайн-общения связан с возможностью использования цифровых технологий для осуществления взаимодействия на текстовом уровне, а также, в отдельных случаях – с использованием вербальной коммуникации и видеосвязи. При этом преобладающее значение имеет именно текстовый формат, исторически наиболее ранний в структуре онлайн-общения и имеющий ряд преимуществ в сравнении с вербальным контактом в режиме реального времени. При этом характер коммуникации предполагает возможность полного сокрытия личности, что дает участникам общения практически полное освобождение от риска получения адресных негативных санкций [3]. В результате происходит существенное изменение характера коммуникативных практик, реализуемых в Интернет-пространстве: значительно более частым явлением становится реализация конфликтных моделей, оскорбление личности, намеренная провокация собеседника и иные формы социально деструктивной активности [1]. По су-

ти, имеет место социальная деформация, связанная с нарушением баланса между областью внутренних социальных потребностей и системой социального контроля.

Здесь следует сделать важную оговорку: повышение уровня социальной агрессии в условиях анонимности может иметь место в том случае, если основные ограничители деструктивной деятельности имеют внешний характер. Те члены общества, деятельность которых основана на личном принятии социальных норм и ценностей, не используют возможности по безнаказанному деструктивному поведению в условиях анонимности потому, что с точки зрения воспитания и принятых норм подобного рода поведение остается для них неприемлемым. Таким образом, деструктивные формы онлайн-общения и общий уровень интенсивности реализации негативных моделей представляет собой своеобразный маркер, демонстрирующий эффективность (и неэффективность) воспитательного процесса, реализуемого в обществе.

Еще одним специфическим аспектом онлайн-коммуникации становится формирование «масок» - искусственных личностей, формируемых отдельными субъектами коммуникации с различными целями, от психологических экспериментов и желания развлечься и вплоть до реализации мошеннических схем.

Важной проблемой в данном случае становится то, что область Интернет-коммуникации, будучи полем взаимодействия, одновременно превращается в специфическую среду, на уровне которой реализуется момент социализации. Иными словами, современное поколение воспитывается в ситуации, когда одна из основных сфер взаимодействия допускает момент вседозволенности, а реализация деструктивных моделей и выплеск социальной агрессии представляет собой обыденную практику, практически норму. Это приводит к частичной деформации системы социальных ценностей, невольному или осознанному принятию деструктивных моделей, отходу от конструктивных социальных установок и развитию системы стереотипов, основанных на реализации конфликтных моделей. Типичным примером такого негативного стереотипа является образ «школьника», сочетающий в себе неопределенный набор негативных качеств, свойственных невоспитанным или излишне максималистичным участникам коммуникации. В результате происходит негативное маркирование целой социальной группы с навязыванием отрицательных по своей направленности ожиданий, которые либо просто создают некомфортную среду для личности, либо, что намного опаснее – задают следование негативным ожиданиям.

В целом, обозначенные проблемы онлайн-среды во многом связаны с тем, что она представляет собой чрезвычайно молодое, еще находящееся на этапе становления социальное пространство. Это определяет отсутствие сложившейся нормативной базы по ряду вопросов, возможность существования явно деструктивных социальных явлений, отсутствие устояв-

шихся механизмов контроля. В настоящее время все эти моменты находятся на стадии развития, что позволяет судить о перспективах изменения условий коммуникации в онлайн-среде в пользу более приближенного к принятым в обществе нормам модели взаимодействия. Немаловажным аспектом, снижающим уровень анонимности становится привязка ряда сервисов к профилям социальных сетей, что приводит к постепенному переносу публичного аспекта личности в сферу цифровой коммуникации. Вместе с тем, было бы опрометчиво судить о возможности полного изжития момента анонимности и его деструктивных последствий из сферы Интернет-общения. Речь идет скорее о том, что данный процесс уравновешивается постепенным возникновением механизмов регулирования, что позволяет предполагать возможность положительной динамики информационной среды взаимодействия.

Библиографический список

1. Иванюшкин И.А. Интернет-зависимость: социокультурный контекст (педиатрические аспекты) // Российский педиатрический журнал. 2013. №3. С.57-61

2. Михайлов С.В. Интернет как социальное явление: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 : Ульяновск, 2003 169 с.

3. Радайкин М.Ф. Кратко о проблеме анонимности в сети Интернет // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №2. С.25-28

ANONYMITY IN ONLINE COMMUNICATION AS THE BASIS OF SOCIAL DEFORMATION

Kropchina Natalya Nosenko Evgeniya, Belashova Yana
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Summary. Coincidence of expectations of participants of communicative process and their behavior is the cornerstone of constructive communication. It defines need of rules of interaction, the general sign systems and aspiration of participants of communicative process to dialogue. However in a situation of abolition of external norms of interaction the tendency of a splash of social aggression is shown. In article the possibility of anonymous participation in communication process as a factor of a splash of social aggression is considered. The specifics of online communication are considered, prospects of the Internet as fields of interaction of representatives of various cultures are defined.

Keywords: anonymity, Internet, communication, social deformation.

ЭКСТРЕМПАРАНТНОСТЬ: ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ

Кубякин Евгений Олегович, Плотников Владимир Валериевич
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: tspopz@yandex.ru

Аннотация. В статье производится обоснование проблемного поля экстремпарантности в русле развертывания проблематики противодействия экстремизму. В основании предпосылок экстремизма авторы видят накопление социокультурных противоречий современного общества. В статье проводится обзор деструктивных форм реализации человеческих потребностей в условиях кризиса.

Ключевые слова: общество, экстремпарантность, делинквентное поведение, ценностные ориентиры.

Ценностные ориентиры государства принципиально не приемлют иное понимание природы экстремизма по многим причинам, но в первую очередь в естественно-социальном смысле. Власть политическая не способна признать, что социальная природа экстремизма – это она сама, а точнее сама природа государственной власти, а не ее частная определенность. Экстремист – это прежде всего гражданин государства, в котором он экстремизм и реализует. Такова его социальная феноменальность, в отличие от преступника, реализующего себя внеполитически.

Понятия «политический преступник», «диссидент» и пр. – историко-культурные реалии, только размывающие проблему экстремизма. Для современного государства парадокс и неуловимость экстремизма заключаются не в его преступной, а экстремпарантной природе.

Подлинное лицо экстремизма – это политическая агрессия на экстремпарантов, начальных, стихийных носителей упрощенных общечеловеческих ценностей. Это прежде всего проблема межгосударственных отношений, сводимых к противостоянию политических идеологий и локальных политико-экономических интересов.

Преступник – внеполитическое, принципиально асоциальное явление – не зависимое от статуса личности. Экстремист – социально не преступник вообще, а скорее жертва тотального политического влияния на экстремпаранта. Он как зона риска подвержен влиянию внешнему, поскольку в силу социальных условий склонен к отторжению своей социальной реальности. Это ни в коей мере не оправдывает его антигосударственных действий, наоборот – позволяет концептуально изменить систему предупреждения экстремизма – современная эффективность борьбы с ним схематично и пропорционально изображена на последней схеме в заштрихованной области.

Экстремизм – явление современное, и, в отличие от современных форм терроризма, его основания располагаются совершенно в иных социальных реалиях. Типичным примером, можно сказать – хрестоматийным, являются хакеры. Эта хрестоматийность заключается, во-первых, в современности средств реализации таланта, во-вторых, в гиперболизации следствий таланта хакера как типичного экстремпаранта.

Хакер может испортить, украсть, помешать – но в зависимости от политических интересов его вроде бы деструктивная деятельность, по сути экстремистская, может как поощряться, так и наказываться.

В социальном смысле это подводит к другой стороне экстремпарантной части современного общества – экстриму. Часто сводимый к единичным спортивным излишествам экстрим принято воспринимать как безопасное социальное чудачество – якобы контролируемое средствами массмедиа. В своей социальной природе экстрим – проявление экстремизма в единичном.

Таким образом, экстремал рискует собственной жизнью, и считается, что это его личная ответственность, его риск, но это общий социальный вызов, что гораздо более опасно, чем экстремизм. Если задача конкретного государства – забота о гражданах в общем, то этих самых граждан надо от самих себя защищать ничуть не меньше, чем других граждан защищать от экстремистов.

Единичность смерти и непоправимость телесных повреждений людей, повторяющих за экстремалами, – социальная, государственная, хотя и неполитическая проблема. Конечно, выгодно адреналин молодежи сводить к якобы спортивным ухищрениям, однако это именно тот конструктивный экстремпарантный резерв, который не будет в своей хтоничности экстремизмом никогда и вообще сам себя изживет.

Социальная реальность экстремпарантности как условие и начальное состояния мирового сообщества перспективна еще в одной области пристального политического и правового интереса – сфере квазирелигиозного влияния, так называемого тоталитарного сектантства.

Следует отметить, что религиозные тоталитарные секты – явление современное только в пролонгации следствий, как остаточные процессы. Принципиальное изменение значения тоталитаризма в аксиологической сфере также связано с современными формами коммуникаций. Более того, называть тоталитарные секты религиозными сейчас – провокация самого института религии, необходимо признать, что «религиозность» локальных тоталитарных образований – такая же ширма, как и яркая обертка блеклой конфеты.

Локальные тоталитарные группы, осуществляющие агрессивную социальную политику, преследуют базовые аксиологические, по Марксу – экономические, цели. В рамках экстремпарантного общества этой интенции достаточно для верификации социального пространства этих групп,

кроме этого, очевиден следующий их социальный феномен. Современные многочисленные тоталитарные локальные системы принципиально направлены на модные массовые тенденции – прямая параллель с Голливудом. Любое социально активное произведение, резонирующее в массовой культуре, становится приоритетной сферой их деятельности – будь то удачная подростковая японская анимация «Тетрадь смерти» или кристаллизация экономической модели производства Г. Форда. Продуктивность экстремпарантной производственной деятельности китайской промышленности в значительной степени сдерживает данный кризис, равно как и мешает мировому производству, но от этого проблема тоталитарных проекций в социум только умножается, снижая динамику, но увеличивая ассортимент – полностью приходя в соответствие с реалиями массовой культуры.

Данная проблема занимает медиальное положение между экстримом и экстремизмом как социальными демонстрационными формами экстремпарантности, а следовательно, в силу своей срединности носит пусть и пассивный, но массовый характер.

Основная государственная проблема, а точнее проблема гражданская, заключается в многоголовости тоталитарной гидры – усечение голов которой не только возможно на современном уровне инфозащиты только ретроспективно, но и порождает только умножение их вариаций.

Социологически эта проблема решается довольно просто – ретроспективно показательно наказываются наиболее «удачные» проявления локального тоталитаризма, они естественно интегрируются со временем и приобретают безопасные формы, менее популярные системы.

Однако такое положение вещей уже нефункционально, хотя политически выгодно и демонстративно. Ситуация в экстремпарантном обществе такова, что хтоничность экстремпарантов естественно сводится к локальному тоталитаризму. Как и в случае с экстремизмом – это не парадокс, а естественное состояние социально обнаженного человека перед лицом различных социальных моделей.

Кризисность данного социального положения заключается в том, что в гражданском обществе конкретного государства наиболее восприимчивая социально, вроде бы незначительная доля населения, экстремпарантная, по сути не является гражданами данного государства – находясь под влиянием других властных воль, при этом и сама власть полагает их полноценными гражданами, и они сами так себя формально определяют. Эта социальная проблема и есть подлинный экстремизм.

Система квалификации, равно как и принципы противостояния локальным социальным образованиям, в целом довольно эффективны с традиционными системами, имеющими в качестве точки своего возникновения годы вплоть до 90-х XX столетия, как уже сказано, они строятся по двум схемам ретроспективного демонстрационного наказания и социаль-

ной интеграции, естественного социального защитного механизма. Однако социальные реалии экстремпарантного общества принципиально иные, не новые, а именно иные. Хочется назвать их перспективой, но они уже более чем настоящие – другое дело, что само общественное мнение, как и госсистема, достаточно инертны в отношении «иного» и оправдывают свою социальную актуальность, порождая социальные стереотипы реакций – закрепляя их в зоне среднего страта.

Фундаментальность социального положения экстремпарантного общества порождается не такой социальной реакцией, а совершенно другим социальным процессом, имеющим тотальные следствия только в перспективе двух поколений. Экстремпарантность общества основывается на самой доминантной социальной функции, социообразующей – на институте образования.

Именно социальный институт образования, во всей своей полноте инициируемый частными государственными интересами, делает экстремпарантность хтонической, или даже хаотической силой в гражданском обществе.

Современное замещение воспитания и образования (этимологический акцент) на разнообразное информирование вкупе с узкой, преимущественно производственной специализацией принципиально усугубляет естественность социального процесса развития человеческого сообщества. И если сейчас у ведущих политических держав социально определяющую позицию ведут ученики старых образовательных, но именно образовательных, систем – то, опять же по различным частным политическим причинам контроль образования в них строится по принципу унификации и даже аксиологического нивелирования знаний, не говоря уже о понимании.

Таким образом, целостность как государств – больших социальных групп, так и мирового сообщества, практически формальна, поскольку формально соответствие образовательной системы политическому заказу, хотя это и сиюминутно эффективно с точки зрения настоящих носителей власти. Социальное требование к учителю, всегда выполняющему культурогенную функцию, сводится к количественно-информационным показателям как в оценке эффективности его труда, так и в экономической его целесообразности.

Подобное положение вещей не является всецело социально-естественным, хотя и инициировано не волей человека, а принципами развития социальной системы. Такое состояние внутригосударственной образовательной системы – прежде всего пролонгация данной социальной общности в мировом сообществе, как говорил Гегель, в конце концов, есть народы, которых нет для мировой истории, но они были для себя.

Естественность социального процесса не сводима к политическому мнению о нем, она необратима. Более того, эффективность власти напрямую находится в соответствии с социальной, а не социологической реаль-

ностью развития человечества. Как известно, тем более политическая воля эффективна, чем более она органична социальной реальности, это отнюдь не означает, что в переходном социальном периоде она должна быть деструктивной.

Экстремпарантность не что иное, как простое обозначение естественного, органичного периода социального развития. Роль данного социологического понятия, прежде всего в опредмечивании социального этапа, т.е. в его ограничении и в том осознании – для более продуктивного участия личности и социальной группы в необратимых естественных социальных процессах совершенствования, в первую и единственную очередь – познании самих себя.

EXTEMPORANEITY: JUSTIFICATION OF THE PROBLEM FIELD

Kubakin Eugene O., Plotnikov, Vladimir V.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The article is justification of the problem field of extemporaneity in line with the deployment issues of counteraction to extremism. At the base of the preconditions of extremism the authors see the accumulation of social and cultural contradictions of modern society. The article provides an overview of the destructive forms of realization of human needs in a crisis.

Key words: society, extemporaneity, delinquent behavior, moral values.

ОСНОВАНИЯ СОЛИДАРИЗАЦИИ В КРИМИНАЛЬНЫХ ГРУППАХ: СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кузьменко Ирина Сергеевна
(Краснодарский Университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: irina-kuzmenko909@yandex.ru

Аннотация. В статье производится обзор солидаризации в деструктивных группах. Ставится вопрос об основаниях формирования солидарности в криминальной среде. Производится аналитический обзор культурного и институционального аспектов криминальной солидаризации.

Ключевые слова: преступность, солидарность, криминальная субкультура, криминальная социализация.

Тематика солидарности имеет длительную историю исследования. Солидарность, как форма социальной общности, получила глубокое раскрытие на уровне работ Э. Дюркгейма, являвшегося одним из основоположников теоретической социологии [1]. В дальнейшем ряд его идей, свя-

занных с рассмотрением процессов солидаризации в обществе, был воспринят представителями структурного функционализма, рассматривавшими интегрирующие основания общественной структуры [2,3]. На уровне современного социологического дискурса проблема солидарности все чаще рассматривается в ее практическом измерении, а именно с точки зрения необходимости повышения уровня интегративных функций общества. Таким образом, генеральная линия исследования солидарности связана с рассмотрением ее конструктивного значения, а основные проблемы, формулируемые в контексте данной концепции, в конечном итоге могут быть сведены к проблеме недостатка солидарности в обществе. Такая постановка вопроса справедлива и оправдана, однако необходимо обратить внимание на несколько односторонний подход в рассмотрении солидаризационных процессов: коль скоро солидарность представляет собой одно из основных интегрирующих оснований общественной структуры, справедливо применять данный концепт не только при анализе конструктивных форм общественной организации, но и при рассмотрении деструктивных по своему проявлению социальных образований. Это позволяет произвести постановку вопроса о деструктивных формах солидарности, наличие которых в обществе определяет циклическое возникновение негативных явлений. И в данном случае глубокое рассмотрение проблемы недостатка солидаризации и, в частности, основных факторов, которые определяют низкий уровень интегративных функций общества, может иметь методологическое значение при разработке системы мер по борьбе с деструктивными социальными группами и структурами.

В данном контексте хотелось бы обратить внимание на такую серьезную проблему, как криминальная деятельность. Анализ причин и факторов формирования криминальной деятельности позволяет судить о том, что она существует в двух основных срезах: как естественный процесс актуализации социального конфликта либо как систематическая деятельность, являющаяся нормой для конкретного человека или группы лиц. И если единичные преступления могут не являться формой выражения социальной позиции человека (непредумышленное преступление, потеря самоконтроля и т. д.), то систематическая противоправная деятельность с необходимостью предполагает наличие исходных социальных установок, определяющих склонность к совершению преступлений. И здесь имеет место два варианта: существование институтов криминальной социализации, либо развитие на уровне отдельного человека или группы лиц негативной формы социального мировоззрения, естественным результатом наличия которой становится активное нарушение законов. Если второе предполагает индивидуальные социальные отклонения либо наличие социального опыта, способствующего отторжению нормативных установок общества, то первый вариант связан с существованием социальной прослойки, ориентированной на совершение преступных действий. Иными словами, для

того, чтобы приобрести на уровне мировоззрения глубокое пренебрежение законом, необходимо либо самостоятельно прийти к этой установке сознания, либо получить ее извне. И на этом уровне актуализируется первый важный вопрос, который хотелось бы осветить в рамках данной работы – характер социальных структур, формирующих тенденции криминализации общественного сознания отдельных членов общества. Второй вопрос связан с тем, что субъекты преступной деятельности склонны объединять усилия для максимально эффективного осуществления противозаконных действий. И здесь важно то, что залогом сотрудничества является общность интересов. Следует признать, что в современном обществе широко распространена ситуация группового совершения преступлений, более того, имеет место разветвленная сеть преступных группировок, осуществляющих свою деятельность втайне от правоохранительных органов. Таким образом, интеграция развивающейся личности в деструктивную среду, равно как и объединение субъектов противоправной деятельности, предполагает момент солидаризации.

Рассмотрим данный аспект подробнее: в основе солидарности лежит общность интересов, при этом это может означать как объединение по критерию совпадения интересов, так и интерес, вызванный приобщением к мировоззрению другого человека. При этом основанием солидаризации могут выступать как сами по себе интересы, так и приемлемые личностью формы их реализации. Это значит, что в основе групповой криминальной деятельности лежит, с одной стороны, общность интересов преступников, с другой – приемлемость преступления, как социальная установка. При этом характер интересов может предполагать наличие как законных, так и противозаконных форм их удовлетворения. Таким образом, доминирующим фактором в развитии преступности является, в первую очередь, растабуированность социальной формы преступной деятельности.

В этом контексте можно выделить простейший принцип криминальной солидаризации, связанный со стремлением к трансляции личного мировоззрения и одновременно – с реализацией и трансляцией негативных социальных моделей. Так, подростковые банды выступают в качестве простейшего института криминальной социализации и одновременно – представляют собой одну из простейших форм интеграции с целью совместной криминальной деятельности.

Одним из наиболее существенных оснований криминальной солидаризации является наличие особой субкультуры, на уровне которой реализуется трансляция антиобщественных ценностей, формируются критерии внутренней статусной оценки в криминальной среде, создаются продукты культуры, в той или иной форме пропагандирующие криминальную деятельность и асоциальное поведение. Что характерно, в отличие от прямой преступной деятельности, запрещенной законом, трансляция элементов криминальной субкультуры не запрещена законом, ввиду чего происходит

ее активное и беспрепятственное распространение. Одной из отличительных особенностей криминальной субкультуры является то, что на ее уровне реализовано первичное противодействие системе общественных санкций, направленных на снижение уровня преступности. Если говорить конкретнее, то тюремное заключение, выступающее в качестве основной формы уголовного наказания, рассматривается как один из важных этапов становления личности преступника, а его авторитет во многом связан с количеством отбываемых сроков тюремного наказания и статусом, достигнутым в среде заключенных.

Здесь следует обратить внимание на важную проблему: изначально тюремное заключение рассматривалось как мера исправительного воздействия, однако высокий уровень концентрации криминальных элементов и наличие у них развитого самосознания, оправдывающего социально неприемлемые формы поведения, превращает тюрьмы в институт криминальной социализации, на уровне которого реализуется конкурентная борьба за статус в криминальной среде, формирование неформальных объединений и их дальнейшее функционирование после выхода на свободу.

Таким образом, в основе объединения преступных элементов лежит не только направленность на совершение противоправных действий, но также и особая идеологическая система, обосновывающая на ценностном уровне их приемлемость для субъекта социального действия. При этом, поскольку криминальные ценности складываются в специфическую субкультуру, имеет место также и момент маркированности склонных к неправовым действиям субъектов социальной активности, а также набор общих сфер интересов и точек пересечения, который определяет возможность поиска единомышленников среди носителей криминальных установок.

В совокупности это позволяет сделать вывод о том, что преступность в современном мире вышла на уровень институционализации, что определяет самовоспроизводство криминальных структур посредством трансляции специфических мировоззренческих установок в социальной среде.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М., 1996.
2. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998.- 270 с.

THE SOLIDARIZATION BASES IN CRIMINAL GROUPS: SOCIAL AND PHENOMENOLOGICAL ASPECT

Kuzmenko Irina S.
(Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar)

Summary. In article the review of a solidarization in destructive groups is made. It is asked about the bases of formation of solidarity in the criminal world. Analytical consideration cultural and institutional aspects of a criminal solidarization is made.

Keywords: crime, solidarity, criminal subculture, criminal socialization.

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В АНАЛИЗЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Куликов Евгений Михайлович
(Краснодарский университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: tspopz@yandex.ru

Аннотация. В тексте статьи говорится о значимости проведения социологического мониторинга при анализе отклоняющегося поведения в сети интернет.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-среда, девиантное поведение

Аудитория массовой коммуникации подвергается различного рода воздействию, которое носит, в том числе, и деструктивный характер. Наиболее острые противоречия наблюдаются в данный момент в сфере интернет-коммуникации, где уровень свободы создателей и распространителей сообщений весьма высок. Однако современная социологическая наука не обладает исчерпывающим инструментарием анализа данной проблемы, прежде всего, на эмпирическом и прикладном уровнях. Наибольшее беспокойство вызывает отсутствие должной интеграции между научной и социально-управленческой мыслью.

Нынешнее положение в коммуникационной системе общества, детерминированное стремительным развитие интернет-технологий диктует необходимость развития потенциала прикладной и эмпирической социологии. Актуальность подобных разработок не может быть поставлена под сомнение, так как в современном российском обществе наличествует широкий круг организаций, корпораций, заинтересованных не в ситуативном, а в мониторинговом, регулярном анализе информационного контента,

прежде всего, связанного с глобальной сетью Интернет, его наиболее популярными ресурсами.

Доктрина информационной безопасности РФ констатирует наличие ряда угроз, в том числе, «негативного информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей».[1] Кроме того, в документе отмечается, что «террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников».[2]

Современная ситуация такова, что, с одной стороны, наблюдается рост рискогенных факторов, связанных с развитием и функционированием глобальной компьютерной сети, с другой стороны, дефицитом действенных инструментов социального контроля и управления Интернетом. Как справедливо констатирует М.Н. Демина, в настоящее время «отсутствуют эффективные механизмы социального контроля и защиты человека от информационного воздействия».[3]

В условиях российского общества XXI в. становится очевидным, что объективный, научно-обоснованный анализ интернет-коммуникации невозможен без применения специального программного обеспечения (далее – ПО), так как имеющиеся на сегодняшний день массивы информации, скорость ее распространения, размеры целевой аудитории и пр. характеристики практически исключают «ручной», традиционный режим социологического анализа. Социологическая методология позволяет значительно расширить потенциал естественно-научного подхода к решению проблемы. Следует отметить, что в указанном нами случае социологический подход необходимо серьезно модернизировать.

Целесообразно заметить, что активность той или иной социальной группы, общности в социальных сетях Интернета следует позиционировать как отражение особого духовного мира, социокультурных и социально-психологических качеств. В этой связи ПО не может работать эффективно, если в его основу не будет заложен широкий спектр знаний о данной группе, субкультуре (от доминирующего мировоззрения до стиля и образа жизни).

---

[1] https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html (дата обращения 14.09.2017).

[2] https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html (дата обращения 14.09.2017).

[3] Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. №6. С. 87.

Для того, чтобы «замкнуть» цикл «теория – эмпирические факты – теория» в данном случае необходимо таким образом продумать саму процедуру исследования, а также характер взаимодействия социологов и специалистов в области компьютерного программирования, чтобы достичь оптимального, максимально сбалансированного, подхода к решению поставленных познавательных задач. Алгоритм исследовательских действий может выглядеть следующим образом:

Этап 1. Установочное количественно-качественное социологическое исследование аудитории массовой коммуникации (описание социально-демографического, социально-профессионального, социокультурного профиля конкретной социальной группы, ставшей объектом социологического познания). По итогам проведенного социологического исследования должно быть осуществлено детальное описание аудитории, ее отличительных особенностей. В дальнейшем должны быть осуществлена попытка обоснования на теоретическом уровне имеющихся социально-коммуникативных профилей аудитории. В отличие от традиционного облика теоретико-прикладного социологического исследования, в данном случае стратегической задачей выступает создание технического задания для компьютерных программистов с подробными описаниями целевой аудитории, ее сегментов и т.п.

Этап 2. Разработка компьютерного программного обеспечения мониторинга интернет-коммуникации. Создание пилотной версии ПО в дальнейшем предполагает осуществление сложной серии социальных экспериментов, которые бы позволили осуществить объективный контроль эффективности ПО, оперативно обнаружить и устранить имеющиеся недостатки.

Этап 3. Окончательный запуск ПО и его итоговое тестирование. На данном этапе целесообразно осуществить следующие исследовательские действия:

– выборочная экспериментальная проверка;

– опрос экспертного сообщества для получения их мнения об эффективности работы системы.

Следует подчеркнуть, что развитие ПО сдерживается отсутствием достаточного финансирования со стороны государства, а также частных инвесторов, крупных компаний, корпораций, для которых репутационные параметры имеют весьма важное значение. Именно репутация находится под наибольшей угрозой вследствие деструктивного коммуникативного воздействия – особенно в слабо контролируемом и управляемом интернет-пространстве.

Примером эффективной работы ПО может стать сбор информации и создание условий для использования мощного потенциала слухов в плане воздействия на сознание аудитории. В частности, полученные данные о специфике коммуникативных процессов в той или иной группе, общности,

субкультуре могут позволить осуществить провокацию посредством распространения слухов (прежде всего, в Интернете) с особым содержанием.

В частности, в молодежной среде высокой популярностью обладают интернет-коммуникации, особенно – социальные сети. Не являются исключением здесь представители экстремистских движений, у них имеются собственные интернет-ресурсы, посредством которых осуществляется координация, идеологическая и мировоззренческая «обработка» попавших в сферу экстремистского влияния молодых людей. Однако глубокую интеграцию экстремистских движений в пространство глобальной сети можно использовать и в целях противодействия им. В частности, одной из эффективных стратегий может стать использование слухов как «информационного вируса», который постепенно снижает эффективность коммуникативного воздействия лидеров экстремистских движений на молодежь, особенно – сочувствующую экстремистам, находящуюся на начальном пути включения в экстремистские объединения. Грамотное использование слухов позволяет снизить уровень делинквентности экстремистских объединений.

Результаты социологического мониторинга особенно актуальны, востребованы практикой при анализе деструктивного коммуникативного воздействия на аудиторию глобальной сети Интернет. Сам объект исследования практически не оставляет иных эффективных вариантов использования социологической методологии, методики и техники. Однако в настоящее время подобные исследовательские проекты являются скорее исключением из правил, чем тенденцией развития российской социологической мысли. В этом нам видятся очевидные угрозы информационной безопасности, а также высокий потенциал волюнтаризма и субъективизма при принятии важных управленческих решений относительно интернет-среды, что проявляется, в том числе, введением ничем не обоснованных ограничений законопослушных интернет-пользователей при одновременном попустительстве действий радикалов, экстремистов в глобальной сети. Именно научного, социологического обеспечения сейчас недостаточно в системе государственного управления современной России.

Библиографический список

1. Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. №6.

2. https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html (дата обращения 14.09.2017).

THE POTENTIAL OF SOCIOLOGICAL MONITORING IN THE ANALYSIS OF DEVIANT BEHAVIOR ON THE INTERNET

Kulikov Evgeny Mikhailovich
Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs, Krasnodar

Abstract. In the text referred to the significance of sociological monitoring in the analysis of deviant behavior on the Internet.

Key words: Internet-communication, Internet environment, deviant behavior

ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ

Куприянчук Елена Викторовна, Ролдугин Владислав Игоревич
(Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов)
e-mail: elena-kupr@yandex.ru

Аннотация. Изложены результаты теоретического и эмпирического исследования особенностей взаимосвязи социокультурных характеристик с коррупционными установками студентов-юристов. Показано, что коррупционное поведение обусловливается индивидуально-психологическими особенностями. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на студенческой выборке (N=50, 18-23 лет) с применением различного диагностического инструментария.

Ключевые слова: коррупционное давление, коррупционное поведение, антикоррупционная устойчивость, склонность к коррупции.

В феномене коррупции присутствует психологическая составляющая, которая хотя и органически включена в социальную, управленческую, этическую составляющие, но имеет самостоятельное значение, поэтому психологическая наука, безусловно, может включиться в его междисциплинарное изучение [1,2,3]. Коррупционное поведение - это поведение должного лица, направленное на получение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением [4, с.324]. Коррупционная мотивация - это внутреннее побуждение, которое обуславливает у лица решимость вступить в коррупционные отношения[5,с.9]. Теоретическую базу исследования составляют работы Л. В. Уваровой, О. В. Ванновской, И. В. Девятовской, Ю. М. Антоняна, А. Л. Журавлева.

Эмпирическое исследование было выполнено на студенческой выборке (n = 50, гендерный состав: М - 25, Ж – 25, 18 - 23 лет). Для целей исследования В. И. Ролдугиным был сконструирован инструментарий, представляющий компиляцию таких методик, как авторская анкета на выявление коррупционных установок, уровня правосознания, мотивационный

тест Герцберга, методики «Ценностные ориентации» М. Рокича, дилемм Л. Кольберга, методики Дембо-Рубинштейн, методики исследования локуса контроля Дж. Роттера, личностного опросника Г. Айзенка. Все исследование проводилось анонимно.

Для оценки уровня коррупционной мотивации был введен Первичный Индекс Коррупционной Мотивации (далее ПИКМ). Первичный он потому, что рассматривается без взаимосвязи с другими личностными характеристиками, и основан лишь на ответах на соответствующие вопросы диагностического материала. Каждый вопрос оценивается от 1 до 4, следовательно, ПИКМ изменялся в пределах от 9 до 36 баллов.

Для обработки данных использовался метод корреляционного анализа с применением пакета математической статистики SPSS 23.0 for Windows.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что существует взаимосвязь между социокультурными особенностями личности, такими как: уровень дохода, академическая успеваемость, ценностные ориентации, в том числе религиозные предпочтения, самооценка, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессией, удовлетворенность личным статусом, локус контроль, нейротизм, интравертированность и коррупционной мотивацией у студентов-юристов.

Обратимся к изложению эмпирического материала. Значение ПИКМ у исследуемой группы варьируется от 13 до 32 при возможном значении от 9 до 36. При этом 15 респондентов (32,6 %) имеют условно низкий ПИКМ – от 9 до 18 баллов; 26 респондентов (56,5 %) имеют условно средний ПИКМ – от 19 до 27 баллов; 5 респондентов (10,8 %) показали условно высокий уровень ПИКМ – от 28 до 36 баллов.

Учебная успеваемость студентов, которая оценивалась по шкале от 1 до 5, показала, что: 2 респондента оценили свою успеваемость на 2 балла (4,3 %); 14 – на 3 балла (30,4 %); 20 – на 4 балла (43,4 %); 10 – на 5 баллов (21,7 %)

Оценка материального положения респондентов производилась по шестибальной шкале. Так, 7 студентов-юристов (15,2 %) оценили свой достаток как крайне низкий, т.е. на 1 балл; 13 респондентов (28,2 %) – на 2 балла; 18 (39,1 %) – на 3 балла; 6 (13 %) – на 4 балла; 2 (4,3 %) – на 5 баллов; на 6 баллов свое материальное положение не оценил ни один респондент. В то же время самостоятельно себя обеспечивают всего 17 студентов из числа опрошенных (36,9 %)

Оценка религиозной ортодоксальности респондентов показала, что 7 (15,2 %) из них атеисты, то есть имеют 1 балл по этому показателю; 7 (15,2 %) – адепты агностицизма (2 балла); 22 (47,8 %) студента умеренно религиозны (3 балла); 9 (19,5 %) респондентов имеют 4 балла; крайне религиозен (5 баллов) лишь 1 (2,1 %) из респондентов

Оценка показателя «ориентация на материальные ценности» проводилась по шкале от 0 до 40 баллов. Ни один из респондентов не показал результат ниже 10 баллов. Результат от 11 до 20 баллов показали 13 опрошенных (28,3 %); от 21 до 30 баллов – 26 опрошенных (56,5 %); от 31 до 40 баллов – 7 человек (15,2 %)

Низкий уровень (от 0 до 7 баллов) показателя «экстернальность» продемонстрировали 9 человек (19,5 %); средний (от 8 до 12 баллов) – 23 человека (50 %); высокий (от 13 до 17 баллов) – 14 человек (30,5 %).

Низкую самооценку (от 11 до 20 баллов) проявили 13 респондентов (28,2 %); среднюю (от 21 до 30 баллов) – 21 респондент (45,7 %); высокую (от 31 до 40 баллов) – 12 респондентов (26,1 %). Крайне низкую и крайне высокую самооценку не показал ни один респондент

По шкале «профессиональное самоопределение» студенты-юристы также разделились на 4 группы (от 1 до 4 баллов соответственно): 17 человек (37 %); 14 человек (30,4 %); 12 человек (26 %); 3 человека (6,5%). Что, в целом, соответствует описанным ранее теоретическим положениям о профессиональном определении студентов-юристов.

Низкий (от 0 до 7 баллов), средний (от 7 до 16 баллов) и высокий (от 16 до 23 баллов) уровень нейротизма показали соответственно 5 (10,8 %), 20 (43,5 %) и 21 (45,6 %) респондентов.

Теперь предлагаем разобрать все значимые корреляции по порядку. Так уровень статистической значимости корреляции между ПИКМ и материальным положением респондентов равен *0,021*. Из этого следует, что корреляция значима, но величина коэффициента корреляции равна - *0,341*. Таким образом, можно заключить, что чем выше уровень благосостояния, в нашем случае студента-юриста, тем выше его уровень коррупционной устойчивости. И наоборот, чем хуже материальное положение, тем выше уровень коррупционной мотивации.

Второй установленной взаимосвязью является корреляция между ПИКМ и ориентированностью на материальные ценности. В данном случае значение p стремится к нулю, в то же время $r = 0,542$. Такие показатели соответствуют суждению о том, что стремление к получению материальных благ является одним из главенствующих мотивов коррупционного поведения и смыслообразующей составляющей коррупционной личности.

Также, исходя из полученных данных, наблюдается взаимосвязь уровня коррупционной мотивации и профессионального самоопределения студентов-юристов ($p=0,001$), при величине коэффициента корреляции $r= - 0,485$. Можно заключить, что чем более студент-юрист ориентирован на профессиональную деятельность в избранной им области, тем ниже уровень его коррупционной мотивации.

Последней из установленных значимых корреляций этой группы является взаимосвязь коррупционной мотивации и уровня нейротизма: $p=0,16$ и $r=0,353$. Подтверждается высказанное ранее предположение, о

том, что личность с ведущим импульсивным типом реагирования более склонена к коррупционному поведению, чем человек с преобладанием рефлексивного вида реагирования.

Хотя выборка и недостаточно репрезентативна по показателю пола, однако, стоит отметить, что пол и ПИКМ взаимосвязаны при r=0,366 и p=0,12.

Что же касается соотношения ПИКМ и источника дохода, то они коррелируют при *p=0,41* и *r= - 0,303*. То есть студенты-юристы, имеющие самостоятельный доход с меньшей вероятностью вступят в коррупционные отношения, чем лица его не имеющие.

Не выявлено взаимосвязи между уровнем коррупционной мотивации и учебной успеваемостью, экстернальностью, самооценкой, религиозной ортодоксальностью.

На основании ответов на вопросы анкеты по поводу ориентаций их правосознания, всех студентов из исследуемой выборки можно разделить на три группы, которые, соотносятся с каноничными предконвенциональным, конвенциональным и постконвенциональным уровнями правосознания. Итак, первая группа в качестве главенствующего мотива имеет возможность избежать наказания или иного неблагоприятного последствия, или же возможность получения личной выгоды. Вторая группа руководствуется, прежде всего, необходимостью соблюдения актуализированных ими норм. Это может быть, как право, так и нормы общественной морали. Ну и наконец, третья группа в качестве главенствующего мотива имеет сформулированные ими самими принципы или индивидуальные права каждого человека, вне зависимости от законности или нравственности.

Сразу отметим, что студенты-юристы, имеющие условно-средний уровень ПИКМ, не показали тяготения к определенному уровню правосознания. В тоже время, из лиц, имеющих условно-низкий уровень ПИКМ, 53,33 % принадлежат третьей группе; 26,66 % - ко второй; 20 % - к первой. А из студентов-юристов, имеющих условно-высокий уровень коррупционной мотивации 80 % принадлежат к первой группе, 20 % - к третьей

Подводя итог проделанной работы, заключим, что, во-первых, у большинства студентов-юристов из исследованной группы наблюдается сформированность коррупционной мотивации. Во-вторых, исследование показало, что наблюдается взаимосвязь между определенными социокультурными особенностями личности студентов-юристов и уровнем коррупционной мотивации, причем наблюдаются как положительные корреляции, так и отрицательные. К группе факторов, которые положительно коррелируют с уровнем коррупционной мотивации относятся: ориентированность на материальные ценности, нейротизм, мужской пол. Группу факторов, которые отрицательно коррелируют с коррупционной мотивацией составляют: материальное положение, профессиональное самоопределение, наличие самостоятельного дохода.

Библиографический список

1. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения [Электронный ресурс]. URL: http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html (дата обращения: 21.01.2017).
2. Corruption perceptions index 2015 [Электронный ресурс].URL: http://www.transparency.org/cpi2015/ (дата обращения: 21.01.2017).
3. Куприянчук Е.В. Преступная агрессивность подростков: социокультурный контекст / Е.В. Куприянчук //Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук . Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1999. 20с.
4. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения / О. В. Ванновская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323 – 328.
5. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. №1. С. 8 - 21.

FEATURES OF CORRUPTION MOTIVATION OF STUDENTS

Kupriyanchuk E V, Roldugin V I
Saratov National Research University named after NG Chernyshevsky, Saratov

Abstract. The results of a theoretical and empirical study of the features of the relationship between socio-cultural characteristics and the corrupt attitudes of law students are presented. It is shown that corruption behavior is determined by individual psychological characteristics. The results of an empirical study performed on a student sample (N = 50, 18-23 years) using various diagnostic tools are presented.

Key words: corruption pressure, corruption behavior, anticorruption stability, propensity to corruption.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Лазарев Дмитрий Александрович
(Краснодарский университет МВД России)
lazarev_dmitri_87@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы ксенофобии, этнических конфликтов и других особенностей межэтнических отношений в условиях современного российского общества.

Ключевые слова: ксенофобия, этнические конфликты, национал-экстремизм, этнические фобии.

На протяжении всей истории человечества люди всегда делились на «своих» и «чужих» на «мы» и «они», а как известно, все «чужое» всегда связывается с некой угрозой и как следствие возникает страх перед этой угрозой. Очевидно, что говорим мы не каких-либо предрассудках в умах отдельных индивидов или целых групп людей, а конкретном отношении к «чужим» - ксенофибии. Ксенофóбия (от греч. ξένος - чужой и φóβος - страх) - страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому; восприятие чужого, как опасного и враждебного. Возведенная в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления людей [1].

По мнению руководителя аналитического отдела ВЦИОМ Леонтия Бызова, ксенофобские настроения всегда провоцировались ослаблением государственной власти [2]. Руководитель центра по изучению ксенофобии Института социологии РАН Эмиль Паин отметил, что социальное неблагополучие играет существенную роль в формировании ксенофобии. По его мнению, это обусловлено лишь существенно меньшим уровнем недоброжелательности к мигрантам другой национальности среди предпринимателей [3].

Основной психологической функцией ксенофобии является защита от «чужых», что в свою очередь приводит к частичной или полной изоляции индивида, возникновению предрассудков, нетерпимости и насилия.

Масштабы распространения ксенофобии в нынешней России поистине велики, а значит очевидно, что, не уделяя пристального внимания этой проблеме сегодня, уже завтра мы будем вынуждены платить высокую цену, измеряемую в человеческих жизнях.

В трансформирующемся российском обществе повсеместно возникают этнические фобии, которые зачастую приводят к этническим конфликтам. Этнические конфликты по своей сути представляют собой межнациональную напряженность, которая выражается в конкретных формах противодействия различных национальных общностей (групп), которые в свою очередь усложняют жизнь простых людей по всему миру и не могут оставаться без внимания.

В самом общем смысле этнические конфликты, это противодействие между национальными движениями, политическими партиями, с одной стороны, и как тоже противодействие, но уже между местными либо центральными органами государственной власти – с другой стороны. Власти оценивают ситуацию как конфронтацию между этническими общностями или как ту же конфронтацию, но уже между этнической общностью, находящейся в меньшинстве, относительно государственных институтов, которые, естественно, выражают культурно-языковые, социально-экономические, а также политические интересы преобладающего большинства населения страны.

Отметим, что при всестороннем и объективном анализе, а также понимании сущности и содержания этнического конфликта следует принимать во внимание социокультурные, политические, социально-экономические и социально-психологические ценности, которые присуще конкретному обществу.

Господство и подчинение необходимо для существования любого государства, так как это необходимо для решения проблем в политической, культурной, экономической, национальной, образовательной и иных сферах жизни и деятельности.

По этой причине этнический конфликт – это тоже борьба за власть конкретной этнической общности.

Этнические конфликты, представляющие собой одну из форм политических отношений, заключающихся в конфронтации между несколькими этносами, характеризуются взаимными претензиями, имеющими тенденцию к увеличению противостояния вплоть до вооруженных конфликтов и открытых войн. Подобные конфликты характерны для многонациональных государств и существуют в форме противостояния группы группе, либо группы государству.

Существующие западные концепции социальных конфликтов рассматривают в качестве их источников подавление потребностей человека.

К примеру, теория «межэтнического реконструирования жизненного мира» рассматривает этнический конфликт как следствие существующих различий у разных миров. Согласно этой теории, любой этнос либо этническая группа выступает как особый мир, который отличается от других, а при взаимодействии различных миров весьма вероятно возникновение непростых конфликтных ситуаций. Конфликты между «мирами», это коллизия путей реализации человеческих потребностей. Подобного рода конфликты могут разрешаться с помощью метода межэтнического реконструирования жизненного мира – путем создания нового мира или в ходе последовательных структурных изменений общества.

А.М. Ерохин отмечает, что в отечественной социологии и политологии важное место занимают исследования в области социальных и политических конфликтов, причем в последние десятилетия XX века особенно актуализировались исследования противоречий и конфликтов, происходящих в этносфере российского социума. Большое внимание теории и практике этносоциальных и этнополитических конфликтов уделено в работах В.А. Авксентьева, А.В. Дмитриева, А.Г. Здравомыслова, Е.И. Степанова, А.Г. Осипова, С.А. Татунц. Данная группа ученых указывает на причины возникновения конфликтов в этнической сфере, проявлений социальной напряженности, проблемы конфликтогенных территорий, рассматривает динамику социальных процессов, предлагает собственное видение путей достижения этнополитической стабильности [4].

Российские ученые склонны считать, что одной из главных причин этнического конфликта является идеология национал-экстремизма, так называемая теория и практика национального превосходства (категорическое неприятие культуры, традиций, религии и обычаев другого народа).

Национал-экстремизм спекулирует на существующих противоречиях, проблемах социального, экономического, экологического, духовного характера, «белых пятнах» истории, прорехах национально-государственного устройства, перегибах в кадровой политике по признаку национальности.

Как правило, этнические конфликты являются следствием проявления отрицательных стереотипов взаимного восприятия соприкасающихся народов, либо возникновением конфликтных ситуаций, являющихся результатом проявления представителями различных этнических групп, в чем-либо дискриминированных, определенных требований.

Основной причиной межэтнических конфликтов является борьба между этносами и этническими группами за перераспределение культурных и материальных ценностей.

Объективизация причин этнических конфликтов в общественном сознании большей части населения преобразовывает их в настоящие причины этнического конфликта и тем самым делает его реальностью.

Под объективизацией понимается процесс понимания конкретными индивидами существующего порядка вещей в окружающей социальной реальности и появление стремления к ее изменению, если она их чем-то не устраивает.

Как отмечает О.К. Бутуев человеческие жертвы, материальный ущерб, недоверие и подозрительность между народами - вот неотъемлемые спутники межэтнических конфликтов, которые породили в России огромные потоки беженцев и вынужденных переселенцев. Так, по официальным данным, статус вынужденного переселенца за период с 1989 - 2003 гг. получили более 2 млн. человек. Подобные размеры вынужденной миграции вызвали в России острейшие социально-демографические проблемы, важнейшей из которых стала проблема социальной адаптации и интегрированности групп вынужденных мигрантов в социальном пространстве принимающей стороны. Сложность этой проблемы усугублялось нерешенностью многих социальных проблем значительной части местного населения, что во многих местах привело к резкому обострению взаимоотношений между автохтонным населением и группами мигрантов в местах их компактного проживания.[5]

Основными действующими силами в этнических конфликтах являются этнонациональные движения и партии с националистической идеологией. Однако сложность феномена этничности накладывает серьезный отпечаток на характер и состав тех сил, которые выступают как политическая основа этих движений и партий.

Споры, которые возникают между национальными общностями, имеющими разнонаправленные цели в борьбе за власть, территорию, престиж, стали называть конфликтной ситуацией.

Существующие социальные противоречия, хотя и играют основную роль среди причин генезиса этнических конфликтов, не во всех случаях приводят напрямую к развитию последних. Необходимо чтобы противоборствующие стороны осознали несовместимость своих интересов, и их поведение было соответствующим образом мотивировано. Так возникает стадия осознания конфликтной ситуации.

В том случае, когда объективная конфликтная ситуация осознана, даже случайные события, ввиду характерной межэтническим взаимоотношениям эмоциональности, весьма вероятно приведут к конфликтному взаимодействию как самой обостренной стадии.

Разрешение насущных вопросов по стабилизации межнациональных отношений, по заблаговременному прогнозированию в них конфликтных ситуаций, снижение социальной напряженности основную роль наряду с государством играет местное самоуправление. Во всестороннем подходе к разрешению проблем национальных и межнациональных отношений кроется идея межнациональной гармонизации. Под ней понимается повышение сплоченности каждого народа (этнической группы) благодаря общности интересов, ценностей, исторических традиций прошлого, но вместе с тем без противопоставления себя другим, без проявления национального эгоизма, этноцентризма и шовинизма, трансформации национальных движений в националистические. Острой необходимостью является создание предпосылок для обеспечения единства и целостности России в новейших исторических реалиях, развития общегосударственных интересов и интересов народов.

Стабилизация национальных и межнациональных отношений, априори невозможна без четко организованной политики взаимодействия всех структур общества и государства.

Библиографический список

1. Ксенофобия // БРЭ. Т.16. М.,2010.
2. «53 процента толерантности», «Российская газета» – Федеральный выпуск № 3849 от 17 августа 2005.
3. «Почему помолодела ксенофибия, «Независимая газета» от 14.10.2003
4. Ерохин А.М. Этнополитические процессы в системно-структурной трансформации российского общества. Автореф. дис. … докт. соц. наук. М., 2004.

5. Бутуев О.К. Межэтнические конфликты и социокультурная специфика урегулирования их последствий в регионе Северного Кавказа. Автореф. дис…канд. соц. наук. М., 2006.

PECULIARITIES OF INTER-ETHNIC RELATIONS UNDER THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIUM

Lazarev Dmitry A.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. In the article the problems of xenophobia, ethnic conflicts and other features of interethnic relations in modern Russian society.
Key words: xenophobia, ethnic conflicts, national extremism, ethnic phobias.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЦ, ПОДЛЕЖЕЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ, С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Линевич Владимир Леонтьевич
(Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа)
e-mail: linevich100266@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена диагностическим критериям алкогольной зависимости, как задачи психологического сопровождения лиц, подлежащих государственной защите. В работе приведены основные характеристики личностных расстройств у лиц с алкогольной зависимостью.
Ключевые слова: психологическое обеспечение, лица подлежащих государственной защите; критерии алкогольной зависимости.

Психологическое обеспечение лиц, подлежащих государственной защите, в процессе осуществления мер безопасности является одним из основных вопросов современной деятельности подразделений по обеспечению безопасности данной категории лиц. Выделяют следующие психологические особенности осуществления мер безопасности в отношении защищаемых лиц: организацию взаимодействия сотрудников с защищаемым лицом, осуществление личной охраны, обеспечение конфиденциальности [4], обоснование переселения на другое временное или постоянное место жительства, участия в уголовном судопроизводстве лиц, с алкогольной, наркотической или иной зависимостью. Последняя из перечисленных задач, предполагает своевременную психологическую диагностику психического состояния лиц и своевременная коррекция деструктивных или манипулятивных форм поведения. Реализация данной психологической по-

мощи может представляет определенную трудность, поскольку психологи (сотрудники выполняющие функции психологов) подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите [5], не являются психиатрами-наркологами. Зависимые формы поведения, зачастую носят латентный характер, проявляются при экстремальных, стрессовых ситуациях, что также затрудняет их диагностику у защищаемого лица в условиях реализации мер государственной защиты. В настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа лиц, подлежащих государственной защите, имеющих пограничные (непсихотические) и психотические личностные расстройства [2], многие из которых ранее не обращались за психотерапевтической или наркологической помощью (таблица 1). При этом сотрудники подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, не всегда имеют полный объем информации о личностных особенностях, включая алкогольную и иную зависимость. Осуществление мер безопасности в отношении данной категории лиц, требует достаточной компетенции, включающей диагностику, психологическую коррекцию (лечение) алкогольной зависимости. Целью данной статьи является анализ личностных расстройств у лиц с алкогольной зависимостью, подлежащих государственной защите, затрудняющих еализацию мер государственной защиты.

Таблица 1

Статистика количества и видов отклоняющегося поведения у лиц, подлежащих государственной защите, в отношении которых осуществлялось психологическое сопровождение за период 2014 – 2016 года[1]

Данные	Виды отклоняющегося поведения				Количество осуществленных мероприятий по психологическому сопровождению защищаемых лиц
	Суицидальное поведение	Аддиктивное поведение	Агрессивное поведение	Психические расстройства	
за 2014 г.	20	36	18	8	353
за 2015 г.	37	58	40	33	742
до 01.09.2016 г.	31	35	13	21	642
Всего:	88	129	71	62	1737

Алкоголизм, злоупотребление алкоголем относятся к самым распространенным формам аддиктивных расстройств. Алкоголь наряду с никотином и кофеином составляют «легальную триаду» психоактивных веществ (ПАВ). Употребление данных веществ, при некоторых государственных ограничениях их оборота, в развитых странах не преследуются законом. В

[1] Статистические данные УОГЗ МВД России.

России[1], США, европейских странах, характерно терпимое отношение к потреблению алкоголя, а существующие культурные традиции, способствует дополнительной их легитимизации в общественном сознании [3, с. 72]. Принципиальное отличие алкоголя от двух других представителей «легальной триады» ПАВ заключается в том, что систематическое злоупотребление спиртными напитками приводит к возникновению неврологических и психических изменений. В основе потребления (злоупотребления) любого ПАВ, включая алкоголь, лежат два мотива: стремление к удовольствию, за счет положительного подкрепления воздействия ПАВ; стремление к устранению психического дискомфорта, за счет отрицательного подкрепляющего действия. Общепринятой классификации алкогольной зависимости на сегодняшний день нет. Портнов А.А. и Пятницкий И.Н. процесс алкоголизации разделяли на три последовательно сменяющие друг друга стадии: неврастеническая, наркоманическая и энцефалопатическая (исходная) [6, с. 115]. Стрельчук И.В. классифицирует алкоголизм по трем стадиям. Первая стадия (легкая, компенсированная) характеризуется: патологическим изменением восприимчивости к алкоголю в виде патологического влечения к спиртным напиткам и утрате количественного контроля («потеря чувства меры»); растущая толерантность к алкоголю [6]; амнезии («провалы памяти») на фоне выраженного алкогольного опьянения; нарушения (соматические заболевания) функционирования внутренних органов и нервной системы; сохраняющаяся или незначительно нарушающееся трудоспособность. Для второй стадии алкогольной зависимости (средняя, субкомпенсированная) характерно: утрата количественного контроля, абстинентный синдром; алкогольная толерантность становиться максимальной [6]; возможны эпилептиформные припадки; алкогольные психозы («белая горячка»); алкогольная дисфория или депрессии; соматические расстройства приобретают хронический характер, становятся необратимыми; проявляется социальная дезадаптация. На третьей стадии алкоголизма (тяжелая, декомпенсированная): снижается толерантность к алкоголю с периодами интолерантности (алкогольная непереносимость); амнезии возникают независимо от количества потребляемого алкоголя, даже незначительного; патологическое влечение к алкоголю, утрата количественного контроля и абстинентный синдром, проявляются максимально сильно (тяжело); алкогольная деградация проявляется органическим поражением головного мозга; часто возникает алкогольный психоз; поражение внутренних органов и систем принимает необратимый характер (цирроз печени); отмечается глубокая (полная) социальная дезадаптация; утрачивается трудоспособность (инвалидизация по соматическим или неврологическим заболеваниям) [6, с. 116].

[1] За исключением национальных (мусульманских) республик в составе РФ.

Джеллинек Э. первоначально выделял четыре фазы развития алкоголизма: предалкогольную, продромальную, критическую и хроническую, а впоследующем предложил классификацию пяти разновидностей (форм) алкоголизма, обозначив их пятью первыми буквами греческого алфавита: α (альфа), β (бета), γ (гамма), δ (дельта) и ε (эпсилон). Для альфа-формы алкоголизма характерно прием алкоголя как средства расслабиться, снять эмоциональное напряжение, притупить отрицательные переживания или неприятные (болезненные) соматические ощущения[1]. Бета-форма злоупотребления алкоголя связана с традициями (поведения выходных, отмечание праздников) социальной группы, к которой он принадлежит. При гамма-форме алкоголизма характерны психическая и физическая зависимость от алкоголя, алкогольная толерантность, утрата «контроля» выпитого, переход однодневных к многодневным алкогольным эксцессам. Данная форма алкоголизма сопряжена с национальными традициями употребления крепких алкогольных напитков. Дельта-алкоголизм, проявляется неспособность воздерживаться от приема алкоголя. Ежедневное потребление алкогольных напитков постепенно отягощается, переходя в запойное пьянство. Это форма алкоголизма, чаще формируется в станах, где преобладает потребление виноградного вина. Эпсилон-алкоголизм характеризуется циклически повторяющимися запоями (дипсоманией) [6, с. 118]. Скорость развития алкогольной зависимости, обусловлена личностными особенностями, возрастом начала злоупотребления алкогольными напитками, полом, перенесенными ранее или сопутствующими заболеваниями, частотой и видом потребляемого алкоголя, наследственной отягощенностью, соответствие или несоответствие «манеры» употребления алкоголя существующим семейным, национальным, культурным традициям, степенью выраженности социальных и соматических последствий злоупотребления алкоголем.

Основными признаками алкогольной зависимости являются:

– алкоголь занимает одно из главных место (главное) в системе ценностей индивида;

– утрата контроля дозы потребляемого алкоголя, количество употребляемого алкоголя в большинстве случаев (всегда) превышает планируемую величину, как правило, весь имеющийся в наличии алкоголь;

– употребление алкоголя осуществляется, несмотря на возникающие препятствия (проблемы) в профессиональной деятельности и социальных интересах индивида, противодействии со стороны его окружения;

– употребление алкоголя сопровождается развитием синдрома отмены (похмельный синдром).

[1] Для данного типа алкоголизма в англоязычных странах используется термин – problemdrinking («проблемное пьянство»).

Первые три критерия отражают психический компонент алкогольной зависимости, а последний, четвертый признак, свидетельствует о развитии физической зависимости. Оценка наличия алкогольной зависимости, может осуществляются по следующим признакам [1]: 1) потребление алкоголя, несмотря на возникающие проблемы; 2) большое количество времени тратиться на приобретение алкоголя; 3) нарушаются социальная, профессиональная деятельности, отдых или развлечения, сопряжены с употреблением алкоголя, без употребления алкоголя, отдых, другие формы время препровождения утрачивают для индивида всякий смысл; 4) употребление алкоголя в больших дозах, для достижения сильного опьянения, весь имеющийся алкоголь; 5) постоянное желание употреблять алкоголь и неудачные попытки уменьшить количество употребляемого алкоголя; 6) синдром отмены; 7) толерантность к алкоголю, выражающееся в постепенном увеличении употребляемого алкоголя, необходимого для достижения выраженного опьянения. Наличие у индивида трех и более признаков, свидетельствуют об алкогольной зависимости [3, с. 79].

Психопатологические феномены алкогольной зависимости принято разделять на проаддиктивные, аддиктивные и метааддиктивные. Первый признак отражает преморбидные особенности личности, предрасполагающие к развитию алкогольной зависимости. Под аддиктивным расстройством принято понимать патологическую мотивацию употребления алкоголя, болезненное влечение и сопряженные с этим аддиктивные формы поведения. Метааддиктивные расстройства представляют совокупность патологических изменений, возникающих на фоне злоупотребления алкоголем. В соответствии с данной классификацией, алкоголизм включает аддиктивные расстройства и метааддиктивные нарушения органов и систем организма индивида [3, с. 81].

Таким образом, только наличии достаточной компетентности психологов, сотрудников подразделений государственной защиты по своевременной диагностике и психологической (медицинской) коррекции поведения защищаемых лиц с алкогольной зависимости, позволит эффективно реализовывать меры государственной защиты в отношении данной категории защищаемых граждан.

Библиографический список

1. Классификация психических расстройств Американской психиатрической ассоциации 2000 года.

2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Личностные расстройства. СПб.: Питер, 2010.

3. Менделевич В.Д. Наркология: учебник. Ростов н/Д.: Феникс, 2017.

4. О деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, в современных условиях: экспресс-информация. Выпуск 6. Домодедово: ВИПК МВД России, 2014.

5. Опыт организации работы по защите свидетелей Государства Израиль и Словацкой Республики (по материалам XI международного практического учебного курса для российских специалистов по вопросам защиты свидетелей в рамках уголовного судопроизводства): экспресс-информация. Выпуск 10. Домодедово: ВИПК МВД России, 2014.

6. Руководство по психиатрии / под ред. Г.В. Морозова. М.: Медицина, 1988.

PSYCHOLOGICAL SUPPORTING OF PEOPLE UNDER STATE PROTECTION WITH ALCOHOL DEPENDENCE

Linevich Vladimir Leontievich
Ufa law institute of the ministry of internal affaires of Russia, Ufa

Abstract. This article is about diagnostic criterions of alcohol dependence as the task of psychological supporting people under state protection. Showed the main characteristic of personal problems among people with alcohol addiction.

Key words: psychological supporting, people under state protection, criterions of alcohol dependence.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ И ВИДЫ ПРОЯВЛЕНИЙ

Мансурова Зиля Рахимлановна
Сулейманова Гульсум Яхиевна
(Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа)
e-mail: mansurovazr@mail.ru

Анотация. Статья посвящена проблеме девиантного поведения в подростковом возрасте. Рассмотрены формы, виды девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, наркомания, токсикомания, алкоголизм, проступок, преступление, профилактика девиантного поведения.

Еще при рождении происходит закладка личностных качеств каждого человека. Человек живет в непрерывно меняющемся мире, но существующие социальные нормы и поведение обеспечивают функционирование социальной системы. Социальные нормы и поведение необходимы для обеспечения предсказуемости действий человека в различных ситуациях,

но реальная действительность многообразна, и у каждого могут найтись особые причины отклоняющего поведения. Так одним из основных этапов социализации человека является период юности. Границы юношеского возраста обозначаются, в схеме возрастной периодизации онтогенеза, между 17-21 годом для юношей и 16-20 годом для девушек. Открытие своего внутреннего мира, в данном возрасте и является главным психологическим приобретением юности. В этом возрасте прогнозировать поведение человека чрезвычайно проблематично. В юношеском периоде прослеживаются характерные черты: тревожность, раздражительность, агрессивность, бесцельный бунт, стремление к самостоятельности, не подкрепляемой сооветствующими физическими и психическими возможностями [3, с. 20].

Кризисные ситуации в мировой политике и экономике, социальные институты: семья, школа, ВУЗы и группы сверстников ведут к формированию у подрастающего поколения неспособности или нежелания адаптироваться к принятым в обществе нормам. Эти причины приводят к появлению различных форм девиантного поведения [2, с. 34]. Девиантность – рассматривается как поступки и действия, не соответствующие общественным нормам. Под девиантным поведением подразумевают действия личности, не соответствующие нормам поведения, а также социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности. Девиантное поведение – социальный выбор, когда человек выбирает какими способами добиться своей цели. По целям и направлениям различают отклоняющее поведение: деструктивное, асоциальное, деликвентное. Анализ научной литературы показывает, что существуют такие формы девиации, как конфликт поколений (хиппи, готы, другие неформальные организации до момента, пока они не переступят рамки закона), а также конфликт с начальником на работе и т.д., большие преступления и малые правонарушения (деликвентное поведение). Выделяют несколько видов преступлений: - преступление против личности; - беловоротничковая преступность, совершаемая людьми занимающие особое социальное положение; - организованная преступность; - государственная преступность; - преступление без жертвы (порнография, проституция, наркомания, аборты и т.д.).

Формы девиантного поведения понимают конкретные отклонения в поступках и действиях человека. Одна из форм девиантного поведения, является наркомания. Наркомания – это заболевание, которое выражается в психической и физической зависимости от наркотиков, постепенно приводящая к истощению. При наркотическом опьянении, по описанию наркомонов, возникает легкость тела, ясность мысли, теряется ощущение времени. Прием наркотиков сопровождается тахикардией, серьезными заболеваниями. Наркомания отрицательно сказывается на потомстве, т.е. дети рождаются с серьезными физическими и психическими отклонениями. Привыкание происходит быстро, если наркотик не вводится, то наступает абстинентный синдром, человек требует новую порцию.

Следующее заболевание токсикомания, вызванное потребление токсических веществ. Рассмотрим другое пристрастие, это алкоголизм. Алкоголизм – влечение к спиртному с последующей деградацией личности. Начинается алкоголизм с бытового пьянства и заканчивается наркологической клиникой. Влечение к алкоголю постоянно увеличивается, принимая патологический характер. В последней стадии алкоголизма, спиртное становится доминантой в системе жизненных целей.

Проституция - происходит от латинского слова «prosttutio», что означает осквернение, обесчещение. Ученые выделают следующие признаки в проституции: а) род занятий – удовлетворение сексуальных потребностей; б) характер занятий – систематический промысел в форме половых связей с различными лицами; в) мотив занятий – вознаграждение в виде денег. Явление проституции – это «социальная язва», как преступность, алкоголизм и другие формы девиантного поведения. Проституция влечет за собой опасные венерические заболевания, в том числе СПИД. Такие девушки и женщины, которые занимаются проституцией утрачивают стыд, совесть, веру и не способны производить на свет здоровое потомство.

Все большее значение приобретает изучение суицидального поведения, это как мы знаем, саморазрушительное поведение. На мысли самоубийства наталкивают такие обстоятельства, как прием наркотиков, психотропных веществ, потеря любимого человека, интернет-зависимость. Чаще всего суицидальное поведение связано у подростков, с отсутствием жизненного опыта и неумением определить жизненные ориентиры.

Одной из форм антисоциального поведения являются правонарушения. В юриспруденции различают правомерное и неправомерное поведение граждан [1, с. 14]. Неправомерные действия – юридические факты, противоречащие нормам права. Правонарушения делятся на преступления и проступки. Преступление – это противоправное, виновное, наказуемое общественно опасное деяние, приносящее существенный вред общественным отношениям, охраняемыми законом. Проступок – это тоже противоправное деяние, не представляющее большой опасности обществу. Отечественная психологическая и педагогическая науки пока не испытывают большого интереса к исследованиям такой острой девиантологической проблеме, которой являются экстремальные модификации тела как аутодеструктивный и аутоагрессивный конструкт [4, с. 42].

Социальная защита чаще всего заключается в предоставлении ночлега беспризорным, оказание медицинской и психологической помощи. Основная работа ложится на органы правопорядка и на учреждения образования по профилактике девиантного поведения. Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что в плане профилактики девиантного поведения необходимо пропагандировать здоровый образ жизни и применение социально-психологического тренинга, направленных на раскрытие ресурсов личности, на самореализацию собственного жизненного предназначения [5, с. 49].

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Мотивация преступного поведения / Юридическая психология. Вып. 1. – М.: Юрист, 2006. – С. 14-18.
2. Асянова С.Р. Формирование культуры безопасного поведения школьников на дорогах в условиях современного города: Дис. канд. пед. наук.: Уфа: БГПУ, 2012 – С. 34.
3. Гасанова Д.И. Семья и школа в нравственном воспитании подростков [Электронный ресурс]: монография / Д.И. Гасанова, З.М. Баджаева. Электрон. текстовые данные. – Саратов: Вузовское образование, 2014. – 129 c.
4. Ипатов А.В. Технология коррекции аутодеструктивного поведения подростков [Электронный ресурс]: учебное пособие / А.В. Ипатов. - Электрон. текстовые данные. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2015. – 201 c.
5. Исхаков Э.Р. Научное обеспечение организации органами внутренних дел профилактики наркотизма среди несовершеннолетних.: учебное пособие / Э.Р. Исхаков. – Уфа: МВД Уфимский юридический институт. 2009. – 101 с.

DEVIANT BEHAVIOR: ESSENCE, FORMS AND TYPES OF MANIFESTATIONS

Mansurova Zilya R., Suleymanova Gulsum Y.
Ufa law institute of the ministry of internal affaires of Russia, Ufa
e-mail: mansurovazr@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of deviant behavior in adolescence. Forms, types ofdeviant behavior are considered.

Key words: deviant behavior, drug addiction, substance abuse, alcoholism, misdemeanor, crime, prevention of deviant behavior.

ИЗУЧЕНИЕ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Нестеренко Иван Сергеевич
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: nest-i@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается теоретические и прикладные аспекты проявления синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции.

Ключевые слова: выгорание, эмоциональное выгорание, деперсонализация, профессиональная деформация, астеничность.

На длительном протяжении времени эволюции человека эмоции всегда играли роль основного средства для обеспечения наиболее успешного и быстрого удовлетворения потребностей. Наши эмоции отражают те отношения, которые складываются у личности с отдельными объектами отражения, с другими людьми. Роль эмоциональных явлений в жизни человека огромна, поскольку связана с удовлетворением или неудовлетворением его потребностей.

На сегодняшний день в мире существует множество различных экстремальных для человека профессий. Профессиональная деятельность сотрудников полиции не является исключением, поскольку характеризуется такими экстремальными ситуациями. Так в последнее время наблюдается тенденция повышения экстремальности деятельности ОВД, связанная с задержанием преступников, с освобождением заложников, с применением оружия, с обеспечением правопорядка в период массовых мероприятий, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

Результаты комплексных исследований психологов МВД России доказывают, что такие факторы, как ненормированный рабочий день, постоянный контакт с асоциальными элементами, необходимость полной отдачи психических и физических сил при пресечении преступлений снижают функциональные резервы организма, вплоть до их полного истощения. Это определяет высокие требования к эмоционально-волевой сфере личности сотрудников полиции, их стрессоустойчивости и психологической готовности к действиям в экстремальных условиях. Под влиянием внешних психологических факторов у сотрудника со временем может прогрессировать синдром эмоционального выгорания.

Понятие синдрома эмоционального выгорания в психологию ввел американский психиатр Гербарт Фрейденберг в 1974 году. Врачи называют это явление переутомлением.

Г. Фрейденберг указывал, что подобное состояние развивается у людей, склонных к сочувствию, идеалистическому отношению к работе, вместе с тем неустойчивым, склонным к мечтаниям, одержимых навязчивыми идеями. В этом случае синдром эмоционального выгорания выступает как механизм психологической защиты в форме частичного, либо полного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия [1].

Позже феномен «эмоционального выгорания» был подробно изучен К. Маслач, Б. Пельманом и Е. Хартманом в 1982 году, в результате чего выделился его синдром. Обобщив многие определения данного понятия, ученые выделяют три главных компонента: эмоциональное и/или физическое истощение, деперсонализация и сниженная рабочая продуктивность [2].

Эмоциональное истощение проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения и в чувстве опустошенности, исчерпанности своих

эмоциональных ресурсов. Человек чувствует, что не может отдаваться работе с таким же воодушевлением, желанием, как раньше.

Деперсонализация связана с возникновением равнодушного и даже негативного отношения к людям, обслуживаемым по роду работы. Контакты с ними становятся формальными, обезличенными; возникающие негативные установки могут поначалу иметь скрытый характер и проявляться во внутренне сдерживаемом раздражении, которое со временем прорывается наружу и приводит к конфликтам. Подобные состояния имеют место в замкнутых рабочих коллективах, выполняющих длительное время (до полугода) совместную деятельность.

Сниженная рабочая продуктивность проявляется в снижении самооценки своей компетентности (в негативном восприятии себя как профессионала), недовольстве собой, негативном отношении к себе как личности.

Среди личностных особенностей, способствующих «выгоранию» Г. Фрейнденберг выделяет эмпатию, гуманность, мягкость, увлекаемость, идеализированность, интровертированность, фанатичность. Кроме того было выявлено, что у женщин эмоциональное истощение наступает быстрее, чем у мужчин, хотя это подтверждается не во всех его исследованиях [1].

А. Пайнс с коллегами установили связь «выгорания» с чувством значимости себя на рабочем месте, с профессиональным продвижением, автономией и уровнем контроля со стороны руководства. Значимость работы является барьером для развития «выгорания». В то же время неудовлетворенность профессиональным ростом, потребность в поддержке, недостаток автономии способствуют «выгоранию» [5].

В.И. Ковальчук отмечает роль таких личностных особенностей, как самооценка и локус контроля. Людям с низким уровнем самооценки и экстернальным локусом контроля больше угрожает напряжение, поэтому они более уязвимы и подвержены «выгоранию» [2].

К. Кондо наиболее уязвимыми, «выгорающими» считает тех, кто разрешает стрессовые ситуации агрессивно, в соперничестве, несдержанно, любой ценой, а также «трудоголиков», т.е. людей, решивших посвятить себя только реализации рабочих целей, кто нашел свое призвание и работает до самозабвения [3].

В. В. Бойко рассматривает «выгорание» как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального поведения. Выгорание отчасти функциональный стереотип, поскольку позволяет человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы. В то же время могут возникать его дисфункциональные следствия, когда «выгорание» отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности [1].

Мы рассматриваем эмоциональное выгорание как следствие профессиональной деформации сотрудника полиции в эмоционально-волевой сфере, которая проявляется в следующем:

- разбалансированность и огрубление эмоционально-волевой сферы;
- утрата чувствительности к чужой беде;
- равнодушие к соблюдению требований законов, людям;
- «накопление эмоциональной усталости»;
- рост внутренней и внешней конфликтности;
- агрессивность;
- ослабление волевых качеств;
- утеря способность к самоконтролю и саморегуляции;
- длительные депрессивные состояния.

Рассмотрим в динамике термин «эмоциональное выгорание». В настоящее время существует несколько теорий, выделяющих стадии эмоционального выгорания.

Дж. Гринберг предлагает рассматривать эмоциональное выгорание как пятиступенчатый прогрессирующий процесс.

Первая стадия эмоционального выгорания - работник обычно доволен работой и заданиями, относится к ним с энтузиазмом. Однако по мере продолжения рабочих стрессов профессиональная деятельность начинает приносить все меньше удовольствия и работник становится менее энергичным.

Вторая стадия эмоционального выгорания - появляются усталость, апатия, могут возникнуть проблемы со сном. При отсутствии дополнительной мотивации и стимулирования у работника теряется интерес к своему труду или исчезают привлекательность работы в данной организации и продуктивность его деятельности.

Третья стадия эмоционального выгорания - хронические симптомы. Чрезмерная работа без отдыха, приводит к таким физическим явлениям, как изможение и подверженность заболеваниям, а также психологическим переживаниям - хронической раздражительности, обостренной злобе или чувству подавленности.

Четвертая стадия эмоционального выгорания - кризис. Развиваются хронические заболевания, в результате чего человек частично или полностью теряет работоспособность. Усиливаются переживания неудовлетворенности собственной эффективностью и качеством жизни.

Пятая стадия эмоционального выгорания, когда физические и психологические проблемы переходят в острую форму и могут спровоцировать развитие опасных заболеваний, угрожающих жизни человека. У работника появляется столько проблем, что его карьера находится под угрозой [5].

Динамическая модель Б. Перлмана и Е. Хартмана представляет собой четыре стадии эмоционального выгорания.

Первая стадия - напряженность, связанная с дополнительными усилиями по адаптации к ситуационным рабочим требованиям.

Вторая стадия сопровождается сильными ощущениями и переживаниями стресса.

Третья стадия сопровождается реакциями основных трех классов (физиологические, аффективно-когнитивные, поведенческие) в индивидуальных вариациях.

Четвертая стадия представляет собой эмоциональное выгорание как многогранное переживание хронического психологического стресса. Будучи негативным последствием психологического стресса, переживание выгорания проявляется как физическое, эмоциональное истощение, как переживание субъективного неблагополучия - определенного физического или психологического дискомфорта [3].

Согласно модели М. Буриша развитие синдрома эмоционального выгорания проходит ряд стадий. Сначала возникают значительные энергетические затраты - следствие экстремально высокой положительной установки на выполнение профессиональной деятельности. По мере развития синдрома появляются чувство усталости, которое постепенно сменяется разочарованием, снижением интереса к своей работе. Следует отметить, что Развитие эмоционального выгорания индивидуально и определяется различиями в эмоционально-мотивационной сфере, а также условиями, в которых протекает профессиональная деятельность человека [2].

При изучении эмоционального выгорания стоит обратить внимание на исследование Т.П. Королевой, изучает синдром эмоционального выгорания в рамках психологического здоровья личности сотрудника полиции. Т.П. Королевой был проведен сравнительный анализ показателей психологического здоровья личности и его нарушений на пилотажной группе сотрудников полиции мужского пола со стажем работы: более 5 лет (9 человек) и менее 5 лет (15 человек) [4].

В ходе исследования были установлены некоторые признаки эмоционального выгорания сотрудников полиции. С увеличением стажа работы сотрудники более тревожны, эмоционально возбудимы, а также склонны к невротизации и даже к психопатизации личности. У данной категории снижается эмпатийность, психическая активность и эмоциональная устойчивость. В тоже время отмечается, что освоение профессиональных умений и навыков вызывает потребность в переформировании и творчестве личности.

Что касается профессионально важных качеств личности, то эмоциональная устойчивость достоверно выше у сотрудников со стажем менее 5 лет ($t=2,79$, $p\leq0,05$). Корреляционный анализ выявил, что признаки пограничных состояний вне зависимости от стажа работы положительно взаимосвязаны с эмоциональной возбудимостью и отрицательно с показателями устойчивости к фрустрации и устойчивости к стрессам внутренней значимости и неопределенности. Закономерными сочетаниями в ходе иссле-

дования получились депрессивность и низкая эмоциональная устойчивость, а также невротизация и интроверсия.

После статистической обработки были установлены два системообразующих фактора. Первым является эмоциональная возбудимость, которая положительно связана с депрессивностью, астеничностью, психопатичностью, церебростенией и невротизацией, а отрицательно связана с устойчивостью к стрессорам. Вторым системообразующим фактором была выявлена устойчивость к этим стрессорам, которая положительно связана с устойчивостью к фрустрации и отрицательно – с астеничностью, психопатиччностью, церебростенией и невротизацией [4].

Таким образом, работа сотрудника полиции отличается тем, что в ее основу заложен такой мощный стресс фактор как ответственность за свои действия. Как отмечают Т.П. Королева, М.В. Мотиенко в силу его непредсказуемости и изменчивости полностью адаптироваться к нему практически невозможно. Поэтому уровень психологического здоровья и профессионально важных качеств личности сотрудника полиции непосредственно связан со стажем работы.

В настоящее время нет единого взгляда на структуру, стадии и в целом феномен синдрома эмоционального выгорания, но можно с уверенностью заявить, что он представляет собой сложную личностную деформацию вследствие эмоционально затрудненных и напряженных отношений в системе «человек-человек», к которой относится все сотрудники правоохранительных органов. Последствия выгорания могут проявляться как в психосоматических нарушениях, так и в сугубо психологических (когнитивных, эмоциональных, мотивационно-установочных) изменениях личности. То и другое имеет непосредственное значение для социального и психосоматического здоровья личности.

Библиографический список

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В.В. Бойко. - М.: Наука, 1996. - 154 с.

2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е.Водопьянова, Е.С. Старченкова. СПб.: Питер, 2008. -113с.

3. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. - 2001. - Т. 22. № 1, с. 90-101

4. Проблемы психологического здоровья личности сотрудников полиции: монография / М.В. Мотиенко, Т.П. Королева. – Москва: Изд-во «Триумф», 2015. – 176 с.

5. Профессионально-психологическая подготовка: курс лекций / сост. А.С. Бондаренко, А.И. Тузов. – Краснодар. ун-т МВД России, 2014. 154 с.

THE STUDY OF BURNOUT IN EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Nesterenko Ivan S.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The article discusses theoretical and applied aspects of the manifestations of syndrome of emotional burnout among police officers.

Key words: burnout, emotional burnout, depersonalization, professional deformation, asteniceski.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ

Нетребко Елена Эдуардовна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: dnetrebko@yandex.ru

Аннотация. Синдром эмоционального выгорания (англ. burnout) – понятие, введенное в психологию американским психиатром Гербертом Фрейденбергером в 1974 году, проявляющееся нарастающим эмоциональным истощением. Может влечь за собой личностные изменения в сфере общения с людьми (вплоть до развития глубоких когнитивных искажений). Проявляется нарастающим безразличием к своим обязанностям и происходящему на работе, дегуманизацией в форме негативизма по отношению как к клиентам (пациентам), так и к коллегам (сотрудникам), ощущением собственной профессиональной несостоятельности, неудовлетворенности работой, в явлениях деперсонализации, а в конечном итоге в резком ухудшении качества жизни.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, профессиональное выгорание, синдром хронической усталости, деморализация

Явление выгорания - это психологическое явление, которое оказывает негативное влияние на психическое и физическое здоровье и эффективность профессионалов, участвующих в социальной сфере. Это явление было обнаружено в 1950 - х годах и считалось долгое время заболеванием - неизведанной формой вирусной инфекции [15].

В 1970-х и начале 1980-х годов некоторые врачи обратили внимание на необъяснимую социальную избирательность нового «вируса»: до 75% пациентов относились к так называемым «белым воротничкам» или были членами их семей. В большей степени на болезнь повлияли представители профессий, связанных с обслуживанием клиентов, а также руководители компаний. В то время ученые не пришли к общему мнению о природе и

происхождении синдрома хронической усталости. Затем они установили прямую связь между стрессом на работе, профессиональной перегрузкой и увеличением числа случаев заболевания.

Термин «выгорание» («burnout»- в переводе с английского - прекращение горения) впервые появился в научной литературе в 1974 году, когда американский психолог Дж. Дж. Фрейденбергер использовал его в своей статье, опубликованной в «Журнале социальных представлений». Здесь этот термин был представлен в контексте концепции, которая характеризует психологическое состояние здоровых людей, которые находятся в интенсивном и тесном контакте с клиентами, пациенты в эмоционально перегруженной атмосфере. Ранее эта концепция использовалась в связи с концепцией рабочего стресса, и это было определено как неспособность справиться со стрессом, что привело к деморализации, разочарованию и снижению эффективности деятельности.

Центральное место в развитии выгорания как научной концепции заняла К. Маслач и ее коллеги (С. Джексон, А. Пайнс). Выработанные ими модели выгорания послужили основой для дальнейшего изучения этого явления. Понятие феномена многократно менялось. В 1976 году К. Маслач выгорание было идентифицировано как ответ на связанный с работой стресс, приводящий к эмоциональному удалению от клиента, бесчеловечным отношением к нему, снижению эффективности на работе. В 1981 году К. Маслач и С. Джексон предложил следующее определение: выгорание - это синдром эмоционального истощения и цинизма, который часто появляется у персонала, работающего с людьми, и ведет к развитию негативного отношения к своим клиентам. В своей работе 1986 года К. Маслач говорит, что люди, которые работают в сфере услуг и учебных заведениях, в зависимости от условий профессии, вынуждены проводить значительное время в интенсивном взаимодействии с другими людьми [16].

В.В. Бойко [7] определяет эмоциональное выгорание так - это разработанный личностями механизм психологической защиты в виде полного или частичного исключения эмоций в ответ на выбранные психотравмирующие последствия. Это приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального поведения. С одной стороны, это позволяет человеку дозировать и экономично использовать энергетические ресурсы; с другой стороны, выгорание отрицательно влияет на работу и отношения с людьми.

Состояние эмоционального выгорания обычно соответствует следующим чувствам, мыслям и действиям [18]:

– чувства: усталость от всего, депрессия, неуверенность, отсутствие желаний, страх перед ошибками, страх перед неопределенными неконтролируемыми ситуациями, страх оказаться недостаточно сильным, недостаточно совершенным;

– мысли: о несправедливости действий в отношении себя, об отсутствии заслуг своего положения в обществе, о неудовлетворенности оценкой собственных трудовых усилий людьми, окружающими их, а также их собственном несовершенстве;

– действия: критика других и самих себя, желание быть замеченным или, напротив, незамеченным, желание делать все очень хорошо или не пытаться вообще.

Есть особенность - это склонность к интроверсии, направлению интересов в своем внутреннем мире. Внешне это проявляется как эмоциональная скрытность, формализация отношений. Любая ситуация, когда необходимо выйти из роли, вызывает сильную тревогу вплоть до агрессии. Как правило, такие люди вряд ли могут перестроить свои жизненные планы, стереотипы поведения, поэтому они редко могут справиться с проблемой эмоционального выгорания. Следующим этапом его развития может стать появление определенных психосоматических заболеваний.

Симптомы, которые составляют синдром эмоционального выгорания, можно условно разделить на три основные группы: психофизические, социально-психологические и поведенческие.

К психофизическим симптомам иметь отношение:

– симптом ощущения постоянной, не проходящей усталости не только по вечерам, но и по утрам, сразу после сна (симптом хронической усталости);

– симптом чувства эмоционального и физического истощения;

– симптом снижения восприимчивости и реактивности к изменениям внешней среды (отсутствие реакции любопытства на фактор новизны или реакция страха на опасную ситуацию);

– симптом общей астении (слабость, снижение активности и энергии, ухудшение биохимии крови и гормональные параметры);

– симптом частых беспричинных головных болей; постоянное расстройство желудочно-кишечного тракта;

– симптом резкой потери или внезапного увеличения веса;

– симптом полной или частичной бессонницы (быстрое засыпание и недостаток сна ранним утром, начиная с 4 часов утра или, наоборот, неспособность засыпать вечером до 2-3 часов. ночи и «тяжелое» пробуждение утром, когда вам нужно встать на работу);

– симптом постоянного, подавленного, сонного состояния и желания спать в течение дня;

– симптомом одышки или расстройством дыхания с физическим или эмоциональным стрессом;

– симптом заметного снижения внешней и внутренней сенсорной чувствительности: ухудшение зрения, слуха, запаха и прикосновения, потеря внутренних, телесных ощущений.

Социально-психологические симптомы включают такие неприятные ощущения и реакции, как:

– безразличие, скука, пассивность и депрессия (снижение эмоционального тона, чувство депрессии);

– повышенная раздражительность к незначительным, неважным событиям;

– частые нервные «срывы» (вспышки немотивированного гнева или отказ от общения, «уход в себя»);

– постоянный опыт отрицательных эмоций, для которых нет причин во внешней ситуации (чувство вины, негодование, подозрение, стыд, скованность);

– чувство бессознательного беспокойства и повышенного беспокойства (ощущение, что «что-то не так»);

– чувство гиперактивности и постоянное чувство страха, что «это не сработает» или человек «не справится»;

– общее негативное отношение к жизни и профессиональным перспективам (например, «Как бы вы ни старались, все равно не получится»).

Поведенческие симптомы включают в себя следующие действия и виды поведения работника:

– ощущение, что его работа становится все труднее и труднее, и все сложнее ее выполнять;

– работник заметно меняет свой рабочий график дня (он рано приходит на работу и опаздывает поздно, или, наоборот, приходит на работу поздно и уходит рано);

– независимо от объективной потребности, работник постоянно берет работу на дом, но не делает это дома;

– начальник отказывается принимать какие-либо решения, формулируя различные причины для оправдания себе и другим;

– чувство бесполезности, неуверенность в улучшении, меньший энтузиазм в отношении работы, равнодушие к результатам;

– невыполнение важных, приоритетных задач и «ступор» на небольших деталях, которые не отвечают требованиям к обслуживанию, затрачивающим большую часть рабочего времени на мало реализованное или непонятное выполнение автоматических и элементарных действий;

– «удаление» от сотрудников и клиентов, повышение неадекватной критичности;

– злоупотребление алкоголем, резкое увеличение количества сигарет в день, использование наркотических средств.

Эмоциональное выгорание, скорее всего, будет вызвано у сотрудников, которые по своей природе вынуждены много и часто общаться с разными людей, знакомыми и незнакомыми. Прежде всего, это начальники, менеджеры по продажам, медицинские и социальные работники, консуль-

танты, учителя, полицейские и т. д. И особенно те, кто имеет характер интроверта, а также имеют особенные индивидуально-психологические характеристики, которые не согласованы с профессиональными требованиями коммуникативных профессий, «выгорают». У них нет избытка жизненной энергии. Они характеризуются скромностью и застенчивостью, склонны к изоляции и концентрации внимания на профессиональной деятельности. Именно эти люди способны накапливать эмоциональный дискомфорт, не «отбрасывая» негативные переживания во внешнюю среду.

К синдрому эмоционального выгорания, склонны люди, которые испытывают постоянный внутриличностный конфликт, связанный с работой. Чаще всего, как в России, так и за рубежом это - женщины, которые испытывают внутренний конфликт между работой и семьей, а также «давление», связанное с необходимостью постоянно доказывать свои профессиональные возможности перед лицом жесткой конкуренции с другими людьми. [7].

Эмоциональному выгоранию в большинстве случаев, подвержены работники, профессиональная деятельность которых происходит в условиях острой нестабильности и хронического страха потерять работу. В России эта группа включает, прежде всего, людей старше 45 лет, для которых вероятность нахождения нового рабочего места, в случае плохих условий труда на старой работе, резко уменьшается из-за возраста. Кроме того, в этой группе есть сотрудники, которые занимают позицию внешних консультантов на рынке труда, которые вынуждены искать работу самостоятельно.

На фоне постоянного стресса синдром проявляется в тех обстоятельствах, когда человек входит в новую и незнакомую среду, в которой он должен демонстрировать высокую эффективность. Например, после благоприятных условий в высшем учебном заведении на дневном отделении, молодой специалист начинает выполнять работу, связанную с высокой ответственностью, и остро осознает свою некомпетентность. В этом случае симптомы выгорания могут появиться после шести месяцев работы.

По результатам исследований по выгоранию, жители больших мегаполисов, живущие в условиях вынужденной коммуникации и взаимодействия с большим количеством незнакомцев в общественных местах, более подвержены ей [17].

С меньшим риском для здоровья и менее выраженным снижением эффективности синдром эмоционального выгорания испытывают работники, характеризующиеся следующими особенностями. Во-первых, это люди, которые имеют хорошее здоровье и сознательно, целенаправленно заботятся о своем физическом состоянии (они постоянно занимаются спортом и придерживаются здорового образа жизни). Также люди с высокой самооценкой и уверенностью в себе, в их способностях и возможностях. Следует также подчеркнуть, что эмоциональное выгорание менее распро-

странено для людей, у которых есть опыт успешного преодоления профессионального стресса и они могут конструктивно меняться в стрессовых условиях [19] ,

Говоря о природе таких людей, необходимо выделить такие индивидуальные психологические особенности, как высокая мобильность, открытость, коммуникабельность, независимость и желание полагаться на собственные силы. Наконец, важной отличительной чертой людей, которые устойчивы к эмоциональному выгоранию, является их способность формировать и поддерживать позитивные, оптимистические установки и мотивы в себе, как по отношению к другим людям, так и жизни в целом.

Библиографический список

1. Ананьев В.А. Практикум по психологии здоровья. Методическое пособие по первичной специфичной и неспецифичной профилактике. – СПб.: Речь, 2012. – 320 с.

2. Андреева Г.М. Социальная психология. - М., 1980.

3. Аникеева Н.П. Психологический климат в коллективе. М., Просвещение,1989г.

4. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности. – СПб.: Речь, 2004. – 271 с.

5. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.

6. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М., Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996.

7. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Сударыня, 1999. – 28с.

8. Васильева В. Личностные характеристики и состояние напряженности в трудовой деятельности. В кн.: Психическая напряженность в трудовой деятельности.-М.:ИП РАН, 1989.-С217-224.

9. Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Речь, 2011. – 192 с.

10. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – 2-е изд. – М.: Питер, 2008. – 336 с.

11. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. -М: ИП РАН. - 2003. -318с.

12. Козлова О.В. Тренинг «Преодоления синдрома профессионального выгорания». – М.: Медицина, 2003. – 36 с.

13. Куваева, И.О. История изучения «синдрома выгорания» в американской психологии // Проблемы исследования «синдрома выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике): сб. науч. ст. / под ред. В.В. Лукьянова, С.А.Подсадного; Курск, гос. ун-т; СПб гос. мед. акад. им. И.И. Мечникова. – Курск: Изд-во Куск. гос. ун-та, 2007. – С. 85-88.

14. Немов Р., Алтунина И. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2010 г. - 432 стр.
15. Никифоров Г.С. Диагностика здоровья. – СПб.: Речь, 2012. – 950 с.
16. Никишина В.Б. Состояние «выгорания»: детерминация, феноменология, генезис, измерение. – Курск, 2007. – 381 с.
17. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях. // Психологический журнал. – 2002, том23, №3. – с.85-95.
18. Сидоров П.И. Синдром профессионального выгорания. – Архангельск: Изд.центр СГМУ, 2007. – 176 с.
19. Умняшкина С. В. Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий) [Электронный ресурс]: Дис. канд. психол. наук: 19.00.04 – М.: РГБ, 2002.

PROFESSIONAL BURNOUT

Netrebko Elena E.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The syndrome of burnout (eng. burnout) is a concept introduced in psychology by the American psychiatrist Herbert Freudenberger in 1974, manifested by increasing emotional exhaustion. May entail personal change in the sphere of communication with people (until the development of deep cognitive biases). Manifests increasing indifference to their duties and what is happening at work, dehumanization in the form of negativism in the attitude towards customers (patients) and to colleagues (employees), feeling of professional failure, dissatisfaction with work, in the phenomena of depersonalization, and ultimately to a sharp deterioration in the quality of life.

Key words: stress, stress, professional burnout, chronic fatigue syndrome, demoralization

КИБЕРАДДИКЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК УГРОЗА ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Никитина Людмила Николаевна
(Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь)
e-mail: flm2014@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает кибераддикцию как частный фактор, определяющий противоправное поведение несовершеннолетних, а также нормативно-правовые и социально-психологические аспекты, влияющие на данное явление.

Ключевые слова: кибераддикция, несовершеннолетние, компьютерные игры, противоправное поведение, сотрудники органов внутренних дел, правонарушения, профилактика.

Ученые уже несколько десятилетий изучают новую форму зависимого поведения – киберадикцию. В основном круг научных поисков представлен такими направлениями: анализ детерминант возникновения компьютерной игровой зависимости (А.В. Гришина, О.В. Литвиненко, Л.И. Окунева, М.А. Шаталина, А.Г. Шмелева, Ю.В. Фомичева), изучение индивидуально-психологических особенностей компьютерных игроманов (А.Ю. Акопов, Ш.Л. Ван, Э.Н. Гайнуллина, А.М. Демильханова, Ю.М. Евстигнеева, М.С. Иванов, И.В Колотилова, Н.В. Омельченко, В.С. Собкин А.В. Урсу), исследование агрессивности у компьютерных аддиктов (А.Д. Белоусов, Г. Габриэль, М. Гриффитс, Д. Голдштейн, К. Карделлан, И.Б. Лебедев, Ю.В. Серебреникова, Л.И. Шакирова, С.К. Олсон,), диагностика зависимого поведения (А.Ю Егоров А.В. Котляров, С.А. Кулаков, М. Орзак, Е.А. Щепилина, К. Янг), формирование системы профилактики компьютерной игровой зависимости (В.Н. Друзин, С.К. Рыженко, Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Больбот, А.Ф. Шайдулина,), психологический анализ компьютерных игр (И.В. Бурлаков, С.А. Шапкин).

Необходимо отметить, что существует ряд ученых (О.Н. Арестова, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, В.Д. Горский, Т. Мурсалиев, О.В. Смыслова, Т. Райт К. Фергюсон и др.), по мнению которых, компьютерные игры могут быть средством снятия стресса, эмоциональной разрядки, могут поднимать самооценку и развивать уверенность в себе. Это все представляется положительным аспектом данного развлечения. Но как быть в ситуациях, когда эта невинная забава переходит в навязчивое увлечение, а смысл жизни плавно перетекает из реального мира в виртуальное пространство? Или что делать, когда несовершеннолетние под влиянием компьютерных игр агрессивного содержания начинают преступать закон, причиняя физический, моральный или имущественный вред окружающим?

На сегодняшний день сведения о количестве и видах противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними под влиянием компьютерных игр, не отражены в официальной государственной статистике. Данное обстоятельство является следствием того, что сам мотив совершения того или иного противоправного деяния на почве кибераддикции не наделен никаким самостоятельным статусом в уголовно-правовом законодательстве (например, статусом квалифицирующего признака).

Подавляющее большинство таких противоправных деяний являются латентными. Исключение составляют очевидные преступления, которые не могут являться латентными по своей природе, однако, даже в таких случаях, зачастую, в зоне латентности остается мотив совершения того или иного очевидного преступления, связанный с кибераддикцией.

В основном, случаи совершения несовершеннолетними вышеуказанных противоправных деяний освещаются в средствах массовой информации. Однако, в поле зрения СМИ попадают исключительно случаи, спо-

собные вызвать большой общественный резонанс, при этом остальные, так называемые рядовые случаи, продолжают оставаться вне зоны внимания общественности.

Таким образом, ни общественность, ни даже правоохранительные органы не имеют четкой картины, отображающей масштаб подростковой преступности, непосредственно связанной с игроманией. При этом, сотрудники органов внутренних дел, принявшие участие в нашем опросе отметили, что у компьютерных аддиктов наблюдается склонность к совершению правонарушений и антиобщественных действий (75%) и повышенный уровень агрессии (69%).

Кибердикция, так же, как и любая иная химическая или нехимическая зависимость будет актуальной проблемой до тех пор, пока будут существовать источники формирования данного отклоняющегося поведения. А учитывая стремительный прогресс нынешних информационных и компьютерных технологий, можно прогнозировать увеличение масштабов данной проблемы. В таком случае контроль за производством, распространением и доступностью компьютерной игровой продукции должен быть ужесточен как со стороны государства, так и со стороны общественности.

Отметим, что источник кибераддикции, то есть сами компьютерные игры, на сегодняшний день являются легкодоступным развлечением. В России, как и в иных странах, существует общая система возрастных рейтингов для любой информационной продукции. В нашей стране основным нормативным правовым актом, регулирующим общественные отношения в данной сфере, является Федеральный Закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Так, в соответствии с этим законом [1] выделяют два вида информации, которая может причинить вред здоровью и (или) развитию детей:

1) информация, запрещенная для распространения среди детей;

2) информация, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено.

В последнем случае закон предусматривает следующую возрастную градацию: 0+, 6+, 12+ и 16+.

У большинства компьютерных игр имеется обозначения возрастного рейтинга – 12+, 14+, 16+, 18+. Эти ограничения созданы с целью уберечь незрелую психику ребенка от возможного негативного влияния компьютерных игр, содержащих нецензурную брань, элементы употребления наркотиков и алкоголя, сцены сексуального характера, насилия и жестокости, противоправного поведения. По логике, эта рейтинговая система должна иметь не рекомендательный, а обязательный характер.

К сожалению, результаты проведенного нами исследования показали, что компьютерные игры любой возрастной категории являются легкодоступным и никем не контролируемым развлечением. Нами был проведен

опрос 113 подростков в возрасте 11-15 лет учащихся Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 26» муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым по специально разработанной анкете на тему увлечения компьютерными играми. Как показывают результаты, несовершеннолетние в возрасте 12-15 лет абсолютно свободно находят доступ к компьютерным играм, возрастной рейтинг которых находится в пределах 16+ и 18+. В частности, опрашиваемые указали, что наиболее популярными играми являются Fallout (15+), Stalker (16+), Half-Life (17+), Grand Theft Auto (18+), Counter-Strike (18+), Mortal Kombat (18+), Killing Floor (18+). Также о непосредственном интересе несовершеннолетних к компьютерным играм, имеющим высокие возрастные рейтинги, свидетельствуют обсуждения на соответствующих форумах и группах по интересам, созданных в социальных сетях.

Как видим, формально вопрос защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (в данном случае речь идет непосредственно о компьютерных играх) урегулирован, но на практике контроль за указанными в законе ограничениями осуществить довольно сложно.

Следовательно, ключевым звеном в профилактике кибераддикции является ближайшее окружение потенциальных игроманов. Это в основном родители и родственники, но сюда можно отнести также педагогов и психологов образовательных учреждений – в общей сложности всех тех, кто может увидеть какие-либо изменения в поведении несовершеннолетних.

А ведь большинство родителей даже не замечают, как и когда игровое увлечение их ребенка перерастает в аддикцию и за помощью к специалистам обращаются, в основном, уже на последних стадиях зависимости. Считается, что эта проблема чаще всего является результатом отсутствия внутрисемейного благополучия, взаимопонимания и взаимоподдержки между родными. В таком случае виртуальный мир может стать заменой, компенсирующей непонимание, отсутствие поддержки и помощи в кругу родных.

Библиографический список

1. Федеральный Закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – http://www.consultant.ru/) (дата обращения 10.11.2017).

MINORS' CYBERADDICTION AS A THREAT TO THE SOCIETY

Nikitina Liydmila N.
Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Simferopol

Abstract. The author considers cyberaddiction as a particular factor determining minors' illegal behavior, as well as legal, regulatory, social, and psychological aspects that affect this phenomenon.

Key words: cyberaddiction, minors, computer games, employees of law enforcement agencies, offenses, prevention.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СОТРУДНИКОВ НЕУСПЕШНЫХ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осипова Анна Сергеевна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: osipovaanna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные эмпирическому исследованию эмоционального интеллекта у сотрудников неуспешных в служебной деятельности

Ключевые слова: эмоции, интеллект, эмоциональные интеллект, профессиональная деятельность, успешность деятельности.

Успешное выполнение сотрудниками органов внутренних дел, стоящих перед ними задач служебной деятельности тесно связано с наличием у них высоких профессиональных и нравственных качеств (свойств), дисциплинированность, а также обеспечение законности и порядка в территориальных органах ОВД.

Одной из важнейших задач является эффективное взаимодействие сотрудника органов внутренних дел с сослуживцами и гражданами, а также успешность сотрудника в служебной деятельности. В этом контексте представляют интерес способности сотрудника органов внутренних дел регулировать собственное поведение, взаимодействовать с окружением, выполнять в полном объеме служебные обязанности, в том числе в экстремальных условиях, а также внутренние ресурсы сотрудника, детерминирующие реализацию вышеназванных способностей.

Следовательно, способности сотрудника распознавать и интерпретировать эмоции, возникающие в ходе выполнения служебных задач могут влиять на его успешное выполнение служебной деятельности.

В концепциях эмоционального интеллекта рассматривается его взаимосвязь с профессиональной, учебной деятельностью.

В ряде исследований Р. Бар–Он обнаружил связи между эмоционально–социальным интеллектом и учебной деятельностью. В одном из них корреляция достигала 0,41, что, по его словам, означает, что 17% успешности в учебной деятельности определяется эмоционально–социальным интеллектом. На основании данных другого исследования он также выделяет компоненты эмоционально–социального интеллекта, оказывающие наибольшее влияние, к ним относятся: способность управлять своими эмоциями, соотносить свои эмоции и чувства с реальностью и успешно решать проблемы личностного и межличностного характера. Кроме того, на успешность обучения влияет умение ставить цели, оптимизм и способность замотивировать себя на их достижение [5, 6].

Еще со времен выхода труда Д. Гоулмана чрезвычайно актуальным стал вопрос влияния эмоционального интеллекта на профессиональную деятельность и ее успешность. Результаты ряда исследований подтверждают наличие значимой связи между этими двумя показателями. В среднем показатель прогностической валидности составляет 0,54, что означает, что почти 30% вариативности в профессиональной успешности основывается на эмоционально–социальном интеллекте [1].

Таким образом, эмоциональный интеллект связан со многими сферами жизни: с социальной сферой, как наиболее предсказуемого коррелята, копинг–стратегиями, реагированием на стресс, выработкой кортизола и др. Также существует связь с профессиональной успешностью [8].

Неоднократно подтверждалось, что высокий уровень развития эмоционального интеллекта положительно влияет на качество социального взаимодействия и успешность обучения в школе. В частности, К.Е. Изард и др. обнаружили, положительную связь между знаниями об эмоциях у пятилетних детей и их последующими навыками социального взаимодействия (ассертивностью, склонностью к сотрудничеству, самоконтролем) в третьем классе. В этом же исследовании отмечается, что эмоциональный интеллект имеет отрицательную корреляцию с интернализацией и гиперактивностью [7].

Также был проведен ряд исследований, направленных на изучение влияния эмоционального интеллекта на успешность обучения. В частности, вышеупомянутое исследование К.Е. Изарда и др. показало, что знания об эмоциях пятилетних дошкольников в дальнейшем влияют на их академические успехи (например, арифметические навыки, навык чтения и мотивацию на успех). Корреляция осталась значимой даже после вычета влияния вербального интеллекта, пола и социоэмоциональных черт характера [7].

Значимость эмоционального интеллекта для успешной учебы также подтверждается исследованием школьников в 7−9 классах, проведенным

М. Зейднером. Согласно полученным данным общий уровень эмоционального интеллекта по MSCEIT был выше у одаренных, нежели у неодаренных учеников школы [9].

Т.А. Панкова рассматривает эмоциональный интеллект в качестве предиктора социально–психологической адаптации молодых специалистов [4]. В частности, делается вывод о том, что удовлетворенность в процессе профессиональной деятельности специалистов, имеющих небольшой стаж работы на предприятии, в значительной степени обусловлена уровнем развития внутриличностного эмоционального интеллекта, что выражается и в более высокой идентификации как с самой компанией, профессией, так с и понятием «профессионал». Более высокую оценку руководителей с точки зрения соответствия занимаемой должности по критериям профессионализма и организованности имеют специалисты со средним уровнем МЭИ [4]. В исследовании также установлено, что молодые специалисты (сотрудники), имеющие высокий уровень эмоционального интеллекта, в большей степени склонны к контролю персонала (коллег), ответственности за принятие решений, стремлению к лидирующим позициям в структурном подразделении.

Такой результат, полученный в исследовании Т.А. Панковой, указывает на наличие взаимосвязи между способностями к пониманию и управлению эмоциями персонала (коллег) и стремлением к лидерству в коллективе [4].

При этом в интересах достижения оптимума в балансе внутренних и внешних показателей социально–психологической адаптации специалисту (сотруднику) необходимо иметь средний уровень МЭИ и достаточно высокий уровень ВЭИ [4].

Доказано, что эмоциональный интеллект связан с успешностью в профессиях, требующих общения с людьми. Необходимо отметить, что связь с профессиональной успешностью не всегда прямая, а, по данным некоторых исследований, даже обратная.

Модель эмоционального интеллекта и ее практическое применение нуждаются в проверке с учетом специфики служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. В нашем исследовании мы будем рассматривать главным образом эмоциональный интеллект как признак (черту личности).

В рамках изучения эмоционального интеллекта мы отдали предпочтение прошедшей довольно серьезную проверку в России методике исследования эмоционального интеллекта «Опросник ЭмИн» (Д.В. Люсин) [2, с. 3–22]. Данная методика включает в себя следующие шкалы: общий эмоциональный интеллект (способность к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими); межличностный эмоциональный интеллект (понимание эмоций других людей и управление ими); внутриличностный эмоциональный интеллект (понимание собственных эмоций и управление

ими); способность к пониманию своих эмоций и эмоций других людей; способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей.

Экспертная оценка личностной надежности сотрудников органов внутренних дел, участвующих в исследовании, осуществлялась с использованием специальной анкеты, по следующим параметрам «Самостоятельность и инициативность», «Работоспособность», «Организованность и целеустремленность», «Исполнительность», «Использование служебного времени», «Умение отстаивать свою точку зрения, «Авторитет», «Поведение в напряженной ситуации», « Контактность», «Профессиональные знания и умения», «Ответственность», Культурный уровень», «Порядочность и честность», «Отношение к службе», «Умение координировать и взаимодействовать». По каждому показателю эксперт имел возможность оценить сотрудника по пятибалльной шкале от 1 до 5. Формирование групп успешных и неуспешных сотрудников органов внутренних дел осуществлялось с использованием метода полярных групп на основе анализа результатов экспертной оценки успешности служебной деятельности и личностной надежности выпускников образовательных организаций МВД России. Суммарные результаты экспертной оценки успешности служебной деятельности и личностной надежности выпускников образовательных организаций МВД России были переведены в стандартную шкалу стенов. Сотрудники органов внутренних дел, получившие более 8 стенов, были отнесены к группе «успешных», а получившие менее 3 стенов – к группе «неуспешных».

В ходе проведенного исследования было установлено, что на уровне значимости ($p \leq 0,05$) отмечаются существенные различия по непараметрическому U–критерий Манна–Уитни между группами успешных и неуспешных сотрудников органов внутренних дел по таким шкалам, как: понимание эмоций (*шкала ПЭ*), понимание чужих эмоций *(шкала МП)*, общий эмоциональный интеллект (шкала ОЭИ).

Соответственно, для неуспешных в служебной деятельности сотрудников характерен более низкий или ниже среднего уровень развития общего эмоционального интеллекта, средний уровень способности понимать эмоциональное состояние сотрудника на основе анализа внешних проявлений эмоций (жестикуляция, мимика, звучание голоса) и (или) интуитивно, чувствительности к внутренним эмоциональным состояниям сослуживцев. Кроме того, анализ данных показывает, что неуспешные сотрудники отличаются низким уровнем способностью понимать эмоции окружающих людей и собственных эмоций, снижен контроль экспрессии и умение управлять своим эмоциональным состояние, что может стать причиной неэффективного выполнения служебных обязанностей.

Проведенное исследование показало, что при осуществлении психологической работы с сотрудниками органов внутренних дел на этапе профессионального психологического отбора, психологической адаптации, ат-

тестации кадров, мониторинга факторов риска и т. д. в первую очередь необходимо учитывать уровень развития компонентов эмоционального интеллекта для снижения уровня сотрудников неэффективно выполняющи[служебные обязанности.

Библиографический список

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2008. 480 с.

2. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22

3. Осипова А.С. Эмоциональный интеллект как фактор личностной надежности сотрудников органов внутренних дел – выпускников образовательных организаций МВД России: автореф. … дис. канд. психол. наук. М., 2017. 24 с.

4. Панкова Т.А. Эмоциональный интеллект как фактор социально–психологической адаптации молодых специалистов: автореф. … дис. канд. психол. наук. М., 2011. 24 с.

5. Bar–On R. Emotional Intelligence Inventory (EQ–I): Tech. manual. Toronto, Canada: Multi–Health Systems, 1997.

6. Bar–On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory. Handbook of emotional intelligence // ed. By R. Bar–On, J.D.A. Parker. San Francisco: Jossey–Bass, 2000. P. 363−388.

7. Izard C.E. Emotional intelligence or adaptive emotions? // Emotion. 2001. № 1. P. 249−257.

8. Petrides K.V., Furnham A., Frederickson N. Emotional intelligence // The Psychologist. 2004. № 17. P. 577.

9. Zeidner M., Roberts R.D., Matthews G. Can emotional intelligence be schooled? A critical review // Educational Psychologist. 2002. № 37. P. 215−231.

THE STUDY OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AMONG EMPLOYEES IN UNSUCCESSFUL PERFORMANCE

Osipova Anna S.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. In the article the questions devoted to the empirical study of emotional intelligence among employees failed in service activities

Keywords: emotion, intelligence, emotional intelligence, professional activity, the success of the activities.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Павлова Светлана Алексеевна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: swetapawlowa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния эмоциональной сферы человека на его жизнедеятельность. В ходе исследования была выявлена взаимосвязь эмоциональных состояний и видов отклоняющегося поведения. Установлено, что преобладание отрицательных эмоций, таких как гнев, агрессия, способствует увеличению количества проявлений девиантного поведения у сотрудников органов внутренних дел.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для разработки программы коррекционных мероприятий по профилактики нарушений дисциплины и законности среди органов внутренних дел.

Ключевые слова: эмоции, социальные эмоции, эмоциональные состояния, отклоняющееся поведение.

«Нет человека, который был бы как
Остров, сам по себе:
каждый человек есть часть
Материка, часть Суши…»
Э.Хемингуэй

Данная цитата Э.Хемингуэя в полной мере характеризует проблемы социальной психологии, взаимодействия человека со средой. Насколько эффективное, адаптивное данное взаимодействие зависит очень важный процесс - социализации личности. Деформация социализации приводит к проблеме девиантного поведения личности.

Проблема девиантологии волнует не только социологов, юристов, но и психологов, которые все больше внимание обращают на социальную среду, семью, где формируется личность. На мой взгляд, необоснованно мало исследуется такая сторона личности, как эмоциональная сфера, а в частности формирование социальных эмоций.

Особое место в понимании эмоциональной сферы имеет связь эмоциональных явлений с моральным развитием и поведением индивида. Пожалуй, нигде в эмоциональной сфере мы не сталкиваемся в такой степени с пониманием того, насколько человек – социальное существо, как в области социальных эмоций. Экспериментально получило доказательство отсутствие социальных эмоций у людей, ведущих асоциальный и антисоциальный образ жизни. Они характеризуются эмоциональной тупостью, от-

сутствием привязанности даже к самым близким людям, но в месте с тем имеют действующий рассудок, готовый оправдывать и объяснять их «дурные» поступки.

Так что же относится к социальным эмоциям? Эмоциональные явления взаимоотношений с другими людьми и сравнительная оценка себя, своих действий в социальном контексте с точки зрения других людей, ценности, которые разделяются или могут разделяться другими. Это конечно стыд, вина, гордость, чувство признательности благодарности. Именно эти эмоции должны формировать и развивать личность в социуме.

Взаимообусловленность эмоций и потребностей личности, по мнению П.В. Симонова, определяет роль эмоций как посредника между потребностями и деятельностью по их удовлетворению, как средство трансформации ценностей, которые становятся содержанием побудительных мотивов поведения личности. В связи с этим социальные эмоции личности отражают приоритетные потребности и стремления в процессе общения, а также степень их удовлетворенности. Одна из ведущих социальных потребностей - это потребность в признании и принятии другими, особенно близкими и значимыми людьми, удовлетворение которой не только влияет на характер отношений человека с окружающими и на особенности поведения, но и определяет жизненную позицию формирующейся личности. Негативные социальные эмоции, которые испытывает индивид в различных жизненных ситуациях, могут быть обусловлены именно непринятием и отчужденностью со стороны ближайшего окружения. При деформации личностных отношений, выражающейся в агрессивности и замкнутости, враждебности и напряженности между людьми, неизбежно возникает ситуация эмоционального дискомфорта, которая тяжело переживается и оставляет свой, порой неосознаваемый, негативный след.

Социальные эмоции также можно рассматривать и как своеобразный знак личностной успешности при изменении социальной ситуации. Расширение социального ролевого репертуара поведения ставит перед человеком задачу оценивания новых условий и выбора соответствующих действий. В новой жизненной ситуации мы сталкиваемся с иными требованиями к собственным действиям со стороны окружающих, перед нами встает необходимость осваивать новый социальный статус, включаться в новый круг общения, принимать иные правила поведения. В социально-эмоциональном плане успешность в новых жизненных ситуациях предполагает адекватное реагирование на происходящие изменения. Адекватность эмоциональных проявлений обусловлена освоением новых социально приемлемых способов взаимодействия, накоплением положительных эмоций, свидетельствующих о принятии окружающими. Именно позитивные социальные эмоции являются необходимой предпосылкой для развития у личности открытости, доверительности, искренности. Преобладание же негативного эмоционального фона в жизни может оказать пагубное

влияние, как на его психическое здоровье, так и на процесс личностного становления или его личностную деформацию. В связи с этим возникает необходимость освоения специалистами новых технологий, направленных на регулирование эмоционального состояния, на овладение таких способов поведения, которые позволили бы преодолевать напряженность и возможную стрессовость возникающих ситуаций без существенных эмоциональных потерь, на формирование позитивного эмоционально-оценочного отношения к различным жизненным изменениям.

При формировании социальных эмоций, возможно, эффективно использовать и произведения искусства (сказки, беллетристику, живопись, музыкальные произведения), причем эмоции связаны в этом случае, прежде всего с внутренней формой художественного произведения, которая отражает не абстрактное знание, но мировоззрение и переживание художника, которое вызывает соответствующие переживания у зрителей. Ценность собственно искусства, в отличие от мифов, сказок, легенд в том, что оно передает (и формирует) эмоциональное отношение к тем эталонам, которые актуальны именно в этот исторический момент и именно в данной социальной группе. Таким образом, искусство может помочь в формировании нового самосознания, так как, отдаваясь наслаждению, человек бессознательно и непроизвольно преображается и у него формируется новое мировоззрение, новые идеалы. В некоторых случаях можно говорить об изменении идеалов не только отдельного человека, но и значительных групп людей. При этом у них формируется собственно культурное сознание, так как, сознавая и наслаждаясь культурным произведением человек, становится и осознает себя как культурное существо. Так вызываемые культурой социальные эмоции помогают социализации человека, регулируя процесс его вхождения в тот социум, который его окружает.

Для подтверждения наших предположений было проведено эмпирическое исследование. Целью которого стало выявление взаимосвязи эмоциональных состояний и видов отклоняющегося поведения.

Рисунок 1. Типы эмоциональной реакции на воздействия стимулов окружающей среды.

ЭА – эйфорическая активность во вне, РА – рефракторная активность внутрь, ДА – дисфорическая активность во вне

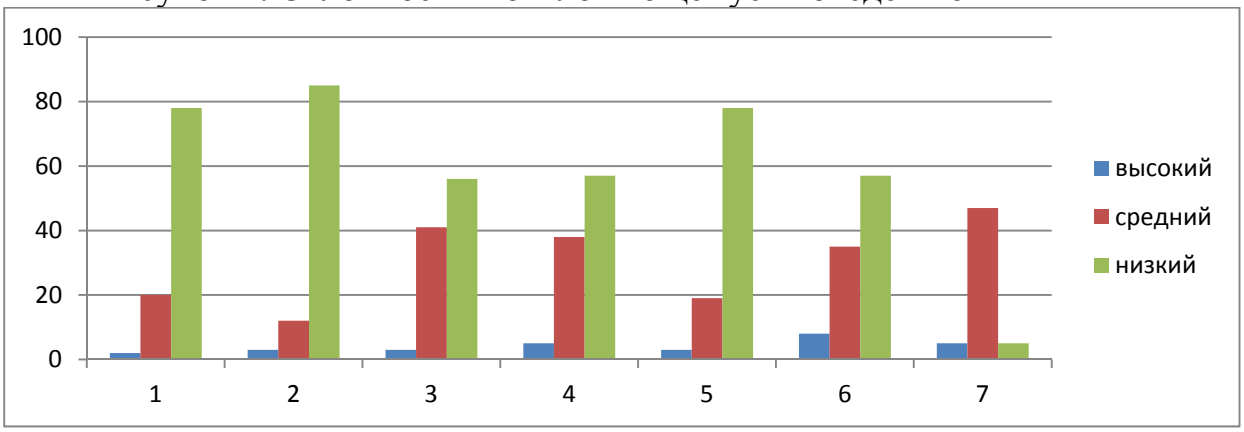
По данным исследования нами было выявлено, что у 35 % испытуемых преобладает высокий уровень эйфорической активности во вне. Это говорит о том, что эмоциональная система восприятия испытуемых пасует перед разными влияниями – положительными, отрицательными и амбивалентными. Положительные стимулы обладают позитивным личностным смыслом или социальным значением (хорошая погода, радость на душе, комплимент окружающих, шутка). Отрицательные стимулы несут отрицательный смысл, значение (ощущение усталости, надо пройти интеллектуальное испытание, трудное обстоятельство в жизни).

В окружающей действительности эмоциональная система восприятия испытуемых выбирает преимущественно амбивалентные стимулы. Амбивалентные стимулы двойственны по своей природе, в них можно обнаружить либо положительный, либо негативный смысл – все зависит от установок самой личности, от ее тенденций приписывать вещам, явлениям, людям хорошие или плохие качества (амбивалентны как стимулы новый деловой партнер вообще, телевизионная передача, сомнительные идеи, окружающие люди, жизнь в целом, обычная обстановка на работе). При этом данные стимулы «застревают» в личности, остаются в виде переживаний, неприятного осадка, размышлений, затаенной грусти, злобы.

Так же у испытуемых были выявлены средний (48%) и низкий (52%) уровни рефракторной активности внутрь. Показатели дисфорической активности во вне, когда положительные и отрицательные стимулы сводятся к негативным переживаниям, а эмоциональная система в целом настроена на негативные стимулы, находятся на низком уровне, что еще больше подтверждает вышесказанное.

Данные показывают, что «чистые» формулы преобразования энергии воздействий стимулов окружающей среды встречаются редко, и обычно их демонстрируют личности с акцентуациями в характере, с признаками невротичности. Чаще отмечаются «смешанные» типы реагирования на внешние и внутренние воздействия.

Рисунок 2. Склонность к отклоняющемуся поведению

1-шкала установки на социальную желательность; 2-шкала склонности к социальной желательности; 3-шкала склонности к аддиктивному поведению; 4-шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению; 5-шкала склонности к агрессии и насилию; 6-шкала волевого контроля эмоциональных реакций; 7-шкала склонности к делинквентному поведению.

По данным Рис.2 видно, что преобладают низкие показатели по всем семи шкалам. Средние показатели преобладают по шкале склонности к делинквентному поведению, которая измеряет готовность (предрасположенность) индивида к реализации деликвентного поведения. Выражаясь метафорически, выявляет «деликвентный потенциал», который лишь при определенных обстоятельствах может реализоваться в жизни человека. Высокие – по шкалам склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, которая предназначена для измерения готовности реализовать различные формы аутоагрессивного поведения, и склонности к делинквентному поведению. Шкала волевого контроля эмоциональных реакций имеет обратные показатели и предназначена для измерения готовности испытуемого представлять себя в наиболее благоприятном свете с точки зрения социальной желательности. Это говорит о том, что у большинства (58%) испытуемых низкий контроль эмоциональных реакций.

Таким образом, наше предположение частично подтвердилось: преобладание отрицательных эмоций, таких как гнев, агрессия, способствует увеличению количества проявлений девиантного поведения у сотрудников органов внутренних дел. Но чувство страха, по данным исследования, у большинства респондентов было низким. При этом показатели девиантного поведения оказались высокими. Корреляция между данными показателями составила 0,3019. Следовательно, цепь поступков, мелких правонарушений, противоречащих принятым в обществе правовым нормам, сотрудники органов внутренних дел совершают из-за пониженного чувства страха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бреслав Г. М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: норма и отклонения. - М., 1990.

2. Вартанян Г. А, Петров Е С. Эмоции и поведение. - Л., 1989

3. Изард К. Психология эмоций. СПб., 2000.

4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Серия «Мастера психологии» - СПб: Питер, 2001. - 752 с

5. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.

THE FORMATION OF SOCIAL EMOTIONS AS A FACTOR OF PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Pavlova Svetlana A.
The Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation. The article is devoted to study the influence of the emotional sphere of human activity. The study was a correlation between emotional States and types of deviant behavior. It is established that the predominance of negative emotions, such as anger, aggression, promotes the increase of deviant behaviour among employees of internal Affairs bodies.

Keywords: emotions, social emotions, emotional States, deviant behavior.

ТАБУ И РАСТАБУИРОВАННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОФАГИИ В КОЛЛЕКТИВЕ

Плотников Владимир Валериевич
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: tspopz@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание феномена целенаправленной агрессии в коллективах, исследуются основные причины и факторы широкого распространения практики социальной антропофагии. Проводится анализ коллективистских и индивидуалистских ценностных установок, а также ставится вопрос о сужении критериев самоопределения, как основании допущения деструктивной деятельности.

Ключевые слова: социальная агрессия, социальная антропофагия, индивидуализм, коллективизм, конфликт, социальная агрессия.

В современном мире становится достаточно распространенным событием проявление жестокости в ходе социальной коммуникации, выраженное в целенаправленном моральном уничтожении конкретного члена коллектива. Понятие «травли» все чаще звучит в контексте оценки внутренней атмосферы школьных классов, университетских групп, трудовых коллективов. Эта проблема становится одной из распространенных причин суицида, а косвенный ущерб от реализации деструктивных моделей взаимодействия с трудом поддается учету. При этом, несмотря на то, что подобного рода модели взаимодействия представляют собой явную социальную девиацию, они широко распространены, что свидетельствует об укорененности обозначенных тенденций в текущий набор актуальных факторов социальной жизни. Мотивов подобного рода поведения достаточно много – от перенаправления личной агрессии и вплоть до утверждения личности на фоне другого человека. В социальном плане речь идет о планомерном вытеснении из коллектива, результатом которого становится удовлетворение личных нужд за счет доминирования над жертвой агрессивного поведения. Это явление, достаточно метко выраженное еще Достоевским в термине «антропофагия» [2], представляет собой чрезвычайно тревожную тенденцию в силу своей широкой распространенности. При этом сам акт самоутверждения через агрессию утрачивает характер запретного, отрицательного по своему репутационному характеру действия. В подтверждение этого достаточно обратить внимание на популярность практики выкладывания в Интернете роликов, содержащих сцены насилия и издевательств. В нормативном плане социальная агрессия рассматривается с точки зрения формы ее проявления, в частности – физическое насилие рассматривается как наказуемое деяние. Однако очевидно, что существуют формы социальной агрессии, не подпадающие под прямой норма-

тивный запрет. Их широкое распространение свидетельствует о том, что механизмы регулирования, связанные с социальной аксиологией и внутренним, основанным на моральных установках самоограничением, нарушены. Анализ данного аспекта может пролить свет на проблему жестокости в среде социальной коммуникации.

Социальная жизнь человека лежит на стыке индивидуальных и коллективных факторов: человек одновременно выступает как часть социальной общности (что предполагает принятие ее интересов, функциональную деятельность во благо этой общности) и как личность, которая, напротив, противопоставляется внешней среде в стремлении сохранения индивидуальности [1]. Эти два аспекта – социальной включенности и социальной противопоставленности – определяют сложность общественных отношений. Однако можно с уверенностью судить о том, что помимо чистых форм растворения в коллективном и противопоставления себя коллективу существуют смешанные формы социальной детерминации, в которых коллективный и индивидуальный аспекты соединяются. Результатом этого внешне противоречивого смешения становится самоопределение через группу, в которую человек включен, а также попытки воздействия на коллектив с целью распространения личных мотивов, ценностей, на всех участников социального взаимодействия. Попытка перехвата доминирующей роли у коллектива представляет собой яркое проявление индивидуализма. В этом смысле стремление к лидерству значительно более присуще тем социальным средам, где индивидуалистическая традиция в культуре имеет преобладающее значение. И, напротив, в социальной среде, где преобладают коллективные ценности, даже стремление к лидерству приобретает подчиненный коллективным целям характер. В этом смысле примечательной является ситуация в американском обществе, где чрезвычайно сильны установки индивидуализма и, фактически, имеет место активная борьба за власть, лидерство, славу на всех уровнях общественной организации.

В контексте идей индивидуализма и коллективизма чрезвычайный интерес приобретает проблема внутриколлективного конфликта. С точки зрения коллективных ценностей, а, также – заложенных на уровне группы функциональных задач, конфликт представляет собой внутреннее нарушение, которое приводит к нарушению взаимодействия в социальной среде[3]. Очевидно, что любой конфликт представляет собой противоречие, результатом которого становится разобщенность, усложнение взаимодействия между участниками конфликта, снижение эффективности их деятельности. Поскольку общество устроено по принципу иерархии структур взаимодействия, в котором элементы более высокого порядка формируются составным образом из более малых структурных единиц, данный принцип можно рассматривать в качестве универсального: общество заинтересовано в том, чтобы уровень противоречий и общий фон конфликтности в

нем был сведен к минимуму [3]. По этой причине даже в тех социальных системах, где господствуют установки индивидуализма, имеет место ярко выраженная установка на сохранение конструктивного взаимодействия, выраженная в идее групповой эффективности. При этом существует негласный запрет, имеющий отражение на уровне ряда этических систем, и состоящий в том, что члены социальной общности, в которую включен человек, не должны становиться объектами агрессии и деструктивной деятельности. Достаточно обильную почву для рассуждений в этом смысле несет библейский принцип несотворения зла ближнему, что предполагает связывания социальных запретов с категорией совместной включенности. Здесь важно не столько то, каким образом можно протрактовать священный текст, сколько то, что он, сам по себе, выступает как одно из мощных оснований формирования социального мировоззрения в странах, где сильны христианские традиции. И в этом смысле неявные акценты, расставляемые в нем, имеют такую же значимость, как и прямые указания.

Обратимся к проблеме социального взаимодействия в группах. Нами уже было проиллюстрировано, что коллективный аспект социальной аксиологии предполагает запрет на целенаправленное причинение вреда члену социальной общности. Это представляет собой своеобразное социальное табу, нарушение которого грозит изменением отношения к человеку в сторону негативной оценки, вплоть до его исключения из круга общения. Однако подобный принцип справедлив только в условиях, когда трактовка коллективных ценностей носит адекватный характер, а границы коллектива четко определены. Однако имеют место ситуации, когда коллективные ценности вступают в конфликт друг с другом, либо деактуализируются на основании преобладания индивидуалистских установок. Это влечет за собой постепенное растабуирование ряда форм социальной активности.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что основным противовесом коллективным ценностям являются ценности индивидуалистические. В этом смысле, например, феномен конкуренции представляет собой яркое выражение преобладания частных целей в ходе социального процесса. В основе индивидуализма лежит стремление к утверждению собственной личности, в силу чего реализуется момент противопоставления социальной среды и области личных притязаний субъекта социального взаимодействия [4]. Утверждение собственной личности через конфликт представляет собой один из приемлемых с точки зрения установок индивидуализма вариантов развития ситуации. Борьба является одной из основных форм актуализации личных возможностей, и в этом смысле реализация конфликтной модели представляет собой одну из форм самоактуализации.

В условиях, когда внешняя среда существования коллектива не содержит в себе оснований для реализации конфликта, иными словами – в

рамках штатного протекания внешних процессов, потребность в реализации конфликтной модели самоактуализации предполагает момент выделения внутри коллектива объекта конфронтации. При этом характерной чертой социальной антропофагии является целенаправленное разрушение социальных связей и отношений, определяющих групповую включенность объекта травли. Ранее говорилось о том, что коллективные интересы противоречат идее внутреннего конфликта. Однако рассматриваемое явление представляет собой ситуацию, в которой деформируется сама определенность коллектива. Иными словами, в рамках формально определенной группы формируются неформальные объединения, коллективное самоопределение которых постепенно вытесняет исходную самоидентификацию членов группы. Так, например, в учебных классах происходит выделение одной или нескольких неформальных групп, активно продвигающих свои тематические интересы. В ситуации, когда основная сложившаяся неформальная группа не тождественна коллективу, высока вероятность приобретения людьми, не входящими в сложившиеся групповые объединения, статуса изгоев.

Таким образом, деформация групповой определенности, ее сведение к более узким критериям объединения становится еще одним мощным основанием возникновения в коллективе конфронтации. При этом, процесс исключения объекта социальной агрессии из области коммуникации осуществляется в парадигме коллективного осуждения, в котором критерии групповой определенности смещаются в сторону неформальных оснований общности интересов. В этих условиях члены коллектива, не входящие в узко определяемую группу, рассматриваются как чужеродная среда ее существования. Смещение социального мировоззрения с самоопределения в коллективе в сторону самоопределения в узко определенной группе становится основанием снятия запрета на социальную агрессию.

Следует обратить внимание на то, что существуют достаточно общие формы самоопределения, акцент на которых способствует снятию обозначенной негативной тенденции. Так, например, актуальность общечеловеческих ценностей или активная гражданская позиция определяет соотнесенность интересов чрезвычайно широкого круга людей. В этом смысле рассмотренные выше деструктивные тенденции представляют собой прямое следствие сужения оснований социального самоопределения. Именно этот процесс, наиболее острой формой которого становится принятие в социальной среде идеологии крайнего индивидуализма, обусловливает постепенное снижение эффективности морального запрета на социальную антропофагию в коллективах.

Библиографический список

1. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. - 703 с.

2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Л.: «Наука», 1991

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.

4. Рябов, О.В. Соотношение коллективизма и индивидуализма (Социально-этический аспект) : автореферат дис. ... кандидата философ. наук: 09.00.11 / Ивановский гос. ун-т.- Иваново, 1992.- 18 с.

TABOOS AND RESTAURANT SOCIAL CANNIBALISM IN THE TEAM.

Plotnikov Vladimir V.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The article discusses the content of the phenomenon of targeted aggression in groups, the main reasons and factors of the widespread practice of social cannibalism. The analysis of collectivistic and individualistic value systems, and raises the question of narrowing of criteria of self-identification as the basis of the assumptions of destructive activities.

Key words: social aggression, social Anthropophagy, individualism, collectivism, conflict, and social aggression.

«МЯГКИЕ» ФОРМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ В РУСЛЕ «КОНТРОЛИРУЕМОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ»

Позднякова Маргарита Ефимовна
Брюно Виктория Владимировна
(Институт социологии Федерального государственного бюджетного учреждения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва)
e-mail: margo417@mail.ru, vikushka81@mai.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу «мягких» форм употребления наркотиков, таких, как «рекреативное», «статусное», «эпизодическое», «контролируемое», и их роли в распространении психоактивных веществ. На основе анализа данных биографических интервью с потребителями составлены жизненные истории развития их «наркокарьеры». Основное внимание в исследовании было сфокусировано на изучении механизмов контроля и регулирования употребления, а также на влиянии употребления наркотиков на жизненный стиль и жизненные стратегии потребителя.

Ключевые слова: наркотики, наркоситуация, «контролируемое» наркопотребление, «рекреативное» наркопотребление.

Настоящая статья написана в рамках проекта «Новая наркоситуация в России. Роль «контролируемого» потребления в распространении психоактивных веществ в различных группах населения» (при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-03-00616). В задачи исследования входило изучить новую наркоситуацию, исследовать саморазрушительные тенденции в обществе, рассмотреть теоретические подходы к стремительно распространяющимся «мягким» формам потребления наркотиков, построить объяснительную модель «мягкого» потребления; изучить особенности групп с «контролируемым», «ситуативным» потреблением, а также сконструировать социальный портрет потребителя наркотиков, остающегося при этом социально сохранным или успешным человеком.

Ситуация с распространением наркотиков в России сохраняется стабильно сложной. Исследования, проводимые сектором социологии девиантного поведения Института социологии, свидетельствуют о глубинных качественных изменениях в наркоситуации. Одна из главных причин этих изменений – интенсивное развитие информационно-телекоммуникационных систем. Для современного человека главным источником информации о психоактивных веществах (далее ПАВ), в том числе и «новых», а также основным центром их сбыта стал Интернет, социальные сети. Информация о наркотиках в России стремительно распространяется через такие источники как тематические интернет-форумы, специализированные группы в социальных сетях, системы мгновенного обмена сообщениями – «мессенджеры» и др. А распространение и продажа часто осуществляется с помощью специализированных онлайн магазинов, через так называемый «теневой Интернет» (DarkNet) – сегмент глубокого Интернета (deep web), не индексируемый поисковыми машинами и недоступный через стандартные браузеры. Тем не менее, при желании в общедоступном Интернете можно найти инструкции для доступа в «теневой интернет», где возможна не только торговля наркотиками, но и оружием, документами, людьми; обмен секретными или опасными документами, запрещенными книгами и т.д.

Фиксируется рост интереса населения к различного рода психостимуляторам, а также поиск производителями новых, более «безопасных», но «эффективных» веществ. Произошло значительное расширение рынка веществ – появился целый класс новых наркотических веществ. Доступность и в некоторых случаях дешевизна «новых наркотиков» создают условия для различного рода наркоэкспериментов как для постоянных и эпизодических потребителей, так и для склонных к первым пробам. Это привело к смене способов наркотизации, усилению сочетанного употребления наркотиков. Если за рубежом значительна доля тех, кто употребляет лишь один так называемый «новый» наркотик, хотя есть и заметные «совмещения» наркотиков, то для России характерно употребление традиционных наркотиков совместно с «новыми». Сегодня эти «новые вещества» все чаще становятся стартовым наркотиком.

Происходят изменения и в отношении к наркотическим веществам. Неприятие «тяжелых» наркотиков сменилось более лояльным отношением к некоторым веществам. Главная проблема современной наркотизации заключается в том, что эти «новые наркотики», часто называемые «легкими», «тихими», порождают идеологию якобы безопасного наркотизма, что, к сожалению, устраивает как личность, так и общество. Государство не успевает ограничить их распространение и предупредить об опасности употребления. Поэтому возникают и распространяются устойчивые мифы о безопасности и легальности «новых» веществ среди населения. В результате наркотизация выплеснулась за пределы ранее поражаемых групп риска – существенно расширилось число законопослушных потребителей разнообразных веществ; увеличились возможности приобщения к «новым наркотикам» подростков и других, малообеспеченных слоев; стали формироваться и распространяться новые, более латентные, формы и модели потребления. Помимо тяжелых форм зависимости, характерных в основном для определенных групп населения и приводящих к маргинализации индивида, наблюдается значимый рост потребителей наркотиков с вредными последствиями – то есть, такой модели употребления вещества, которая наносит непосредственный ущерб здоровью – физический или психический, который может быть выявлен и зафиксирован, но не обладает достаточными симптомами для диагностирования синдрома зависимости. Также большее распространение стали получать так называемые «мягкие» модели потребления - статусное, «рекреативное», а также «контролируемое» потребление, вред от которых пока слабо отрефлексирован обществом, а в некоторых социальных слоях практически не идентифицируется. Общей особенностью современных моделей наркопотребления является то, что сегодняшний потребитель пытается эффективно совмещать эпизодическое, «безопасное» употребление веществ и социально значимую деятельность, вырабатывая собственные механизмы контроля или подбирая щадящие препараты для изменения состояния сознания. Однако следует заметить, что особую опасность представляет собой достаточно распространенное сочетание употребления «новых» (легальных, рекреационных) наркотических веществ с «традиционными» (запрещенными) наркотиками совместно с алкоголем.

Материалы исследование позволили выделить следующие паттерны наркопотребления: 1. «низовая» модель потребления с тяжелыми формами зависимости, маргинализацией, статусно-ролевыми дисфункциями и личностными расстройствами; 2. «статусная» с мотивацией следования моде, презентацией гламура и престижности; 3. «рекреативная» с сиюминутной заботой о здоровье и самочувствии с игнорированием отсроченных негативных последствий. В эту группу можно отнести также тех учащихся и офисных работников, которые используют лекарственные средства для усиления памяти, работоспособности; 4. «контролирующая» с дозирован-

ным употреблением как легких, так и тяжелых наркотиков для сохранения социальной интегрированности, социальной сохранности; 5. «клубная» с мотивацией эйфории, обострения восприятия, «расширения сознания», усиления выносливости на вечеринке и т.п.; 6. «инновационная», ориентированная на эксперименты с «новыми» веществами и собственным организмом, представленная в соответствующих форумах интернета; 7. «мягкая», обусловленная присоединением к ритуалам, принятым в субкультурной среде общения (употребление «за компанию», при случае, чтобы не выделяться).

Сегодня в сфере наркопотребления происходят мало заметные внешне, но весьма существенные трансформации. Наряду с «низовым» наркопотреблением (тяжелые формы зависимости, приводящие к маргинализации, статусно-ролевым и личностным дисфункциям) все большее распространение получают «новые» формы – т.н. «статусное» и «рекреативное» наркопотребление. В первом случае субъект потребления – это представители верхнего среднего класса, состоятельные люди, «золотая молодежь». Основной мотив здесь – поддержка статуса, следование моде. Во втором - контролируемое рекреативное потребление (время от времени, чтобы расслабиться), субъект – средний класс, работающие профессионалы. На первый взгляд это «цивилизованные» формы потребления наркотиков, почти не причиняющие вреда личности и обществу в сравнении с «низовыми». Используются обычно «легкие» и «средние» наркотики, потребление носит эпизодический (на ранних стадиях, которые могут продолжаться несколько лет) характер. Как правило, субъекты этих форм наркопотребления не считают себя наркоманами, ведут активный образ жизни, часто заботятся о своем здоровье. Негативные последствия такого наркопотребления для здоровья значительно отсрочены во времени (до 10 лет и более), а социальные дисфункции могут почти не наблюдаться и/или протекать полностью латентно.

Статусное («престижное») наркопотребление можно объяснять в парадигме «престижного и демонстративного потребления» Т. Веблена («Теория праздного класса»), а контролируемое рекреативное потребление – культурологическими теориями (речь идет о потребительской культуре, расширении рекреативных практик и вообще опыта, нормализации желаний) - Ж. Бодрийяр, У. Эко, З. Баумана и др. Эти теории описывают такие формы потребительского поведения, которые направлены не на удовлетворение потребностей индивида или группы, но на сохранение и поддержание статуса. Веблен, говоря о престижном потреблении, имел в виду предметы роскоши. Но сходный мотив прослеживается и в ряде случаев потребления наркотиков: «это не для простых смертных», «это круто», «вечеринка по-гарлемски» и т.п. Ж. Бодрийяр указал на закономерности потребительского поведения массовых социальных слоев в ситуации господства потребительской культуры. В ситуации, когда большинство пер-

вичных и вторичных потребностей людей удовлетворены, культура начинает активно стимулировать потребности. Объем самих благ, предлагаемых культурой личности, становится слишком избыточным, переполненным симуляциями, призванными активизировать потребление. Характерным последствием работы «индустрии производства потребностей» (СМИ и Интернет, а также реклама, кинематограф и шоу-бизнес) становится формирование массовой привычки к эмоциональной стимуляции, что создает предпосылки для формирования положительных установок к рекреативному, эпизодическому потреблению «легких» («безопасных», «не наносящих ущерба») стимуляторов: «что бы расслабиться», «на вечеринке», «за компанию», «для расширения опыта» и т.д. [1].

Доминирование пассивных форм рекреационного поведения характерно для многих выделенных в исследовании групп потребителей. Таким образом, два фактора – легитимация разумного наслаждения и привычка к эмоциональной стимуляции создает предпосылки для формирование положительных установок к рекреативному, эпизодическому потреблению легких (безопасных, не наносящих ущерба) стимуляторов чтобы расслабиться, на вечеринке, за компанию, для расширения опыта и т.д. Сюда же можно отнести ряд причин и факторов нарко- потребления пожилых людей: наркотики и психостимуляторы, как средство от депрессии, от одиночества и т.п.

Наркомания – это специфический образ жизни, пусковым механизмом которого является напряженность потребностей, сочетающаяся с неспособностью социально приемлемыми и эффективными способами добиться удовлетворения этих побуждений. Для потребителя наркотиков характерна рассогласованность между направленностью личности и теми способами, которыми он пользуется для ее реализации. Происходит снижение уровня личности, которое идет по пути изменений потребностей и мотивов. Исследование показало, что предпосылкой наркотизации является нарушение мотивационно- потребностной сферы. Учитывая особенности исследования, было выделено лишь несколько потребностей, хотя перечень их можно продолжить. Это потребности: в общении, релаксации, безопасности, самозащите, адаптации, достижении, признании, аффилиации, повышения престижа, статуса, в лидерстве, доминировании, знаниях, творчестве. Был применен биографический метод, позволяющий путем изучения последовательности событий в жизни наркотизирующегося дать объяснение пристрастия к наркотикам.

В исследовании было выявлено, что одним из основных критериев любой формы девиантного поведения могут быть неудовлетворенные потребности. Человек стоит перед выбором: алкоголь, наркотики, другие способы компенсаторного поведения.

Нарушение мотивационно-потребностной сферы, в которой происходят наибольшие сдвиги, связанные с попыткой найти приемлемый спо-

соб удовлетворения той или иной фрустрированной потребности, чаще всего является предпосылкой первичной наркотизации. Этим способом является наркотик, обращение к которому дифференцируется по возможности удовлетворения определенной потребности (потребности в релаксации, как средство изменения эмоционального состояния, получения удовольствия, повышения самооценки, самоуважения, самоутверждения, как средство общения и коммуникации).

Для более глубокого анализа потребностей были изучены виды деятельности, в которых возможно удовлетворение изучаемых потребностей. Одна и та же потребность может быть связана с целым набором мотивов и, наоборот, определенный мотив деятельности может характеризовать целый ряд потребностей. Поэтому был применен тест тематической апперцепции (ТАТ), который служит выявлению и количественной оценке потребности средствами контент-анализа. Применение ТАТ дает возможность обнаружить соотношение потребностей и выявить из них доминирующие независимо от того, осознает ли это респондент или нет.

В основе выделенных выше новых паттернов потребления психоатикных веществ лежит механизм контроля. Одна из задач исследования – определить степень контроля над психоактивными веществами. Для решения задачи необходимо было собрать данные об опыте людей, употребляющих наркотики так называемым «контролируемым», «менее проблемным» способом. Были опрошены респонденты (глубинное интервью, N=73) и выделены группы, в которых потребление наркотиков может носить как менее рискованный, так и более рискованный характер.

Наиболее благополучная выделенная группа по социально-экономическим и физиолого-психологическим показателям – с э*пизодическим ответственным употреблением.* Данная модель потребления характерна для среднего класса, интеллигенции – в группу вошли представители малого бизнеса, медики, психолог. Возраст респондентов – 30-49 лет. У части опрошенных первые пробы приходились на юношеский возраст, на период учебы в вузе. Эти респонденты отметили, что в те годы имели опыт более интенсивного употребления наркотиков, экспериментирования с различными веществами, но впоследствии «переросли» эту потребность, сместив акценты на более продуктивные виды деятельности и безопасные способы реализации своих потребностей, потеряв к наркотикам интерес. У других респондентов первые наркопробы произошли в довольно позднем возрасте (в 30, 34 и 46 лет). Исследование жизненных целей и ценностных ориентаций в группе эпизодических осознанных потребителей показало, что они в значительной степени ориентированы на семью, работу и здоровый образ жизни. Все опрошенные социально сохранны: имеют работу и удовлетворены ею; по оценкам самих респондентов, относят себя к материально хорошо обеспеченным (имеют квартиру, автомобиль, возможность отдыхать за рубежом), состоят в стабильных отношениях, некоторые

имеют детей и внуков. *Мотивы наркопотребления* традиционны: изменение своего состояния сознания, получение необычного чувственного опыта, желание расслабиться, отдохнуть, уйти от проблем. В *качестве механизмов контроля* выступают соблюдение опрошенными различных принципов: потребление наркотических веществ осознанно носит эпизодический, не регулярный характер, выбор веществ определятся их безопасностью и наименьшей наркогенностью (основные употребляемые вещества в этой группе – марихуана, некоторые виды стимуляторов, лекарственные препараты, продающиеся строго по рецепту). Для респондентов характерна высокая информированность о последствиях употребления, дозировках, источниках приобретаемых веществ. Они активно вовлечены в различные сферы жизни, употребление наркотиков является совсем небольшой частью их интересов. Несмотря на то, что в этой группе выявлена высокая информированность о вреде и достаточно низкий уровень рискогенного наркоповедения (редкое употребление), существует опасность, что полученный наркоопыт (отмеченная ими память об «эйфории») они готовы повторять, что может в дальнейшем привести к злоупотреблению.

Другая группа опрошенных практикует *регулярное осознанное наркопотребление.* Возраст респондентов – 22-35 лет. В эту группу вошли представители бизнес-класса, творческих профессий и респонденты с медицинским и химическим образованием. Для них характерен высокий уровень информированности о веществах и возможных последствиях, соблюдение определенных принципов приема, мер предосторожности. Но их прием наркотиков носит регулярный и привычный характер. Они экспериментируют с различными веществами, считая, что их принципы употребления, контроль не позволят развиться наркозависимости. *Мотивы потребления* в этой группе разнообразны, они носят, как гедонистический, характер, так и функциональный (стимулирующий, снятие стресса, расслабление, повышение настроения, «достижение ясности мышления или творческого вдохновения», «расширения сознания»).

Контроль за потреблением – осторожное обращение с дозировками, прием низких доз, сдерживание частоты употребления (например, использование «календаря употребления»), употребление веществ, без примесей, избегание инъекционного употребления.

Основной фактор риска заключается в том, что некоторые вещества, влияя на структуру головного мозга, не позволяют заметить отсутствие критики своего состояния. Соблюдение выработанных им правил приема может привести к наркозависимости.

Регулярное контролируемое употребление. Возраст 25-50 лет. В эту группу вошли представители разных профессий. Диапазон потребляемых веществ разнообразен: марихуана, амфетамины, метамфетамины, героин, GHB (GBL), новые синтетические вещества (спайсы, MDPV, A-PVP и др.). Несмотря на то, что представители этой группы имеют значительный опыт

употребления как легких, так и тяжелых наркотиков, в какой-то степени можно говорить об их «контролируемом» потреблении. У нас нет данных об их медицинском диагнозе, но их значительный опыт позволяет сделать предположение об их наркозависимости. Поэтому эта группа вызывает особый интерес. Как происходит контроль за потреблением? Основными *механизмами контроля* являлись регулирование частоты употребления, избегание «марафонов» или употребления наркотиков в течении нескольких дней, контроль дозировки, отсутствие денег, страх потерять работу. Контроль за частотой может достигаться различными способами. Некоторые отмечали, что могут придерживаться определенной схемы, которую они определили для себя сами, например, употреблять только в определенный день недели или по особым случаям. Другие предпочитали избегать регулярного потребления по заранее заданной схеме, как например, в предыдущей группе («календарь») и отмечали, что употребляют только в ситуациях, когда для этого совпадало сразу несколько факторов, например, свободное время и отсутствие рабочих и бытовых задач, наличие свободного дня после употребления веществ, чтобы прийти в себя. Также контролем над частотой потребления было избегание непрерывного употребления в течение нескольких дней подряд, установки ограничений на количество дней употребления. Некоторые из опрошенных рассказали, что, когда они чувствовали, что зависимость усиливается, а потребление становится слишком частым, они предпочитали полное воздержание от приема наркотиков на более длительное время. Другой важной стратегий контроля над частотой и количеством употребления является финансовое регулирование. Для многих в этой стратегии важнейшим фактором являлась работа, необходимость себя обеспечивать. Респонденты сообщили, что старались ограничивать сумму, которую тратили на наркотики, употреблять при наличии лишних средств, некоторые сообщали о том, что у них имеются строгие правила относительно перерасхода бюджета, отведенного на наркотики – четкие границы, которые не переступали ни в каких случаях. Один из информантов сообщил, что заключал договор с друзьями, что в случае загула, будет должен крупную сумму денег.

Следует отметить, что грань между «ответственным» и «контролируемым» потреблением достаточно тонкая. По сути оба эти подхода подразумевают контроль за потреблением, различия заключаются в особенностях самих механизмов контроля. «Ответственное» потребление характеризуется выстраиванием отношений с веществами таким образом, чтобы не допустить зависимости, при этой модели сильнее проявлен волевой компонент. «Контролируемое» потребление ориентируется в основном на сдерживающие механизмы, помогающие балансировать между зависимым поведением и умеренным потреблением. В «контролируемой» модели потребления менее активно выражены эмоционально-потребностная и мотивационно-волевая компоненты, на первый план выходят ситуационные или

внешние методы контроля за потреблением. Таким образом, опрос групп потребителей наркотиков, регулирующих свое потребление, показал, что попытка интегрировать наркотики в свою жизнь и оставаться при этом социально сохранным, требует огромных усилий, затрат и удачно сложившихся «защитных» факторов в виде семейного, профессионального и материального благополучия. Но даже наличие факторов защиты не только не гарантирует «безопасное» употребление, но в конечном итоге, все равно может значительно снизить качество жизни. По сути, употребление наркотиков, воспринимаемое многими опрошенными потребителями, как некий ценный жизненный ресурс, помогающий справляться с различными жизненными ситуациями путем достижения изменения состояния сознания, получения удовольствия, развеивания скуки, облегчения контактов с людьми и миром или «эскапизма» от тяжестей мира, на практике не только не является ресурсом, но, напротив, требует от индивида быть очень ресурсным изначально, и вкладывать и тратить свои развитые ресурсы на обеспечение «безопасности» при крайне высоком риске ради сомнительного профита.

Несмотря на то, что все опрошенные респонденты социально сохранны, анализ биографий показывает, что употребление веществ снижает качество и уровень жизни практически во всех группах, кроме тех, кто практикует эпизодическое осознанное потребление. Потребители из этой группы обладают развитыми личностными и средовыми ресурсами. Многие из них стали практиковать потребление наркотиков в сознательном возрасте или после очень длительного перерывы после первых юношеских проб. Однако и в этих группах отмечены существенные факторы риска потребления, такие как возможное усиление обращение к веществам при неблагоприятных жизненных обстоятельствах, как к наиболее «простому» и, что важно, уже известному, способу облегчения состояния. Другим значимым фактором риска осознанного потребления является то, что эти потребители считают себя защищенными благодаря своим достаточно глубоким знаниям и серьезному подходу к потреблению веществ, что может снижать критику к своему состоянию.

В отношении группы с высоким уровнем рискогенного наркоповедения можно отметить, что, несмотря на осуществляемые попытки контролировать прием наркотиков, употребление веществ существенно повлияло на социальную жизнь респондентов этой группы, хотя процесс социальной и личной деградации происходит достаточно медленно. Многие, также будучи изначально детьми из относительно благополучных семей, достигли определенного уровня «расцвета», после чего, на фоне употребления, начался медленный карьерный и жизненный спад. Все накопленные социальные навыки и ресурсы не получают должного развития. Большая часть на момент опроса, хоть и имеет источники дохода, но они не постоянны: некоторые перебиваются случайными заработками, другие находятся в погоне за быстрым заработком путем нелегального или легального бизнеса,

живут «от большого куша до большого куша». Большая часть из опрошенных находится в переходном, «подвешенном» состоянии между движением вперед («рывками») и попыткой изменить жизнь к лучшему и «откатом» назад, к дальнейшему упадку. Основная черта контролируемых потребителей - отсутствие стабильности, множественные психологические проблемы. В результате оказания давления со стороны социума потребители наркотиков, регулирующие и контролирующие свое потребление, вынуждены приспосабливаться к нормам общества. Они начинают формально исполнять те социальные роли, которые им предписываются. Многие опрошенные имеют затяжные конфликты с близкими родственниками или близкими. Тем не менее, респонденты легко заводят новые контакты и поддерживают множественные социальные связи (которые, однако, не могут удержать длительное время), что позволяет им оставаться сохранными на определенном уровне, не давая окончательно маргинализироваться. Внешняя социабельность, легкость поддержания контактов тесно соприкасаются с манипулятивным безответственным поведением и характеризуются поверхностью эмоциональных связей. Такой человек боится стойких и длительных близких отношений, так как достаточно быстро другой человек перестает интересовать аддикта.

Библиографический список

1. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / [Е. А. Войнова и др.]; отв. ред. Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова –М.: Институт социологии РАН, 2014. – 200 с. С. 20

«SOFT» FORMS OF DRUG USE IN LINE WITH THE CONTROLLED CONSUMPTION

Pozdnyakova Margarita E.
Bruno Viktoria V.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of «soft» forms of drug use, such as «recreational», «status», «episodic», «controlled», and their role in the distribution of psychoactive substances. Based on the analysis of the data of biographical interviews with consumers, life stories of the development of their «drug career» were compiled. The research focused on studying the mechanisms of control and regulation of use, as well as on the impact of drug use on the lifestyle and life strategies of the consumer.

Keywords: drugs, drug situation, «controlled» drug use, «recreational» drug use

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Позднякова Маргарита Ефимовна
(Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), г. Москва)
e-mail: margo417@mail.ru

Аннотация. На основании агрегированных данных проведен анализ жизненной ситуации так называемых «благополучных и неблагополучных» несовершеннолетних с целью выявить наиболее значимые проблемы, связанные с поведением, нравственностью, мировоззрением и образом жизни детей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, проследить основные этапы формирования различных форм девиаций, наметить пути их преодоления.

Ключевые слова: социализация и социальная реабилитация детей, трудная жизненная ситуация, социально-опасное положение детей, девиантное и деликвентное поведение.

Данная статья написана на материалах общероссийского репрезентативного социологического исследования условий социализации несовершеннолетних, проведенного в 20 субъектах Российской Федерации.

Объект исследования – целевая группа несовершеннолетних, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов в целях выявления деструктивных факторов их социализации.

90% несовершеннолетних были направлены в эти учреждения по приговору суда, каждый десятый – комиссией по делам несовершеннолетних. Среди несовершеннолетних, находящихся в этих учреждениях, 87% составляют юноши, девушки – 13%.

Семья – один из ключевых социальных институтов, оказывающих влияние на формирование девиантного поведения подростков. Стартовые возможности, обеспечиваемые родителями, определяют дальнейшие социальные и экономические траектории детей. Важными показателями являются образование родителей, вид деятельности и материальное положение семьи. Общеизвестно, что преступников порождают неполные семьи, внутрисемейные конфликты и пьянство родителей.

Данные нашего исследования зафиксировали иную картину. Оказалось, что 68% трудных подростков из так называемой внешне благополучной семьи по общепринятым параметрам (полная семья, материально-обеспеченная, с хорошими жилищными условиями, без явных межпоколенных конфликтов с достаточно высоким уровнем образования). Эффективность деятельности родителей по социализации и контролю за ребен-

ком во многом зависит от структуры семьи. Следует обратить внимание на то, что только 28% живут в семье с биологическими родителями, а 36% в семье, где один неродной родитель – в подавляющем большинстве отчим, с отцом и мачехой – 4%. В неполных семьях с матерью проживает – 28%, только с отцом – 3%, с одним из родителей и приходящим сожителем – 7%, с другими родственниками – 5. Низкий образовательный уровень обоих родителей (незаконченное среднее) отметил каждый десятый. Более того, 40% подростков не могли ответить на вопрос об образовании отца или одной матери, ссылаясь на незнание таких подробностей. Более трети опрошенных семей имеют весьма затруднительное материальное положение: хватает денег на еду, но покупка одежды уже проблематична (30,3%), 5% отметили, что не хватает денег даже на еду. Почти каждая вторая семья (47%) имеет доходы ниже среднего (денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования, таких, как холодильник или телевизор, затруднительна, живут в долгах). Средние доходы имеют 11% респондентов (могут позволить себе товары длительного пользования, но покупка новой машины невозможна), 6% отметили, что живут в достатке или богатстве.

В каждой третьей семье один из родственников имеет судимость. Это мать – 4,6%, отец – 1,3%, отчим (мачеха) – 6,0%, брат (сестра) – 25,0%, другие родственники – 8,3%, друг (подруга) – 67,3%. Наличие обоих родителей (так называемая полная семья) в нашем случае не является фактором нормальной социализации ребенка. В настоящее время наблюдается рост числа лиц, судимых за кражи, из благополучных семей. Этому процессу способствует ряд объективных и субъективных факторов. Постоянная занятость матери и отца на работе, заботы женщины-матери по ведению домашнего хозяйства, усталость отрицательно сказываются на отношении к ребенку (неуравновешенность, раздражительность и т. д.), дефицит общения ведут к недостатку внимания к ребенку, его подлинным интересам и потребностям, ослаблению контроля за его поведением.

Рассмотрим взаимоотношения между родителями и подростками. Треть родителей отмечает, что между ними и их детьми сложились доверительные и теплые взаимоотношения. Более половины родителей отметили, что их ребенок «не любит говорить о своих делах и об учебе». Каждый пятый отметил, что отношения с ребенком неблагоприятные: равнодушные (8%), неприязненные (5,2%), конфликтные (5%). 36% родителей регулярно конфликтуют со своими детьми. Внутрисемейное общение направлено преимущественно на контроль успеваемости и характеризуется использованием негативных санкций. Конфликты с родителями становятся нормой, и нередко подобный стиль поведения усугубляется и воздействием лавины негативной информации, и ухудшающимися жизненными условиями. Почти половина детей жаловалась родителям на свои трудности в школе. Треть родителей объясняют эти трудности психологическими осо-

бенностями ребенка – «отвлекается», «медлительный». Примерно столько же указывает на делинквентное поведение: прогуливает уроки, мешает учителю, дерется на переменах. Каждый пятый родитель при этом не задумывался, как повлиять на ситуацию. Почти треть родителей находит аргументы для отказа от активной помощи ребенку.

У подавляющего большинства подростков этой группы родительский контроль сводился к проверке посещаемости их ребенком школы, так как с точки зрения родителей дети школу часто прогуливали. Были попытки контроля употребления алкоголя и наркотиков, что по ряду косвенных вопросов говорит не только о знакомстве детей с наркотиками, но и о неоднократном опыте их употребления. Контроль за выделенными родителями деньгами практически не осуществлялся. В каждой третьей семье отмечалось злоупотребление спиртными напитками обеими родителями (а у 7% матерей и 5% отцов пьянство носило запойный характер). 34% подростков неоднократно видели мать, а 43% отца в состоянии сильного алкогольного опьянения. Дети нередко становились не только свидетелями, но и участниками алкогольного поведения членов семьи. Как уже было сказано выше, в каждой третьей семье кто-то из членов семьи имел судимость.

Ближайшее окружение подростка предлагает ему негативные образцы для подражания. Наблюдается воспроизводство неблагополучия родительских семей опрошенных и распространение девиантных форм поведения. Формирование криминального поведения у подростков происходит через формирование делинквентного поведения в результате воздействия ряда неблагоприятных социальных факторов. Традиционно к этим факторам относятся семья, проблемы в школе, досуг и окружение подростка.

Проведенный ретроспективный анализ подростков из учебно-воспитательного учреждения выявил, что у каждого пятого из этих воспитанников проблемы поведения начались еще в начальной школе (1-3 классе), а у 57,7% в средних классах (5-7), каждый десятый ответил, что не имел проблем с поведением до помещения его в это учреждение. Однако, такое заявление 10% этих подростков подлежит сомнению, т. к. при ответе на вопрос «Состоял(а) ли ты на учете в органах внутренних дел?» положительно ответили 94% несовершеннолетних. Оправданность постановки на учет в КДН подтверждается и ответами самих респондентов (рисунок 1).

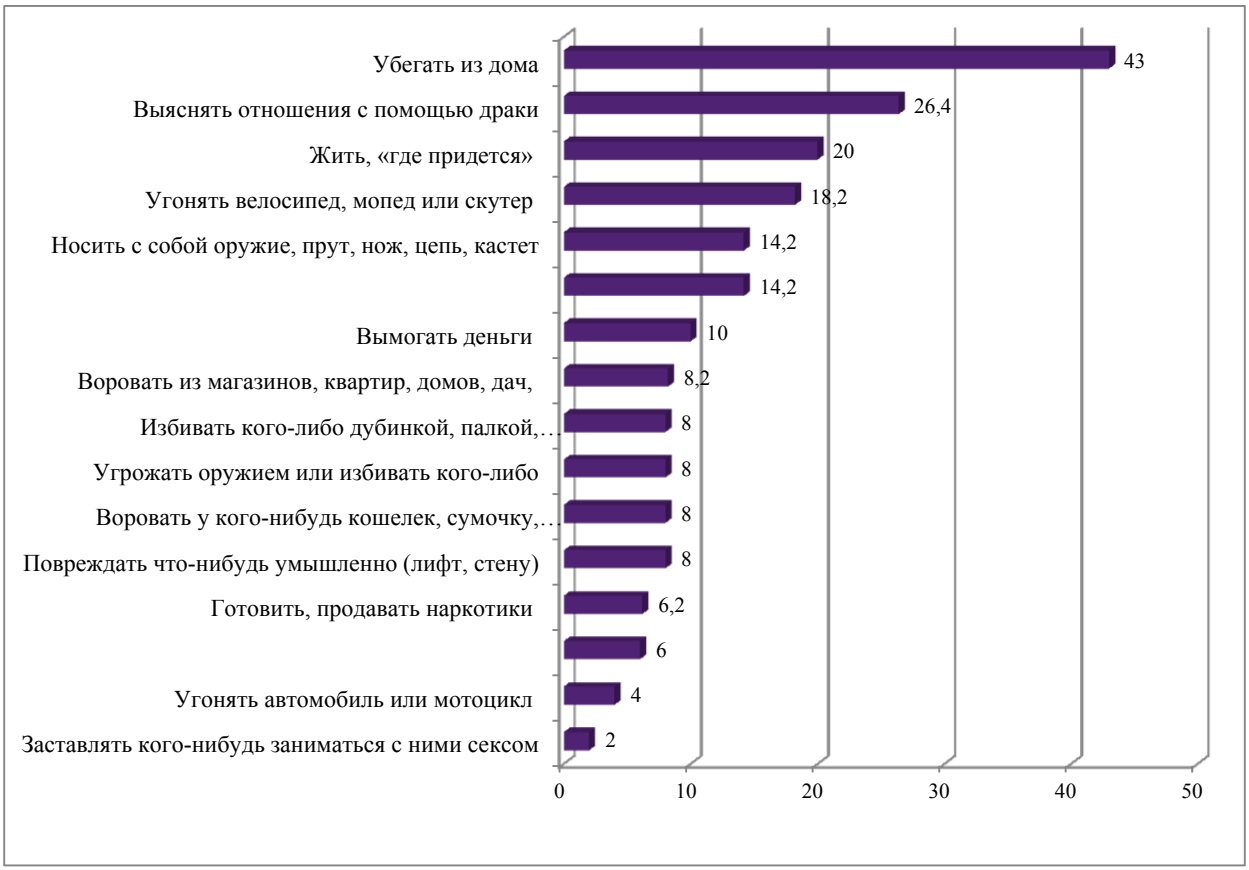

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Тебе приходилось самому (самой) совершать следующие поступки до того, как ты попал(а) в исправительное учреждение?», %

За какие правонарушения (преступления) эти подростки попали в данное учреждение? Треть подростков осуждены за корыстные правонарушения (кража, воровство, разбой, грабеж), еще треть за хулиганство, 4% за вымогательство и 6% за нанесение тяжких телесных повреждений. Убийство и изнасилование никем не было отмечено.

Устойчивой чертой становится групповой характер преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Групповое криминальное поведение подростков сегодня – это норма, а не отклонение, кроме того групповой характер приобретает признаки организованности. Это подтверждается и результатами исследования. Большинство подростков (78%) признались, что преступление, за которое они попал в это учреждение, было совершено в группе, и только каждый третий совершил преступление в одиночку. В группу входили и взрослые люди (в 14% случаев). Треть подростков имели друзей, которые отбывали срок в местах лишения свободы.

Больше половины подростков совершали противоправные деяния под воздействием алкоголя и наркотиков.

Ведущим мотивом является не столько тяжелое материальное положение, сколько склонность к безответственным, к эгоистичным поступкам, к рискованному поведению, а также поиск собственного самоутверждения

и импульсивность. Как и в других исследованиях, значителен процент немотивированных преступлений. Так, 44% затрудняются объяснить, почему они совершили правонарушение, 33% сослались на пример со стороны сверстников (не хотел выглядеть трусом), а 12% хотели выглядеть «круто», 6% отметили давление со стороны сверстников. По данным МВД, более 30% преступлений совершено без какого-либо ясного мотива; большая доля несовершеннолетних убийц (70%) не могут ответить, почему они это сделали. Причины этого явления носят разный характер. Они могут быть объяснены с медицинской точки зрения (генетические аномалии, психофизиологические нарушения) либо с психологической (фрустрации, акцентуации характера). Необходимо учитывать также социальные условия проявления жестокости: экзистенциальный вакуум, агрессивная среда, экономическое положение, вызовы социума.

Особое место в структуре преступности несовершеннолетних занимает хулиганство. Подавляющее большинство несовершеннолетних, осужденных за хулиганство, составляют лица, совершившие злостное хулиганство, т.е. хулиганские действия, характеризующиеся особой дерзостью и цинизмом. Доля их составляет более 60 %. Немаловажными для характеристики личности несовершеннолетних преступников являются особенности их правового сознания. В целом для них характерны глубокие дефекты правосознания, что в известной мере объясняется двумя факторами: общей правовой неграмотностью как всего населения в целом, так и несовершеннолетних; негативным социальным опытом самого несовершеннолетнего. Дефекты правового сознания у несовершеннолетних, совершающих преступления, выражаются в негативном отношении к нормам права, нежелании следовать предписаниям данных норм.

Для большинства подростков значимой средой общения является компания, сформированная по месту учебы или проживания. В окружении подростков были воры, люди с алкогольными проблемами, наркоманы, агрессивные хулиганы, лица из мест лишения свободы, представители криминальных сообществ, вымогатели, потребители изготовители и продавцы наркотиков, а также лица, занимающиеся проституцией. Выявлена тревожная тенденция: в эталонной среде общения – компаниях сверстников – девиантные и даже противоправные формы поведения достаточно распространены, что, конечно, затрудняет профилактическую работу с несовершеннолетними. Рассмотрим структуру свободного времени подростков до постановки их на учет.

Незрелость, инфантильность большинства «трудных» подростков наглядно проявляется в анализе структуры их совместного времяпрепровождения. По вечерам большинство подростков находилось на улице и проводило свое свободное время вне дома, чаще в компании друзей, гуляя и распивая пиво и другие слабоалкогольные напитки. В компании сверстников они посещали бары, клубы и дискотеки. На распитие крепкого

спиртного указало 72%. Под воздействием алкоголя в 92% случаев были совершены кражи, в 50% – акты вандализма, хулиганство и др. Уровень наркотизации подростков был очень высок – 40% отметили, что регулярно употребляли различные наркотические вещества, а 65% употребляли их эпизодически. Из них 14% впервые попробовали наркотики в очень раннем возрасте – 9-11 лет, у 70% первая проба пришлась на ранний пубертатный возраст – 12-13 лет. Поражает структура употребляемых наркотиков: от марихуаны до героина, включая «новые наркотики» («спайсы», курительные смеси, «соли»), совмещая их употребление с алкоголем.

Постановка на учет в подразделения по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов, к сожалению, не всегда эффективна (например, 77% колонистов состояло на учете в полиции). Дезадаптированному подростку требуется, прежде всего, ресоциализация личности, связанная с ценностной переориентацией, формированием механизма социально-положительного целеполагания, отработкой у личности прочных стереотипов социально-положительного поведения, формирования положительной самооценки. Поэтому своевременность и характер вмешательства социальных институтов в судьбу девиантного подростка заслуживает самого внимательного изучения.

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF DELINQUENT BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Pozdnyakova Margarita E.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract. On the basis of aggregated data the life situation of the so-called “well-being and disadvantaged” minors was analyzed in order to identify the most important problems associated with behavior, morality, worldview and way of life of the children who are in difficult life situations. The purposes of the analysis are also to trace the main stages of formation of various forms of deviance and to identify ways of overcoming them.

Keywords: socialization and social rehabilitation of children, difficult life situation, socially dangerous life way of children, delinquency and deviant behavior.

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

Распопин Евгений Владимирович
(Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург)
e-mail: ev73@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению принципов психологической диагностики суицидального риска. Основной задачей этих принципов является повышение надежности прогноза суицидального риска по результатам психодиагностического обследования. В работе рассматриваются следующие принципы: привлечение широкого спектра методов исследования суицидального риска; учет анти-суицидальных факторов; критичность при выборе методик исследования; оценка достоверности результатов исследования; корректность составления выводов по результатам диагностики; мониторинг текущего состояния суицидента; допустимость гипердиагностики; реалистичный взгляд на проблему суицида и возможностей его выявления.

Ключевые слова: аутодеструктивное поведение, суицидальный риск, психологическая диагностика.

Проблема аутодеструктивного поведения и, в особенности, крайней формы его проявления – суицида – остро стоит в самых различных областях деятельности человека, в числе которых особое место занимает служебно-профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов [3]. При решении данной проблемы на первый план выступает необходимость своевременного выявления и диагностики признаков суицидального риска с целью его предупреждения и коррекции. В свою очередь, для повышения надежности результатов диагностики необходимо соблюдать ряд принципов, рассмотрению которых посвящена данная работа.

Итак, под суицидальным риском понимается потенциальная готовность личности совершить самоубийство. При определенных обстоятельствах, обусловленных как внутренними, так и внешними причинами, эта потенциальная готовность может быть реализована в форме реального поведения, направленного на осуществление суицидальных планов и намерений [2]. В связи с этим, точность и надежность прогноза суицидального риска приобретает особое значение. Для повышения надежности прогноза могут быть предложены следующие принципы диагностики суицидального риска.

1. Первый принцип состоит в том, что диагностика суицидального риска должна строиться на основе интегративной оценки данных, получаемых с помощью разных методов. Чем шире диапазон использованных ме-

тодов, тем точнее будет прогноз суицидального риска. К этим методам, прежде всего, относятся:

1) наблюдение за поведением, высказываниями, эмоциональным состоянием, актуальной жизненной ситуацией потенциального суицидента с целью выявления индикаторов суицидального риска;

2) личная беседа с суицидентом, либо, в особых случаях, беседа с людьми, которые хорошо его знают (родными, друзьями, коллегами и т.д.);

3) психологическое тестирование при помощи следующих групп психодиагностических методик:

а) методики самоотчета (вербальные тесты);

б) проективные методики.

2. Следующий принцип состоит в том, что диагностика суицидального риска должны включать в себя не только оценку факторов риска, но и выявление анти-суицидальных факторов [1, 2]. Анти-суицидальные факторы – это те ресурсы, которые помогают человеку «оставаться на плаву», преодолевать возникающие трудности; это то, почему и ради чего он выбирает жизнь. Чем больше отмечено анти-суицидальных факторов, тем менее вероятны суицидальные действия, и наоборот. Анти-суицидальные факторы могут быть выделены как в ходе индивидуальной беседы, так и по результатам психодиагностического тестирования. Примерами таких факторов являются эмоциональная привязанность к значимым близким, родительские обязанности, выраженное чувство долга, наличие актуальных жизненных целей, боязнь причинить себе физическую боль и т.п. [2]. Учет этих факторов необходим, прежде всего, для выстраивания психокоррекционной работы.

3. Третий принцип – тщательность отбора диагностических инструментов, критичность при выборе методик исследования. Эта критичность подразумевает, прежде всего, личную проверку инструментария, который планируется использовать. Так, при использовании вербальных психодиагностических методик будет полезным вначале провести их на себе, понять их теоретические основания и соответствие их содержания изучаемому конструкту, оценить логичность и понятность инструкций и стимульного материала, проверить «ключи» для обработки полученных данных и т.п. Такая необходимость обусловлена, прежде всего, проблемой некорректного распространения методик, что приводит к значительным искажениям в их содержании. К примеру, могут оказаться перепутаны пункты методики, допущены ошибки в их формулировках, неверно составлены «ключи» для обработки данных и т.п. [6]. Если психолог сомневается, стоит ли использовать тот или иной инструмент, то лучше его не использовать вовсе или рассматривать полученные с его помощью результаты как дополнительные. Основные же выводы по результатам исследования нужно делать с опорой на максимально простые и надежные, логически доказуе-

мые и интуитивно понятные психологу методы исследования, результаты которых он может обосновать.

4. Следующий принцип – оценка достоверности полученных результатов. При диагностике суицидального риска существует угроза искажения результатов исследования либо в форме симуляции испытуемым суицидальных намерений, либо, что может быть более опасным, диссимуляции (скрывания) реально имеющихся симптомов. В связи с этим, возрастает роль проективных тестов, позволяющих исследовать состояние испытуемого, минуя цензуру его ответов со стороны сознания [5]. Данные проективных тестов должны обязательно уточнять, проверять и дополнять информацию, получаемую с помощью вербальных методик самоотчета. При этом в качестве таких методик могут рассматриваться не только собственно психодиагностические методики (например, различные шкалы и опросники), но и данные беседы, анкетирования, а также наблюдения за вербальным поведением испытуемого. Сопоставление результатов выполнения вербальных методик самоотчета и проективных методик дает следующие варианты оценки суицидального риска:

1) если маркеры (признаки) суицидального риска выявляются в результатах и самоотчета, и проективного тестирования, то суицидальный риск наиболее высок;

2) если испытуемый выявляет по результатам самоотчета суицидальные намерения, в то время как по проективным тестам, напротив, показывает жизнеутверждающую картину, то это может свидетельствовать о тенденции к аггравации или симуляции испытуемым суицидальных тенденций. Например, это может свидетельствовать о демонстративном характере суицидальных намерений. Но это также должно рассматриваться в пользу наличия суицидального риска, поскольку даже демонстративная попытка способна привести к летальному исходу. Кроме этого, такое сочетание может отражать ситуацию, когда испытуемый еще только начал задумываться о добровольном уходе из жизни, но в глубине души истинного желания расстаться с жизнью пока не имеет;

3) если, напротив, испытуемый выявляет по проективным тестам маркеры суицидального риска, в то время как по результатам самоотчета картина носит выраженный оптимистичный характер, то в ряде случаев это может рассматриваться как проявление тенденции к диссимуляции, скрыванию реально имеющихся проблем и симптомов. Здесь риск суицида также высок;

4) наконец, если испытуемый не выявляет суицидальных намерений ни по проективным методикам, ни по самоотчету, то это дает психологу основание сделать вывод о том, что на момент исследования в актуальном состоянии испытуемого признаков суицидального риска нет.

Таким образом, три из описанных выше картин выявляют наличие той или иной степени суицидального риска, и только одна – нет.

5. Пятый принцип касается корректности используемых формулировок и взвешенности выводов при составлении заключения по результатам психодиагностического обследования. Здесь необходимо помнить о том, что суицидальные настроения всегда проявляются на фоне определенного, как правило, негативного психоэмоционального состояния человека. Но состояния человека характеризуются динамичностью, изменчивостью во времени. Поэтому будет более корректно говорить об угрозе или отсутствии суицидального риска не вообще, а применительно ко времени проведения исследования. Здесь могут быть предложены две основные формулировки:

1) на момент исследования признаков суицидального риска нет;

2) на момент исследования суицидальный риск есть (или: на момент исследования выражены признаки суицидального риска и т.п.).

Далее, при необходимости, может следовать конкретизация сделанного вывода, подкрепляемая ссылками на соответствующие результаты исследования.

Основным значением использования подобных формулировок является обеспечение профессиональной безопасности самого психолога. Психолог – не маг и не провидец, он не может предсказать, что в такой-то день и час тот или иной человек попытается свести счеты с жизнью. Корректные и точные выводы о наличии или отсутствии суицидального риска психолог может делать только применительно к тому промежутку времени, когда было проведено психодиагностическое исследование актуального состояния испытуемого. Таким образом, применение подобных формулировок не размывает зону ответственности психолога на неопределенное время, а четко конкретизирует и привязывает эту ответственность ко времени и результатам проведенного исследования.

С другой стороны, есть личности, которые в принципе способны на совершение суицида в силу своего психологического склада, состояния здоровья, образа жизни и т.п. Эти личностные корреляты повышенного риска суицида подробно описаны в релевантной литературе (см. например [1, 2, 4]). Однако, хотя эти особенности и коррелируют с суицидальной ненадежностью, они вовсе не обязаны быть реализованы в форме самоубийства (например, они могут никогда не реализоваться, либо реализоваться в других формах аутодеструктивного поведения). В отношении таких лиц психолог может сделать вывод о том, что они могут рассматриваться в качестве потенциальных суицидентов. В связи с этим, при оценке суицидального риска могут быть дополнительно введены еще две категории:

1) суицидальный риск носит актуальный характер;

2) суицидальный риск носит потенциальный характер.

В первом случае речь идет о состоянии человека, который обнаруживает высокую готовность к совершению суицидальных действий «здесь и сейчас». Во втором случае речь идет об испытуемом, который потенци-

ально способен на суицид, но, возможно, в его жизни никогда не возникнет ситуация, когда эта потенциальная предрасположенность актуализируется в реальной попытке суицида. Сочетание же этих характеристик (потенциально склонная к суициду личность плюс актуально опасное суицидальное состояние) будет говорить о наиболее высокой степени суицидального риска.

6. Шестой принцип – принцип сопровождения – состоит в том, что с такими людьми нужно встречаться как можно чаще [4]. Этот принцип вполне очевиден, но напомнить о нем, пожалуй, никогда не будет лишним. Данный принцип подразумевает проведение многократных повторных обследований, постоянный мониторинг состояния потенциального суицидента. Данные, получаемые в ходе такого мониторинга, позволят систематически отслеживать динамику состояния обследуемого и оперативно принимать решения, вносить коррективы в тактику и содержание проводимых с ним психокоррекционных мероприятий. Длительность такого сопровождения, в принципе, не предсказуема, но можно с определенностью говорить о том, что сопровождение должно длиться до устойчивого положительного результата. Что касается частоты встреч, то, очевидно, она будет зависеть от объективных возможностей самого психолога.

Кроме этого, в этот период необходимо тщательно документировать все результаты диагностических исследований и бесед с суицидентом. В том случае, если трагедия все-таки произойдет, это поможет психологу доказать, что он сделал все зависящее от него, чтобы этого не случилось [4].

7. Следующий принцип, который вытекает из предыдущего, состоит в том, что оценка суицидального риска – это не тот случай, когда следует опасаться гипердиагностики. Если испытуемый по тестам, по результатам беседы и т.п. выявил признаки суицидального риска, то с ним неизбежно придется встречаться вновь и вновь, проводить все новые срезы, до тех пор, пока психолог не придет к выводу, что угрозы суицидального риска нет.

Конечно, здесь могут быть ошибки со стороны психолога, который, к примеру, неправильно проинтерпретировав результаты тестирования и решив, что перед ним – потенциальный самоубийца, начал проявлять к нему повышенное внимание. Также здесь могут быть ошибки и со стороны инструмента, использованного при проведении обследования. Эти ошибки и заблуждения, безусловно, крайне неприятны для всех участников этого процесса, а подозрение в суицидальной ненадежности может причинить человеку обиду; но, в крайних случаях, это не так страшно, поскольку обижаться могут только живые. Гораздо опаснее проигнорировать реально существующую угрозу, недооценить степень риска.

8. Наконец, еще один принцип относится не столько к самой процедуре психодиагностики суицидального риска, сколько к ограничениям реальных возможностей такой процедуры. К сожалению, практика показывает, что если в организации с достаточно жесткой иерархической структу-

рой совершается суицид, то нужно обязательно найти и наказать «виновного». В данном случае, этим «виновным» становится психолог, который вовремя не увидел надвигающейся опасности и не сумел ее предотвратить. С одной стороны, такая трагедия действительно может случиться в силу неопытности психолога, его невнимательности и т.п. Но самоубийство сотрудника может произойти и в организации, в которой работает опытный и ответственный специалист. Это может произойти потому, что человек, решивший свести счеты с жизнью, сумел ничем не выдать своих намерений. Или же потому, что суицид произошел внезапно, неожиданно, когда ничто не предвещало беды (примером здесь может быть вспышка неконтролируемых эмоций в связи со смертью близкого, внезапной тяжелой травмой или болезнью, изменой со стороны партнера по браку и т.д.). В этом случае период пресуицида сжимается во времени и самоубийство происходит мгновенно, спонтанно, непредсказуемо [1]. Истина здесь заключается в том, что человека невозможно «просчитать» на сто процентов. Поэтому нужно признать тот факт, что, если человек действительно решил покончить с собой, то он сумеет это сделать [4]. И установка на то, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не допустить самоубийства – это практически недостижимый идеал. Так же как и стопроцентная реализация всех представленных в данной работе принципов на практике может оказаться недостижимой. Но в то же время, это не означает, что к достижению этой цели, этого идеала не нужно стремиться; как отмечал В. Франкл, любой идеал подобен мишени, в которую не всегда удается попасть, но стремиться попасть в которую необходимо [6].

Библиографический список

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. – М., 1980. – 48 с.

2. Гуренкова Т.Н., Голубева О.Ю., Тарасова А.А. Методические рекомендации по диагностике суицидального поведения. – М.: ЦЭПП МЧС РФ, 2009. – 108 с.

3. Злоказов К.В. Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2011. – 181 с.

4. Кочюнас Р. Психологическое консультирование. Групповая психотерапия. – М.: Академический проект; ОППЛ, 2002. – 464 с.

5. Распопин Е.В. Психологическая диагностика депрессии и суицидального риска с помощью тестов Люшера и Сонди // Психологическая диагностика. – 2012. – №2. – С. 80-87.

6. Распопин Е.В., Марясина Т.В. Адаптация опросника суицидального риска для диагностики осужденных // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы межрегиональной науч-

но-практической конференции, Томск 15-16 апреля 2014; Томский ИПК ФСИН России. – Томск-Иркутск: Мегапринт, 2014. – С. 257-262.

7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

PRINCIPLES OF PSYCHOLOGICAL DIAGNOSIS OF SUICIDE RISK

Raspopin Evgeniy V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Yekaterinburg city

Abstract. This article discusses the principles of psychological diagnosis of suicide risk. The main objective of these guidelines is to increase the reliability of the forecast risk of suicide as a result of psycho-diagnostic examination. The article deals with the following principles: to attract a wide range of research methods; evaluation of the anti-suicide factors; critical when choosing research methods; evaluation of the reliability of research results; correctness of drawing conclusions based on the results of diagnostics; monitoring of the current state of a suicide; admissibility of over-diagnosis; a realistic view of the problem of suicide and the possibility of detection.

Keywords: self-destructive behavior, suicide risk, psychological diagnostics.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА

Рассказова Ирина Николаевна
(Омский государственный педагогический университет, г. Омск)
e-mail: irnikras@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние межличностных контактов на благополучное и отклоняющееся развитие личности, функционирование социальных групп и общества. Анализируются особенности межличностных контактов личности с проблемами девиантного поведения в значимых системах отношений – с родителями, сверстниками.

Ключевые слова: девиантное поведение, межличностный контакт, общество, отношения со сверстниками, отношения с родителями, социальная группа.

Способность человека к установлению и поддержанию конструктивных межличностных контактов является одним из важнейших факторов формирования его гармоничных отношений с другими людьми, социальной адаптации личности, и в целом ее психологического благополучия. Это является очевидным, исходя из самого понимания природы данного феномена.

В концепции Л.Б. Филонова под психологическим контактом в первую очередь понимается характер отношений между людьми: доверительность, стремление к сближению, желание «делать все для другого», положительно переживаемое психическое состояние [10].

Е.Л. Доценко, рассматривая контакт как один из структурных компонентов общения (наряду с отношением, взаимодействием, восприятием и коммуникацией), подчеркивает социальную сущность контакта, в котором проявляется стремление людей к объединению в общность, к восстановлению исходного (мифосемантического) единства, которое решало задачу выживания и развития человека в мире [4].Фактически, благодаря способности людей понимать друг друга, договариваться, оказывать поддержку, объединять усилия для решения проблем человечество как вид выжило. Для России общинный уклад, где многое делалось сообща, был традиционным. Данное стремление считает врожденным основатель индивидуальной психологии А. Адлер. С его точки зрения суть человеческой природы можно постичь только через понимание социальных отношений, развитие которых является важным фактором гармоничного развития личности, избавления от невроза [1].

Таким образом, наиболее существенным в понимании контакта является его социальная природа, направленность человека на других людей, на партнера по общению, что вызывает и усиливают потребность в продолжение общения.

В данной публикации мы рассмотрим влияние межличностных контактов на развитие (благополучное и девиантное) личности, межличностные отношения, функционирование социальных групп и общества.

Межличностные контакты являются важным фактором формирования нормативного поведения личности. Ребенок преимущественно усваивает модель поведения через наблюдение и подражание образцам, поэтому не напрасно лучшим способом воспитания считается достойный личный пример взрослых. Взрослые, способные установить с ребенком контакт, являются для него авторитетом, их мнение для него значимо, влиятельно.

Виды девиантного поведения, связанные с нанесением психологического или физического вреда другому человеку, являются нарушением межличностных контактов. Их можно рассматривать и как фактор формирования девиаций, являющихся серьезной проблемой не только отдельной личности и ее ближайшего окружения, но и общества в целом.

Проблемы, возникающие в отношениях, особенно со значимыми людьми, особенности конкретных ситуаций межличностного взаимодействия оказывают на личность, ее поведение серьезное негативное влияние. В зарубежных и отечественных исследованиях девиантных подростков (С.А. Беличева, Ю.А. Клейберг, В.В. Королев, А. Бандура, Р. Уолтерс, М. Раттер, Л.Б. Шнейдер и др.) было выявлено, что у большинства из них

нарушены отношения в наиболее значимых системах, оказывающих на него влияние – с родителями, сверстниками и педагогами [3;5;6;2;11].

Во многих психологических теориях (теория привязанности, теория объектных отношений и др.) акцент в понимании благополучного и проблемного развитии личности делается на раннем опыте отношений ребенка с матерью, со своим ближайшим окружением. Если ребенок получает любовь и необходимую заботу, его важные физиологические и психологические потребности удовлетворены, он чувствует себя комфортно, в безопасности и защищенности. В противном случае ребенок испытывает напряженность, недоверие к миру и людям. Он чувствует угрозу и необходимость защищаться. А именно ощущение угрозы А. Маслоу считал непосредственной причиной агрессии детей [7].

Анализируя сотни случаев детей с серьезными нарушениями в развитии, Б. Перри считает, что их важнейшими факторами явился ранний психотравмирующий опыт полной заброшенности ребенка в родных, приемных семьях или детских учреждениях. Не имея возможности полноценного общения, у ребенка формируется отчуждение, неспособность переживать радость, удовольствие от человеческих контактов, эмоциональная нечувствительность к переживаниям других людей. Стрессовые системы организма человека при психотравмах находятся в напряжении, поэтому он реагирует неадекватно - проявляет чрезмерную возбудимость, низкий уровень саморегуляции в различных ситуациях социального взаимодействия [8].

В исследованиях агрессивных подростков ученые отмечают следующие особенности детско-родительских отношений: непоследовательность в воспитании сыновей (Глюк); низкий уровень сердечности матерей по отношению к сыновьям (Сирс). Уатинг считает, что дисциплинарные методы, ориентированные на любовь, являются более эффективными для развития у детей контроля совести. Ради получения такого вознаграждения ребенок стремится выполнять требования родителей. И наоборот, дисциплинарные методы, неориентированные на любовь (физические наказания, депривация), усиливают страх, желание избегать родителей, что ослабляет зависимость от них [цит.:2].

В подростковом возрасте общение со сверстниками является сверхзначимым, оказывает серьезное влияние на личность. Подросток, желая быть принятым группой, и отвергнутый ею, может стать участником группы с проблемами десоциализации, отклоняющимся поведением. Данная группа становится для него значимой, влиятельной потому что в ней удовлетворяется его важнейшая потребность в принятии. Это также обуславливает сложности коррекции девиантного поведения: попытки вернуть его в группу, где ему плохо из группы, где он чувствует себя эмоционально более благополучно, встречают сопротивление с его стороны.

С точки зрения специалистов в области социальной, организационной психологии, система деловых и неофициальных межличностных отношений, особенности контактов между сотрудниками организации оказывает существенное влияние на процесс и результативность ее деятельности. Исследователи в области гендерной психологии отмечают, что для женщин важнейшей жизненной ценностью являются отношения, контакты с людьми. Даже в выборе места работы они преимущественно ориентируются на характер отношений между людьми, являющихся важным фактором психологического комфорта.

Несмотря на всю очевидность важности в жизни личности и общества позитивных контактов с другими людьми и негативных последствий проблемных контактов, наличие убедительных научных доказательств в пользу данного положения, проблем в данной сфере, как в обществе, так и у отдельных людей не становится меньше. Современная западная цивилизация пошла по пути развития индивидуализма личности, ориентации в первую очередь на ценность личного успеха. Следствием этого, с точки зрения представителей социалогизаторских подходов к пониманию девиантного поведения (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.), является усиление дифференциации в обществе, разобщенности людей. У человека, не способного социально одобряемым способом достичь того, что является ценным для него и общества, возникают внутриличностные конфликты. Для достижения, желаемого он может решиться действовать противоправно. Разобщенность также вызывает у человека переживание чувства одиночества, являющегося одной из серьезных проблем современного человека. По данным центров превенции суицидов в разных странах мира, оно занимает первое место среди причин самоубийств. К другим наиболее распространенным причинам суицида относятся проблемы в отношениях со значимыми людьми.

Для представителей восточной цивилизации важнейшим в жизни являются социальные отношения, ценность родства. У человека, чувствующего себя частью социальной общности, удовлетворены базовые потребности в безопасности, защищенности, он понимает, что не одинок в мире, что ему придут на помощь в случае необходимости.

К сожалению, проблемы разобщенности между людьми, роста агрессии, насилия, конфликтности во взаимодействии друг с другом являются крайне актуальными для современного общества. Характерными они является для детей и подростков. Д.И. Фельдштейн, обобщая многочисленные исследования в данной области, выделял следующие проблемы в отношениях со сверстниками у современных детей: рост цинизма, грубости, жестокости, агрессивности; отсутствие у детей интереса к общению друг с другом; формирование детских сообществ негативной направленности [9]. Иногда они больше времени проводят за компьютером, чем реальном об-

щении. Следовательно, у них отсутствует опыт общения, понимания друг друга, и в дальнейшем проблема будет только усугубляться.

Мир детей является «отражением» мира взрослых, поэтому их отношение к другим людям является проекцией отношения взрослых к детям. К наиболее важным проблемам в данной сфере Д.И. Фельдштейн относит отношение к детям как к неравным субъектам отношений, отстранение взрослых от детей, отсутствие постоянных контактов с ними, слабое владение навыками общения с детьми, «перенос» взрослыми на детей собственных личных проблем, недоверие детей к сообществу взрослых [9].

Таким образом, межличностные контакты являются важным фактором формирования человеческих отношений, нормативного или девиантного поведения личности, благополучия или проблем отдельных социальных групп и общества в целом. Исходя из этого, их развитию нужно уделять самое серьезное внимание для профилактики и коррекции существующих личностных и социальных проблем.

Библиографический список

1 Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.:ПРАГМА. 1993. – 175 с.

2 Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния и семейного воспитания. – М.:Апрель Пресс, Из-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 512.

3 Беличева С.А. Основы превентивной психологии. Оглавление М., Редакц.-изд. центр консорциума "Соц. здоровье России", 1994. – 114с.

4 Доценко Е.Л. Семантика межличностного общения: Дис. д-ра психол. наук: 19.00.11 : Москва, 2000. - 510 с.

5 Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М» 2001.-160 с.

6 Королев В.В. Психические отклонения у подростков-правонарушителей. – М.: Медицина, 1992. – 208 с

7 Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб: Питер, 2008. – 139 с.

8 Перри Б. Мальчик, которого растили как собаку. И другие истории из блокнота детского психиатра. - М: АСТ, 2015. – 334 с. – (Сокровище психиатрии)

9 Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования / Научно-методический журнал Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина «Психолого-педагогический поиск» - 2011, №3 (19). – с. 7-14.

10 Филонов Л.Б. Психология развития контакта между людьми в условиях затрудненного общения:- дисс. д-ра психол. наук.- М., 1985.

11 Шнейдер Л.Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности. – М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2015. - 300 с.

INTERPERSONAL COMMUNICATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF PERSONALITY AND SOCIETY

Rasskazova Irina N.
Omsk state pedagogical University, Omsk

Abstract. The article examines the influence of interpersonal contacts on the wealthy and deviant personality development and functioning of social groups and society. Analyzes the peculiarities of interpersonal contacts of the individual with the problems of deviant behavior in significant systems of relationships – with parents, peers.

Key words: deviant behavior, interpersonal contact, society, relationship with peers, relationship with parents, social group.

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ ПОКОЛЕНИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Ростова Антонина Тимофеевна
(Филиал Пятигорского Института сервиса, туризма и дизайна,
г. Ставрополь)
e-mail: rostova_1177@mail.ru

Аннотация. Одним из основных условий сохранения структуры общества является передача социальных ценностей, моделей поведения и норм взаимодействия новым участникам общественных отношений. При этом показатель эффективности трансляции основных мировоззренческих регуляторов определяет стабильность общества. В статье рассматривается проблема конфликта поколений в контексте общего значения социальной преемственности как механизма воспроизводства общественной структуры.

Ключевые слова: социальная преемственность, конфликт поколений, ценности, общество.

Проблема социальной преемственности является одной из наиболее важных в контексте необходимости сохранения стабильности общественной структуры. Носители социальных функций рождаются и умирают, и существование общества было бы невозможно без системы передачи навыков, знаний, моделей поведения и т. д [3]. В этом смысловом ряду не последнее место занимают и социальные ценности, определяющие общий

характер активности членов общества[2]. Очевидно, что нарушение процесса передачи содержания культуры и норм социального поведения представляет собой основанию деформации общественной структуры. И здесь имеет место серьезная проблема, связанная с тем, что наряду с процессами передачи социального опыта, ценностных установок, моделей поведения, реализуется встречный процесс развития социального конфликта между представителями разных поколений. Очевидным следствием развития подобного рода конфликта является снижение уровня социальной преемственности и, как следствие – нарушение характера протекания общественных процессов.

Одновременно с этим можно отметить тот факт, что во многие эпохи люди констатируют несоответствие морального облика молодежи, их способа поведения, и ожиданий старшего поколения. Таким образом, конфликт между поколениями существует на различных этапах общественного развития, однако социальная преемственность на определенном уровне все же реализуется. Для того, чтобы проанализировать данный момент, необходимо обратиться к вопросу о том, на каком уровне реализуется социальная преемственность и, в частности – в какой социальной сфере наиболее серьезно развертывается конфликт поколений.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что социальная преемственность реализуется в рамках основных институтов социализации. И потому большое значение имеют институты семьи, религии, образования и экономики (последнее имеет значение в силу того, что трудовой коллектив также представляет собой среду социализации). Кроме того, большое значение имеет неформальная среда коммуникации, на уровне которой реализуется момент трансляции социальных ценностей и отдельных элементов мировоззрения [1].

Анализируя проблему конфликта между поколениями, следует отметить, что наиболее интенсивно он проявляется в той сфере, где разница в возрасте имеет статусное значение, а именно в рамках института семьи. Непослушание молодежи, стремление к самостоятельному принятию решений, желание снятия налагаемых в рамках семьи ограничений представляет собой то основание, которое предполагает конфронтацию между старшим поколением и молодежью. Одновременно с этим отмечается наличие расхождений во вкусах, взглядах, сферах интереса, что определяет невозможность адекватной оценки старшим поколением молодежи (равно как и молодежью – старшего поколения). Фактически речь идет о том, что имеет место сразу две формы оценки социального статуса и значимости личности, которые расходятся как в критериях оценки, так и в ее характере. И потому достижения молодежи, воспринимаемые в рамках коммуникативной среды сверстников, зачастую не принимаются старшим поколением, которое обладает собственными критериями оценки, в которые социальные приоритеты молодежи не вписываются.

Следует обратить внимание на то, что обозначенный конфликт имеет ролевую природу: социальная роль младшего представителя семейной группы предполагает момент послушания, в то время как представления о взрослом человеке, как субъекте самостоятельного принятия решений, предполагают выход из-под родительской опеки и поиск собственных путей развития. Кроме того, набор ролевых обязанностей зрелого человека предполагает высокую меру социальной ответственности, что серьезным образом влияет на распределение приоритетов и ценностей, в то время как социальная позиция молодежи предполагает значительно меньшую меру ответственности и, как следствие – наличие кардинально иного набора приоритетов. В этом смысле нарушение преемственности как отсутствие прямого соответствия между установками старшего поколения и молодежи еще не свидетельствует об отсутствии в обществе механизмов передачи норм поведения и ценностных ориентиров. Речь идет скорее о том, что социальные характеристики молодежи, как социальной группы, определяют существенный уровень стремления к самостоятельности, максимализм в социальных оценках, а также высокий уровень свободной социальной энергии, далеко не всегда реализуемой конструктивно.

Несмотря на то, что развитие конфликта поколений приводит к существенным деструктивным последствиям на уровне института семьи и, в частности, отрицательно сказывается на характере социальной преемственности, реализуемой на его уровне, было бы чрезмерно категоричным судить о том, что ситуация представляет собой острый кризис, а будущее общества плачевно ввиду неспособности передачи современной молодежи адекватных социальных установок. Помимо института семьи существуют и другие сферы, на уровне которых реализуется передача социального опыта и одновременно – социальной аксиологии [1]. В первую очередь следует обратить внимание на институт образования. В рамках образовательной сферы реализуется активная передача опыта человечества, при этом само по себе образование представляет не только активный учебный, но и воспитательный процесс. Привитие учащимся дисциплины, передача социально значимых ценностных установок, формирование социального мировоззрения – все это реализуется в рамках образовательной среды и закладывает фундамент личности. При этом зачастую установки, заложенные в молодом возрасте, срабатывают значительно позже, в ходе приобретения личного опыта и изменения статусно-ролевой определенности.

Что касается института религии, следует отметить, что его формирующее воздействие универсально и не соотносится с возрастной определенностью. По этой причине в обществах с сильно развитым религиозным сознанием значительно более сильно развита социальная преемственность. Отдельного внимания заслуживает и то, что на уровне религии регламентируются, в том числе, и семейные отношения, ввиду чего актуальная для западного общества проблема конфликта поколений не имеет столь явной остроты в ряде традиционных обществ.

Наконец, обратим внимание на характер социализации, реализуемый в рамках трудового коллектива и среды неформальной коммуникации. На уровне рабочего коллектива взаимодействия определено функциональной сферой, при этом работники могут различаться по критерию возрастной определенности, что при отсутствии внешних различий по социальному статуса становится положительным фактором коммуникации между представителями различных возрастных групп, не отягощенной исходными противоречиями. На уровне неформальной группы, в которую включен человек, напротив, можно наблюдать актуализацию возрастных противоречий, поскольку круг общения формируется исходя из общности интересов, и в данном случае окружением молодых людей являются такие же представители молодежи.

Таким образом, развитие конфликта поколений не является фактором, определяющим невозможность социальной преемственности, однако, безусловно, чем ниже уровень конфликтности между представителями различных возрастных групп, тем более эффективным является процесс передачи социального опыта. Вместе с тем, помимо укорененности проблемы в саму структуру социальных отношений и, в частности, в ее ролевую составляющую, следует обратить внимание на то, что с учетом современного роста динамики общественного развития и изменения проблема взаимодействия разных поколений приобретает все более интенсивный характер.

Библиографический список

1. Игнатенко Т.И. Интерсубъективная социальная память как форма социокультурной преемственности // Известия ВолгГТУ. 2008. №5. С.44-46.

2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 с.

3. Рубанов В.Г. Понятие «Преемственность» и его социальное измерение // Известия ТПУ. 2013. №6. С.103-110

TO A QUESTION OF THE CONFLICT OF GENERATIONS AND SOCIAL CONTINUITY

Rostov Antonina T.
Pyatigorsk branch of Institute of service, tourism and design, Stavropol

Summary. One of the main conditions of maintaining structure of society is transfer of social values, behavior models and norms of interaction to new participants of the public relations. At the same time the indicator of efficiency of broadcast of the main world outlook regulators defines stability of society. In

article the problem of the conflict of generations in the context of a general meaning of social continuity as mechanism of reproduction of public structure is considered.
Keywords: social continuity, conflict of generations, values, society.

ИЗУЧЕНИЕ «НОВЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ» В КОНТЕКСТЕ НАРКОСИТУАЦИИ

Рыбакова Лариса Николаевна
(Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской Академии наук, Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии Минздрава РФ)
e-mail: laryb@mail.ru

Аннотация. Появление на рынке «новых потенциально опасных психоактивных веществ» отмечается как в России, так и за рубежом. Оно обусловлено новыми технологиями («дизайнерское производство» химических веществ), а также новыми потребностями в обход криминализации наркооборота. В силу своей латентности потребление «новых наркотиков» влияет на наркоситуацию и становится предметом исследований в разных областях знаний. В статье анализируются отличия в подходах отечественных и зарубежных исследователей к изучению феномена «новых наркотиков».
Ключевые слова: новые психоактивные вещества, дизайнерские наркотики, новые наркотики, наркоситуация.

В данной статье речь идет о «новых потенциально опасных психоактивных веществах» (в русской научной литературе) или «новых психоактивных веществах (ПАВ)» в международных документах. Это новый класс химических веществ, обладающих свойствами вызывать измененное состояние сознания (поведенческие проявления) или сильные физиологические реакции – головокружение, затрудненное дыхание, спазмы, рвота, сердцебиение, повышение температуры и др. Главное их свойство на рынке – легальность, которая является результатом своеобразной борьбы наркологии (спасать, защищать здоровье) и наркоторговцев (обеспечение и подстегивание «спроса»). Законодатель не успевает внести опасные вещества в списки запрещенных, а торговля стимулирует производство и распространение видоизмененных продуктов с непонятным для потребителя составом и свойствами. В борьбе участвуют химики, модифицирующие формулу известного психоактивного вещества и таким образом создающие новый продукт. Как правило, новые «марихуана», «героин», «экстази» и т.п. отличаются не только формулой или формой (для вдыхания, курения), но прежде всего концентрацией (малые объемы, интенсивное воздействие) и патологическими последствиями (агрессия, непреднамеренные суициды,

инвалидность). Специалисты пока не пришли к единому мнению о том, как заниматься профилактикой обращения к этому типу наркотизации. Одни считают, что предупреждение равноценно распространению информации и провоцированию любопытства к «новым наркотикам». Другие указывают, что последствия достаточно серьезны и наступают быстро, что молчание можно считать преступной халатностью.

По оценкам отечественных наркологов и соответствующей медицинской статистики, в России за последние годы отмечается снижение обращения за лечением от опийной зависимости, зато нарастает объем медицинской помощи в связи с острыми интоксикационными состояниями (отравления и психозы, смертность, передозировки), обусловленными действием «новых психоактивных веществ» с неизвестным для потребителя составом. Также растут показатели полинаркомании – употребления нескольких наркотиков, среди которых могут оказаться и «легальные». И другой, непрямой показатель изменений наркоситуации, который противоречит выводу о снижении наркологической заболеваемости: в реабилитационных центрах Новосибирской области в 2017 году соотношение алкоголе- и наркозависимых реабилитантов уравновесилось, хотя несколько лет назад алкоголезависимых было гораздо больше. Таким образом, еще раз убеждаемся, что система медицинских показателей не отражает латентные тенденции наркотизации в населении. Поэтому необходимо использование иных индикаторов.

Международный обмен «библиотеками веществ и метаболитов» позволяет отечественной наркологии расширять свои возможности выявлять в биологических средах метаболиты и таким образом определять вещество, которое стало причиной отравления. Это позволяет совершенствовать технологии медицинского освидетельствования водителей, летчиков, военнослужащих и лиц других профессий, занятых на специфических рабочих местах, а также методы тестирования обучающихся и кандидатов на работу. Общий уровень распространения «новых наркотиков» определяется в настоящее время по изымаемым веществам (предложение на рынке – полицейская статистика), по обращениям за скорой медицинской помощью (объективные данные судебно-медицинских экспертиз, токсикологических и реанимационных отделений), а также по состоянию сточных вод в крупных городах. На этом фоне стандартизованные опросы значительных групп респондентов предъявляют повышенные требования к формированию выборочной совокупности и теряют свою актуальность, уступая первенство качественным исследованиям, не обладающим репрезентативностью.

Консультационный портал раннего предупреждения о новых ПАВ Управления ООН по наркотикам и преступности выявил, что в 2015 году группа новых ПАВ включала: стимуляторы – 35%, синтетические каннабиноиды 35%, классические галлюциногены 18%, неклассифицированные вещества 5%, другие (опиоиды, седативные снотворные, диссоциативы) – 2% [1].

Объективная картина изменения наркоситуации по структуре наркотиков, их обороту и социальной базе распространения привлекает внимание исследователей в нашей стране и за рубежом. Традиционно в России этой проблемой занимаются главным образом наркологи, которые все чаще сталкиваются с негативными последствиями наркотизации. На втором месте, по нашим данным, психологи, ведущие профилактическую и реабилитационную работу с наркозависимыми. Среди юристов, работающих в области наркомании, эта проблематика осваивается преимущественно молодыми учеными при подготовке диссертаций. Представители общественных организаций и движений, занимающиеся проблемами наркотизации, игнорируют новизну и особенности этого явления и не выделяют специфики «новых наркотиков» среди других психоактивных веществ для своей работы. Специалисты, работающие с молодежью, предпочитают делегировать свои обязанности по просвещению в молодежной среде наркологам и психиатрам, склонным предупреждать об опасностях для здоровья.

Существуют отличия в подходах к анализу причин обращения к «новым наркотикам» в отечественных и зарубежных научных источниках. *Во-первых*, отечественные публикации последнего времени больше внимания уделяют факторам адаптации и риска в развитии девиантного поведения, одной из форм которого является обращение к новым психоактивным веществам. При этом обсуждается воздействие трудной социально-экономической ситуации, недостаточного развития социально-культурной инфраструктуры и ослабление социальных институтов, осуществляющих воспитательные функции в молодежной среде. Доступные в интернете и по каналам личных контактов материала мониторингов наркоситуации 2016-17 гг. в некоторых регионах страны показывают, что население более спокойно воспринимает свидетельства наркотизации, чем это было 10 лет назад. Это подтверждается значительной долей респондентов, считающих, что в их регионе употребление наркотиков «распространено, но не более чем в других регионах». Это можно понимать как смирение с существованием проблемы, с которой государство не справляется. В то же время население в большей мере обеспокоено социально-экономическими условиями своей жизни (доходы, трудоустройство и т.п.). При этом довольно большая часть респондентов считает, что одним из важных средств противодействия наркомании является отсутствие развитой инфраструктуры досуга – «некуда пойти». Следует отметить, что распространенная форма досуга в городах – прогулки по торговому центру – занимают время и повышают потребительскую активность, но не приносят эмоционального удовлетворения, а в некоторых случаях усиливают социальное напряжение (отсутствие достаточных ресурсов для удовлетворения потребностей «быть как все»).

Исследования в области медицинской психологии обнаруживают, что приоритет гедонистической мотивации у потребителей синтетических

каннабиноидов (спайсы) свидетельствует о важности развития интересов и увлечений, «хобби», спортивных и досуговых мероприятий в целях профилактики наркотизации. Они указывают, что эмоциональное насыщение способствует развитию навыков получения удовольствия неаддиктивным, нехимическим путем. Наряду с этим целесообразно, считают исследователи на основании полученных данных, вырабатывать у молодых людей (мужчин с несформированной зависимостью) стратегии уверенного поведения и преодоления группового давления, что позволит избегать ситуаций возможного употребления «легальных наркотиков» за компанию или чтобы не быть белой вороной [2].

В отличие от социального анализа за рубежом причины социальных девиаций традиционно рассматриваются в контексте психиатрических расстройств и, в частности, наркотизация в связи с депрессиями, стрессами, детскими травмами и иными психическими расстройствами. Например, в материалах симпозиума «На пути к одурманенному обществу» германские специалисты освещают различные аспекты популярности «новых наркотиков» в современных условиях [4]. Во введении редактор констатирует: «На пути к нетрезвому обществу?» - кажется, такая тенденция прослеживается во всех сферах нашей жизни. В деятельности, связанной с достижениями, популярен лозунг «все лучше, все больше и все быстрее». Этот олимпийский лозунг вынуждает спортсменов, как недавно выяснилось, использовать стимулирующие средства. В населении обращение к стимуляторам, по данным медицинской статистики, также набирает силу. В сфере досуга и частной жизни также все явственнее проявляются эти тенденции - вплоть до излишества наших желаний и ожиданий. Пресыщенность скучной нормальностью «будничного счастья», постоянное желание (или косвенное принуждение со стороны окружения) перейти физические и нравственные границы формируют почву, на которой вырастает неуемность в разнообразных проявлениях. Для все большего числа людей управление собственным неумеренным потреблением или поведением становится невозможным из-за развития физической и духовной зависимости. Это особенно трудно дается молодым людям, которые из-за недостаточной интеграции в общество не имеют представления о возможных разумных альтернативах для решения проблем.

Исследователи отмечают особое значение детских травм для обращения к наркотикам разного рода, в том числе к наиболее доступным по цене и приобретению «легальным» наркотикам. Среди неблагоприятных условий раннего развития в семье как предпосылки наркотизации участники симпозиума рассматривают следующие факторы:

- изоляция от родителей, занятых решением «взрослых» проблем - заработок, карьера, собственное удовольствие;

- холодность и эмоциональное отвержение со стороны матери по отношению к ребенку (ослабленное родительство),

- развод родителей и неблагоприятная семейная атмосфера,

- психическое, физическое, сексуальное насилие,

- врожденный синдром дефицита внимания и гиперактивности, препятствующий нормальной интеграции в детский коллектив и создающий препятствия к овладению учебной деятельностью, нарушающий нормальную траекторию развития ребенка,

- социальное окружение, в котором оказывается ребенок за пределами школы и т.п.

Эти предпосылки аддиктивного поведения, перерастающего в зависимость, приводят в молодежной среде западных стран к употреблению «дизайнерских» наркотиков, доступных в местах отдыха (клуб, бар, дискотека) или в интернете. В большинстве случаев речь идет о синтетических каннабиноидах, которые вызывают тяжелую интоксикацию (от 20 минут до нескольких часов) и генерируют агрессивное и самоповреждающее поведение; о синтетических психостимуляторах, приводящих к тяжелым психотическим состояниям; о синтетических опиоидах, которые более патогенны, чем традиционный героин.

Другое направление в дискуссии о деструктивных тенденциях социального развития на симпозиуме в Германии было посвящено допингу, который завоевывает свое место как в спорте высоких достижений, так и в повседневной жизни. В ситуациях давления или конкуренции подстегивание психики оправдывается условиями и требованиями соревнования, экзамена, срока сдачи работы, ответственной презентацией проекта и т.п. Например, музыкант перед концертом, хирург перед трудной операцией, ученик перед устным экзаменом могут прибегнуть к бетаблокаторам, чтобы «рука была спокойна» вместо тренировки самообладания. В этих случаях речь идет о стимуляции бодрости, концентрации внимания, сохранении стрессоустойчивости и работоспособности с помощью так называемых химических «стимуляторов мозга» (нейро-энхансеры). В роли последних выступают кофе, кофеин в таблетках и порошках, энергетические напитки, легальные (модафинил, метилфенидат, виагро) плюс дизайнерские средства и нелегальные стимуляторы (амфетамины, кокаин), а также физические нагрузки. Исследователи указывают, что глобализованное общество ожидает от нас всегда мобилизованности, активности, хорошей памяти, внимания и успехов, хорошего настроения – «хорошего лица».

Можно предположить, что обращение к этим психостимуляторам основано на недостаточной информированности потребителей и мифологизации пользы, навязанной рекламой от фармакологических источников. Исследования метилфенидата убедительно показали, что здоровые испытуемые под воздействием лекарства субъективно испытывали чувство улучшенного внимания и концентрации, однако объективно это не подтверждалось ни тестами, ни результатами. При проверке памяти было выявлено даже временное ухудшение. Исследования модафинила и антиде-

ментива на здоровых испытуемых выявили эффект, сходный с крепким эспрессо, который так же быстро утрачивался. В США около 10% учащихся школ и вузов признались, что без медицинских показаний (т.е. без необходимости) употребляли хотя бы однажды в жизни амфетамин и 7% метилфенидат. По Германии репрезентативных данных нет. Каждый четвертый в исследовании DAK-Gesundheitsreport 2009 допускает применение таких средств, но только 1,9% респондентов признались, что делали это [6]

Второе отличие зарубежных и отечественных подходов к анализу распространения «новых психоактивных веществ» заключается в характеристиках социального контроля. Так, в некоторых странах (Австрия, Великобритания, Канада и др.) молодежи предлагается проверить качество психоактивных веществ, приобретаемых ими полулегально, через интернет (экстази, мефедрон). Без юридических последствий можно отправить вещество по почте или сдать при входе в бар или на дискотеку. В Германии доступны таблицы для распознавания контрафактных таблеток экстази по их маркировке. В сборнике «Альтернативный отчет по наркотикам в Германии 2016» [3] обсуждается инициатива жителей одного из микрорайонов Берлина по противодействию нелегальной торговле наркотиками. Чтобы избавиться от навязчивых торговцев и защитить подростков от опасного предложения, жители просили мэрию наладить контроль за продажами и качеством продукта, компенсировав (каким образом?) черный рынок. Там же описывается международный опыт организации «комнат для инъекций» принесенным нелегальным наркотиком как мера оздоровления городской среды и вовлечения наркозависимых в существующую систему лечения и реабилитации.

На семинаре Группы Помпиду Совета Европы по «новым наркотикам» в июле 2017 г. был представлен опыт Польши в борьбе с распространением «спайсов» (синтетические каннабиноиды) и «солей» (синтетические катиноны) через изучение нелегального рынка и совершенствование медицинской помощи по поводу острых интоксикаций, когда врачи не знают, чем лечить, а потребитель не может рассказать, чем он отравился. Польский подход довольно типичен для международной практики – криминализация участия в обороте «новых наркотиков» как можно быстрее после их появления на рынке. [5]

В Великобритании запрет на «новый наркотик» вводится на один год для изучения – подлежит оно постоянному запрету или легальному регулированию. В Швеции предлагается изымать вещество, если есть подозрение (!), что оно связано с нелегальным оборотом. В Австралии практикуется запрет психоактивных веществ на основе их химической структуры. В странах Евросоюза практикуется ускоренное изъятие вещества из оборота при подозрении на наркотический характер воздействия и два года выделяется на обоснованную оценку рисков для здоровья потребителей.

Третье отличие отечественных и зарубежных подходов в борьбе с распространением наркотизации и обращения к легальным психоактивным веществам является использование потенциала общественных движений.

Таковые в России, как правило, занимаются профилактической деятельностью в школьных классах и студенческих группах и руководствуются лозунгом первичной профилактики «не пробуй». Зарубежные общественные организации и социальные службы ведут первичную профилактику в неорганизованных молодежных коллективах под лозунгом «не становись подопытным кроликом», «будь осторожен» и гораздо активнее включаются в оказание лечебных и реабилитационных услуг для наркозависимых (третичная профилактика).

На этом основании можно сделать вывод, что в российской антинаркотической политике сохраняется давняя патерналистская позиция: государство защищает население от опасностей. За рубежом сильнее проявляется просветительский подход: предупреждение о возможных рисках и передача индивиду ответственности за последствия его поведения.

Библиографический список

1 НПВ – новые психоактивные вещества - Дата обращения 20.08.2017. http://www.unodc.org/documents,scientific/NPS_leaflet_2016_ Russian.pdf)

2 Патрикеева О.Н., Овчинников А.А., Соловьева И.Г. Мотивационный профиль потребителей синтетических каннабиноидов // Наркологический вестник-2015-Т.XLV11, Вып. 2. – С. 47-51

3 Alternativer Sucht- und Drogenbericht 2016. Дата обращения 12.08.2016 http://alternativer-drogenbericht.de/wp-content/uploads/2016/06/ADSB2016_Bericht.pdf

4 Auf dem Weg zur Rauschgesellschaft!? Kbo-Broschuere Oberbayern (Kliniken des Bezirks Oberbayern) Дата обращения 12.07.2016. - https://www.kbo.de/uploads/tx_kbopresse/kbo_Broschuere_Sucht.pdf

5 Immer meht synthetische Drogen in Polen – Дата обращения 27.10.2017 -http://www.drogenmachtweltschmerz.de/2015/10

6 „IQ-Doping ohne Nebenwirkung?“ // DAK-Gesundheitsreport 2009.

STUDY OF "NEW PSYCHOACTIVE SUBSTANCES" IN THE CONTEXT OF DRUG ADDICTION

Rybakova L.N.
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract. Market of "new potentially dangerous psychoactive substances" is seen as in Russia and abroad. It is due to new technologies (production of "designer" chemicals), as well as to new needs of consumers and dealers to bypass the criminalisation of drug trafficking. Because of its latency, the consumption of "new drugs" affects the drug situation and becomes the subject of research in

different fields of knowledge. The article analyzes the differences in the approaches of domestic and foreign researchers to study the phenomenon of "new drugs".

Key words: new psychoactive substances, designer drugs, new drugs, drug situation.

ПРОЯВЛЕНИЕ РАСИЗМА И КСЕНОФОБИИ В ПОВЕДЕНИИ И ВНЕШНЕМ ВИДЕ ПРАВОРАДИКАЛЬНО НАСТРОЕННЫХ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

Самойлов Сергей Федорович
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: samoilow111@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме проникновения представителей различных праворадикальных субкультур в среду футбольных фанатов. В тексте статьи предлагаются способы выявления праворадикально настроенных лиц по внешнему виду, атрибутике и определенным моделям поведения.

Ключевые слова: праворадикалы, футбольные фанаты, нс-скинхеды, ультрас, расизм, ксенофобия.

Во время проведения спортивно-массовых мероприятий в задачу полиции входит не только раскрытие типичных уголовных преступлений и поддержание общественного порядка, но участие в противодействии экстремистской угрозе. Эта угроза разнообразна как по структуре, так и по характеру.

Субъектами совершения преступлений экстремистской и террористической направленности могут стать: экстремисты-одиночки, экстремистские группировки страны проведения или иностранного государства, экстремистские организации страны проведения или иностранного государства, международные экстремистские и террористические организации. Помимо этого экстремистская угроза может исходить от радикалов из среды футбольных болельщиков.

Как правило, девиантное поведение радикально настроенных футбольных фанатов может быть обусловлено как ненавистью к болельщикам другой команды или сборной, реакцией на проигрыш своей команды, несправедливое судейство или ограничения со стороны стюардов или полиции, так и рядом идеологических причин. Наличие последних связано с проникновением в среду футбольных болельщиков элементов криминальной и экстремистской идеологий. Несмотря на наличие как ситуативных и идеологических причин девиантного поведения футбольных фанатов,

внешние формы их проявления примерно одинаковы, что позволяет ряду исследователей утверждать факт существования т.н. «спортивного экстремизма». Одним из видов которого служит агрессивное поведение футбольных фанатов. В целом же под спортивным экстремизмом понимают различные формы агрессии на почве ненависти к болельщикам другой команды или страны. Проявлениями спортивного экстремизма служат: массовые драки между фанатами, различные проявления ксенофобии, вандализм на стадионах.

В самом общем виде организационная структура субкультуры футбольных фанатов выглядит следующим образом. Наиболее аморфной с точки зрения социальной упорядоченности, частью субкультуры футбольных фанатов являются «кузьмичи». Принципиальное отличие «кузьмичей» от простых болельщиков заключается в сознательном выборе футбольного клуба, за который они болеют, а также в верности раз сделанному выбору. В отличие от случайных болельщиков кузьмичи чаще всего носят символику своего клуба: шарфы, майки, кепки. Кузьмичи не имеют строго зафиксированного места на стадионе, они смотрят матч сидя, а не стоя. Не участвуют в столкновении с болельщиками других команд. В околофутбольной этике ударить кузьмича другого клуба считается для ультраса позором.

В отличие от кузьмичей, следующая категория футбольных болельщиков – скарферы. Они располагаются на фанатских трибунах, смотрят матч стоя и не расстаются с клубными шарфами, от которых получила свое наименование. Среди скарферов часто можно встретить подростков, которые ведут себя на трибунах очень шумно, постоянно выкрикивая речевки. Вместе с тем, скарферы обычно не участвуют в драках. Еще одной разновидностью болельщиков являются карланы, ими, как правило, являются молодые люди, которые приходят на фанатские трибуны выпившими. Они одеваются в потертые костюмы и кроссовки, во время матча они часто снимают футболки и истошно кричат. Карланами часто являются молодые люди, стремящиеся заслужить признание со стороны фанатов со стажем. Последние используют их в своих целях как хулиганскую массовку. В настоящее время карланы как отдельная категория болельщиков постепенно исчезают.

Ядро субкультуры футбольных фанатов составляет так называемый ультрас, которые, как правило, разделяются на несколько группировок «фирм», имеющих свою символику, четкую организацию и место на трибуне. Ультрас, в отличие от простых болельщиков и кузьмичей, смотрят матчи стоя. Именно на них ориентируются скарферы и карланы. Организация ультрас проявляется в подчинении своим руководителям – «основе», четким проведением акций. При этом ультрас часто отождествляют с наиболее агрессивной категорией футбольных болельщиков – хулс. В отличие от хулс, ультрас участвуют не в драках, а рисуют баннеры, которые

затем демонстрируют на трибунах, придумывают и репетируют перфоманс, выкрикивают речевки, т.е. всячески доказывают поддержку своему клубу. Ультрас чаще всего носят одежду определенных фирм: BenSherman, FredPerry, PualSmith, StoneIsland, Lacoste, Paul&Shark. В качестве обуви они используют белые кроссовки Adidas и NewBalance. Ношение одежды и обуви данных фирм на фанатских трибунах должно соответствовать статусу ультрас.

У каждого клуба, как правило, существует несколько «фирм», которые выступают единым фронтом только на матчах своей команды или в акциях, направленных против фанатов других команд. Соперничество ультрас проявляется в отказе от принятия каких-либо общих для фанатов клуба решений, а также в участии в специально организованных драках «забивонах», победы в которых поднимают «рейтинг» группировке. В каждой «фирме», как правило, есть так называемые бойцы –хулс, наличие большого числа бойцов придает группировке характер боевки, но далеко не все группировки ультрас являются боевками, существуют «мирные» группировки. Следует подчеркнуть, что проведение боев между различными группировками ультрас осуществляется по строго установленным правилам. Так, организаторы драки договариваются о числе ее участников и месте проведения. Как правило, столкновение происходит за городом, без холодного оружия и ведется до установленного соглашением момента. Именно хулс склонны к вступлению в силовое противоборство с сотрудниками полиции. На футбольных матчах хулс находятся вместе с ультрас, но в отличие от них они не носят клубных футболок, шарфов и бейсболок, но в их одежде могут присутствовать цвета своего клуба. Из обуви они предпочитают белые кроссовки Adidas Originals.

К числу «мирных» группировок в первую очередь следует отнести ветеранов фанатского движения, которые имеют отдельное от молодых ультрас место на стадионе. Они, как правило, сидят, а не стоят во время матча. Их влияние на молодые группировки ультрас может быть различным. Часто именно из среды ветеранов формируется совет объединения болельщиков, который может зарегистрировать организацию и действовать легально.

Идеология субкультуры футбольных фанатов носит ярко выраженный социальный и малоразвитый характер. Фактически она сводится к небольшому перечню правил этики болельщика, регулирующего его поведение в различных ситуациях. Высокая степень организации субкультуры футбольных фанатов, наряду с отсутствием у нее четкой идеологии, а также наличия возможностей проявлять агрессию, делает ее весьма привлекательной для праворадикалов, которые способны придать агрессивности болельщиков определенное направление.

Основной предпосылкой восприятия футбольными фанатами праворадикальной идеологии, несомненно, является ксенофобский характер их

сознания. В данном случае под ксенофобией следует понимать неприятие чужого, наличие образа врага. Для футбольных фанатов таковыми являются: сначала фанаты других клубов, с которыми возможны союзы на время выступления национальной сборной, затем фанаты иностранных клубов, с ними возможен союз против главного и абсолютного врага – полиции. Кроме того, ксенофобия футбольных фанатов изначально имеет национальную окраску, поскольку болельщики, поддерживая свою сборную или чужой, но отечественный клуб неизбежно негативно относятся к иностранным клубам и сборным. Данные предпосылки делают футбольных фанатов склонными к восприятию праворадикальной, а не леворадикальной идеологии, поскольку последняя имеет интернациональный характер.

Среди многообразия националистических идеологий футбольные фанаты в силу доминирования среди них молодых людей оказываются восприимчивы к идеологии нс-скинхедов. Во многом это связано с ее простой, агрессивностью, а также с тем, что многие нс-скинхеды являются болельщиками. Проникновение праворадикальной идеологии в среду футбольных фанатов проявилось в следующем:

– совершении правонарушений по мотивам расовой и национальной ненависти;

– совершении убийств по идеологическим мотивам;

– в совершении демонстративных действий в поддержку лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистского характера;

– пропаганде праворадикальных и откровенно неонацистских идей.

Степень проникновения праворадикальной идеологии в фанатскую среду следует оценить как достаточно высокую, о чем свидетельствует наличие противоправных действий на почве национальной и расовой ненависти среди ведущих российских футбольных клубов ЦСК, «Зенит», «Спартак».

Субкультура футбольных фанатов, как уже отмечалось ранее обладая высокой степенью организации идеологически является неразработанной. Данное обстоятельство послужило важнейшей предпосылкой восприятия «фирмами» футбольных клубов идеологии нс-скинхедов. Это было обусловлено как ксенофобским характером фанатской субкультуры, так и тем обстоятельством, что многие нс-скинхеды сами являлись болельщиками и постепенно вошли в состав ультрас и хулс. Проникновение идеологии нс-скихедов в субкультуру футбольных фанатов происходило постепенно и не без сопротивления ветеранов фанатского движения. Но в настоящее время многие «фирмы» публично демонстрируют приверженность националистической и нацистской идеологии. Естественно, что глубина усвоения футбольными фанатами расистских и националистических идей незначительна и имеет преимущественно хулиганский характер, но это не означает, что хулиганскими действиями фанатов не смогут воспользоваться лидеры праворадикального движения.

Важнейшими доказательствами воздействия идеологии нс-скинхедов на субкультуру футбольных фанатов следует признать:

1. Проникновение скинхедовского сленга в язык фанатов, в частности, таких слов как:

– «акция» - силовая операция;

– «аргументы» - предметы, которые можно использовать в драке;

– «бомбер» - куртка без воротника;

– «бригада» - группировка «бойцов»;

– «гриндерá» - ботинки фирмы «Гриндерс»;

– «дерьмо» - см. «аргументы»;

– «зверьки» - уничижительное наименование кавказцев;

– «карлик» или «карлан» - малолетний, неопытный новобранец;

– «моб» - группировка для уличного боя, «фирма»;

– «основа» - ядро «моба», «фирмы».

2. Использование ультрас и хулз одежды характерной для нс-скинхедов, в том числе:

– черные джинсы;

– бомберы;

– ботинки «Dr. Martens»;

– спортивная одежда фирмы «Fred Perry»;

– одежда фирмы «Lonsdale».

3. Присутствие нацистской и неонацистской символики:

– в изображении бульдогов в символике спартаковской «фирмы» «Flints Crew» и в названии фэнзина (журнала) фанатов «Торпедо». Первоначально данное название носил журнал английской неонацистской партии Британский национальный фронт, специализировавшийся на футбольных фанатах и скинхедах;

– в использовании в символике различных «фирм», а также в татуировках «мертвой головы», кельтских крестов, рун, коловрата, свастики и т.д.;

– в демонстрации портретов Адольфа Гитлера во время матчей;

– в применении числовых кодов: 18, 28, 88, 14\88;

– в использование лозунгов праворадикального движения таких как: "WhitePower", «Россия для русских», «Мы русские с нами – Бог»;

– в перекличке между фанатами противоборствующих клубов: «Русские вперед!».

4. Создание музыкальными группами нс-скинхедов песен, предназначенных для футбольных фанатов, тексты песен группы «Коловрат»:- «Наши ультрас» , «Дерби круглый год».

5. Распространение среди хулз идей здорового образа жизни (ЗОЖ);

6. Распространение среди нс-скинхедов и автономных праворадикалов:

– совершение различных расистских выходок;

– использование в уличных столкновениях подручных средств;

– применение хулзскинхедовских методов конспирации;

– переход ранее легальных «фирм» на нелегальное положение - «казуалы»;

– отказ от внешней атрибутики фан-движения;

7. Применение различных методов ухода от слежки:

- выход из транспорта перед самым его отходом, с целью установления лица, осуществляющего наблюдение- внезапная смена внешности в толпе посредством использования черного капюшона куртки и белой кепки;

- использование какого-либо одного элемента одежды для опознавания представителей другой «фирмы» при проведении совместных акций.

В целом масштабы проникновения праворадикальной идеологии в субкультуру нужно признать значительными и создающими серьезную опасность для подержания правопорядка.

Библиографический список

1. Антипов А., Харламов В. Виды неформальных молодежных объединений экстремистской направленности (на примере Санкт-Петербурга) // Профессионал: Популярно-правовой альманах МВД России. 2008. № 2 (82).

2. Атаев Л.С. К вопросу о профилактике экстремизма в молодежной среде // Relga.ru. № 2 (178). 10.03.2008.

3. Бааль Н.Б. Социально-философский анализ развития молодежных экстремистских организаций в постсоветской России // История государства и права. 2008. № 18.

4. Беликов С.В. Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы / сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.

5. Васенина И.В. Политический экстремизм в молодежной среде // Будущее России: стратегии развития. II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения – 2005». 14-15 дек. 2005 г. М., 2005.

6. Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И.Герцена. 2009. № 111.

7. Володина Н.В. Экстремизм в Российской Федерации: особенности и пути преодоления // Национальные интересы. 2009. № 3.

THE MANIFESTATION OF RACISM AND XENOPHOBIA IN THE BEHAVIOR AND APPEARANCE OF RIGHT-WING MINDED FOOTBALL FANS

Samoilov Sergey F.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The article is devoted to the problem of penetration of representatives of various radical right-wing subcultures in the environment of football fans. The text of the article suggests ways to identify right-wing minded persons in appearance to attributes and certain behaviors.

Key words: right-wing radicals and football fans, NS-skinheads, ultras, racism, xenophobia.

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ САМООПРАВДАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Светиков Сергей Александрович
(Краснодарский университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: sociometriya@mail.ru

Аннотация. Понятие социальной справедливости представляет собой объект обширных политических спекуляций. Одновременно с этим категория социальной справедливости выступает как основание оправдания незаконной деятельности в адрес финансово состоятельных членов общества. В статье проводится обзор деструктивных форм реализации идеи социальной справедливости в среде общества.

Ключевые слова: общество, социальная справедливость, делинквентное поведение, оправдание деструктивной деятельности.

Делинквентное поведение представляет собой одну из серьезных проблем современного общества, и одной из важных задач социального знания становится определение оснований и причин их существования. Понимание проблемы на уровне механизмов ее возникновения является одним из условий ее разрешения. И в этом отношении представляет интерес такое измерение вопроса о делинквентном поведении, как его социально-феноменологические основания. Претворение в жизнь деструктивных моделей взаимодействия предполагает, с одной стороны, их наличие на уровне мировоззрения отдельных членов общества, с другой – признание приемлемости конкретных деструктивных действий. И здесь мы приходим к проблеме ценностного обоснования преступности.

Существует несколько распространенных мировоззренческих моделей, на уровне которых реализуется обоснование делинквентного поведения. К их числу относятся:

- представление о вынужденном совершении преступления, обоснованном силой внешних обстоятельств;
- ценностные установки криминальной субкультуры, противоречащие общему набору аксиологических установок общества;
- представления об альтернативных путях реализации принятых в обществе ценностей.

Если идеи вынужденного преступления, равно как и особенности криминальных субкультур, достаточно широко исследованы на уровне современного социального знания, то возникновение альтернативных форм реализации социальных ценностей, противоречащих нормативной сфере общества, представляет собой достаточно слабо изученную тематику. Между тем, очевидно, что данная форма деструктивных социальных уста-

новок по своей опасности в ряде случаев превышает как ситуативную делинквентность, так и осознанное принятие криминальных моделей.

В первую очередь следует пояснить, что подразумевается под альтернативными путями реализации социальных ценностей. В данном случае речь идет о том, что реализации подвержены позитивные ценностные установки, однако модели их реализации выходят за рамки нормативной определенности общества [1]. В результате реализуется ситуация, когда действия человека противозаконны, однако на уровне его мировоззрения их оценка положительна. Обоснование противозаконных действий опасно тем, что оно задает общий фон развития социальной деятельности и возводит противоправные деяния в ранг нормы. Если сравнить криминальную субкультуру и идеологию оправдания деструктивной деятельности социальными ценностями, особенностью последней становится то, что имеет место притязание на новый социальный порядок, в то время как криминальная субкультура признает свое противоречие с общественными нормами. В результате реализуется парадоксальная ситуация: носители криминальной субкультуры в определенной мере признают текущую структуру общественных отношений и их выбор относится, в первую очередь, к личному нарушению сложившихся нормативных установлений, тогда как носители идеологии оправдания противозаконных действий ориентацией на социальные ценности стремятся, в конечном итоге, к изменению самого социального порядка. По своему характеру такие действия относятся к числу экстремистских.

Проиллюстрируем сказанное ранее на уровне конкретных примеров. Достаточно распространенной на уровне развлекательной литературы является фигура «народного мстителя», который восстанавливает справедливость незаконными методами. Что характерно, на уровне воспринимающей аудитории подобного рода персонажи получают положительный отклик, что отчасти связано с наличием серьезного расхождения между формальной и неформальной моделями взаимодействия. Приемлемость силового конфликта, как способа разрешения возникших противоречий, укорененная в социальном мировоззрении ряда членов российского общества, явно противоречит формализованным моделям социального действия. Вместе с тем, речь идет о том, что в классической постановке вопроса о цели и средствах зачастую люди неявно принимают идею оправдания отхода от норм благим характером преследуемой цели. Таким образом, вместо безусловного неприятия противоправной деятельности имеет место оценка ее прагматики.

Одним из основных ценностных ориентиров, посредством обращения к которому реализуется оправдание деструктивной деятельности, является категория справедливости. Причем имеет место как оправдание самовольного принятия на себя социальных функций правоохранительных органов и судебной структуры (так называемое линчевание, или самосуд),

так и обращение к категории социальной справедливости, посредством которого производится склонение к социально деструктивным действиям. В условиях достаточно сильно выраженного социального неравенства последнее представляет собой одну из наиболее серьезных проблем в силу потенциальной массовости проявления деструктивных тенденций.

Здесь следует сделать небольшое отступление и обратить внимание на то, что большинство революций совершалось именно на волне недовольства населения своими социальными условиями, при которой идея социальной справедливости становилась доминирующим основанием оправдания деструктивной деятельности. Здесь реализуется следующий принцип: если государство неспособно создать условия для реализации социальной справедливости, силовое решение проблемы может быть рассмотрено в качестве оправданного. Как итог, реализуется классическое посягательство на власть с целью изменения социального порядка. И в этом смысле уникальной характеристикой российского общества является то, что на протяжении длительного исторического промежутка идея революционных действий с целью установления социальной справедливости являлась официально приемлемой, более того – активно насаждалась на уровне идеологической работы представителей советской власти. Для этого периода характерна активная пропаганда коммунистических ценностей, включение в школьную программу произведений, на уровне которых дается негативная оценка угнетающих классов и, напротив, положительная оценка носителей революционного сознания. В этом смысле, например, понятна хрестоматийная популярность образа Робин Гуда, как «носителя активной классовой борьбы».

Несмотря на то, что советский период ушел в прошлое, плоды воспитательной работы, реализованной в это время, а также культурное наследие советской эпохи сохраняют свою актуальность и по сей день. Российское общество осуществило переход от социалистической к капиталистической модели отношений, сформировалась рыночная экономика, наметились тенденции усугубления различий в уровне жизни населения. И на фоне всех этих процессов вполне закономерной становится тенденция роста социального недовольства, а также возникновения спекуляций по поводу социальной справедливости, ориентированных на развитие деструктивных моделей действия.

В современном российском обществе деструктивная реализация идеи социальной справедливости связана, в первую очередь, с развитием левого радикализма. Речь идет о реализации деструктивного потенциала общества, связанного с расхождением в уровне жизни населения, осознание которого неминуемо приводит к негативному отклику [2]. На этом фоне богатство рассматривается в качестве «доказательства» причастности либо самого носителя материальных ценностей, либо его родственников к противозаконным схемам личного обогащения.

Связывание богатства и честности представляет собой один из ведущих стереотипов, реализуемых на уровне леворадикальной идеологии. Что характерно, подобного рода установки делают неприемлемым личный социальный рост, поскольку стремительное изменение социальных условий может быть негативно расценено привычным социальным окружением. Одновременно с этим, признание зажиточной части населения скрытыми преступниками определяет моральный аспект противоправной деятельности в их адрес, которая рассматривается как «восстановление справедливости», «наказание».

Очевидно, что для современного общества подобного рода установки являются деструктивными, причем речь идет не только о негативных последствиях развития леворадикальных течений, но и о спонтанной преступной деятельности, вызванной агрессией в адрес более зажиточных членов общества. Кроме того, факт неприятия зажиточного населения страны определяет скрытую табуированность личного развития, которое также может быть расценено как свидетельство причастности воровству, коррупционным схемам и т. д.

Для российского общества крайне важно наладить доверительные отношения между различными по критерию социальных возможностей слоями населения. И в этом смысле необходимо, с одной стороны, чтобы граждане доверяли государству соблюдение принципов социальной справедливости, с другой – чтобы принятые на уровне общественного сознания представления о путях достижения благосостояния корректировались в соответствии с реалиями современного общественного устройства.

Библиографический список

1. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с.

2. Нугаев М.А., Нугаев Р.М. Левые идеологии в современной России: проблемы становления // ВЭПС. 2014. № 4. – С. 252–258.

THE IDEA OF SOCIAL JUSTICE AS THE BASIS OF SELF-JUSTIFICATION CARRIERS DELINQUENT BEHAVIOR

Svetikov Sergey A.
Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar

Summary. The concept of social justice represents object of extensive political speculation. Along with it the category of social justice acts as the basis of justification of illegal activity in relation to rich members of society. In article the review of destructive forms of realization of the idea of social justice in the environment of society is carried out.

Keywords: society, social justice, delinquent behavior, justification of destructive activities.

РАБОТА С СЕМЬЕЙ ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Скляренко Инна Сергеевна,
(Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Домодедово)
e-mail: ic-k@mail.ru
Курипченко Юлия Игоревна
(ОУУППДН МУ МВД России «Орехово-Зуевское», г. Орехово-Зуево)
e-mail: GHart2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается о профилактике девиантного поведения несовершеннолетних и родителей. Авторы предлагают работу с семьей группы социального риска рассматривать как условие профилактики девиантного поведения. Рассматриваются основные элементы профилактической работы с семьями группы социального риска.

Ключевые слова: семья, группа риска, взаимодействие, профилактика, условие, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних.

Существенные изменения в социальной, политической, экономической сферах жизни общества оказали влияние на преобразование современной семьи. Возросло количество семей, которые можно отнести к группе риска. При этом под *семьей группы социального риска* мы понимаем объект социально-педагогической деятельности, семью, имеющую трудноразрешимые проблемы, ограничивающие ее в возможности создания благоприятных условий для жизни и полноценного развития всех ее членов, особенно несовершеннолетних [2, С. 211-216].

К основным факторам попадания семьи в группу социального риска относятся: алкогольная и/или наркотическую зависимость родителей (родителя) и/или несовершеннолетних; судимость и суицидальные наклонности членов семьи; безработица и низкий уровень жизни семей; вербовка несовершеннолетних Исламскими Группировками (ИГ) и др. [6, С. 115-118]. К наиболее распространенным факторам относятся различные виды девиантного поведения родителей и/или несовершеннолетних, например делинквентность.

Так, за прошедшие годы наблюдается некая стабильность в совершении преступлений несовершеннолетними или при их соучастии. За январь-декабрь 2014 и 2015 годов в Российской Федерации несовершеннолетними или при их соучастии совершено каждое двадцатое расследованное преступление (5,0%; 4,9%). За январь-сентябрь 2017 года каждое двадцать седьмое (3,7%) [5]. Наблюдается тенденция сокращения преступлений, однако в масштабах страны проблема преступности несовершеннолетних остается весьма острой. Анализ преступлений, совершенных несовершен-

нолетними показывает, что наиболее распространенными мотивами делинквентных поступков являются: корысть, насилие, эгоизм, желание развлечься, демонстрация силы и смелости, утверждение себя в глазах сверстников, получение престижных вещей и др., что в целом свидетельствует о снижении уровня моральных качеств личности [6, С. 115-118].

Указанные факты обуславливают необходимость профессиональной, компетентной социально-педагогической помощи семьям группы социального риска со стороны сотрудников отделов ПДН. Социально-педагогическая деятельность сотрудников отделов ПДН по работе с семьями группы социального риска включает три основные составляющие: диагностическую, профилактическую и реабилитационную.

Мы полагаем, что эффективность социально–педагогической деятельности сотрудников отделов ПДН с семьями группы риска зависит от ее осуществления на системной основе. Системность предполагает не стихийную, эпизодическую деятельность от случая к случаю, а целенаправленную, планомерную и комплексную работу сотрудников ПДН. При этом системный подход в социально-педагогической работе с семьями группы риска обеспечивает постоянный контроль, диагностику и соответствующую ей профилактику. Смысл же комплексности социально-педагогической работы, заключается в том, что она осуществляется сотрудниками ПДН во взаимодействии со школьными социальными педагогами, психологами, учителями, классными руководителями, комиссиями по делам несовершеннолетних и защиты прав (КДН и ЗП), участковыми (на закрепленных участках), оперативными сотрудниками полиции, социальными работниками и социальными службами [6, С. 115-118].

Рассмотрим профилактическую составляющую социально-педагогической деятельности сотрудников ПДН.

Под профилактикой понимают комплекс мероприятий, направленных на предупреждение, устранение факторов риска в какой либо области. Как любая деятельность профилактика основывается на комплексе условий, необходимых для ее осуществления.

В прямом смысле «условие» понимается как: 1) обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; 2) правила, установленные в какой-нибудь области жизни, деятельности; 3) обстановка, в которой что-нибудь происходит [3, С. 25-29].

Говоря об условиях профилактики девиантного поведения, одним из приоритетных мы выделяем - работу сотрудника ПДН с семьями группы социального риска. Профилактическая работа с несовершеннолетними группы риска по делинквентности, находится в прямой пропорциональной зависимости от работы с семьей. Несовершеннолетние, попавшие в группу риска по делинквентности, уже исходя из этого факта, ставят свои семьи в один ряд с общей категорией «семья группы риска». То же самое касается и деликвентного поведения родителей. Отсюда возникает необходимость

осуществления непрерывного взаимодействия сотрудника ПДН с семьями группы социального риска.

Многолетний практический опыт показывает, что подобная работа по взаимодействию включает следующие стуктурные элементы: основополагающие принципы, содержание и социально-педагогический инструментарий [6, С. 115-118].

Принципы организации социально-педагогической деятельности сотрудников отделов ПДН с семьями группы социального риска основываются на законодательной базе: Конституции РФ; на ФЗ №3 от 07.02.2011 г. «О полиции»; на Должностном регламенте инспектора ПДН и др..

Содержание социально-педагогической деятельности с семьями группы риска состоит в оказании им комплексной помощи, реализующейся во взаимодействии с различными органами, организациями и службами.

Опираясь на разработанные технологии деятельности социального педагога с неблагополучными семьями, мы полагаем, что социально-педагогическая деятельность сотрудника ПДН с семьями группы риска включает четыре этапа [7, С.132-133.]. Во-первых, диагностический, задача которого состоит в выявлении семей группы риска и детей, находящихся в социально опасном положении. Во-вторых, учетно-постановочный предполагающий постановку семьи, находящуюся в социально опасном положении, на учет в Территориальный центр социальной помощи семье и детям. В-третьих, этап планирования, подразумевающий разработку плана индивидуально-профилактической работы с семьей группы риска и ее несовершеннолетними членами. В-четвертых, реализационно-контролирующий – этап по реализации плана индивидуально-профилактической работы с семьей группы социального риска и ее несовершеннолетними членами, контроль за его выполнением.

Социально-педагогический инструментарий подразумевает *формы*, *методы*, *приемы* и *средства* работы с семьями группы риска сотрудников ПДН. *Форма* работы представляет собой разновидность непосредственного и опосредованного взаимодействия сотрудника ПДН с семьей группы риска. К особо действенным, зарекомендававшим себя на практике, мы относим: разнообразные посещения, рейды, учетные карточки. Так, посещение семей на дому осуществляется с целью их контроля и поддержки. В зависимости от специфики проблем, посещения могут проводиться совместно с другими должностными лицами. Посещение образовательных учреждений необходимо для выявления детей из семей группы риска. Дневные, вечерние и ночные рейды проводятся с целью выявления и профилактики случаев беспризорности, безнадзорности несовершеннолетних. Введение учетно-профилактических карточек на несовершеннолетних и учетно-профилактических дел на взрослых членов семьи группы социального риска способствует систематическому контролю [6, С. 115-118].

В заключении отметим, что социально-педагогическая деятельность сотрудника ПДН проистекает, в первую очередь, из комплекса мероприятий по диагностике, профилактике и реабилитации семей, попавших в группу социального риска. Профилактика, как одно из направлений социально-педагогической деятельности, включает в себя множество условий для ее реализации. В вязи с тем, что девиантное поведение несовершеннолетних и/или родителей является сегодня одной из актуальных проблем - «запущенное» состояние семей группы социального риска, то мы выделяем работу с семьями группы социального риска, как одно их приоритетных условий профилактики девиантного поведения. Именно профилактическая работа с семьей есть то обстоятельство, от которого зависит быть или не быть девиантному поведению у несовершеннолетнего.

Библиографический список

1. Галагузова М.А., Мардахаева Л.В. – Методика и технологии работы социального педагога / - М., 2008 г.

2. Курипченко Ю.И. Взаимодействие сотрудника ПДН с семьей в патриотическом воспитании подростков: сборник материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции ФСИН. – Рязань: Академии ФСИН России. Т.3, №2, 2017 г. - С. 211-216.

3. Курипченко Ю.И. Педагогические условия подготовки будущих сотрудников ПДН к работе с семьей группы риска: журнал «Среднее профессиональное образование». – М.; №6, 2017 г. - С. 25-29.

4. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации».

5. Сайт МВД РФ. Состояние преступности: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: www.mvd.ru

6. Скляренко И.С., Курипченко Ю.И. Социально-педагогическая деятельность сотрудников отделов ПДН с семьями группы риска: сборник Российского Государственного Социального Университета. – М.: РГСУ. 2015 г. - С. 115-118.

7. Шептенко П.А. Технология работы социального педагога общеобразовательного учреждения: учебное пособие / П.А. Шептенко, Е.Н. Дронова, Л.Н. Гиенко; под ред. П.А. Шептенко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. - С.132-133.

WORK WITH FAMILIES AT SOCIAL RISK AS A CONDITION OF PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR

Sklyarenko Inna Sergeevna
All-Russian Institute of advanced training of employees of the interior Ministry of Russia, Domodedovo
Kuripchenko Yuliya Igorevna
Department of police commissioners for the Affairs of juvenile of Intermunicipal Department of the MIA of Russia "Orekhovo-Zuevo", Orekhovo-Zuyevo

Abstract. The article discusses the prevention of deviant behavior of juvenile and parents. The authors offer the work with families at social risk to consider as a condition of prevention of deviant behavior. Discusses the basic elements of preventive work with families at social risk.

Keywords: family, risk group, interactions, prevention, condition, police officer juvenile, juvenile.

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОДНОГО ИЗ ФАКТОРОВ ДЕЗАДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Стригуненко Юлия Владимировна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: rosy27@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению девиантного поведения молодежи как одного из факторов дезадаптации в современном российском обществе. Автор обращает внимание на особенности различных видов адаптации. Основная задача общества – создать такие условия, чтобы молодой человек сумел найти свое место в жизни, другими словами успешно адаптировался, не переходя грани доступных как моральных, так и правовых норм.

Ключевые слова: социальная адаптация, девиантное поведение, молодежь, адаптивность, виды адаптации.

Исследователи проблем социальной дезадаптации зачастую вполне справедливо обращают внимание на достаточно тяжелый соционормативный кризис российского общества. В результате данного процесса нередко происходит дезориентация личности, особенно – подростков и молодежи, не имеющих должного социального опыта. Кризис соционормативной системы дезориентирует людей, актуализирует негативные социальные явления и процессы, дестабилизирует социум.

Впервые проблема социальной адаптации молодежи остро встала в постперестроечной России. В это время глобальные реформы захлестнули страну, сломали систему морали, существенно перевернув все нравственные ценности. Процесс социализации как передачи молодому поколению норм и традиций, выработанных предшествующими поколениями, нарушился, так как кардинально изменилась идеология, не оставляя иного выбора как самую что ни на есть настоящую борьбу за выживание.

В толковом словаре Ожегова «адаптация» трактуется как приспособление организма к изменяющимся внешним условиям [1]. Учебники же социологии говорят об адаптации как о процессе приспособления человека к условиям социальной среды [2].

Для успешной адаптации необходимо принятие норм и ценностей социальной среды. Адаптация является начальным процессом включения в интегральную и социальную среду, образовательную и профессиональную среду.

Существует несколько видов адаптации: биологическая, этническая, психологическая и социальная.

Биологическая адаптация заключается в приспособлении к окружающему миру путем эволюции. Биологическая адаптация проявляется в изменении человеческого организма для более эффективной жизнедеятельности. Физическое и психологическое здоровье является сопутствующим фактором адаптации. Чем выше уровень этих факторов, тем эффективнее проходит адаптация.

Этническая адаптация – это вид социальной адаптации, который включает приспособление этнических групп к условиям их расселения и территории проживания. Проблема адаптации этнических меньшинств заключается в расистском отношении к ним коренных жителей.

Психологическая адаптация, наиболее значимая для нашего исследования, отмечается в любой форме адаптации. Психологическая адаптация - это процесс психологической включенности личности в системы социальных, социально-психологических и профессионально-деятельностных связей и отношений, в исполнение соответствующих ролевых функций. Психологическая адаптация человека осуществляется в следующих сферах его жизни и деятельности:

- в социальной (политических, нравственных, правовых и др.);
- в социально-психологической сфере;
- в сфере взаимосвязей с экологической средой;
-в сфере профессиональных, учебно-познавательных и других деятельностных связей и отношений личности.

Человек способен адаптироваться пассивно и активно. При пассивном адаптировании человек не меняет того, что окружает его.

Помощь в адаптации молодому человеку могут оказывать не только его родители, учителя и преподаватели, но и специально подготовленные

психологи. Влияние, которое психолог способен оказать на подростка, способствует более успешному процессу адаптации. Он помогает легче переживать те или иные «кризисы», которые могут возникнуть в процессе адаптации. Работая с таким специалистом, подросток формирует и развивает в себе полезные адаптивные качества, повышает адаптивные способности и с этим всем повышается эффективность включение подростка в окружающую его деятельность.

Адаптивность является одним из определяющих факторов психологического здоровья человека, самоактуализации и фактором успешной самореализации.

Девиантное поведение – это поведение, отклоняющееся от наиболее распространенных, принятых, а так же устоявшихся норм и стандартов поведения [3].

М.И. Рожков понимает отклоняющееся поведение как «отклонение от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и культурных ценностей, саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит» [4].

Проблема распространения девиантного поведения у подростков охватывает большие масштабы и, безусловно, нуждается в профилактике, разработке методов предотвращения и предупреждения.

Существует большое количество научной литературы и статей, которые посвящены анализу проблемы девиантного поведения. Становление «Социологи отклоняющего поведения» как науки начало развиваться в середине XIX века, но пика своего развития она достигла в XX веке. Нельзя оставить без внимания труды таких ученных, как Э. Дюркгейма [5], А. Бандуры [6], З. Фрейда, П.П. Блонского [7], М. Мидта, А.С. Макаренко, Р. Мертона, И.С. Кона и других.

Наибольшую тревогу и опаску в современном мире вызывает такой вид девиации подростков как преступность. Массово-коммуникативное, агитационное, пропагандистское воздействие криминала на общество, активное распространение его социокультурных устоев, охват наименее устойчивой части населения – молодежи – конструирует содержание системной социальной проблемы [8].

Чаще всего, у подростков причины социальной девиации кроются в недостатке воспитания. Так же свой вклад в развитие девиации у подростков вносят побеги из дома, бродяжничество и попадание в ассоциальную компанию сверстников. Первые побеги подростки совершают из-за страха наказания или для того чтобы выразить протест, обратить на себя внимание, но позже эти, как кажется, безобидные акции протеста превращаются в условно-рефлексивный стереотип.

В одной из своих работ Б.С. Братусь [9] выделяет следующие признаки девиантного поведения:

- социальная дезадаптация;

- возрастно-половое и индивидуальное своеобразие;
- отклоняющееся поведение личности — это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам;
- девиантное поведение можно охарактеризовать как стойко повторяющееся (многократное или длительное);
- девиантное поведение должно согласовываться с общей направленностью личности;
- девиантное поведение рассматривается в пределах медицинской нормы;
- девиантное поведение наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям. Таким образом, девиантное поведение деструктивно или аутодеструктивно.

Мертона основывается на представлениях о девиации как разрыве между культурными целями и социально одобряемыми способами их достижения. В соответствии с этим он выделяет четыре возможных типа девиации:

Инновация, предполагающая согласие с целями общества и отрицание общепринятых способов их достижения (шантажисты, создатели «финансовых пирамид», великие ученые и другие).

Ритуализм, ставит своими задачами отрицание целей данного общества и преувеличение значения способов их достижения.

Ретретизм или бегство от действительности, выражается в отказе и от социально одобренных целей, и от способов их достижения (пропойцы, наркоманы, бомжи и другие).

Бунт, отрицает и цели, и способы, но стремится к их замене на новые (революционеры, стремящиеся к коренной ломке всех общественных отношений).

Зарубежные психологи, описывая девиантологию подростков, используют термин «дети с проблемами». Этот термин является более гуманным по отношению к ним и их родителям.

Итак, девиантное поведение может проявляться в разнообразных социальных отклонениях: нарушение норм морали, незначительные правонарушения, которые со временем могут перерасти в более тяжелые. Асоциальные проявления могут быть выражены во внешней поведенческой стороне, к развитию девиантного поведения ведет деформация ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, то есть деформация системы внутренней регуляции поведения [10].

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка, М., 2009. - 812 с.

2. Волков Ю.Г. Социология. Учебник для студентов вузов; под ред. В.И. Добренькова.2-е издание. – М.: Социально-гуманитарное издание.; Р/н Д: Феникс,2007. -572 с.

3. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения, Издательство: Речь, 2005. - 260 с.
4. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением: Учеб.-метод. пособие / под ред. М. И. Рожкова. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2001. - 240 с.
5. Дюркгейм Самоубийство. Социологический этюд. - СПб, 1912.
6. Бандура А. Теория социального научения, СПб, 2000. - 231 с.
7. Блонский П. П. Проблема реальности у Беркли. — К.: «Типография Императорского Университета Св. Владимира», 1908. -154 с.
8. Стригуненко И. К. Предупреждение девиантного поведения курсантов и слушателей учебных заведений МВД России. Краснодар, 2013. - 160 с.
9. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М., 1988. – 301 с.
10. Петрусевич Д.Ф. Сущностные характеристики девиантного поведения подростков. Вестник ТГПУ. Выпуск 6 (108), 2011.

TO THE QUESTION ABOUT THE STUDY OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH AS A FACTOR OF EXCLUSION IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Strignano, Julia V.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. This article considers the deviant behavior of youth as one of the factors of maladjustment in the modern Russian society. The author draws attention to the characteristics of different types of adaptation. The main objective of the society is to create such conditions that young man managed to find his place in life, in other words successfully adapted, not going beyond the available both moral and legal norms.

Key words: social adaptation, and deviant behavior, youth, adaptability, adaptation types.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ О СОЦИАЛЬНО СБЕРЕГАЮЩЕМ ПОВЫШЕНИИ АВТОРИТЕТА ГРАЖДАНСКИХ ИНСТИТУТОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ)

Сыровикин Антон Андреевич
e-mail: 9aas.info@arbitr.ru

Аннотация. Настоящая публикация посвящена диалектическому развертыванию проблемы о повышении авторитета гражданских институтов на примере правовой проблематики. Исходной авторской позицией будем считать следующее. Изначально принято, что регуляцией системы права

занимается государство. Оно выстраивает определенную политику, дает запрос на необходимость наличия тех или иных специалистов, но в конечном итого мы приходим к тому, что если право регулируется государством, то его самостоятельные функции начинают тормозится. В идеале право должно строится на валюте авторитета.

Ключевые слова: общество, право, авторитет, социальная регуляция, гражданские институты.

Являясь социальным институтом право ответственно за реализацию фундаментальных человеческих потребностей. Эти потребности являются личными постольку поскольку каждая личность является частью общества и имеет социальную природу. Вместе с тем, право как социальный институт тесно связано с потребностью государства в управлении и регулировании основных социальных процессов общества. Право определяет границы дозволенного в индивидуальном поведении. При этом так же определяются границы дозволенного в действиях государства. Право является регулятором общественных отношений. Однако в отличие от морали и нравственности правовое регулирование имеет свои отличительные признаки.

Первым и наиболее значимых из таких признаков является поддержка государства. Стоит понимать, что правовая система как социокультурный феномен гражданского волеизъявления релятивно. Иными словами конкретные исторические типы правовой реальности имеют различную природу и представляют собой разнообразное сочетание субъект объектных отношений, формирующих правовую реальность.

Если полагать что право является предметом научного знания, т в этом смысле релятивизм правоотношений требует снятия. Наука по своей сущности стремится к выявлению объективной целостности знания, а предметом права является социальная справедливость в действии. Таким образом, наука о праве предполагает объективное исследование социальной справедливости в ее практическом аспекте. Наука о праве, предполагает наличие объективной социальной справедливости, которая может быть исследована, познана и систематизирована. Наука о праве не может быть естественной наукой, так как ее объектная область – социум. Отсюда, снимая факторы субъективности в обоснованном полагании субъективности, наиболее общая наука о праве становится философия права. Эта дисциплина объединяет в себе как полагание научного стремления к объективности, так и сочетанию объективного с субъективным.

Философия права опирается на сочетание логики и аксиологии. Логика позволяет делать правильные выводы и применять общие правовые нормы в конкретике частных случаев. Аксиология представляет собой качественное наполнение системы права. Так же философия права связана с онтологией. Этот аспект связан с тем, что фундаментальный вопрос о природе права отсылает нас к ее крайним основаниям. Для архаичных культур

основанием права являются законы и принципы взаимоотношений, данные человеку божествами и другими сверхъестественными силами. На этом же принципе строится система религиозного права.

Прототипом правого прецедента являются архаичные обычаи. Общая структура любого обычая строится по следующему принципу. Первое: есть некий прецедентный случай, который выразил форму конкретного эффективного социального отношения к явлению или процессу в обществе. Или же напротив, существует прецедент неэффективного социального действия или отношения, которое повлекло за собой конкретные санкции.

Если прецедентный факт сохраняется в культуре, он приобретает культовое значение. Если прецедент исчезает из предметной области социального сознания, то связанные с ним наборы действий деонтологизируются и табуируются. На общем социальном уровне обозначенные процессы выражаются в качестве примет, обычаев, табу.

Нередко архаичное основание права входит в конфликт с современным гражданским правом. Это связано с тем, что общество со временем совершенствует теорию и практику правоотношений. Меняется социальная реальность, модернизируется аксиология. В результате современное понимание принципов права нередко диссонирует с архаичными формами правопонимания. В результате общество регулярно сталкивается с консервативными и модернистскими тенденциями.

Правовое консерватизм исходит из того, что любое общество на стадии развития содержит ряд погрешностей, выражающихся в качестве общественно порицаемых или неоднозначно принимаемых явлений. Представители правового консерватизма исходят из невозможности гражданского регулирования деструктивных последствий модернизации. Как следствие, возникает идея запрета ряда разновидностей человеческой деятельности. Такого рода запреты, в силу иррациональности консерватизма, далеко не всегда касаются деструктивных нововведений. Правовой консерватизм с одной стороны, направлен на сохранение традиционных ценностей, но его погрешностью является тенденция к затормаживанию современных социальных процессов и соответствующее ограничение индивидуальной свободы.

Правовой модернизм имеет в своем основании идею постоянного развития общества. Развиваясь, социальные институты трансформируют систему коммуникации, повышают уровень не правовой гражданской ответственности, основанной на принципе соблюдения прав и свобод других граждан. Правовой модернизм предполагает добровольное самоограничение государственной власти за счет повышения авторитета гражданских институтов.

SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEM ABOUT THE SOCIAL SAVING INCREASE THE AUTHORITY OF CIVIL INSTITUTIONS (FOR EXAMPLE LEGAL ISSUES)

Surovikin Anton Andreevich

Abstract. This publication focuses on the dialectical deployment of the problem of increasing the authority of civil institutions on the example of the legal issues. The original author's position, we assume the following. Initially, it is assumed that the regulation of law is engaged in the state. It builds a certain policy, provides a request for the need for certain specialists, but finally we come to the fact that if the law is regulated by the state, its independent functions start is inhibited. Ideally the right should be based on the currency of credibility.

Keywords: society, law, authority, social regulation, civil institutions.

ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕВИАЦИИ КАК ВИД ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП)

Терещенко Жанна Анатольевна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: zhanna.tereshchenko@mail.ru

Аннотация: В научной статье ставится проблема о возможностях рассмотрения этнических девиаций, как вид противоправного поведения (на примере этнических преступных групп)

Ключевые слова: этнические девиации, этнические преступные группы, аддиктивное поведение, этнокультурный критерий, культурные и субкультурные традиции, этностереотипы, этнокультурные нормы, стереотипы поведения, этнокультурные аспекты аддиктологии, этноцентризм.

В настоящее время в современных исследованиях в области этнопсихологии, как науки, а также юридической, криминальной психологии, социологии, политологии, криминологии, уголовного права и многих других науках, в России и в странах Европы отводится особое внимание изучению различных форм противоправного поведения, а именно совершение преступлений в составе преступных групп, организованных преступных групп.

В точки зрения права, противоправное поведение можно определить как действия лица, нарушающего нормы права, т.е. общеобязательные правила поведения в обществе, закрепленные в соответствии с Конституцией РФ.

В научном исследовании ставится проблема о возможностях рассмотрения этнических девиаций, как вид противоправного поведения на примере этнических преступных групп.

Под этническими девиациями сегодня предлагается понимать полное или частичное неприятие (отрицание) со стороны отдельных этнических групп, этносов и народов (народностей) морально-этических, правовых, корпоративных, традиционных, религиозных и иных норм и правил [9]

Этнические девиации можно проследить, в сфере индивидуального поведения конкретного лица, совершающего, как правонарушение, так и преступления. Как правило, преступления совершаются конкретными лицами, т.е. преступниками в составе преступных групп. Такие отклонения определяются как групповые.

При проведении исследований рассматривается фактор формирования преступных групп по этническому признаку. Изучаются вопросы противоправного поведения этнических групп. Выделены основные признаки и свойства этнической преступности. Обращается особое внимание на многоплановость данного негативного социального явления. Практическая значимость исследования состоит в разработке системы мер по предупреждению деятельности организованных этнических преступных групп.

В настоящее время существуют фундаментальные работы отечественных исследователей, посвященные уголовно-правовым, криминологическим, социологическим, психологическим аспектам преступности в целом и организованных ее форм, в частности.

Современные отечественные ученые, в своих исследованиях особое внимание уделяют изучению противоправного поведения этнических групп.

По мнению ученых, важно выявить криминогенные, социальные и психологические аспекты современных этнических процессов, происходящих в России и других странах Европы. В изменяющихся условиях (трансформация социально-политических институтов, изменение экономических условий и др.) обычаи и традиции, веками определяющие уклад жизни этносов, обеспечивающие устойчивость социальных институтов, находят приложение в рамках криминальной деятельности, следовательно, одна из характеристик криминальных групп - это этнический или национальный состав ее членов.

Этнические преступные группы формируются по принципу землячества и представляют монолитное национальное братство. Эти группировки отличаются глубокой конспирацией, жесткой дисциплиной, национальной обрядностью, приверженностью кровному родству, дерзостью совершаемых правонарушений и способностью к самопожертвованию [3]

Иногда в состав национальных группировок входят представители других этносов.

Необходимо отметить, что этнические преступные группы, в отличие от территориальных, формируются на основе национального и кланового родства, принятых традиций и обычаев. Не случайно их часто называют «общинами». В своей преступной деятельности они существенно опираются на диаспору, проживающую в данной местности [16]

В соответствии с Уголовным Кодексом РФ «преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях».

Рассматривая психологические особенности организованных преступных групп, ученые в области криминальной психологии выделяют следующие аспекты:

- стремление лидеров преступных групп легализовать свою деятельность, работать под прикрытием официальных фирм и ассоциаций;
- осуществление контроля над всеми прибыльными формами противозаконной деятельности, включая обналичивание денег, азартные игры, проституцию, распространение наркотиков и т.п.;
- реализация (отмывание) денег, полученных преступным путем;
- экспансионистские и монополистические тенденции организованной преступности в масштабах региона;
- транснациональный характер преступной деятельности, т.е. совершение преступлений за пределами государства базирования, на территориях функционирования
- высокая социально-психологическая сплоченность криминальной группы;
- наличие организатора и руководящего ядра;
- иерархическая структура группы; устойчивая корыстная направленность;
- четкое распределение функций, реализуемых при выполнении преступных акций;
- жесткая дисциплина с беспрекословным подчинением по вертикали, основанная на групповых законах и нормах; система жестких наказаний, вплоть до физического устранения;
- финансовая база для постоянного решения задач группы;
- сбор информации о выгодных и безопасных направлениях преступной деятельности;
- масштабный межрегиональный и транснациональный характер преступной деятельности [1].

Организованная преступность отличается диверсификацией - тенденцией постоянной экспансии на все новые сферы жизнедеятельности общества, освоением новых направлений преступной деятельности, особенно тех, которые поддаются легализации [2].

Участники организованных преступных групп, как правило, обладают психическими особенностями профессиональных преступников, они осуществляют систематическую специализированную преступную деятельность в целях получения постоянного преступного дохода, хорошо владеют технологией социально-групповых функций, внедрены в преступную субкультуру [4].

Среди участников преступной организованной группы можно выделить несколько криминальных типов: лидеры преступных сообществ, руководители специализированных преступных организаций, руководители гангстерских преступных структур, групп силового прикрытия, исполнители. Общей их личностной особенностью является гипертрофированная корыстность, жестокость, антисоциальность, цинизм и уверенность в безнаказанности, преданность требованиям преступной среды, групповой фаворитизм и межгрупповая дискриминация. Нижние звенья преступных организаций вербуются, как правило, из маргинальной среды [18].

Этнические преступные группы, в отличие от территориальных, формируются на основе национального и кланового родства, принятых традиций и обычаев. Не случайно их часто называют «общинами». В своей преступной деятельности они существенно опираются на диаспору, проживающую в данной местности [14].

Другой аспект, осложняющий криминальную ситуацию, как например, на Украине - это проблема этнических конфликтов в данном государстве, граничащем с Россией.

Несомненно, любой этнический конфликт, когда действия его субъектов носят характер открытого противостояния, характеризуется значительными потерями лиц, проживающих на территории того или иного этноса, миграцией, т.е. выездом лиц из государства, в целях безопасности, это и материальные потери, следовательно, действия какой-либо стороны можно расценить как преступные по отношению к другой стороне.

Каждый из типов конфликтов (конфликты «неуправляемых эмоций», «идеологических доктрин», «политических институтов») способен привести к преступлениям на этнической почве, в том числе к экстремизму, терроризму, массовым преступлениям против личности, преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства [19].

Этнические конфликты и этнорелигиозный терроризм в целом представляют огромную опасность не только для России, но и для всего мира в целом.

К криминогенным тенденциям этнических процессов также следует отнести проявление этноцентризма, национализма в области межнациональных отношений, пренебрежительное отношение к критическим этносам.

Понятие «этноцентризм» ввел в научный обиход в начале XX в. американский ученый У. Самнер. Позиции зарубежных психологов в объясне-

нии влияния этноцентризма на процесс формирования этнических стереотипов и предрассудков основы ваются на двух подходах [8].

По мнению сторонников первого из них, почва, на которой развивается этноцентризм, — это конкуренция и соперничество между группами за обладание определенными ресурсами. Этноцентризм возникает, как реакция на конфликт и угрозу со стороны других групп. В основу этого подхода заложен постулат о существовании изначальной межгрупповой враждебности [11].

Многие ученые, придерживающихся второго подхода, считают этноцентризм одной из самых существенных базовых характеристик личности, определяющей враждебный характер ее поведения в межэтнических отношениях. В этом случае конфликт между группами интерпретируется как проективный симптом внутренних психологических состояний индивида (например, врожденной агрессивности).

Качественное изменение этноцентризма происходит в тех случаях, когда он наполняется политическим и идеологическим содержанием, т.е. из сугубо внутреннего отношения превращается во внешнюю готовность к действиям. Наиболее часто встречающимся примером политизированных движений, с которыми увязывают стратегию поведения одного этноса по отношению к другим, является понятие *национализм* [21].

Данные негативные явления приводят к криминальной миграции различных этносов и находятся во взаимосвязи с этнической преступностью. Этническую преступность можно определить, как массовое, исторически изменчивое, социально-правовое, антиобщественное явление, слагающееся из совокупности действий, запрещенных уголовным законом (преступлений), совершаемых на определенной территории в тот или иной период времени по линии этнической общности [12].

Этническая преступность многопланова. В узком смысле этим понятием охватываются преступления, совершаемые по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти и вражды либо кровной мести [20]

Это, прежде всего, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); преступления против жизни и здоровья по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти (гл. 16 УК РФ); преступления против собственности, если присутствует мотив национальной розни (гл. 21 УК РФ).

В широком смысле понятием «этническая преступность» охватываются все преступления, совершаемые в сфере межнациональных отношений, в области национально-государственного и социального управления.

Преступления этнической направленности в большинстве своем носят групповой характер. Это связано с тем, что этническая преступность является следствием протекающих межнациональных конфликтов в стране или регионе. А субъектами данных конфликтов, как правило, являются национально-этнические меньшинства, коренные малочисленные народы и

другие этнические общности. В силу этого, этническая преступность носит групповой и организованный характер [17].

К преступлениям, совершаемым этническими группами и формированиями, следует, прежде всего, отнести:

- этнополитические преступления (например, насильственный захват власти - ст. 278 УК РФ);

- совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (ст. 35 УК РФ) - в том числе преступления транснационального характера;

- организацию преступного сообщества (ст. 210 УК РФ);

- терроризм (ст. 205 УК РФ); организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ); возбуждение ненависти, либо вражды (ст. 282 УК РФ);

- преступления экстремистской направленности (ст. 280, ст. 282.1-282.2 УК РФ); геноцид (ст. 357 УК РФ);

- преступления, совершаемые мигрантами по линии этнической общности. Последние из указанных преступлений имеют «разносторонний» характер (насильственные преступления, преступления в сфере экономической деятельности, транснациональные преступления).

Преступления экстремистской направленности представляют особую опасность.

С.Н. Ениколопов, в своих исследованиях обращает внимание на следующие психологические особенности личности преступника террориста.

Среди террористов отмечаются люди с психопатией, раздвоением личности и т.п. отклонениями, для которых характерно отнесение себя к «хорошим людям», а остальных к “нехорошим”. Отсюда, кто не с ними, тот против них, т.е. все те, кто не они – это враги. Тем самым такие группы террористов чувствуют себя в своей стране «чужими» среди других этносов. Ими не воспринимаются их ценности. Поэтому они ведут борьбу против других этносов внутри собственного государства. Это явление паталогизированного противостояния наблюдается во многих странах, что и питает такое явление, как терроризм. Такие террористы чувствуют себя «героями». Национальная идентичность начинается с 12-14 лет, и искаженное восприятие себя по отношению к другим этносам остается на всю жизнь. Из них вырастают фанатики. Этнические организованные преступные группы (ОПГ), в том числе террористической направленности, с таким восприятием этнического противостояния ставят и достигают только собственные цели в ущерб целям других этносов.

Эти этнические фанатические особенности не учитываются правоохранительными органами в борьбе с преступными, террористическими и экстремистскими организациями. Необходимы исследования фанатизма в стране [5].

Преступность очень тесно связана с миграцией.

Этнические организованные преступные группы тесно связаны с международным терроризмом. Призыв политиков в нашей стране - России к активному прямому участию в борьбе с международным терроризмом.

По мнению Д.М. Коломытц, главными направлениями с этнической организованной преступностью следует признать: установление контроля над финансовыми потоками ЭОПГ и миграцией Он отметил высокий уровень латентности этнической преступности, особенно той, которая связана с организованной преступностью. Этнические ОПГ формируются, как правило, по клановым, родовым признакам, т.е. принадлежности к определенным кланам, родам [15].

При выяснении содержания понятия «этническая преступность» следует учитывать абсолютно правильный, на наш взгляд, подход М.П. Клейменова, который считает, что «во-первых, «этническая преступность» - условный (операциональный) термин, охватывающий криминологическую реальность, которая связана с этническим фактором и проявляется в механизме преступной деятельности, в формировании криминальных объединений, непосредственно в совершении преступлений. Иными словами, эта дефиниция ни в коем случае не утверждает наличия криминального этноса, генетически «запрограммированного» на совершение преступлений, но указывает на гипотетическое существование корреляций (положительных и отрицательных) между этническими признаками и преступным поведением. Ключевыми здесь являются особенности этнической криминальной психологии.

Во-вторых, понятие этнической преступности фиксирует противоречия во взаимоотношениях между представителями различных этносов, которые реализуются в криминальной форме, например, в виде массовых беспорядков, погромов, поджогов и т.п.

В-третьих, этническая преступность выражает патологию отношений внутри этноса, когда жертвами преступлений становятся соплеменники правонарушителей» [7].

Среди всех преступлений, совершаемых организованными преступными группами или преступными сообществами (преступными организациями), самую большую долю занимают тяжкие и особо тяжкие преступления - около 8о % [21].

Если же взять для сравнения данные общей статистики преступности, то доля тяжких и особо тяжких преступлений также стабильна, но составляет около 55-58 % [3] Это свидетельствует о чрезвычайно высокой степени общественной опасности не только преступлений, совершаемых организованными преступными группами, но прежде всего самих организованных групп и сообществ.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует о том, что сегодня в значительной степени основой деятельности преступных сообществ

(преступных организаций) является экономика (30-40% преступлений, совершаемых преступными организациями)

Среди преступных сфер деятельности организованных групп (сообществ), следует отметить те, которые за последние 5-10 лет приобрели угрожающие для Европы и всего мира размах и масштабы: международный терроризм, захват заложников, вербовка, финансирование и обучение наемников, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, торговля оружием, а также контрабанда, незаконная эмиграция, эксплуатация проституции третьими лицами. Все эти преступления имеют характер транснациональных преступлений.

Накопление капитала преступными формированиями, внедрение его в легальный гражданский оборот, а также использование за пределами страны позволяет получать значительные преимущества в конкурентной борьбе, создает неблагоприятный климат для любых инвестиций и ведет к подрыву национальной экономики. Привлечение средств из

незаконных финансовых источников вызывает, в свою очередь, дестабилизацию кредитных организаций, угрожает самостоятельности банковской системы в целом [6].

В теории психологии, криминологии выделяется различное количество признаков, характеризующих организованные преступные формирования как элементы организованной преступности. Они достаточно типичны, однако если говорить об организованной этнической преступности экономической направленности, то можно выделить следующие признаки:

- руководящее ядро, как правило, коллегиальный орган, в котором управление формированием осуществляется группой лиц, имеющих фактически равное положение;

- определенную иерархическую структуру, отделяющую руководство от непосредственных исполнителей путем разделения формирования на составные группы, наличия промежуточного руководящего ядра и т.п. - такая структура управления избавляет руководителей от необходимости непосредственной организации или совершения конкретных преступлений;

- достаточно четкое распределение ролей (функций), которые реализуются при выполнении конкретных заданий, обязанностей или в ролевом «должностном» поведении (боевики, контролеры, «смотрящие», телохранители и т.п.);

- жесткую дисциплину с подчинением по вертикали, основанную на собственных законах и нормах с санкциями за нарушение;

- профессиональное использование основных государственных и социально экономических институтов, действующих в стране, в целях создания внешней законности преступной деятельности (официальное прикрытие в виде совместных предприятий, фондов, фирм, казино и т.п.);

- финансовую базу в виде общих денежных фондов, недвижимости и т.п., для решения «общих» задач, позволяющую, кроме того, обеспечивать высокую техническую оснащенность;

- информационную базу, позволяющую иметь сведения о выгодных и безопасных направлениях преступной деятельности, применении специальных методов разведки и контрразведки;

- конспиративный характер преступной деятельности; наличие системы планомерной нейтрализации всех форм социального контроля [13].

Подводя итог, следует отметить, что в перспективе развитие транснациональной, в том числе этнической, организованной преступности будет определяться общей экономической ситуацией в стране и в мире. Если она не получит положительного развития, то наиболее крупные преступнее сообщества с высокой вероятностью предпримут попытку вновь поделить рынок влияния. При этом неизбежна очередная вспышка насилия и, возможно, межнационального насилия.

Необходимо отметить, что подразделения ОКОН, по борьбе с организованными преступными группами, ЦПЭ обладают достаточно мощным потенциалом, осознают опасность организованной преступности для общества, понимают истоки ее возникновения и психологический механизм функционирования и осуществляют рейдовые мероприятия, в ходе которых пресекают, предотвращают и не допускают совершение преступлений, активно осуществляют борьбу с криминальным контингентом лиц.

Итак, в борьбе с такими подвидами этнической преступности, как экстремизм, терроризм, организованная и насильственная преступность следует учитывать и применять меры правового, организационного, материального, технического характера.

Организационные меры борьбы с этнической преступностью включают вопросы повышения эффективности взаимодействия соответствующих субъектов в процессе борьбы.

Проблема повышения эффективности организационных механизмов в области расследования этнических преступлений включает следующие аспекты:

1. Обеспечение мобильности следователей, доступа к информационным базам данных. Требуется ускорить реализацию требований соответствующих Приказов Председателя Следственного комитета об организации использования следователями современных компьютерных учетных или аналитических программ.

2. Организация подготовки следователей с широким знанием криминалистики для качественного расследования преступлений в сфере межнациональных отношений.

3. Развитие института судебной медицины на местах, повышение знания следователя в области судебной медицины [10].

4. Содержание федеральной и региональной целевых программ по формированию и реализации комплексных мер по своевременному выявлению особо тяжких преступлений против личности, носящих признаки серийности, в том числе этнической направленности

Только лишь реализация комплексного механизма борьбы с преступлениями, совершаемыми организованными этническими группами, может привести к снижению их числа в России, в том числе и особо тяжких преступлений.

Библиографический список

1. Верин В.П. О некоторых вопросах судебной практики по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / В.П. Верин // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. -2005. - № 2. - С. 22.

2. Годунов И.В. Транснациональная организованная преступность в России: состояние, структур и особенности / И.В. Годунов II Российский судья. - 2002. - № 8. - С. 21.

3. Годовой отчет МВД РД на 1 января 2011 г. // Текущий архив МВД РД (Махачкала, 2000).

4. Гуров А., Ковалев Н. и др. XXI век против глобализации преступности // Московские новости. - 27 ноября 2000.

5. Ениколопов С.Н. , Мкртычян А.А. Психологичсекие последствия терроризма./ Вопросы психологии. М.,2008

6. Житкова Е.Л. Способы легализации имущества, добытого заведомо незаконным путем / Е.Л. Житкова // Гражданин и право. - 2006. - № 3. - С. 34.

7. Клейменов М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. - М.: Норма, 2008. с. 325-326.

8. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Академия, 2008.

9. Кузьмина Н.В. Этнические деликты и преступность как вид правонарушающего поведения: к постановке проблемы // Научный вестник Уральской Академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2011. №1 (14).

10. Кулыгин В.В., Этнокультура уголовного права.: Автореф. дис. .дра юрид. наук.- Владивосток, 2003. -С.7.

11. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) / В.В. Лунеев // Государство и право. - 2000. - № 11. - С. 27.

12. «Организованная преступность, терроризм и этнические проблемы», Д.М. Коломытц /М.,2003.

13. Пайн Э.А. Социальна природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. №8. - С. 115.

14. Пименов Н.А. Легализация денежных средств, добытых преступным путем, как угроза экономической безопасности / Н.А. Пименов // Финансовые и бухгалтерские консультации. -2007. - № 11. - С. 41.

15. Полицейское сотрудничество стран Центральной и Восточной Европы / Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). - М., 2001. - С. 73.

16. Попов В.И. Экономико-правовой, политический и национальный факторы организованной преступности на Северном Кавказе // Проблемы борьбы с организованной преступностью в Северо Кавказском регионе: Сб. научн. трудов. М., 2000. - С. 7.

17. Рашидханов Р.К. Проблемы борьбы с преступными сообществами в Республике Дагестан / Р.К. Рашидханов // Российский следователь. - 2005. - № 4. - 33.

18. Российская организованная преступность: новая угроза / под ред. Фила Вильямса. -М., 2000. - С. 145.

19. Сайгитов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан // Журнал российского права. 2004. № 3. - С. 45.

20. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 20 (91). Выпуск 14.

21. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: практикум: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008.

ETHNIC DEVIATION AS A SPECIES OF WRONGFUL CONDUCT (FOR EXAMPLE, ETHNIC CRIMINAL GROUPS)

Tereshchenko Zhanna A.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The article raises the problem about the possibilities of consideration of ethnic deviancy, as a kind of illegal behavior (on the example of ethnic criminal groups)

Key words: ethnic deviation, ethnic criminal groups, addictive behavior, ethno-cultural criteria cultural and subcultural traditions, ethnic stereotype, ethnic and cultural norms, stereotypes of behavior, ethnic and cultural aspects addiktology, ethnocentrism.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СПАЙСОВ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Титова Марина Петровна
(Институт социологии Федерального государственного бюджетного учреждения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), г. Москва)
e-mail: titovamp@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды, причины и последствия употребления подростками курительных смесей «спайсов». Приведены статистические данные по употреблению спайсов, а также методы профилактики по борьбе с наркозависимостью несовершеннолетних.

Ключевые слова: курительные смеси, несовершеннолетние, наркомания.

Наркомания в России не только приобрела крупномасштабные размеры, но и расширяет возрастные рамки – отмечаются случаи употребления химических наркотических препаратов детьми младшего школьного возраста, все чаще фиксируют детей в наркотическом состоянии, возраст которых 10-12 лет (статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-03-00616). За последние пять лет число наркоманов в стране существенно не меняется, а количество несовершеннолетних потребителей психотропных веществ возросло на 60%.

Средний возраст употребляющих наркотики 15-17 лет. Процентное соотношение среди всех лиц с наркотической зависимостью следующее: дети до 16 лет – 20% от общего количества; молодежь 16-30 лет – 60% от общего количества.

Сегодня широкое распространение среди молодежи приобрело употребление курительных смесей, так называемых спайсов. Спайс (от англ. «spice» – специя, пряность) – разновидность травяной смеси, в состав которой входят синтетические вещества и обыкновенные травы [3].

Синтетические вещества в несколько раз вреднее натурального тетрагидроканнабинола, входящего в состав марихуаны. Спайсы частично состоят из высушенных и измельченных растений и трав, а частично из синтетических химических веществ [1].

Как и марихуана, смеси, как правило, вызывают чувства, которые имитируют изменяющие сознание эффекты, действующие на мозг и тело. Смеси постоянно изменяются, поэтому невозможно узнать, что именно человек курит, что делает такие смеси потенциально опасными или токсичными.

Спайсы наиболее популярны среди старшеклассников, так как многие могут находиться под ложным впечатлением, что это менее опасно и более «естественно», чем другие наркотики. На сегодняшний день спайсы

являются одним из самых опасных курительных наркотиков. Основные места распространения и употребления наркотиков – школы, молодежные клубы и дискотеки. С ростом «молодежной» наркомании меняется и профиль наиболее употребляемых наркотических средств. С 2010 г. наблюдается рост потребления синтетических химических средств, в том числе спайсов и солей.

Спайс является травяным курительным сбором, который появился в Европе в период с 2004 по 2006 года. Вначале курительные смеси продавались в основном через интернет магазины совершенно легально, но нередко их можно было купить и в обычных магазинах. Растения, входящие в состав курительных смесей, содержат сильнейшие галлюциногены. Большинство из них произрастают на территории южной Азии и Южной и Северной Америки. Так как смеси готовятся в основном кустарным производством, невозможно отследить соотношение веществ в нем и, следовательно, трудно спрогнозировать последствия принятия этих наркотиков для назначения соответствующего лечения.

Последствия употребления подростками этих курительных смесей ужасающие. Спайсы вызывают агрессивное поведение по отношению к окружающим. Подростков одолевают галлюцинации. В связи с распространением спайсов увеличилось число суицидов среди несовершеннолетних. А некоторые погибшие дети не собирались покончить жизнь самоубийством – они просто путали окно с дверью, ничего не подозревая, шагали с крыши вниз. Спайсы оказывают негативное влияние в первую очередь на нервно-психическое, психологическое, а также физиологическое состояние человека. Ежегодно фиксируется более 10000 случаев летального исхода. Еще большим числом измеряется количество поступлений в отделения реанимаций.

Под маркой «спайс» производятся различные разновидности курительных смесей: Spice Silver, Spice Gold, Spice Diamond, и т.д. Помимо этого, в компьютерной сети «Интернет» и специализированных легальных и нелегальных торговых точках продаются смеси, для которых заявлено действие, аналогичное действию «спайс»: Yucatan Fire, Gidra, Smoke, Sence, Gorillaz, Space Truckin, Moon Rocks, Blue Lotus, Aroma, Scope и др., причем номенклатура этих разновидностей непрерывно увеличивается [2].

При запрещении одних курительных смесей, тут же выходят другие под новым названием. За последние 5 лет не только в России, но и во всем мире отмечен резкий рост популярности курительных смесей. Как и во всем мире, в России наиболее активными потребителями курительных смесей сегодня является молодежь в возрасте от 16 до 25 лет и даже более младшие дети из-за доступности и дешевизны этого наркотика.

Особую опасность представляет тот факт, что продажа такого вида наркотика производится лицам любого возраста, а заказ через интернет позволяет получить его с доставкой прямо на дом.

Самым опасным является то, что предугадать момент, когда наступит превышение нормы, невозможно. Кустарное производство этих химикатов приводит к тому, что равные по весу и идентичные по составу пакетики могут иметь совершенно разные компоненты. Осложнения от такого приема могут быть еще страшнее тяжелого отравления.

По официальным отчетам смерть от спайса в нашей стране ежегодно настигает 8 тыс. человек. Причем высокий процент гибели настигает подростков в возрасте от 14 до 16 лет.

Почему подростки приобщаются к наркотикам?

Как правило, спайс употребляют люди молодого поколения, подростки. В эту зависимость попадают подростки из неблагополучных семей, и чаще всего это именно они. Это происходит от невнимания со стороны родителей, подростки предоставлены сами себе во внеурочное время. Им нечем заняться – они не посещают кружки, спортивные секции, им неинтересны или материально недоступны культурные развлечения. Страшнее являются случаи, когда ребенок растет в семье взрослых наркоманов.

Дети из вполне благополучных семей также не защищены от опасности пристрастия к наркотикам. Чрезмерный контроль со стороны родителей в подростковом возрасте может стать причиной протестного поведения, которое может обернуться сначала пробой наркотических веществ, а затем и к более удручающим последствиям.

Нет лучшей профилактики употребления наркотиков в семейной политике как дружеские и взаимоуважающие отношения друг к другу всех членов семьи.

Как и другие виды наркотиков, спайсы подростки начинают курить в компаниях, сначала ради любопытства, насмотревшись и начитавшись рекламы. Вначале возникает эйфория, кайф, расслабление и уже после выкуривания нескольких доз спайсов. Наступает привыкание с ужасающими последствиями [6].

Благодаря тому, что курительные смеси достаточно долгое время были в свободной продаже, их употребление получило широкое распространение. Во всем мире до 70% лиц от 14 до 25 лет хотя бы один раз попробовали спайс. Многих к этому подталкивает иллюзия его безопасности, поскольку он якобы состоит из безобидных высушенных трав, некоторых привлекает любопытство.

Чтобы понять весь вред спайса следует представить, что сам наркотический эффект этой смеси превышает эффект обычной конопли. Кроме того, новая курительная смесь наносит еще более страшный удар по здоровью человека. Ведь ядовитые вещества попадают через легкие в кровь. А уже она разносит яд по всему человеческому телу. Разумеется, удар наносится и по печени – пытаясь защитить остальной организм, она принимает немалую часть яда именно на себя, осаживая его в себе. Кроме того, капилляры мозга, пытаясь не пропустить яд к «основному центру управле-

ния», резко сужаются. В результате кровь просто не может снабжать кровь кислородом.

Смерть при длительном употреблении наступает от патологических изменений печени, почек и сердца. Передозировка химикатами, смешанными «на глаз», провоцирует паралич дыхательного центра.

Потребление курительных смесей вызывает широкий спектр негативных психических эффектов, таких как: неспособность сосредоточиться; нарушение восприятия; полная потеря контакта с окружающим миром; отсутствие способности ориентироваться в пространстве; потеря контроля собственной личности. Изменение поведения человека носит сравнительно непродолжительный, но ярко выраженный характер. Воздействие курительных смесей со временем способно привести к тяжелой инвалидности, навсегда изменить личность человека, превратив его не только в наркозависимого, но и в психически больного, довести до нелепой смерти.

Введение запрета лишь на некоторые разновидности синтетических наркотиков является первым серьезным шагом в решении этой проблемы, но до полного ее устранения еще очень далеко.

На сегодняшний день 80 % всех смесей в Россию поступает из Китая. Как в столице, так и на периферии эти смеси можно было спокойно приобрести под разными названиями. Согласно данным ФСКН России, в 2008 г. потребителей наркотиков и других психоактивных веществ было порядка 6 млн человек. За пять лет рост произошел практически в 1,5 раза и в основном за счет употребления именно курительных смесей.

В 2009 г. российское законодательство внесло в список запрещенных к обороту в РФ веществ «Шалфей предсказателей», «Гавайскую розу», «Голубой лотос» и др. травы, имеющие психотропное действие. Курительные смеси начали исчезать из легальной продажи.

Несмотря на это, осенью 2014 г. целый ряд российских регионов захлестнула «Спайс-эпидемия», то есть целая волна тяжелых отравлений травяными курительными смесями («Спайсом»).

Цена пакетика Спайса, на данный момент около 500 рублей, начинающему наркоману такой пакетик хватает на пару дней. В 90 % случаях, если у подростков не хватало денег на покупку дозы, они покупали ее вскладчину.

Существует несколько стадий формирования зависимости от всякого наркотика. 1. Начало. 2. Эксперименты (наркоманы начинают ставить на себе опыты по количеству приема наркотиков, смешивании их видов). 3. Применение наркотиков в обществе. Спайс и другие наркотики употребляются уже со знакомыми, друзьями. 4. Наркотик употребляется уже как что-то обычное, повседневное (появляется привычка. Человек не может без наркотиков прожить и дня, собирает вокруг себя таких же зависящих от наркотиков, как и он. Живет иллюзией, что он не один такой и это нормально). 5. Наркотики принимаются уже в больших количествах

(аленьких доз больному недостаточно. Портятся отношения со сверстниками, семьей. Человек ищет выход опять же в наркотиках и начинает еще больше употреблять их). 6. Больное пристрастие (человек уже не в силах бросить сам, он наркозависим и нуждается в лечении) [2].

Зависимость от курительных смесей (спайсов) – это болезнь, требующая специализированного лечения и корректировки на протяжении длительного времени. В тяжелой степени зависимости к спайсу необходимо стационарное лечение, при средней и легкой степени возможно лечение на дому в окружении близких и родственников под наблюдением врача нарколога-психиатра. Сложность, с которой сталкиваются врачи при лечении зависимости от спайса, заключается в том, что в анализе при большинстве случаев у пациента в крови нет наркотических соединений. А это затрудняет диагностику и лечение. Но сейчас уже Министерство здравоохранения начало решать вопрос о том, чтобы полностью запретить употребление спайса.

В ходе социологического опроса, проведенного среди подростков г. Норильска, по проблемам распространения курительных смесей, а также осведомленности их о пагубных последствиях для организма, 30 респондентов ответили на вопросы, которые касаются синтетических видов наркотиков, известных как «Спайс». 86% респондентов достаточно осведомлены о так называемых курительных смесях, 14% не знают что такое спайс. Несмотря на знания о последствиях употребления курительных смесей 73% респондентов хотя бы раз употребляли спайс. 93% респондентов считают, что курительные смеси не являются безопасными [5].

Работа по профилактике наркомании, лечению и реабилитации наркозависимых - одна из наиболее сложных. Лишь комплексный подход к делу позволяет добиваться наилучшего результата.

В Госдуму внесен законопроект о принудительном лечении наркозависимых подростков. В законопроекте говорится об обязанности родителей принудительно лечить детей-наркоманов. По Закону, вступившему в силу в 2014 г., на принудительное лечение может направить суд, хотя не все врачи-наркологи с этим согласны.

Наркомана надо не лечить принудительно, а поместить в такие условия, чтобы он отказался от приема наркотиков. У наркозависимых нет критики, они душевнобольные люди. Поэтому лечить принудительно бесполезно – убежден Евгений Брюн [4].

В вопросах борьбы с наркоманией, особенно среди несовершеннолетних, большое значение имеет помощь всех граждан, всех слоев общества. Например, после рассмотрения электронных обращений граждан, по данным МВД, за 2 месяца 2017 года заблокированы более тысячи сайтов с запрещенной информацией об изготовлении и использовании наркотиков, но это очень мало по сравнению масштабом и последствиями этого явления.

В демократической Европе довольно долго спорили – необходимо ли вводить запрет на Spice. И это стоило жизни дополнительным тысячам людей, в основном школьникам и студентам. К сегодняшнему дню большинство стран Европы – Германия, Великобритания, Австрия, Люксембург, Швеция, Франция и многие другие ввели запрет на продажу этого наркотика. Большинство запретов вступили в силу в 2009 году. В этом же году спайс запретили и в России. Но запрет этот не соблюдается. До сих пор во многих магазинах продают спайс, только не открыто, а под прилавками. Изготовители обошли российские законы изменив состав спайса.

Сегодня специалисты уже доказали, что разрушительная способность спайса выражена сильнее, чем у марихуаны, гашиша, амфетаминов. За несколько месяцев у человека происходит распад личности, здоровья [1].

Так как наркомания в стране приобретает характер эпидемии и особенно среди молодежи, специалисты говорят об угрозе физического и психологического здоровья будущего нации и даже угрозе национальной безопасности России.

В России на сегодняшний день существует как административная, так и уголовная ответственность за потребление спайсов без назначения врача (предусмотрен штраф в размере от 4 тыс. до 5 тыс. руб. или административный арест на срок до 15 суток). За вовлечение несовершеннолетнего в употребление спайсов предусмотрен штраф от 1,5 тыс. до 3 тыс. руб. Если эти действия совершены родителями или иными законными представителями – от 4 тыс. до 5 тыс. руб. За употребление спайсов лицами, не достигшими 16 лет, назначается штраф для родителей от 1,5 тыс. до 2 тыс. руб.

Профилактическая работа по потреблению наркотиков и курительных смесей в частности должна проводиться с подростками на всех уровнях социальной и государственной политики. Первоосновой этой кропотливой и актуальной работы должна стать семья, здоровый образ жизни родителей. У подростков не должно быть свободного времени, которое он смог бы посвятить наркотикам. Информация о спайсах для подростков может проводиться в виде специальных занятий в школе, профилактических бесед со специалистами. Привлекать к этому процессу необходимо представителей многих слоев общества – родителей, учителей, врачей, представителей духовенства, государственных служащих, общественность и просто неравнодушных людей, кто заинтересован в здоровом будущем российской нации.

Библиографический список

1 Головко А.И., Головко С.И., Леонтьева Л.В., Баринов В.А., Башарин В.А., Бонитенко Е.Ю., Иванов М.Б. Биологическая активность синтетических каннабиноидов, впервые выявленных в незаконном обороте за период 2011-2013 гг. // Наркология. – 2013. – № 10. – С. 73-84

2 Каклюгин Н.В. Правда о «спайсе» [Электронный ресурс] // Как сходит с ума Россия / Нет наркотикам: информационно-публицистический ресурс [веб-сайт] 12 мая 2014 – URL: http://narkotiki.ru/5_46927.htm (Дата обращения: 19.12.2017)

3 Курительная смесь Spice [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2017. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spice_(%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%8C) (Дата обращения: 19.11.2017)

4 Лория Е. Несовершеннолетних наркоманов хотят отправлять к врачу принудительно [Электронный ресурс]. // Известия. Общество. [веб-сайт] 26 февраля 2016 – URL: https://iz.ru/news/604957 (Дата обращения 19.11.2017).

5 Спайсы и их влияние на психическое состояние подростков [Электронный ресурс] // Сб. материалов междунар. заочной науч.-практ. конф. М.: «МЦНО». 2015 № 7(25) / Режим доступа: URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_nature/7(25).pdf (Дата обращения: 19.11.2017)

6 Употребление спайса подростками [Электронный ресурс]. // Все о зависимостях. Спайс. [веб-сайт] 23 марта 2015 – URL: http://zavisimosty.ru/nikotin/spajs/upotreblenie-podrostkami.html

THE USE OF SPICES IN THE TEENAGE ENVIRONMENT: THE THREAT OF SOCIAL STABILITY OF RUSSIAN SOCIETY

Titova Marina P.
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract. The article discusses the types, causes and consequences of the use by adolescents of Smoking mixtures "spice". Provides statistical data on the use of spices and methods of prevention to combat drug addiction of minors.

Key words: Smoking blends, underage, addiction.

ПРИЧИНЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Тузов Александр Иванович
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: alexstav75@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины совершения правонарушений в сфере дорожного движения, а также проявления девиантного поведения в условиях воздействия стрессовых факторов.

Ключевые слова: девиантное поведение, агрессия, психоз, стресс, нарушения, водитель.

Среди различных форм проявления девиантного поведения являются действия приводящие к административным правонарушеним в сфере дорожного движения. Довольно часто граждане, управляя транспортными средствами, испытывают стрессовые влияния. Неспособность подавлять негативные эмоции возникающие при этом, способствует проявлениям девиантных форм поведения. С целью снижения таких негативных проявлений необходимо разобраться, что создает условия, которые способствуют проявлению девиантного поведения, а также выработать меры которые бы уменьшали эти негативные влияния.

Мы очень привыкли быть мобильными и независимыми при решении жизненных вопросов. Все это легко приобретается, когда гражданин становится водителем. По этой и многим другим причинам плотность транспортного потока ежегодно растет, приобретая лавинообразный характер. В результате такого расширения автопарка возникают условия усложнения условий общения среди граждан в автомобильном потоке среди участников дорожного движения. Данный вид общения имеет свои особенности. При управлении транспортным средством создаются дополнительные условия для проявления девиантного проведения. Одни граждане практически не совершают их, другие совершают редко, а третьи часто. Возникает вопрос, что является причиной проявлений девиантного поведения приводящего к совершению правонарушений при управлении транспортным средством и как можно снизить риск проявления такой формы поведения. Если не учитывать эти особенности увеличивается вероятность ошибочных действий и как следствие совершение правонарушений при управлении транспортным средством. Нарушения при управлении транспортным средством несут как административный, так и уголовный характер. Цена таких ошибочных действий может быть очень высокой – человеческая жизнь.

Ежегодно на дорогах нашей страны гибнет около тридцати тысяч и получают травмы около трехсот тысяч человек. Эти шокирующие цифры

не могут ни кого оставить равнодушными, поскольку мы понимаем, что ежегодно на дорогах погибает население районного города и в десять раз больше становятся инвалидами или им приходится длительное время лечиться, восстанавливая трудоспособность. Кроме трагедий и горя, которые при этом возникают, страна в целом несет колоссальные убытки. Эти убытки можно представить в виде недополученной прибыли на производствах, а так же в виде расходов на реализацию социальных программ направленных на поддержание инвалидов и лечение пострадавших. Реализуются федеральные целевые программы, затрачиваются бюджетные деньги, а кардинального изменения в сложившейся ситуации нет.

За первый квартал текущего года на дорогах страны погибло 4197 человек (-11,6% по сравнению с тем же периодом прошлого года), а так же пострадало 43176 человек (-5%). Основная причина ДТП это несоблюдение правил дорожного движения. Наиболее распространенные виды ДТП, столкновения ТС (14836 ДТП), на втором месте по частоте оказался наезд на пешехода (11225 случаев), а третью строчку занимает наезд на препятствие (2374 случая). Причин возникновений ДТП много и всегда в этой совокупности имеется психологическая. Каждый водитель, не смотря на стаж и возраст, садясь за руль испытывает стресс в большей или меньшей степени, который оказывает влияние на полноценное восприятие окружающей действительности, не позволяя реализовать адекватную реакцию на изменяющуюся обстановку и как следствие обеспечить безопасное движение.

Понятие безопасное вождение это такое вождение, при котором отсутствует вероятность совершения ДТП. К сожалению, полностью исключить данную возможность нельзя, но существенно снизить риск можно зная основные аспекты возникновения ДТП.

В данной статье мы попробуем разобраться с одним из аспектов влияющих на безопасное вождение – социально-психологический. Исходя из названия, данный фактор складывается из психологических особенностей каждой личности, а так же из многих социальных факторов влияющих на личность, на его мировоззрение и на то, как он позиционирует себя в социальной среде.

Находясь за рулем транспортного средства мы выполняем роль оператора обеспечивающего работоспособность сложной многогранной системы «автомобиль – водитель – дорога». В данной системе, чем больше элементов находиться, тем более уязвимой она будет. Оптимальные условия для обеспечения безопасного вождения будут тогда, когда водитель воспринимая дорожную информацию находится в оптимальном физиологическом состоянии: отсутствует усталость, влияние негативных факторов в виде алкоголя и препаратов угнетающих центральную нервную систему, спокойное уравновешенное психическое состояние и т.д., текущая информация преподносится в объеме который может воспринять и обработать водитель, а так же скорость поступления данной информации должна

обеспечивать ее усвоение. Поэтому можно сделать вывод о том, что объем информации для водителя должен быть определенно-дозированным. С одной стороны он должен обладать максимальной информацией о движении и с другой стороны на него не должна воздействовать информация ему не предназначенная, его отвлекающая. Как пример можно привести наличие рекламы вдоль дорог. Рекламодатели специально применяют методики, позволяющие привлекать внимание граждан, и люди на подсознательном уровне обращают внимание на рекламные щиты. Естественно часть внимания водителя рассеивается на рекламу и безопасность движения снижается. Скорость поступления информации водителю напрямую зависит от скорости движения транспортного средства по дороге, соответственно с увеличением скорости движения возрастает и скорость поступления информации и в определенный момент водитель не справляется с обработкой поступающей информации и как результат допускает ошибки.

Одной из причин ведущей к совершению ошибок при управлении транспортным средством является состояние стресса о котором мы упоминали выше.

Стресс (от англ. - давление, напряжение) – используется для обозначения обширного круга состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия. На каждого водителя оказывают влияние большое количество стрессогенных факторов, в результате которых ответная реакция может не соответствовать раздражителю, т.е. вызывать ошибочные действия у водителя при решении задач связанных с управлением транспортного средства. Даже самые простые на первый взгляд действия могут быть ошибочными. Будучи участниками дорожного движения водители общаются и между собой и с пешеходами по средствам определенных сигналов, знаков и даже визуально можно получить информацию о движущемся транспортном средстве: его скорость и направление движения на основании которых мы можем предположить в какой момент и где будет находиться тот или иной автомобиль или пешеход.

Кроме стрессовых реакций изменения в восприятии окружающей действительности могут вносить наши же стереотипы. Мы неосознанно прибегаем к ним для принятия решения в условиях дефицита времени, т.к. это помогает нам его экономить. В качестве примера можно вспомнить последнюю ситуацию на дороге в которой было проявление агрессии или раздражения и мы увидим, что эта негативная реакция была направлена на человека имеющего отличительные от вас признаки. При этом неважно, что вас будет отличать: то ли регион на регистрационном знаке, то ли пол, то ли национальность, главное для себя мы шаблонно определили причину. Учитывая шаблонность применяемую в данной ситуации, скорее всего наше умозаключение и принятие решения будет неверным, а соответственно ведущее к совершению ошибки.

Следующим психологическим аспектом влияющим на проявление девиантных форм поведения находясь за рулем служит так называемая виртуальная или мнимая защищенность, которую испытывает водитель, находясь за рулем. В качестве усилителя данного эффекта могут служить наглухо тонированные окна автомобиля. При этом совершении нарушения ПДД возникает чувство анонимности. Повышается уровень рискованного вождения, стиль вождения становится безответственным, при котором нарушений ПДД может и не происходить, но вероятность попадания в ДТП при этом возрастает многократно.

Как не странно, но к совершению ДТП при нарушении ПДД, приводят так же пробки в наших городах и на трассах, особенно это заметно в Южном федеральном округе в летний период сезона отпусков, когда двигающиеся на отдых люди многократно увеличивают плотность трафика на федеральных дорогах с образование многочасовых пробок. В условиях длительного стояния, под влиянием многих факторов, некоторые водители ущемляют права других водителей стоящих в пробках и нарушая ПДД провоцируют конфликтные ситуации, что является частой причиной ДТП. В городских условиях проявление агрессивного вождения может вызвать опоздание на работу или встречу. С целью профилактирования таких ситуаций необходимо выезжать на работу или встречу заблаговременно, стараться не садиться за руль автомобиля если ощущается напряженность или усталость.

Распространенной ошибкой при вождении является отсутствия самоанализа своих действий. Очень полезно производить оценку своих действий что называется «взглянув со стороны». В таких ситуациях мы можем заметить, что припаркованная нами машина кому-то мешает, своими действиями создаем неудобства другим людям и т.д. правильно оценивая свои действия, а именно со стороны «соседа по потоку» мы не будем допускать ошибок приводящих к конфликтам или ДТП.

Автопроизводители не желая этого сами провоцируют водителей на проявление агрессии на дорогах путем создание рекламы в которой тот или иной автомобиль доминирует над остальными. Зачастую в рекламах мощных автомобилей можно встретить такие выражения: «Порви всех!»; «Прочь с дороги!»; «Уважай хозяина» и т.д. когда автолюбитель приобретает такой автомобиль, он естественно начинает проверять достоверность рекламы на участниках дорожного движения, ущемляя их права и провоцируя конфликтные ситуации, увеличивая риск возникновения ДТП.

Делая вывод, трудно определить какой либо способ, которым можно обеспечить абсолютную безопасность дорожного движения, но все же хотелось бы выделить несколько правил, позволяющих значительно повысить безаварийность движения:

1. Соблюдение Правил Дорожного Движения.
2. В любых дорожных ситуациях сохранять внутреннее спокойствие.

3. Избегать управления транспортным средством в состоянии эмоционального возбуждения или угнетения.

4. Избегать управления транспортным средством в состоянии физического утомления.

5. Регулярно следить за техническим состоянием своего транспортного средства.

6. Управлять транспортным средством рационально, предсказуемо и прогнозируемо.

7. Даже если опаздываете, не проявлять спешки.

8. Не проявлять агрессии к другим участникам дорожного движения даже в случаях, если вы сами подверглись агрессии.

9. Проявлять внимание не только к окружающим, но и к своим действиям.

Соблюдая эти несложные правила можно избежать возникновения ситуаций приводящих к проявлению девиатного поведения и как следствие повысить безопасность управления транспортным средством. Эти несложные действия могут значительно сократить количество ДТП и снизить число пострадавших на наших дорогах.

THE CAUSES OF THE MANIFESTATIONS OF DEVIANT BEHAVIOR IN DRIVING A VEHICLE

Tuzov Alexander I.
Krasnodar University of MIA of Russia, Krasnodar

Abstract. The article considers the reasons of Commission of offenses in the field of road traffic, as well as manifestations of deviant behavior in the conditions of influence of stress factors.

Key words: deviant behavior, aggression, psychosis, stress, violations, driver.

ДЕВИАНТНОСТЬ КАК КАЧЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ОДАРЕННОСТИ

Туравец Наталья Романовна
(Краснодарский Университет МВД, г. Краснодар)
e-mail: kaf.psi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются такие положительные девиации, как одаренность, талантливость и гениальность; анализ данных феноменов возможен с учетом трех факторов: культурно-исторического, социально-возрастного и абсолютного.

Ключевые слова: девиации, способности, одаренность, талант, гениальность, творчество.

Проблема характеристики норм психического развития в психологии и педагогике личности, решается, как правило, с позиции усредненного, «среднестатистического» представления о человеке, либо направленности на особенности развития и, не всегда это ущербность или неполноценности, а напротив – одаренность или даже гениальность. В первом случае стирается понимание индивидуальности личностных характеристик и если человек укладывается в отведенные рамки, он становится малоинтересен. Во втором случае формируется устойчивое представление о том, что личность имеет неповторимое своеобразие или отклонение, что требует немедленной коррекции или даже лечения.

При рассмотрении одаренности личности, как неповторимого качества, использование терминов «отклонение», или «девиация» должно иметь особое значение: не всякое отклонение имеет негативное значение – есть и положительные девиации. Одаренность, талантливость и гениальность в современной науке рассматриваются в русле некоего качества психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких, незаурядных результатов по сравнению с другими людьми. При этом большинство исследователей данной проблемы в отечественной литературе: Е.С. Белова, В.А. Крутецкий, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, А.В. Хуторской, Г.Д. Чистякова, Н.Б. Шумакова, В.С. Юркевич, а в зарубежной педагогике Ф. Баррон, Ж. Брюно, Б. Блум, Дж. Гилфорд, Дж. Кэррол, К. Тейлор П. Торренс, указывают, что качественное своеобразие и характер развития одаренности является результатом сложного взаимодействия природных задатков и социокультурной среды.

В контексте рассмотрения динамики: одаренность, талантливость и гениальность – эти качества личности имеют свою градацию. Однако, как отмечает Рубинштейн, несмотря на регулярность изучения данных феноменов, так и остаются не понятыми до конца их причино-следственные отношения, что не позволяет говорить о логической связи между этими понятиями [3]. Понятия одаренность, талант и гениальность имеют ярко выраженные противоречивые определения: понятия «одаренность» и «талант» иногда трактуются как синонимичные и не разделяются, а гениальность рассматривается как высшая степень проявления таланта или одаренности [5].

Так, Б.М. Теплов определяет одаренность как «качественно-своеобразное сочетание способностей, от которого зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или другой деятельности» [4]. Понятие «одаренность» впервые было сформулировано в середине XIX века английским психологом Фрэнсисом Гальтоном и трактовалось как уровень развития каких-либо способностей человека, от него независимых, так как одаренность обеспечивает не успех в какой-либо деятельности, а только возможность достижения этого успеха. Проявление способностей всегда строго индивидуально и поэтому свести ода-

ренность к набору конкретных показателей представляется невозможным. С помощью различных психодиагностических методик можно лишь установить наличие тех или иных способностей и определить относительный уровень их развития, что является основой для констатации наличия одаренности у человека [6, с. 542].

Этап планомерного и последовательного изучения одаренности личности начинается в первой половине XX века, о чем свидетельствуют многочисленные трактовки этот феномена. Так, например Альфред Бине считал, что одаренность проявляется в парадоксальных ситуациях, когда человек не следует жесткому алгоритму, а проявляет самостоятельность в выборе направлений при обретении новых знаний, проявляет способность к переносу ранее сформированных знаний в незнакомые, не стандартные ситуации [2].

Следующий элемент в иерархии особых качеств человека – талант. Это понятие встречается в Библии. Понятие «талант», как мера серебра, известно по притче, изложенной в Новом Завете. Она гласит о трех рабах, которым хозяин подарил монету «талант»: один из них закопал свой талант в землю, второй разменял его, а третий приумножил. Отсюда и трактовка таланта, как дара Божьего. Отличие гения от таланта в том, что гений создает эпоху в области своей деятельности, ибо, как считает Иммануил Кант, «гений – это художник, который своим творчеством закрывает одну поэтическую эпоху и открывает другую». Талант, как и степень талантливости, не возможно установлено на основе диагностики. Об уровне таланта обычно судят по продуктам деятельности человека, оценивая их новизну, оригинальность, неповторимость [7, с. 483]. Талант, как определенное сочетание и совокупность способностей, связан с творческой деятельностью человека, которая невозможна без гибкости ума, богатой фантазии, сильной воли, глубокой заинтересованности. Талант характеризуется способностью к достижениям высокого порядка, но остающимся в принципе в рамках того, что уже было достигнуто [6, с. 543].

Высший уровень развития способностей называют гениальностью. Гений – это тот человек, «который на протяжении длительного периода времени выполняет огромную работу, оказывающую существенное влияние на других людей в течение многих лет» (Р.С. Элберт, 1975). Для него свойственна творческая продуктивность, ломка и преодоление устаревших норм и традиций, что приводит к прогрессивному развитию общества [7, с. 91]. Гений создает принципиально новое, достигает в своем деле высочайшего уровня результативности. Среди гениев, добившихся выдающихся результатов в творчестве называют Аристотеля, Леонардо да Винчи, Вольфганга Амадея Моцарта, Михаила Васильевича Ломоносова, Александра Сергеевича Пушкина и др.

Первым из гениальных людей называют древнегреческого философа Аристотеля, живущего в 385–322 гг. до н. э. Его мысль охватывала множе-

ство наук, включая физику, логику, этику, политику, риторику, биологию, поэтику, метафизику и психологию, а его открытия были столь фундаментальны, что на протяжении столетий продолжали оставаться основой всех указанных учений. В контексте нашей проблемы заслуживает внимания концепция Аристотеля, в которой он описал признаки гениальности, соотносящиеся с сутью таких вопросов: 1) существует ли связь свойства с вещью? 2) в чем заключается причина данной связи? 3) существует ли сама вещь? 4) какова природа вещи? Слегка изменив приведенный у Аристотеля порядок, мы должны спросить следующее: 1. Действительно ли существует «гениальность»? 2. В чем природа гениальности? Каковы ее «свойства»? 3. Действительно ли указанные свойства связаны с «гениальностью»?" 4. В чем заключается характерность этой связи?

Отметим, что значимым здесь является, неполучение разных ответов на заданные вопросы, а получение одного утвердительного ответа – что есть гениальность, каковы свойства и причины данного феномена. Так, например, если утверждать, что гений умеет сосредоточиться на ключевых вопросах, то значит – гениальность заключается в умении сосредотачиваться. Тогда указанные качества обладают определенной двойственностью, не способствующие главному вопросу – «Что такое гениальность?»

Или, например, М.В. Ломоносов достиг выдающихся результатов в области физики, горной металлургии, географии, геологии, астрономии, истории, литературы. Он уделял огромное внимание изучению атмосферного электричества и силы тяжести, заложил основы учения о цвете, открыл наличие атмосферы на Венере, изучил строение Земли, происхождение каменного угля, нефти, торфа, доказал значение для России Северного морского пути, возродил искусство мозаики, сам создавал неповторимые произведения искусства. И в литературе и в поэзии с Ломоносова, по словам К.С. Аксакова, началась новая полная сфера поэзии, собственно так называемая литература [1].

Подчеркивая сам факт наличия гениальности, ученые, тем не менее, не могут определить истоки происхождения данного феномена. Именно поэтому, основное внимание исследователей обращено не на сам факт гениальности, а на проблему его происхождения: божественное или земное, при этом «божественное» и «природное» происхождение гения – не дифференцируется: под «земным» происхождением понималось то, что развивается на основе социального воздействия на личность. Представление о божественном происхождении гения накладывает табу на данную проблему, ибо «то, что богом создано, им же защищено».

Говоря о творчестве Моцарта нельзя не говорить о Божественном. Позволю остановиться на некоторых фактах биографии Моцарта, подтверждающих индивидуальный неповторимый путь гения. Так, уже в три года он по слуху подбирал на клавесине терции и сексты; в четыре года написал свой «Первый концерт для клавесина», такой пианистической

сложности, что не всякий виртуоз того времени мог бы его исполнить. Кроме выдающейся музыкальности Моцарт обладал феноменальной памятью и слухом: в четыре года он запоминал «на слух» музыкальные произведения, исполняемые его старшей сестрой, а в шесть лет прекрасно играл на клавесине, органе и скрипке, исполняя сложнейшие произведения.

Говоря о природности или социальном происхождении гения, нельзя не сказать об его отце – Леопольде Моцарте, посвятившем свою жизнь детям: он был его педагогом, организовывал концертные выступления. Уже в шесть лет Моцарт со своей сестрой Анной-Марией, совершил концертное турне, длившееся в общей сложности 10 лет. Посетил: Германию, Францию, Великобританию, Италию, Швейцарию, Нидерланды, Австрию, где его консультировали лучшие педагоги. Здесь он приобрел славу музыкального чудо-ребенка (вундеркинда).

Анализируя особенности гениальности Моцарта, обращают на себя внимание характеристика типа музыкальной гениальности. Первый тип — «моцартовский», включает фигуры музыкальных вундеркиндов, выдающиеся способности которых проявились достаточно рано. Огромную роль в их становлении сыграли учителя (в случае развития моцартовского гения значительна роль его отца – Леопольда Моцарта). Второй тип, который определяется как «баховский», гениальность отмечается уже в юношеском возрасте, вне влияния среды, без систематического специального обучения. Аутодидакт Иоганн Себастьян Бах достиг высочайшего мастерства путем самообразования.

С точки зрения проявления гениальности, интересен анализ творческих достижений двух Бахов – отца и сына. Иоганн Себастьян Бах (отец) всю свою жизнь бережно хранил традиции, создал невероятные образцы полифонического искусства; его сын – Карл Филипп Эммануил, практически предвосхитил венский классицизм. Именно о сыне Моцарт говорил: «Он – отец, мы – дети». Представители венской классической школы Гайдн и Бетховен восхищались его гением. История распорядилась так: Бах-отец, проведя в забвении почти сто лет, вернулся в музыкальное искусство, заняв место непревзойденного гения. Новатор Бах-сын, получивший признание своих соотечественников, опередивший свое время на несколько поколений, сейчас мало кому, известен.

Биографии творческих личностей свидетельствуют о том, что гении стремятся понять процесс своего творчества, осознать, что происходит у них «внутри» в минуты духовных озарений. Многочисленные источники подтверждают мысль о том, что, что творческий процесс у них совершается как бы помимо воли их авторов: Виктор Гюго утверждал, что «Бог диктовал, а он писал»; П.И. Чайковского «общался» со своим «внутренним голосом»; В.А. Моцарт говорил о том, что он просто инструмент, который звучит помимо его воли, а сам «он только перо»; Альфред Шнитке, наш современник, говорит: «Свои произведения я не пишу, а улавливаю, вроде

как я имею дело не со своей работой, а переписываю чужую»; А.С. Пушкин, А.А. Ахматова утверждали, что «творчество происходит у них как бы само по себе, без их участия, под чью-то диктовку». Творческий процесс – пожалуй, самая большая загадка гениальности.

Таким образом, важнейшим вопросом определения уровня одаренности являются его критерии, которые, как считает автор статьи, включают три фактора, свидетельствующие о музыкальной одаренности:

– первый – культурно-исторический – заключается в том, что определение музыкальной одаренности имеет временные и пространственные рамки. Так, сведения о музыкальных вундеркиндах появились лишь в середине XVIII столетия, и культурно-исторический критерий может способствовать психологическому анализу структуры одаренности знаменитых людей, живших в предшествующие эпохи. При всей относительности, данный фактор следует учитывать, когда исследуются общие этнокультурные или исторические условия выявления одаренности или гениальности творцов;

– второй – социально-возрастной – рассматривает такие особенности развития, когда ребенок легко и успешно совершает такие действия, которые недоступны его сверстникам. Данный критерий предусматриваем анализ связи поколений (яркий пример влияния Моцарта-отца на творческое развитие Моцарта-сына). Сегодня изменение условий жизни, развитие профессиональной системы музыкального образования, способствуют тому, что сложнейшие произведения прошлых веков успешно исполняют ученики музыкальных учебных заведений. Вместе с тем, не следует заблуждаться на тот счет, что музыкально одаренные люди несопоставимы только потому, что творчество их характеризуется в соответствии с особенностями эпохи, культуры или поколения;

– третий – абсолютный – обнаруживает себя в своеобразии, свободе и музыкальной самореализации, когда человек начинает мыслить раньше, чем узнаешь законы гармонии и музыкального языка, исполнительской техники, что, как правило, поражает более всего.

Библиографический список

1. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – Москва. Изд. МГУ, 2011. – 112 с.

2. Никольская А.А. А. Бине как один из основателей экспериментальной психологии. // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 90-97.

3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: Учеб. Пособие. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.

4. Теплов Б.М. Способности и одаренность // Психология индивидуальных различий. Тексты. – М.: изд-во МГУ, 1982. – С.36-49.

5. Туравец Н.Р. Педагогические технологии развития музыкальной одаренности детей на начальном этапе обучения / Н.Р. Туравец, Е.В. Бурдина // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – № 4. (42) – С. 85-88.
6. Тюленев П.В. Что нужно знать родителям о детях / П.В. Тюленев // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.odarennost.h11.ru/razdel01.htm. Дата доступа: 25.04.2010.
7. Юркевич, В.С. Одаренный ребенок: иллюзии и реальность: Книга для учителей и родителей. – М.: Просвещение, 1996. – 136 с.

DEVIANT BOTH QUALITATIVE IDENTITY AND CHARACTER OF THE DEVELOPMENT OF GIFTED

Turavets NR
Krasnodar University Ministry of Internal Affairs, Krasnodar

Abstract. This article discusses such positive deviation, as talent, talent and genius; analysis of the phenomena is possible, taking into account three factors: cultural, historical, social and age and absolute.

Keywords: deviation, abilities, talent, talent, genius, creativity.

ИНСТИТУТ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Тюнь Андрей Петрович
(Ейский филиал Ростовского государственно экономического университета (РИНХ), г. Ейск)
e-mail: tspopz@yandex.ru

Аннотация. В статье показана значение социальных институтов современного российского общества, осуществляющих профилактические мероприятия с группами риска (девиантными группами), способствующих воспитанию и социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: социальный институт, полиция, группы риска.

В системе социальных институтов современного российского общества особое место занимает полиция. Именно полиция зачастую осуществляет непосредственный контакт с гражданами, реализовывая не только функцию принуждения к исполнению норм права, но и осуществляя профилактические мероприятия с группами риска, особенно – девиантными группами, способствуя воспитанию и социализации подрастающего поколения.

Стоит согласиться с тем, что полиция как социальный институт представляет собой особый специфический интегрированный комплекс образов, ценностей, норм, ролей и статусов, который выполняет специфические социальные функции в правоохранительной сфере посредством выполнения индивидами социальных ролей, следуя институционально заданным нормам и правилам. В то же время она выступает и как пространство социокультурного взаимодействия индивидов, осуществляющих рациональное поведение, деятельность, взаимоотношения в рамках существующих норм, правил и стремящихся к реализации своих целей, интересов, ценностей, потребностей [2].

С точки зрения исследователей, являя собой материальное воплощение социального института, объединяющего формальные и неформальные организационные структуры коллектива, материальные органы, учреждения, подразделения, системы ролей и статусов, образцов поведения, норм и ценностей и др., институту полиции присущи наряду с общими институциональными чертами и свойствами специфические институциональные признаки, раскрывающие особенности его функционирования в российском обществе [1].

Автором были проведены глубинные интервью с жителями Краснодарского края, общее число опрошенных – 18 человек. Кроме того, был осуществлен традиционный (качественный) анализ документов, в рамках которого имело место изучение интернет-источников (социальные сети, форумы, комментарии к интернет-СМИ).

Как показали проведенные серии глубинных интервью, респонденты в подавляющем большинстве своем настороженно относятся к полиции и демонстрируют изрядный скептицизм при оценке реформы 2011 г. Как отмечали опрошенные, *«полицейские ничуть не отличаются от милиционеров. Это наглые, тупые, порой агрессивные люди, постоянно хвастающие своим властным положением в государстве. При этом очень безынициативные и ограниченные, прежде всего, в интеллектуальном плане».*

В ходе исследования была получена информация о том, что личный опыт общения с полицейскими респондентов играет очень важную роль в формировании образа, как отдельных сотрудников, так и всего института полиции. *«Я вообще не понимаю, зачем были эти все переименования милиция/полиция. Никогда лично с ними не сталкивался и, надеюсь, не столкнусь. У меня средь бела дня украли кошелек, Вы думаете, они кого-то искали??? Да сейчас! Даже не пытались».*

Некоторые респонденты указывали, что были лично свидетелями противоправных действий со стороны полицейских, что очень сильно ухудшило к ним отношение. *«Что милиция, что полиция суть одна – были взяточниками, так и остались. Меня в отделении заставляли забрать свое заявление, о каком доверии может вообще идти речь?».*

Как отмечали некоторые респонденты, *«полицейские очень сильно отличаются в зависимости от региона, географии. В Москве, Санкт-Петербурге – это одно, а в какой-нибудь Россоши или Зверево – это какой-то ад, под названием здравствуй 1990-е г. или бандитский Петербург».*

Лишь некоторые респонденты придерживались противоположной установки о том, что полицейские служат народу, помогают людям решать многие важные проблемы. *«Сейчас это служба с человеческим лицом, а раньше – это был какой-то кошмар»; «у меня был реально страшный случай, не хотелось бы рассказывать, мне именно полицейские помогли, за что им большое человеческое спасибо»; «ну не знаю, я тесно ни с полицией, ни с милицией не сотрудничала, честно не могу ничего конкретного сказать. Я обращалась – всегда в принципе помогали».* Следует заметить, что в ходе исследования была обнаружена следующая закономерность: если у респондента есть родственники, друзья, знакомые, работающие в полиции, то он склонен оценивать в целом работу этой службы позитивно и, наоборот, если таких близких связей нет, люди, как правило, опираются на материалы СМИ и Интернета, которые носят негативный характер по отношению к полиции.

В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос о том, насколько полиция в России обладает способностью к модернизации, в частности, адаптации к требованиям современного электронного государства и открытого общества. Мнения респондентов существенным образом разделились при ответе на данный вопрос. Часть участников исследования продемонстрировали убежденность в том *«всякая структура в государстве обладает такими возможностями, и полиция здесь не является исключением».* Кроме того, как полагают опрошенные, сами *«вызовы времени»* могут заставить полицию перестраиваться, *«и это будет намного лучше любых реформ, начатых сверху».*

Вместе с тем, другая часть опрошенных придерживается противоположной точки зрения. Их основной аргумент – апелляция к неудачным реформам 2011 г. (как они полагают). *«Какой был смысл этой реформы. Только по телевизору громко трубили. Суть как была, так и осталась, как не называйся. Именно поэтому никаких изменений не будет, если у руководителей государства ничего не вышло, то не выйдет и в этой ситуации».*

Качественный анализ, проведенный в ходе эмпирического исследования, показал, что имеется значительная часть населения современной России, кто негативно или резко негативно относится к сотрудникам полиции, приводят в качестве «аргументации» свой собственный опыт и опыт родственников, друзей, знакомых. Следовательно, их негативный социальный опыт контактов с институциональными структурами полиции локализуется на микроуровне социальной реальности.

Кроме того, изучение комментариев в социальных сетях Интернета, а также на форумах на тему о российской полиции, различных последствиях реформы выявил наличие довольно широкого пласта населения, кто негативно или крайне негативно воспринимает полицию, предъявляет претензии к ее работе. Несмотря на то, что в данном аспекте оценки необходимо отличать объективную ситуацию от субъективных установок, мнений, ценностей респондентов, которые могут принадлежать и к криминальному миру, все же целесообразно обратить особое внимание на суть претензий и причины недовольства населения.

Библиографический список

1. Полиция как социальный институт. URL:// http://magref.ru/politsiya-kak-sotsialnyiy-institut/ (дата обращения: 22.12.2016).
2. Янбухтин Р.М. Полиция как социальный институт (теоретико-методологические и практические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №12.

THE INSTITUTION OF THE POLICE IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY: THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS

Tune Andrey P.
Yeisk branch of Rostov state economic University (RINH) in Yeisk

Abstract. The article shows the importance of social institutions of contemporary Russian society engaged in prevention activities with groups at risk (deviant groups), contributing to the education and socialization of the younger generation.
Key words: social institution, the police, at risk.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

Хуторянская Татьяна Валентиновна
(Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского г. Саратов)
e-mail: dialogus1@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены результаты теоретического и эмпирического исследования взаимосвязи конфликтности и удовлетворенности браком в молодой семье. Установлено, что существуют определенные значимые взаимосвязи между конфликтностью и удовлетворенностью браком в молодой семье: чем выше уровень конфликтности, тем ниже степень

удовлетворенности браком. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультационной практике психологов и других специалистов.

Ключевые слова: взаимосвязь; конфликтность; удовлетворенность; брак; молодая семья.

Согласно статистике, в последние годы в России на один миллион заключенных браков приходится более восьмисот тысяч разводов. Семья как структура переживает кризисный период, что влечет за собой трансформацию межличностных отношений супругов, детско-родительских отношений, отношений между поколениями [1,4].

В этих условиях особенно тяжело выживать молодым семьям, где на серьезные трудности социально-экономического плана накладываются острые проблемы в супружеских отношениях. Возрастание напряженности и конфликтности внутрисемейных отношений требует дополнений к профилактической работе и новых подходов к решению данной проблемы [2].

Теоретический анализ проблемы

Первые годы совместной жизни молодым супружеским парам требуется особая осторожность и терпение. Не все успешно проходят период адаптации, поэтому на первые три года брака приходится больше всего разводов. К сожалению, многие молодые люди не выдерживают этого первого экзамена. Причин этому несколько: и незрелость, плохая подготовленность к семейной жизни, взаимный эгоизм и т. д. [3].

Столкнувшись с конфликтом в супружеских отношениях было бы не правильным просто разойтись и не искать решение проблемы. Совсем неверным является сохранение внешней благоприятности отношений, терпя при этом угрозы, неуважение и унижения. Лишь уверенный и сильный человек способен найти решение конфликта без унижения и самоунижения.

Правильно выбранная тактика поведения в проблемной ситуации влияет на удовлетворенность конфликтующих супругов своим браком. Наиболее благоприятны такие способы поведения как сотрудничество и компромисс. Следует избегать соперничества, так как оно может привести обострению семейной ситуации. Приспособление и избегание приводит к нежеланию нести ответственность за свои действия и перекладыванию разрешения конфликта на другого супруга [5].

Выборка, методики и методы исследования

В исследовании принимали участие 35 молодых супружеских пар, находящихся в браке не более 3-х лет. Для исследования конфликтности и удовлетворенности браком в молодой семье использовались следующие методики: опросник Томаса-Килменна по изучению стратегий поведения в конфликтной ситуации; методика «Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской; опросник удовлетворенности браком (ОУБ) В.В. Столина, Т.Л. Романовой и

Г.П. Бутенко; опросник «Удовлетворенность отношениями в паре» Л.Я. Гозмана.

Полученные результаты эмпирического исследования обрабатывались с помощью описательной статистики. Результаты исследования были подвергнуты корреляционному анализу, выполненного с помощью метода линейной корреляции Пирсона.

Результаты исследования, их обсуждение

Анализ полученных результатов по методике «Опросник Томаса-Килменна по изучению стратегий поведения в конфликтной ситуации» показал, что у молодых супружеских пар преобладает средний уровень конфликтности. В ходе анализа средних значений по каждой шкале, можно отметить, что преобладают такие стратегии поведения в ситуации конфликта, как компромисс и сотрудничество. Молодые люди стремятся урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки партнера. Также для молодых супружеских пар характерны такие стратегии поведения в конфликтной ситуации, как избегание и приспособление. Они пытаются избежать ссоры, стараясь не накалять ситуацию. Стремятся выйти из конфликта, не уступая, но и не настаивая на своем.

В результате анализа полученных показателей по методике «Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации» можно отметить, что в целом у супружеских пар во многих ситуациях возникновения конфликта хорошая степень согласия, уровень конфликта средний. Но в такой ситуации, как проявление ревности значение индекса - отрицательное, что говорит о негативной реакции супругов в конфликтной ситуации и пассивном характере поведения конфликтующих.

По итогам анализа результатов тест-опросника «Удовлетворенность браком» было выявлено, что, в общем, абсолютно неблагополучных семей среди испытуемых нет. Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что у большинства молодых пар присутствует средняя степень удовлетворенности браком.

Для уточнения результатов предшествующей методики была использована методика «Удовлетворенность отношениями в паре», которая более точно характеризует отношения между супругами. По результатам анализа показателей, можно отметить, что преобладает средний уровень удовлетворенности отношениями в парах.

Для определения достоверных взаимосвязей между конфликтностью и удовлетворенностью браком в молодой семье мы использовали коэффициент корреляции Пирсона.

Исследуя результаты исследования с помощью корреляционного анализа можно сделать вывод о том, что существует значимая обратная взаимосвязь между уровнем конфликтности и удовлетворенностью браком: при высоком уровне конфликтности - низкая удовлетворенность браком ($r=-0,39$, при $p \leq 0,05$). Также выявлена отрицательная значимая взаи-

мосвязь между выбором стратегии поведения в конфликтной ситуации (компромисс) с непосредственной (r=-0,43, при $p \leq 0,01$) и косвенной (r=-0,37, при $p \leq 0,05$) удовлетворенностью. То есть, молодые пары выбирают компромисс, как стратегию поведения в конфликте при низком показателе непосредственной удовлетворенности и при низком показателе косвенной удовлетворенности: чем ниже этот показатель, тем выше непосредственная и косвенная удовлетворенность.

Также выявлена положительная значимая взаимосвязь между выбором стратегии поведения в конфликтной ситуации (сотрудничество) с удовлетворенностью браком (r=0,37, при $p \leq 0,05$). Это означает, что супружеские пары выбирают наиболее конструктивные стратегии поведения в конфликте (сотрудничество) при высокой степени удовлетворенности браком, а деструктивные (соперничество) – при низкой степени удовлетворенности браком.

Была выявлена положительная взаимосвязь удовлетворенности браком с характером взаимодействия супругов в конфликтной ситуации: увеличение показателя удовлетворенности браком при увеличении общего индекса характера взаимодействия супругов в конфликтной ситуации (r=0,44, при $p \leq 0,01$), т.е. чем выше показатель, тем позитивней реакция респондента на конфликт и тем активней позиция в данной ситуации.

Также установлена положительная значимая взаимосвязь удовлетворенности отношениями в паре, а именно, общей благоприятности в отношениях, с характером взаимодействия супругов в конфликтной ситуации: увеличение значений общей благоприятности в отношения при увеличении общего индекса характера взаимодействия супругов в конфликтной ситуации (r=0,42, при $p \leq 0,01$), т.е. чем выше показатель, тем позитивней реакция респондента на конфликт, тем активней позиция в данной ситуации.

Выявлена отрицательная взаимосвязь удовлетворенности отношениями в паре, а именно, непосредственная удовлетворенность, с характером взаимодействия супругов в конфликтной ситуации (r=0,40, при $p \leq 0,05$), то есть, увеличение показателя непосредственной удовлетворенности при уменьшении общего индекса характера взаимодействия супругов в конфликтной ситуации.

Заключение

Проведенное исследование выявило, что существуют значимые различия между конфликтностью и удовлетворенностью браком в молодой семье: чем выше уровень конфликтности, тем ниже степень удовлетворенности браком.

Для преодоления семейных конфликтов полезно прислушиваться к рекомендациям специалистов по конфликтологии и тренингам межличностного общения. Следует избегать деструктивных тактик (игнорирование, принижение личности партнера, эгоцентризм) и пользоваться позитивными (приемы активного слушания, подчеркивание значимости партнера, подчеркивание общности с партнером).

Библиографический список

1 Азисов Н.Н. Социальный статус молодой семьи в условиях современной России. - Саранск, 2002. - 35 с.

2 Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное консультирование. М.: РИЦ Консорциума «Социальное здоровье России», 2012. – 218 с.

3 Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. пособие. - СПб.: Речь, 2004. - 244 с.

4 Долгорукова И.В. Молодая семья в современном российском обществе / Государственная семейная политика. - М.: МГСУ, 2004. – С. 150-153.

5 Мириманова М.С. Конфликтология. - М.: Академия, 2003. – 319 с.

CORRELATION OF CONFLICTNESS AND SATISFACTION WITH SPOILAGE IN YOUNG FAMILY

Hutoryanskaya Tatyana V.
Saratov State University, Saratov

Abstract. In article results of a theoretical and empirical research of correlation of conflictness and satisfaction with spoilage in young family are explained. It is set that there are certain significant correlations between conflictness and satisfaction with spoilage in young family: the conflictness level is higher, the level of satisfaction with spoilage is lower. The application-oriented aspect of the researched problem can be realized in consulting practice of psychologists and other experts.

Keywords: correlation; conflictness; satisfaction; spoilage; young family.

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

Чепелева Лада Металловна
(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)
e-mail: lada-chep@mail.ru

Аннотация. В тексте статьи говорится о системно-структурном подходе в профилактике и коррекции экстремальности и экстремизма на примере Краснодарского края.

Ключевые слова: экстремизм, профилактика, молодежь, системно-структурный подход, полиэтническая среда.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект РНФ № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтничном регионе: прогнозирование и профилактика»

Проблема молодежного экстремизма в настоящее время является одной из центральных в исследованиях девиантного поведения молодежи во всем мире. Ситуация в России, в целом, выглядит относительно благополучной, однако риски экстремизации сознания молодежи, безусловно, существуют, особенно для полиэтничных регионов, таких как, например, Краснодарский край.

На наш взгляд, имеет смысл говорить об общих социально-психологических причинах, облегчающих восприятие идей религиозного, националистического и протестного экстремизма молодежью.

Наряду с социальными факторами (социально-экономическими и социокультурными) большую роль играют также личностные факторы, такие как деформация системы ценностей, «нездоровая» среда общения, преобладание гедонистических ориентаций над социально полезными, неадекватное восприятие педагогических воздействий, «застревание» на определенных фазах личностного развития, неумение выстраивать перспективу будущей (взрослой) жизни.

Все это создает социально-психологическую почву для роста экстремистских настроений в молодежной среде.

Эффективное противодействие экстремизму и его профилактика невозможны без учета, анализа и обобщения данных о личности экстремиста, его внутреннем мире, нравственно-психологических и личностных свойствах, особенностях их формирования в процессе жизнедеятельности, условиях и факторах, предопределивших выбор им пути экстремизма.

Нашим научным коллективом под руководством профессора Т.А. Хагурова с 2015 года проводится исследование «Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтничном регионе: прогнозирование и профилактика». В 2016 году в ходе этого исследования были проанкетированы 2500 молодых людей в возрасте 15-23 лет и состоялось 20 фокус-групп с учащейся молодежью Краснодарского края.

С психологической точки зрения на один из первых планов выступает вопрос интересов и ценностей молодых людей. Как правило, именно интересы значительно влияют на их поведенческие стратегии. Риски возникновения отклоняющегося поведения связаны с негативной направленностью или отсутствием интересов, а также с наличием определенного набора ценностей. Результаты исследования показали, что главные интересы молодежи сосредоточены на теме ***личного успеха*** (будущая карьера – 50,1%; спорт – 43,3%; учеба – 16,1%), ***развлечений*** (модные тенденции – 22,1%; фильмы – 38,9%; музыка – 33,4%) и ***времяпровождения в Сети*** (более 50% опрошенных отслеживают события и новости Интернета, играют в компьютерные игры, изучают информационные технологии). Это стабильная сфера интересов кубанской молодежи, которая согласно результатам количественных исследований 2012-2017 года остается практически неизменной в течение последних пяти лет.

Кроме того, такой же многолетней и устойчивой тенденцией до 2016 года можно было считать эгоистическую направленность интересов и ценностей молодежи. Значительная часть респондентов (от 35 до 50%) мечтали стать успешными, самостоятельными карьеристами, смелыми, сильными, здоровыми и предприимчивыми, что абсолютно соответствует требованиям современного общества. В условиях конкуренции и социально-экономической нестабильности легче всего «выжить» и «подняться» человеку, обладающему именно этими характеристиками. А вот семейные ценности, желание проявлять заботу к другим людям, стремление к социальному служению – все это уходило на второй план и интересовало меньшее количество респондентов (от 15 до 30%) [1].

В 2016 году и по результатам анкетирования, и по итогам фокус-групп мы получили результаты, которые позволяют нам предположить, что длительный период принятия эгоистической модели поведения завершился: молодежь все чаще стала задумываться о создании крепкой семьи, проявлении заботы, взаимодействии, гуманности, благородстве, возрождении традиционных христианских и исконно славянских ценностей [2] Кроме того, в процессе интервью наши респонденты неоднократно выражали обеспокоенность по поводу внешнеполитических событий, так или иначе влияющих на судьбу России: охотно обсуждали внутренние проблемы общества; высказывались в русле патриотизма и заявляли о необходимости социального служения в столь непростое время. Помимо карьеры и создания семьи респонденты называют в качестве жизненных целей достижение благополучия, которое в их понимании, отражает финансовое благосостояние. Причем, значительная часть опрошенных, хотят достичь благополучия не ради достижения личных целей, а для того, чтобы помогать своим близким: родителям, детям, друзьям и родственникам. В то же время, почти все респонденты вне зависимости от своей национальной принадлежности, религиозных взглядов и жизненной позиции готовы защищать Родину и даже согласны объединиться со своими «внутренними врагами», если возникнет необходимость. Изменение ценностной направленности, стремление к переменам вполне согласуются с основными проблемами, которые вызывают обеспокоенность у молодых людей**.**

Одной из таких проблем являются сложности самореализации. Эта проблема пронизывает жизнь респондентов с момента поступления в среднее или высшее учебное заведение и до начала трудовой деятельности.

Важной характеристикой в этой ситуации выступает присущий молодости максимализм целей. Состояние собственной уникальности способно ввести в состояние эйфории, в котором молодым людям кажется, что напор позволяет осуществить любые, даже самые неосуществимые желания. Это определяет их приверженность к радикальным средствам достижения поставленных целей, жизненная энергетика молодежи очень ча-

сто находит свой выход в практике насилия, конкретного или символического.

Так как нас интересует возможность предотвращения экстремистских настроений и поведения молодежи в анкету были включены вопросы, касающиеся проводимых с молодежью мероприятий, посвященных межнациональным отношениям, патриотизму, и возможных пожеланий руководству страны в сфере межнациональных отношений.

На вопрос *«Приходилось ли Вам посещать в последний год какие-либо мероприятия, посвященные межнациональным отношениям, патриотизму? Что это были за мероприятия? Какие впечатления у тебя остались?»* абсолютное большинство респондентов ответили, что посещали мероприятия, приуроченные к памятным датам – 1 и 9 мая, 23 февраля, день воссоединения с Крымом и др., традиционные акции – "Бескозырка", "Бессмертный полк", принимали участие в месячнике оборонно-массовой и спортивной работы. По указанным мероприятиям респонденты высказались положительно, отметили свой большой интерес, чувство гордости.

Большое число ответов было посвящено классным часам и другим мероприятиям в образовательных организациях. К сожалению, это направление практически не оценено респондентами. Можно предположить, что качество и уровень, прежде всего классных часов, не позволяют опрошенным дать им качественную оценку, такие мероприятия мало запоминаются и, скорее всего, проводятся формально, поэтому не формируют о себе никакого мнения. Часть респондентов высказала свое сожаление по поводу того, что за прошедший год в патриотических мероприятиях не принимали участия. Это незадействованный ресурс привлечения молодежи в патриотической работе.

Практически отсутствуют мероприятия по межнациональной тематике, которые бы смогли назвать опрошенные. Данный факт говорит о недостаточной целенаправленной работе, проводимой заинтересованными органами и организациями в данном направлении.

Ответы респондентов на этот вопрос можно условно разделить на четыре группы: 1) «похвальные» – те, кто такого рода мероприятия посещал и вынес оттуда полезные и положительные впечатления; 2) «пассивные» – те, кто просто констатирует их наличие; 3) «скептические» – те, кто критикует содержание этих мероприятий и 4) «отсутствующие» – указывающие на отсутствие мероприятий такого рода. Следует учитывать, что на ответы респондентов влияли две группы факторов: объективные (связанные с наличием и качеством проведения, содержательностью мероприятий) и субъективные (связанные с личностью участника). Обе группы факторов могут быть источниками как положительных так и отрицательных впечатлений. Однако некий общий вывод все-таки сделать можно. Во-первых, очевидно, что мероприятий в сфере профилактики экстремизма и ксенофобии проводится достаточно много, на это указывают даже «пас-

сивные» представители молодежи. Во-вторых, к сожалению, не все из этих мероприятий проводятся на высоком содержательном и мотивирующем уровнях – об этом говорит заметное число скептических и негативных отзывов.

Результаты анкетирования по этому вопросу лишний раз свидетельствуют о необходимости модификации имеющихся, разработки новых и проверки эффективности профилактических программ и отдельных мероприятий, причем, опираясь на особенности психологической структуры личности молодых людей.

Психологическая структура личности входит в общую структуру человека, имеет иерархическую структуру и включает в себя психофизиологические свойства, психические состояния, психические процессы, психологические свойства личности свойства и социально-психологические свойства. Высший иерархический уровень в структуре человека занимают *социальные свойства*, которые и связанны с мировоззрением человека.

Целостная структура человека и психологическая структура личности функционируют согласно ряду закономерностей. Согласно закономерности системогенеза, свойства структуры человека как в филогенезе, так и в онтогенезе формируются в направлении снизу – вверх, от соматического уровня – к социальному. При этом любой вышестоящий по иерархии уровень формируется на основе нижестоящих. Это значит, что формирование, например, социально-психологических свойств закономерно основано на соответствующем развитии психологических свойств личности. Развитие же последних, в свою очередь, зависит от сформированности свойств, находящихся на нижележащих иерархических уровнях и т.д. [3].

Поэтому необходимо использовать системно-структурный подход в профилактике и коррекции экстремальности и экстремизма, основанный на психологической диагностике личности и результатах социальных исследований в совокупности.

Библиографический список

1. Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа / Под науч. ред. Т.А. Хагурова. М.: Институт социологии РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Парабеллум, 2013.

2. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Второй этап исследования. Коллективная монография /Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2016.

3. Цагарелли Ю.А. Системная диагностика и развитие психических функций с помощью аппаратурно-программного комплекса «Активациометр АЦ -9К-2Т». Учебное пособие. Казань: МНПО «Акцептор», 2017.

PREVENTION OF EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT OF A POLYETHNIC REGION: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT

Chepeleva Lada M.
Kuban state University, Krasnodar

Abstract. The text of the article refers to a systemic-structural approach in the prevention and correction of extreme and extremism on the example of Krasnodar region.

Key words: extremism, prevention, youth, systemic approach, multi-ethnic environment.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕВИАНТНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Чистов Владимир Владимирович
Хадиметова Малика
(Казахский государственный женский педагогический университет,
г.Алматы, Республика Казахстан)
e-mail: vladi79@list.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям проявлений девиантного поведения у юношей и девушек в подростковом возрасте. Авторы рассматривают истоки и формы девиантного поведения подростков, указывают пути его профилактики и психокоррекции неадекватного поведения посредством тренинговой работы, направленной на формирование самосознания и определения подлинных ценностей.

Ключевые слова: стили общения, девиантность, аддикция, тренинги, самосознание, ценностные ориентации.

Подростковый возраст – период полового созревания, наиболее сензитивен для проявлений девиантности. В это время обычно происходит самоутверждение подростка в личностном плане, переход от детства к взрослости, что порождает протест наставлениям взрослых, негативизм и стремление к самостоятельности. Девиантные проявления наиболее характерны при авторитарном или попустительско-либеральном стиле общения с подростками. В этих случаях личностное самоутверждение обретает форму противодействий, особенно в тех случаях, когда взрослые продолжают относиться к подростку как к ребенку. При этом подростки часто включаются в деятельность уличных неформальных групп, которые складываются стихийно на основе неудовлетворенных потребностей и, способствуют развитию социально-отрицательных интересов, проявляющихся в

курении, употреблении алкоголя и наркотиков, стремлению к взрослым формам поведения и обретению сексуального опыта, подтверждающего взросление.

С позиций гуманистической психологии А.Маслоу (о пирамиде потребностей и мотивации, обуславливающей самоактуализацию), К. Роджерса (о возможностях достижения идеального «Я», укреплении веры в свои силы), Г.Олпорта (о свободной реализации потенций) самоутверждения себя как личности подростки готовы добиваться любой ценой. При этом доминирует стремление к укреплению своего «Я» и своего положения в повседневной жизни для обретения своей значимости через уверенные действия и поступки, что обеспечит удовлетворение потребности в самоактуализации себя как личности. Подросток не может отказаться от своих притязаний и не хочет проявлять свои слабости, которые нередко он маскирует внешней независимостью и развязностью в поведении. Следовательно, подростковый возраст является тем периодом, когда отчетливо выступает потребность в самостоятельности, формировании чувства собственного достоинства, самоутверждении себя в среде взрослых.

Тюркский поэт-мыслитель средневековья Юсуф Баласагуни (XI в.) в своей поэме «Благодатное знание» указывал, на то, что истоки девиантности связаны с недостатками семейного воспитания, ибо, как полагал мыслитель, «если отец в воспитании тверд, то он за детей подрастающих горд» [4]. Поэтому Ю.Баласагуни советовал корректировать поведение детей через активную полезную деятельность. Он рекомендовал: «Смотри, чтоб без дела твой сын не сидел, бесцельна вся жизнь у сидящих без дел», подчеркивая при этом, что «стыдливость и совесть – преграда порокам» [4], в то время как сформированная в подсознании эгоцентрическая установка жить «для себя», несомненно приведет к дестабилизации межличностных взаимоотношений и девиатному поведению по отношению к окружающим.

По мнению А.Г.Асмолова «в реальности личность никогда не скована рамками заданных социальных ролей, она не пассивный слепок культуры, не «ролевой робот», как это утверждается в ролевых концепциях личности» [3].

Наиболее важным отличительным признаком этого периода являются фундаментальные изменения в сфере самосознания подростка, которые имеют кардинальное значение для всего последующего развития и становления как личности. Главная задача рассматриваемого возраста является выбор личных ценностей» [8, с 23].

При проведении анонимного анкетирования старшеклассников 9-х классов в школах г.Алматы были выявлены следующие тенденции приоритетных направлений в проявлениях девиантности в процессе личностного развития современных подростков. Для юношей: наиболее значимым оказался факт осмысления себя взрослым мужчиной, что порождало стремление к сексуальности, проявлениям агрессивности и самоутвержде-

нию себя в неадекватных поступках; для девушек – было наиболее присуще стремление к проявлению своей красоты через наряды, прическу, макияж, кокетство, чрезмерную болтливость и косвенную агрессию по отношению к соперницам в группе.

Мобильные телефоны и интеренет-знакомства стали сегодня также одной из популярных форм коммуникации подростков. У подростков-старшеклассников на первый план среди их интересов выступают развлечения и игры, Интернет дает возможность общения в форме инкогнито, позволяет преодолевать любые границы, смотреть любые фильмы он-лайн. Это, в свою очередь, провоцирует неадекватное поведение. Через сети интернета подростков могут втягивать в различные аферы, побуждать их к суицидам или к агрессивности и жестокости, воспринятой посредством достижения цели в компьютерных играх и переносимых трансформирующихся позже в реальную жизнь. И когда все ранее запретное становится доступным посредством Интернета, это вносит существенные коррективы в манеру межличностного общения со сверстниками, снимает былую скованность и закомплексованность, в плане интимных отношений и способов проявления сексуальности. Внешний вид и следование современной моде, алкоголь и наркотики наполняет жизнь новым свободным содержанием, раскрепощает мысль и фантазию. Многие, особенно юноши, выступают за свободу проявления сексуальных чувств, в т.ч. провозглашая и свободу сексуальных меньшинств, и свободу сексуальных отношений. В результате чего мы отмечаем значительный рост появления беременностей у девочек-подростков. Однако наибольшую тревогу вызывает рост числа несовершеннолетних подростков с демонстративно выраженным девиантным поведением, проявляющимся в асоциальных действиях по отношению к сверстникам и взрослым, в проявлениях неуемной агрессивности жестокости, склонных к насилию, наркомании, дромомании и других форм проявлений девиантности. А.Ю.Егоров отмечает, что в настоящее время «резко возрос процент употребления наркотиков девочками, снизился возраст их первой пробы до 15 лет и раннее» [5]. Это связано с желанием испытать волну необычных захватывающих чувств, стремление к эмансипации, проявлениям сексуальности либо, наоборот, из-за чувства фрустрации, робости или психического дискомфорта, порождаемого подавлением стремления к взрослости со стороны родителей. Современные девушки-подростки уже не хотят мириться даже с малейшим ущемлением их прав. По мнению Л.Н.Тимошенко «Если в школе и дома девушку ругают за недочеты в учебе, иногда к тому же держат «в ежовых рукавицах», то, чтобы реализовать свое женское «Я» идет туда, где ее принимают такой, какая она уже действительно есть. Более того, у некоторых появляется чувство «превосходства» и над одноклассницами и зубрилками и тем более над «маменькиными сынками». Активными внешкольными связями они компенсируют

свои неудачи в учебе, тайно или явно гордясь своими успехами у юношей» [7, с 69].

Юношам часто присущ высокий уровень притязаний и повышенная амбициозность. Однако неудачи способны подтолкнуть их на готовность к проявлению девиантного поведения с целью достижения поставленных ими целей, снижению чувства ответственности и совершения противоправных действий вплоть до преступлений. И.С.Кон подчеркивает, что «яростно отстаивая своей независимости от старших, подростки, зачастую абсолютно некритически относятся к мнениям собственной группы и ее лидеров. Неокрепшее диффузное «Я» нуждается в сильном «Мы», которое, в свою очередь, утверждается в противоположность с каким-то «Они». Причем все это должно быть грубо и зримо» [6, с 131].

Для профилактики аномального личностного развития, порождающего аддикцию и девиатные проявления, которые с возрастом могут только усиливаться, необходима своевременная и планомерная воспитательная работа в школах, гимназиях, колледжах, направленная на осмысление последствий неадекватных действий, поступков, правонарушений, порождающих вседозволенность и ведущих к появлению множества нежелательных проблем и преступности.

Государственная программа борьбы с наркоманией и наркобизнесом в Казахстане и закон РК о медико-социальной реабилитации больных наркоманией предусматривает постепенное оздоровление общества на основе пропагандисткой профилактической работы, пресечением распространения и контрабанды наркотических веществ и выделения значительных средств на лечение наркозависимых граждан [1]. С целью борьбы с игроманией и наркоманией, порождающими девиантное поведение, в Республике официально закрыты все городские казино и игорные клубы, запрещено использование игровых автоматов и продажа наркосодержащих препаратов.

Обретение самосознания и личностных жизненных идеалов, нацеленных на реальные достижения, творческую деятельность и активность, мотивированную подлинно значимыми целями, будет способствовать нормализации межличностных отношений и снижению уровня проявлений девиантного поведения. Благоприятный эффект в этом оказывают психологические тренинги, разработанные российскими и казахстанскими специалистами. Так, для целенаправленной психокоррекции поведения подростков Х.Т. Шерьязданова, Э.В. Исхакова предлагают ряд игр, способствующих адекватному осмыслению действительности через методику сказкотерапии. Для этого используются игры: «Бороться с недостатками»,»мальчики и девочки», «волшебный магазин», а также ряд тренингов: «Общение по принципу: «Здесь и теперь», «определение сильных сторон личности» и др.

Казахстанские психологи А.Т. Акажанова, К.Г. Ельшибаева отмечают, что «сложные условия в которых происходит взросление современной молодежи: нестабильность семейного института, размытость моральных ценностей, которые уже не являются твердой опорой для выстраивания собственной личности, диктуют необходимость использования специальных мер для развития и усиления «Я» подростка, формирования жизнеспособности личности, обладающей достаточными внутренними ресурсами для успешного воздействия и адаптации в социуме» [2, с 23],. Для психокоррекции они предлагают цельную систему разнообразных тренинговых методик, включающих игры и упражнения, направленные на регуляцию эмоций, развитие самосознания и профилактике аддиктивного поведения, Это игры «Установление контакта», «Градусник», «Зависимость от наркотиков», «Прими решение», «Комплименты», «Благодарность без слов», «Медитация» и др. которые хорошо зарекомендовали себя в работе с «трудными» подростками.

Своевременная психокоррекция, изучение этических норм культуры общения, обращение к многовековым традициям и психологическим установкам мыслителей прошлого, народной мудрости способствуют становлению самосознания подростков и адекватному выбору подлинно значимых ценностей.

Библиографический список

1 Айдарханов А.Т., Алтынбеков С.А., Катков А.Л., Муканов С.К. Все о наркозависимости в Казахстане Алматы, 2002. 458с.

2 Акажанова А.Т., Ельшибаева К.Г. Практикум по дпевиантологии. – Алматы, 2008. – 64с.

3 Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. - М., 1984.

4 Баласагунский Ю. Благодатное знание. - М., 1983.

5 Егоров А.Ю. Возрастная наркология. - Спб., 2002.

6 Кон И. С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989.

7 Тимошенко Л.Н. Воспитание старшеклассниц. – М., 1990. – 191 с.

8 Шерьязданова Х.Т., Исхакова Э.В. Сказкотерапия как метод психологической рпаботы с детьми подросткового и юношеского возраста – Алматы: Казак университет, 2015 – 107 с.

FEATURES OF MANIFESTATIONS OF DEVIANCE AT TEEN AGE

Chistov Vladimir V.
Khadimetova Malika
Kazakh State Female Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to features of implications of deviant behavior of teenagers. There are shown the sources and forms of deviant behavior of teenagers, specify ways of its prophylaxis and psychocorrection of inadequate behavior by means of the training work referred on formation of a self-consciousness and definition of the true values.

Key words: styles of communication, deviance, addiction, trainings, self-consciousness, valuable orientations.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, СКЛОННЫХ К ПРОЯВЛЕНИЮ АГРЕССИИ И НАСИЛЬСТВЕННОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Шаповал Валентин Анатольевич
Потарыкина Марина Сергеевна
(Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург)
e-mail: vash23@mail.ru, viktomars@gmail.com

Аннотация. В статье представлены некоторые психодиагностические критерии выявления сотрудников полиции, склонных к агрессивно-насильственному поведению, с использованием Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс».

Ключевые слова: склонность к агрессивно-насильственному поведению, гуманструктурологическая концепция личности, Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс».

Проблема агрессии на сегодняшний день весьма актуальна. Об этом свидетельствует тенденция роста случаев неправомерного применения насилия сотрудниками полиции и превышения ими служебных полномочий, что дискредитирует правоохранительные органы в целом.

Решение данной проблемы видится в качественном превентивном прогнозировании склонности к агрессии и насильственному поведению у сотрудников ОВД не только на стадии их профессионально-психологического отбора, но и в процессе дальнейшего психологического сопровождения их оперативно-служебной деятельности. Однако до настоящего времени не существует нормативно закрепленных психодиагностических критериев склонности к агрессии и насильственному поведению

кандидатов, поступающих на службу в ОВД. С одной стороны, имеющие место у сотрудников агрессивно-деструктивные тенденции в большинстве случаев носят латентный, т.е. скрытый под фасадом внешней психической нормальности и даже успешности, характер. С другой стороны, границы легитимного, т.е. допустимого насилия и уверенного поведения сотрудника полиции, наделенного властными полномочиями, с правом применения мер принуждения, включая применение огнестрельного оружия и специальных средств, размыты.

Критерии агрессивно-насильственного поведения сотрудников ОВД условно можно разделить на внешние (объективные) и внутренние (психологические). Внешние критерии чаще используются руководителями при подборе и расстановке кадров. Эти критерии носят субъективный характер и основываются на жизненном и профессиональном опыте, а также определяются интуицией и личностными особенностями руководителей.

Объективные критерии агрессивно-насильственного поведения основываются на внешних деструктивных проявлениях поступков сотрудников, например, таких как грубость, вербальная агрессия и оскорбления при общении с коллегами и гражданами, жесткое и жестокое обращение с другими людьми, неумение и нежелание понять страдания другого, признание культа физической силы (А.И. Долгова, В.В. Лунев), пренебрежительное отношение к жизни, здоровью и личному достоинству других людей (В.Н. Кудрявцев, М.И. Еникеев), злоупотребление алкоголем, неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные предметы, ожидание расплаты за причиненную агрессию и т.п. Данные критерии отражают степень адекватности или неадекватности поведения сотрудника в соответствии с групповыми, корпоративными и общественными нормами, а также требованиями установленных в обществе правил и законов. Подобные внешние критерии агрессивно-насильственного поведения легко регистрируются, но не дают ответа на вопрос о предопределяющих факторах (предикторах) подобного поведения, а также личностных протекторах, обеспечивающих профессиональное психологическое здоровье сотрудника и его устойчивость к общественно опасному поведению, что очень важно для мероприятий психологической превенции.

Ведомственные психологи в своей деятельности ориентируются не только на внешние (поведенческие), но и на внутренние (психологические) критерии. В качестве последних рассматриваются психологические характеристики личности, которые могут быть получены различными методами: психологическим тестированием, опросом, биографическим методом и др. Применение большинства методов при этом не может гарантировать получение валидной информации в связи с осознанным или бессознательным стремлением опрашиваемых скрыть социально неодобряемое поведение или показать себя в наиболее выгодно свете. Проективные методики полезны замаскированной направленностью заданий, но результаты их при-

менения трудны для стандартизованной интерпретации и во многом зависят от уровня компетентности специалиста, проводящего обследование. Экспериментальные методы исследования агрессивного поведения являются небезопасными и неэтичными, поэтому практически не применяются. Решение видится в использовании валидного психодиагностического инструментария, пригодного для массовых недобровольных обследований, который позволил бы измерить неосознаваемые структуры личности и достоверно выявить психодиагностические предикторы агрессивно-насильственного поведения сотрудников полиции.

Целью исследования явилось определение психологических критериев агрессивно-насильственного поведения у сотрудников полиции.

Нами была обследована выборка сотрудников территориальных подразделений ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области мужского пола (161 человек, в возрасте от 20 до 42 лет), из которых в последующем с помощью метода экспертных оценок была выделена группа лиц, характеризующихся склонностью к агрессии и насильственному поведению (36 человек).

Обследование проводилось с использованием бланковой психодиагностической методики Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» [3], базирующегося на основе гуманструктурологической концепции личности Гюнтера Аммона [2]. ПОЛО «Ресурс» основан на технологии оценки неосознаваемых тенденций личности с помощью сознательного самоотчета, т.е. является психодинамически (психоаналитически) ориентированным, предназначен для изучения Я-структуры личности в границах, определенных набором из 6 центральных (укорененных в сфере бессознательного) Я-функций в совокупности их конструктивных и деструктивно-дефицитарных проявлений [4].

Для поиска психологических критериев агрессивно-насильственного поведения производилось сравнение результатов психодиагностического обследования сотрудников полиции, верифицированно склонных к проявлениям агрессии и насильственного поведения (основная группа) с сотрудниками не склонными к рассматриваемому поведению (контрольная группа). Отбор полярных групп сотрудников осуществлялся с помощью метода экспертных оценок по внешним критериям. В качестве последних использовались такие особенности поведения, как грубость, бестактность, злобность, развязность, конфликтность, вспышки гнева, оскорбления, неконтролируемое использование ненормативной лексики, и объективные факты, указывающие на проявления агрессии на службе (применение силы без законных оснований, превышение служебных полномочий) и (или) в быту.

В результате проведенного исследования было выявлено, что преобладание в психографическом профиле ПОЛО «Ресурс» таких психодинамических показателей личностной идентичности, как «общая деструктивность» и «общая дефицитарность» над «общей конструктивностью» слу-

жит предиктором склонности к агрессивно-насильственному поведению сотрудников ОВД. Также маркерами такого поведения являются снижение показателя шкал C_1 (конструктивного страха) и Us (профессионально-психологической успешности), а также повышение показателя шкалы N_2 (деструктивного нарциссизма). По указанным показателям основная группа достоверно отличалась от контрольной (по Т-критерию и критерию Манна-Уитни).

Так, достоверно более низкие показатели по шкале «C_1» ($p<0,05$) у «агрессивных» сотрудников полиции отражают недостаточность механизма мобилизующего и развивающего совладания с тревогой и снижение способности дифференцированно относиться к различным опасностям и собственному опыту переживания угрожающих ситуаций; ослабление или даже нарушение гибкой эмоциональной регуляции поведения; снижение толерантности к тревожным переживаниям и умения принимать обоснованные, взвешенные решения в экстремальных ситуациях и ситуациях ответственного выбора, а также способности чувствовать тревожные переживания других и оказывать поддержку в их преодолении; несовпадение уровня активности с имеющимися трудностями реального жизненного положения вещей. На фоне этого может отмечаться либо «захлестывающая», дезинтегрирующая поведение индивида переоценка степени опасности, либо ее полное субъективное отрицание.

Достоверно более высокие показатели по шкале деструктивного нарциссизма ($p<0,05$) у «агрессивных» сотрудников полиции указывают на неадекватность оценка себя, своих действий, способностей и возможностей, искаженное восприятие других, чрезмерную настороженность в общении, нетерпимость к критике, низкую толерантность к фрустрациям; болезненную потребность в общественном подтверждении своей значимости и ценности; боязнь близких, теплых, доверительных отношений и неспособность их устанавливать, склонность к построению аутистического мира, отгораживающего от реальных интерперсональных взаимодействий; ощущение неразделенности и непонятности другими субъективно важных переживаний и чувств, интересов и мыслей, чувство враждебности окружающих, вплоть до параноидных реакций, ощущение скуки и безрадостности существования. Отмечается выраженная противоречивость самооценки с несогласованностью отдельных ее компонентов, нестабильность отношения к себе, трудности в межличностных контактах, крайняя обидчивость, чрезмерная осторожность, закрытость в общении, тенденция постоянно контролировать собственную экспрессию, сдержанность, аспонтанность, «сверхпроницательность» вплоть до подозрительности; сочетание фасадной безупречности с чрезмерной требовательностью и непримиримостью к недостаткам и слабостям других; высокая потребность находиться в центре внимания, получать признание окружающих, в сочетании с непереносимостью критики и избеганием ситуаций реальной внешней

оценки собственной личности, неполноценность межличностного общения с выраженной тенденцией к манипулированию.

Снижение показателей по шкале профессионально-психологической успешности ($p<0,05$) у сотрудников, склонных к агрессивному поведению свидетельствует о низком уровне развития профессионально-психологических качеств, присущих личности профессионально-успешного сотрудника.

Результаты проведенного нами исследования схожи с исследованиями А.Бандуры и Р.Уолтерса, которые выделяет такие личностные характеристики агрессивного поведения «нормальных» личностей (не страдающих явной психопатологией), как боязнь общественного неодобрения, раздражительность, тенденция усматривать враждебность в чужих действиях, убежденность в том, что он в любой ситуации остается хозяином своей судьбы и склонность испытывать чувство стыда, а не вины во многих ситуациях [1, 15].

Таким образом, в результате проведения массовых психодиагностических обследований с помощью экспертно-диагностической системы для оценки и прогнозирования профессионального психологического здоровья сотрудников ОВД на основе психодинамически ориентированного личностного опросника (поло) «Ресурс» нами были выявлены психодиагностические критерии (предикторы, маркеры) агрессивно-насильственного поведения сотрудников ОВД, которые указывают на валидность данного инструментария для этих целей. Дальнейшие исследования в данном направлении видятся нами в разработке специальной психодиагностической шкалы для скрининговых психопрофилактических обследований сотрудников на предмет склонности к агрессии и насильственному поведению. Данное исследование требует расширения критериальной группы испытуемых и поиска валидных внешних критериев для отделения «доброкачественной» (конструктивной) агрессии и легитимного насилия от «злокачественной» (деструктивной) агрессии и нелегитимного насилия в силу сложности их дифференцировки и объективной экспертной оценки. В этой связи изучается вопрос о целесообразности использования результатов психодиагностического обследования лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в том числе бывших сотрудников ОВД, за совершение преступлений насильственной направленности.

Библиографический список

1 Гурская И.Ю. Методологические проблемы исследования проявления агрессивного поведения // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2008. №3-4. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-problemy-issledovaniya-proyavleniya-agressivnogo-povedeniya (дата обращения: 11.11.2017).

2. Кабанов М.М., Незнанов Н.Г. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003 г. - 438 стр.

3. Шаповал В.А. Метод оценки и прогнозирования психологического здоровья и профессиональной идентичности кандидатов на службу и сотрудников МВД на основе Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс». – Учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: СПб Университет МВД России, 2013. – 276 с.

4. Шаповал В.А. Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг: монография. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – 296 с.

REVISITING CRITERIA FOR RECOGNISING THE POLICE OFFICERS WHO ARE PRONE TO AGGRESSION AND VIOLENT BEHAVIOR

Valentin Anatolyevich Shapoval
Marina Sergeyevna Potarykina
Saint-Petersburg University of the RF Interior Ministry, Saint-Petersburg

Abstract. The article presents some psycho diagnostic criteria for the RECOGNISING the police officers who are prone to aggressive and violent behavior, using Psychodynamically oriented personality questionnaire (POPQ) "Resource".

Key words: propensity to aggressive and violent behavior, humanist-structural concept of the personality, Psychodynamically oriented personality questionnaire (POPQ) "Resource".

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ В РАСПРОСТРАНЕНИИ БЕСПОРЯДОЧНОГО СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Шульгина Елена Викторовна
(Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), г. Москва)
e-mail: elena_shulgina@inbox.ru

Аннотация. В статье содержится анализ информации, поступающей из современных СМИ, на предмет наличия пропаганды беспорядочного сексуального поведения. Рассмотрен опыт зарубежных стран (на примере США и Британии) в отношении навязывания местными медиа информации сексуального характера. Приведены возможные меры снижения существующего уровня сексуальной пропаганды.

Ключевые слова: информация, пропаганда, сексуальность, современное общество, несовершеннолетние.

Одной из главных характеристик современного общества является его информационность. Сегодня телекоммуникационные и компьютерные технологии приобрели всеохватывающий характер, проникли в каждую сферу жизни социума. К настоящему моменту можно говорить о таком явлении как медийная зависимость. В группу наибольшего риска попадает молодежь, подрастающее поколение, бесконтрольно пользующееся современными гаджетами и информационными технологиями.

Всемирная сеть Интернет на сегодняшний день становится главным источником и механизмом передачи информации, средством общения. Согласно данным социологических опросов, наиболее активными пользователями Интернета являются люди в возрасте от 18 до 25 лет. Большинство представителей старшего поколения в качестве основного источника информации используют телевидение. В то же время, такие СМИ как газеты, журналы, радио также не утрачивают свою популярность.

Анализ информации, поставляемой современными СМИ, позволяет утверждать, что одной из наиболее часто встречающихся тем является тема секса. Такая активная пропаганда влечет за собой целый ряд негативных последствий, среди которых можно выделить снижение возраста начала сексуальной жизни, ранние беременности, распространение беспорядочных сексуальных связей, увеличение количества новоинфицированных венерическими заболеваниями, размывание морально-нравственных ценностей.

Сексуальная жизнь из личной сферы переместилась в сферу общественную. Явно или завуалированно фильмы, передачи, видеоклипы, рекламные ролики несут в себе мощный посыл сексуальности. Причем чаще всего внимание акцентируется на получение удовольствия, тогда как информация об ответственности за сексуальное поведение умалчивается. Таким образом, посредством СМИ формируется современная сексуальная культура, главными характеристиками которой являются: легкое отношение к вступлению в половую связь и к частой смене партнеров, раскрепощенность и разнообразие сексуальных практик, стремление к получению максимума удовольствия от сексуальной жизни и игнорирование ответственности за свое сексуальное поведение.

В современном обществе насыщенная сексуальная жизнь ассоциируется с понятием успеха. СМИ транслируют образы известных и богатых людей в откровенной одежде, призывных позах, пишут о частой смене их сексуальных партнеров, вступлении в отношения с представителями как противоположного, так и своего пола.

Подростковая неокрепшая психика особенно податлива такому влиянию. Если подростки постоянно сталкиваются с информацией об активной сексуальной жизни своих кумиров, то воспринимают такое поведение как норму, пример, к которому нужно стремиться.

Особого внимания заслуживает такое современное СМИ как социальные сети. Большинство представителей молодого поколения пользуется той или иной социальной сетью ежедневно. Наиболее популярными среди молодежи являются такие социальные сети как Инстаграм и Вконтакте.

Популярность того или иного аккаунта в Инстаграм исчисляется количеством его подписчиков. Так, одним из самых читаемых пользователей является так называемый «Король Инстаграма» – Дэн Билзерян – американский миллионер. На сегодняшний день на его страницу подписано 22,6 млн. человек. Билзерян регулярно выкладывает фото и видео, пропагандирующие развратное поведение и другие пороки современного общества.

Австралийская пара – художник Митч Гобел и инструктор по йоге Салли Мустанг – так же активно ведут свою страницу в Инстаграме, на которую подписано уже около полумиллиона человек. Основная тема аккаунта – их интимная жизнь. Страница Салли изобилует ее обнаженными фотографиями, дополненными рассказами о подробностях их с партнером сексуальной жизни. Пара открыто призывает всех прославлять секс, перестать скрывать свои желания. Согласно данным статьи, посвященной паре, 90% подписчиков их аккаунтов восхищаются, благодарят их и положительно отзываются о таком поведении и лишь 10% относятся с возмущением и агрессией [3].

Множество страниц в Инстаграме принадлежат тренерам по сексуальным практикам. Один из примеров – Зап – бывшая порноактриса, ныне автор тренингов, посвященных сексуальному раскрепощению. Зап открыто заявляет, что у них с мужем есть другие сексуальные партнеры во многих странах мира: «Главное, чтобы любимому было хорошо. Неважно, с кем он спит: с вами или с другими женщинами. Это более тонкое понимание любви». [7]

Еще одна популярная социальная сеть – Вконтакте – также изобилует информацией сексуального характера. В рамках данной соцсети существуют сотни страниц, посвященных сексу в том или ином его проявлении. В открытом доступе здесь циркулируют порно файлы, размещаются объявления о секс-знакомствах, ведут свою деятельность группы, пропагандирующие нетрадиционные сексуальные отношения. Роскомнадзор предпринимает меры по борьбе с данными информационными материалами. Периодически появляются сообщения о включении в единый реестр запрещенной информации тех или иных сообществ социальной сети, замеченных в пропаганде сексуальных отношений среди несовершеннолетних [8]. Однако им подобные группы, в которые может вступить любой желающий, зарегистрированный во Вконтакте, создаются вновь.

Таким образом, интернет является каналом пропаганды свободного отношения к любым сексуальным практикам, навязывающим идею, что активно заниматься сексом, в том числе добрачным и внебрачным, обязательная социальная норма.

Что касается зарубежного опыта, то в США также обеспокоены непрерывным потоком посылов сексуального характера, исходящим от современных СМИ. Телевидение, интернет, кинематограф, музыкальные видео, откровенные журналы насыщены сексуальным смыслом. Такой культурой секса дети окружены с ранних лет. К одним из наиболее опасных последствий подобного положения дел относятся эпидемия венерических заболеваний и ранние беременности. Так, он-лайн издание DailyMail приводит данные Центра США по контролю и профилактике заболеваний, согласно которым ежегодно фиксируется порядка 20 миллионов случаев заболеваний, передающихся половым путем, причем около половины новоинфицированных составляют американцы 15-24 лет. [4] К тому же, США имеют один из наиболее высоких мировых показетелей подростковых беременностей. По сообщениям, появлявшимся в прессе, в одной только школе штата Теннеси было зафиксировано 86 девочек-подростков, которые были беременны или только что родили [1].

Британское электронное издание The Guardian отмечает популярность среди подростков такого явления как sexting – обмен сообщениями сексуального характера и откровенными фотографиями. Эксперты видят причину распространения данного явления в массовой культуре, пропагандирующей образы полуголых кумиров и их развязное поведение. Так, в качестве примера образа мыслей подростков, издание приводит цитату 14-летней Нэнси: «Я не думаю, что делаю что-то такое, что отличается от того, что делает Бритни в ее новом видео. Плюс, я люблю внимание» [2]. При чем британские исследователи отмечают, что секс-сообщения чаще отсылают подростки женского пола, чем мужского. Они объясняют такое положение дел тем, что девочки чаще читают глянцевые журналы, навязывающие откровенные сексуальные образы и примеры поведения [2].

Таким образом, современные СМИ способствуют росту свободы во взглядах на сексуальную жизнь. Органы государственной власти стремятся вырабатывать меры борьбы с таким активным распространением сексуальной пропаганды. Так, 11 июня 2013 г. Государственной Думой был принят закон, предусматривающий ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в виде «наложения административного штрафа на граждан в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от восьмисот тысяч до одного миллиона рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток». (КоАП РФ, Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних) [6] За пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, совершенную с применением средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети "Интернет"), та же статья КоАП РФ предусматривает «наложение админи-

стративного штрафа на граждан в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на должностных лиц - от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; на юридических лиц - одного миллиона рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток». (КоАП РФ, Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних) [6].

В 2014 г. депутаты Госдумы стремились расширить действие вышеназванного закона и установить ответственность не только за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, но и за навязывание несовершеннолетним «любой информации о приоритете сексуальных отношений». [5] Таким образом, было внесено предложение о расширении запрета на пропаганду любых сексуальных отношений среди несовершеннолетних. В качестве подобной информации депутаты предлагали считать «сведения, которые пропагандируют приоритет сексуальных отношений в ущерб ценностям семейной жизни, духовного и интеллектуального развития» [5]. Однако, данная инициатива была поддержана лишь небольшим количеством голосов и осталась нереализованной.

Таким образом, уровень пропаганды разнообразных свободных добрачных половых связей остается высоким. Значительную роль в этом играют современные СМИ, которые являются одним из мощных средств формирования мировоззрения общества. Если в интернете, по телевидению, в журналах постоянно появляется информация о том, что для современного успешного человека характерна частая смена сексуальных партнеров, испробование разнообразных сексуальных практик, легкое отношение к раннему вступлению в половую жизнь и т.д., то формируется представление, что это совершенно нормально, к этому надо стремиться. На сегодняшний день тема секса в СМИ не ограничена никакими моральными нормами. Внимание фокусируется на получении удовольствия, оно ставится превыше всего, тогда как информация о возможных последствиях и ответственности умалчивается. В связи с этим становится актуальным вопрос об ограничении сексуальной пропаганды, особенно среди несовершеннолетних. Необходимо выработать государственные меры, которые обеспечили бы безопасность медиа-среды для подрастающего поколения. Среди таких мер может быть запрет показа до ночного времени суток фильмов и передач, содержащих откровенные сексуальные сцены, мониторинг интернет-пространства с целью блокирования сайтов, пропагандирующих развратное поведение, ограничение рекламы с явным сексуальным посылом.

Снижение пропаганды беспорядочных половых связей, особенно среди несовершеннолетних, необходимо, т.к. оно повлечет за собой повышение уровня физического и психологического здоровья, сокращению числа ранних беременностей и заражений венерическими заболеваниями.

Библиографический список

1. 86 Teens Pregnant at One Memphis High School [Электронный ресурс] // Fox News Health. Published January 14, 2011. URL: http://www.foxnews.com/health/2011/01/14/teens-pregnant-menphis-high-school.html (Дата обращения: 04.09.2017)

2. Barbieri, Annalisa You don't know what sexting is? [Электронный ресурс] // The Guardian, 7 August 2009. URL: https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2009/aug/07/sexting-teenagers-mobile-phones (Дата обращения: 04.09.2017)

3. Grounsell, Lauren 'Sex is something to be celebrated, not banned': 'Artistic' Byron Bay couple who shared VERY racy pictures detailing their 'Fifty Shades' sex life left outraged when Instagram deletes their posts [Электронный ресурс] // Daily Mail Australia, 17 February 2016. URL: http://www.dailymail.co.uk/femail/article-3451901/Couple-share-sexual-escapades-reported-Instagram-users.html (Дата обращения: 19.09.2017)

4. 'Severe epidemic' of sexually-transmitted diseases is sweeping the nation, warns CDC on Valentine's Day [Электронный ресурс] // Daily Mail, 14 February 2013. URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2278457/CDC-warns-Valentines-Day-eve-severe-epidemic-sexually-transmitted-diseases-sweeping-nation.html (Дата обращения: 04.09.2017)

5. Дума против «сексуально откровенных СМИ» [Электронный ресурс] // НАШ ДОМ - НАША КРЕПОСТЬ! Информационно – аналитический портал независимых родителей! URL: http://nezavisroditeli.ucoz.ru/publ/vospitanie_v_gosudarstvennykh_uchrezhdenijakh/seksprosvet/duma_protiv_seksualno_otkrovennykh_smi/40-1-0-866 (Дата обращения: 04.09.2017)

6. КоАП РФ, Статья 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] // "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5f3d08ac0b454481377d6a/ (Дата обращения: 04.09.2017)

7. Минотова С. Порноактриса плохому не научит. Как я ходила на тренинг Зап [Электронный ресурс] URL: http://kyky.org/sex/pornoaktrisa-plohomu-ne-nauchit-kak-ya-hodila-na-trening-zap (Дата обращения: 19.09.2017)

8. Соцсеть «ВКонтакте» оказалась в центре громкого скандала из-за «пропаганды нетрадиционного секса» среди детей [Электронный ресурс] URL: http://novostink.ru/mir/123697-socset-vkontakte-okazalas-v-centre-gromkogo-skandala-iz-za-propagandy-netradicionnogo-seksa-sredi-detey.html (Дата обращения: 20.09.2017)

9. Феноменология и профилактика девиантного поведения [электронное издание]: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., 8 дек. 2016 г. / редкол.: А. А. Таганова, С. А. Павлова, И. С. Нестеренко, Н. А. Деева, А. С. Бондаренко, А. С. Осипова. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – 400 с.

THE INFLUENCE OF MODERN MEDIA IN THE SPREAD OF PROMISCUOUS SEXUAL BEHAVIOUR

Shulgina Elena V.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract. The presence of propaganda promiscuous sexual behavior in information from modern media is the subject of analysis that this article contains. The experience of foreign countries (USA and UK) in the sphere of spreading by local media of information of a sexual nature was considered. The author gave an overview of possible measures reducing the existing level of sexual propaganda.

Key words: information, propaganda, sexuality, modern society, minor

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Щеголева Татьяна Викторовна
(ФГКУ ДПО «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Домодедово)
e-mail: 17077@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу различных подходов к определению девиантного поведения. Проанализированы существующие концепции и подходы к феномену поведенческой девиации. Рассмотрена классификация девиантного служебного поведения сотрудников. Обозначена необходимость и перспективность изучения феномена девиантного служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, что в дальнейшем влечет за собой возможность расширения классификационных оснований.

Ключевые слова: девиантное поведение, служебное поведение, феномен, девиации, норма, сотрудник органов внутренних дел.

В последние десятилетия проблема девиантного поведения приобрела высокую социальную значимость. Процессы индивидуализации личности и ослабления групповых связей способствовали росту поведенческих девиаций в современном обществе.

В профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД) низкий уровень индивидуального правосознания приводит к использованию ими своего служебного положения в личных, неслужебных

целях, пренебрежению нормами морали и нравственности, и, в ряде случаев, к нарушениям норм закона, девиантным формам поведения.

Нарушения служебного поведения современными полицейскими— одна из актуальных тем для психологических исследований в России и за рубежом. Конфликты между населением и полицией, происходящие в США и Европейских странах, убедительно показывают: решение полицией профессиональных задач по защите жизни и здоровья, прав и свобод граждан, поддержанию общественного спокойствия, законности и правопорядка может быть успешным только при условии позитивного отношения населения.

Основой для доверия, уважения и поддержки со стороны населения является в первую очередь служебное поведение в рамках закона, Устава, т.е. требований и норм гражданского и служебного долга. К сожалению, статистика указывает на то, что бюрократические механизмы руководства при всей их адресности и детализации, далеко не всегда должным образом регулируют профессиональное поведение полицейского. Можно согласиться с М.И. Марьиным в том, что опыт психологического обеспечения службы в ОВД Российской Федерации показывает, что в научной организации профессиональной деятельности в системе ОВД существуют некоторые пробелы, которые требуют методологического анализа и критического осмысления с междисциплинарных позиций [5, С. 123-127].

Следует понимать, что сегодня изучение феномена девиаций служебного поведения происходит совершенно в ином социально-экономическом и политическом контексте, чем двадцать-тридцать лет назад — в период реформирования и становления новой структуры МВД России в условиях экономической нестабильности, миграционного кризиса в странах Европы и угрозы распространения терроризма. Поэтому для исследования девиантного поведения сотрудников ОВД необходим методологический анализ релевантности классических методологических подходов, теорий и методов применительно к исследованию нарушений служебного поведения сотрудниками полиции.

Определение понятия «девиантное поведение»

Базисной системообразующей социально-психологической категорией понятия «девиантное поведение» является категория «особенности поведения человека в социально организованной общности, с которой связана метапсихологическая категория «ценность». Сам же термин «девиантное поведение» в психологии используется в достаточно широком контексте и включает в себя разнообразные вариации.

Представляется, что употребление в контексте девиантного таких понятий, как «делинквентное поведение», «аддиктивное поведение», «дезадаптивное поведение», «асоциальное поведение», «неадекватное поведение», «деструктивное поведение», «акцентуированное поведение», «агрессивное поведение», «конфликтное поведение» и других является методо-

логически вполне оправданным. Дело в том, что каждое из названных понятий отражает определенный ракурс научного анализа: изучение областей проявления феноменов девиации (нарушение законов государства или общества, норм межличностной коммуникации, и т.д.), исследование предикатов девиантного поведения (акцентуации личности, аддикции и др.), механизмов возникновения (дезадаптация, деструкция, конфликт) и т.д.

Каждое из вышеперечисленных определений понятия ставит акцент на отдельном аспекте феномена поведенческой девиации и соответствует классическим определениям, которые рассматривают девиантное поведение индивида:

- как «систему поступков, противоречащих принятым в обществе нормам и проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля за собственным поведением» [6, С-432];

- «...специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации ценностного отношения к ним» [3, С. 262-269];

- «асоциальное, отклоняющееся поведение», под которым понимаются устойчивые отклонения от социальных норм, в том числе отклонения корыстной, агрессивной ориентации и социально пассивного типа [4, С. 112];

-«устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [2, С. 19].

Таким образом, в научной литературе посвященной психологии девиантного поведения, девиация характеризуется как существенный признак для классификации девиантного поведения. Классическое определение понятия «девиация» – тавтологическое от лат. deviatio – уклонение, и в различных словарях понимается как отклонение от каких-либо норм (в поведении, отношениях, функциях и др.).

Анализ результатов социально-психологических, социологических и междисциплинарных исследований, в частности – работ Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева, Т.А. Хагурова, Ю.А.Клейберга, Н.А.Цветкова, Kwami S.D. (2016), Т. Шибутани (1998) и других ученых обращает внимание на системную природу и факторную детерминацию девиантного поведения [1, С. 19].

В частности, можно согласиться с Т. Шибутани, который, вслед за Э.Дюркгеймом и Р.К. Мертоном, интерпретирует девиантное поведение в рамках концепции социальной дезорганизации и выделяет в качестве главного фактора нормы эталонной группы. Механизм девиантного поведения, по его мнению, имеет три разновидности:

1) конформизм к экспектациям эталонных групп, в том числе приспособление к нормам преступных групп;

2) ситуационное девиантное поведение под влиянием сильного возбуждения и временной утраты самоконтроля, вопреки собственным стандартам поведения;

3) компульсивное поведение (употребление наркотиков, алкоголизм, сильные оскорбления при слабой провокации, неоправданная жестокость и враждебность без чувства вины) [7, С. 484-489.].

Шибутани обращает внимание исследователей на тот факт, что социальная реорганизация иногда предполагает принятие тех шаблонов поведения, которые прежде осуждались как отклонения.

Для нас представляется важным следующее положение Ю.А. Клейберга: «Девиантное поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, состоящей из различных диспозиционных образований, зависящих от витальных и социальных потребностей и от уровня социальной ситуации [3, С. 262-269];

Оно согласуется с понятием «социальных обручей» Т. Хирши о низкой вероятности девиаций при вере в социально одобряемые ценности [8, С. 262-269], а также положениями о девиантной социализации при противоречивых нормах и культурных ценностях, вытекающими из работ Н.Ф. Наумовой, Т.А. Хагурова (2003; 2007), Р. Харре (1996), В.А. Ядова.

Отдельного внимания заслуживает трактовка девиантного поведения в русле теории структурной напряженности Дж.Ритцера, который характеризует эмоциональный вклад в механизм девиаций: разочарование, ощущение неполноценности и напряжения вследствие невозможности достичь расставленных целей законными способами [3, С. 262-269].

Разнообразие подходов к пониманию феномена девиантного служебного поведения сотрудников правоохранительных органов приводит к классификации их девиаций.

Виды девиаций служебного поведения сотрудников ОВД

По разным источникам, можно выделить следующие классы девиаций служебного поведения:

1) *дисциплинарные проступки* как *нарушение норм исполнения служебных обязанностей в рамках должностной инструкции*, которое *может повлечь за собой ущемление* прав, интересов, чести, достоинства, личной неприкосновенности отдельных граждан и должностных лиц; интересов и прав коллективов работников; интересов государственных и общественных организаций, а также причинить ущерб финансовой и штатной дисциплине;

2) *дисциплинарные проступки как нарушение общих для всех сотрудников норм служебной дисциплины* (порядка организации оперативно-служебной деятельности, режима рабочего времени и распорядка дня сотрудников, правил ведения служебной документации, правил использования оперативно-технических средств и материально-технического обеспе-

чения, а также нарушения режима общей и противопожарной охраны служебных зданий и помещений и др.);

3) *нарушения законодательства,* влекущее за собой *уголовную ответственность.*

Таким образом, девиантное поведение – это, с одной стороны, поведение личности, с другой стороны – социальная проблема. Вышеизложенное демонстрирует разнообразие подходов к пониманию феномена девиантного служебного поведения сотрудников ОВД что, в свою очередь, влечет за собой возможность расширения классификационных оснований.

Библиографический список

1. Гилинский Я.И., Гоголева А.В., Евенко С.Л., Кеймакина Т.Н., Комлев Ю.Ю., Тесленко А.Н., Хагуров Т.А., Цветкова Н.А., Клейберг Ю.А., Kwami S.D. Современная девиантология: методология, теория, практика / Под ред. Клейберг Ю.А., Kwami S.D. Монография. - Изд-во: UK Academy of Education. 310с. London, 2016

2. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2010. – 19 с. – (Серия «Учебное пособие»).

3. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение: синтагма, онтология, эпистемология // Общество и право. Актуальные вопросы психологии и педагогики. №1(51). Изд-во ФГКОУ ВО Краснодарский университет МВД РФ (Краснодар).2015. С. 262-269.

4. Кудрявцев В.Н., Социальные деформации: (Причины, механизмы и пути преодоления). – М.: ИГПАН, 1992. С-112.

5. Марьин М.И., Бочкова А.А. Аксиологические детерминанты противоправного поведения сотрудников органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2015. №1 (33). С. 123-127.

6. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: Учеб. пособие. - М.: Медпресс, 2001.С-432.

7. Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с анг. В.Б. Ольшанского. Ростов-/Д. изд-во «Феникс», 1998. – 544с. С. 484-489.

8. Hirschi T. Causes of delinquency/ T.Hirschi. - Berkeley: University of California Press, 1969. (цит по Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля: монография / Ю.Ю.Комлев. - Казань: КЮИ МВД России, 2009.-155с.).

PHENOMENOLOGY OF THE DEVIFNT OFFICIAL BEHAVIOR OF THE STAFF OF INTERNAL AFFAIRS

Shchegoleva Tatiana V.
All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Domodedovo

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of various approaches to the definition of deviant behavior. Analyzed existing concepts and approaches to this phenomenon. The classification of deviant behavior of staff is considered. The necessity and perspectivity of the study of this phenomenon is indicated.

Keywords: deviant behavior, official behavior, phenomenon, deviation, norm, staff of internal affairs.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНАЯ НОРМАТИВНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ НАДЕЖНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

Щербакова Елена Алексеевна
(Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза им. А.К. Серова, г. Краснодар)
e-mail: leliyaom@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся теоретический анализ и эмпирические результаты исследования профессионально-личностной нормативности военных летчиков

Ключевые слова: профессионально-личностная нормативность (отклонение), профессиональная надежность, личностные особенности

Тема профессионально-личностной нормативности, под которой мы понимаем вид и уровень активности человека в совокупности с определенными для профессиональной деятельности профессионально важными личностными качествами специалиста, способствующими успешной профессионализации, взятая к рассмотрению нами еще в 2011 году [7,с. 255-258], актуальна и в настоящее время. Изменение системы подготовки военных летчиков ставит перед специалистами психолого-педагогического обеспечения обучения летного состава все новые задачи.

Так, например, увеличение набора курсантов, изменение контингента обучаемых, изменение программы и условий обучения курсантов определяет и задачи профессионального психологического отбора (ППО) и психологического сопровождения (ПС) обучения летного состава (ОЛС).

Как указывалось ранее [6, с. 408-414], одним из основных требований к деятельности специалистов экстремальных профессий, в том числе военного летчика, является их профессиональная надежность. Под надежностью деятельности понимается свойство человека-оператора, характеризующее его способность безотказно выполнять поставленные задачи в течение определенного интервала времени при заданных условиях [8, с.338]. Невыполнение человеком-операторомпредписанных действийили такое снижение качества их выполнения, которое делает невозможным достижение цели деятельности, называется «отказом» человека-оператора [2, с.382]. По словам В.А. Пономаренко, «летная профессиональная подготовка, дающая знания, умения, навыки, формирует эффективность, а затем надежность… Сниженные психофизиологические резервы – это синдром ухудшения качества жизни, психологического климата, страх потерять профессию, утрата летной направленности» [4, с. 418]. С эффективностью использования психофизиологических резервов взаимосвязан адаптационный потенциал личности [3, с. 203]. Следовательно, существует взаимосвязь между адаптированностью личности к среде, ее нормативностью и надежностью в ней [4, с.203]. Если рассматривать проблему личностной надежности специалиста в профессии, то она (надежность), к сожалению, в настоящее время значительно снижена у курсантов и молодых специалистов, а также проявляется в снижении мотивации, преждевременном уходе специалистов из профессии по состоянию здоровья и др.

В связи с вышесказанным, система ППО и ПСОЛСнуждается в методологическом и методическом усовершенствовании.

В связи с изменившимися квалификационными характеристиками специалиста назрела острая необходимость уточнить квалификационный профиль и психограмму современного военного летчика.

Теоретический анализ литературы, в которой речь идет о личности военного летчика, успешно выполняющего профессиональную деятельность, позволил выделить личностные особенности, поведенческие навыки (стереотипы), способствующие (нормативные) и затрудняющие или препятствующие (отклоняющиеся) выполнению деятельности военного летчика.

Так к профессионально важным личностно-нормативным качествам относятся личностные качества, которые мы условно объединили в 3 группы: индивидуальные, социальные и специальные. Внутри групп качества рассматриваются как характерологические, эмоционально-волевые и мотивационные (индивидуальная группа); морально-нравственные и ценностные (социальная группа); психолого-педагогические (специальные) качества.

Приведем содержательное наполнение вышеназванных групп.

Индивидуальные качества:

- *характерологические*: самодостаточность; инициативность; лидерские качества; общительность; чувство юмора; коллективизм; дружелю-

бие; уверенность в своих силах; спокойствие и собранность, вселяющие в обучаемых уверенность, исключающие нервотрепку, способствующие сосредоточению на выполнении полетного задания; ответственность за жизнь другого человека; отношение и готовность к риску осознанные и основанные на уверенности в собственном профессионализме и нацеленности на положительный результат; способность к осознанному риску как психологической готовности к выбору автономных незаурядных решений, диктуемых конкретной или социальной ситуацией; решительность в воздухе и на земле; личная скромность; уважительное и заботливое отношение к сослуживцам; общительность в летной среде; доступность подчиненным; легкая срабатываемость с ними; самообладание; выдержка; устойчивость в опасных ситуациях; самоотверженность и дисциплинированность; требовательность; последовательность; справедливость; постоянная готовность переключиться с учебно-боевой подготовки на боевую работу; высокие эмоциональная компетентность и рефлексивность сознания; уступчивость;

- *эмоционально-волевые*: устойчивый положительный эмоциональный настрой; сильная воля (способность убеждать и внушать) ; настойчивость в достижении поставленной цели; летная выдержка; навыки психической саморегуляции;

- *мотивационные:* долговременная направленность на военно-летную деятельность; стремление к постоянному совершенствованию; желание «продолжить» себя в последователях и др.

Социальные качества:

- *морально-нравственные*: высокая общественная и служебная активность; патриотизм; принципиальность; нетерпимость к недостаткам; самокритичность; честность и правдивость; дружба и войсковое товарищество; готовность прийти на помощь; высокая дисциплина летной работы; чувство долга; навыки конструктивной профессиональной критики, не унижающей личностное достоинство подчиненного;

- ценностные: патриотизм; верность воинскому долгу и присяге; дружба; семья; причастность к высшему духовному образу своего места в авиации; ответственность; уважение; доверие и др.

Специальные качества:

- *психолого-педагогические:* наставничество; подвижничество; педагогическая самоотдача; педагогическая целеустремленность; педагогический такт; способность убеждать и внушать; положительный образ жизни, стиль летания; методическая подготовленность; общая культура и эрудиция; способность использовать юмор в воспитательных целях; развитая речь; способность к осознанному риску как психологической готовности к выбору автономных незаурядных решений, диктуемых конкретной или социальной ситуацией; плановость и системность в работе; умение четко ставить задачи обучаемым; своевременно и всесторонне контролировать;

предусматривать необходимые мероприятия, обеспечивающие процесс обучения; чувство нового;умение анализировать ход процесса обучения в летной группе, успеваемость отдельного подчиненного, каждый полет, находить в работе главное, извлекать поучительное из ошибок; умение при подготовке к полету и в воздухе выбирать наиболее действенные способы педагогических воздействий на обучаемого, умение поддерживать хороший контакт с подчиненными (во взаимоотношениях с ними быть терпеливыми, доброжелательным, всегда готовым прийти на помощь) ; умение вдохновлять и направлять подчиненных на успешное выполнение полетного задания.

Вышеперечисленные профессионально-личностные нормативные качества, выраженные на достаточном уровне, определяют профессиональную пригодность абитуриента к профессиональной деятельности и его будущую надежность как специалиста.

Также в ходе теоретического анализабыли выявлены личностные особенности, наличие которых нежелательно, иногда и недопустимо в личности военного летчика. К ним относятся:грубость в общении; мнительность; неуверенность; нервозность; болтливость; самоуверенность; вседозволенность; качества перестраховщика (недоверие, излишняя опека, чрезмерный контроль); сниженная ответственность;неадекватная самооценка; необоснованно завышенные притязания и т.д.

Частично мы затрагивали эту тему в статье «Об особенностях личности курсантов, снижающих их профессиональную надежность» [6], где были показаны результаты исследования личности курсантов со сниженным личностным адаптационным потенциалом и сниженным прогнозом их профессиональной надежности.

Таким образом, закономерно встает задача исследования не только профессионально важных качеств будущего специалиста, но и наличия у кандидатов на зачисление в военный летный вуз отклонений от профессионально-личностной нормы.

Напомним, что под профессионально-личностнымотклонением мы подразумеваем, прежде всего, совокупность неких личностных особенностей и форм поведения человека и др., затрудняющих освоение профессиональной деятельности (проявляющихся в дезадаптации к ней) и снижению профессиональной надежности специалиста.

В настоящейработе приведены результаты последних исследований, затрагивающих обозначенную выше тему.

В исследовании принимали участие летный состав (n=162) и курсанты военного летного училища (n= 351 чел).

Рассматривались следующие группы респондентов:

группа 1 - летный состав (действующий);

группа 2 - летный состав (списывающиеся с летной деятельности по состоянию здоровья);

группа 3 курсанты (получившие диплом об окончании вуза, имеют хорошие показатели личного адаптационного потенциала (ЛАП) (методика МЛО-Адаптивность));

группа 4 – курсанты (отчисленные из вуза по различным причинам, имели сниженные показатели ЛАП).

Группы 1, 3 отнесены нами к профессионально-личностно нормативным, а группы 2, 4 – к профессионально-личностно отклоняющимсяучастникам профессиональной деятельности.

Психологическоеисследование проводилось с использованием тестов-опросников и проективных методик: многофакторного опросника личности Р.Б. Кеттелла (16 PF – опросник); многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.К. Маклакова и С.В. Чермянина; диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса, адаптация Н.В. Гришиной [5]; определения доминирующих инстинктов В. Гарбузова [1] в рамках методологии научной школы «Профессионально-личностное развитие курсантов авиационного вуза».

Приведем некоторые результаты.

Сравнение средних значений эмпирических результатов по вышеуказанным методикам в группах 1 - 3 и 2 – 4 показало, что уровнево некоторые показатели имеют различия, но статистически значимых различий между средними значениями исследуемых характеристик личности не выявлено. Следовательно, можно сделать вывод, что квалификационный профиль 1) действующих летчиков и обучающихся курсантов (группы 1 и 3)и 2) летчиков, списывающихся по состоянию здоровья и курсантов, отчисленных из вуза по разным причинам (группы 2 и 4)схож. Некоторая разница в квалификационном профиле может быть объяснена различием в возрасте респондентов.

Вместе с тем, выявлены достоверные различия по факторам B, G, I, Q3, F2, F3, IQ, эмоционально-волевым качествам (методика Кеттелла в группах 1 и 2) (при $\alpha \leq 0{,}10$).

Исследование предпочитаемого поведения в конфликтной ситуации показало уровневое различие только в выраженности соперничества в группах 1 и 2 (у действующих летчиков значения ниже), хотя статистически значимых различий между средними значениями исследуемых характеристик личности не выявлено.

Также не выявлено статистически значимых различий между средними значениями уровня форм выражения агрессии (методика Басса-Дарки) и ситуативной тревожности (методика Спилбергера-Ханина). А вот по выраженности личностной тревожности у респондентов 1 и 2 групп достоверно значимые различия выявлены по параметру личностной тревожности: у действующих летчиков личностная тревожность значительно ниже, чем у списывающихся по состоянию здоровья.

Далеестатистически значимые различия были выявлены в группах 1 и 2 по показателям «исследовательский» и «доминантный»типы (методика выявления доминирующих инстинктов Гарбузова): в группе 1 исследовательский интерес выше, а стремление к доминированию значительно ниже.

В процессе исследования был проведен анализ профессиональной надежности курсантов с точки зрения успешности освоения ими учебной (теоретической и практической) программы. Выяснилось, что не все курсанты получили диплом об окончании военного летного вуза (профессионально-личностно нормативные); часть из них была отчислена по результатам обследования их врачебно-летной комиссией (ВЛК); также были и отчисленные из вуза по недисциплинированности, летной неуспеваемости. Всехотчисленных курсантов можно рассматривать как профессионально-личностноотклонившихся,ненадежных.

Данные, полученные с использованием многофакторного опросника личности Р.Б. Кеттелла (16 PF – опросник), позволили определить профиль личности курсантов, успешно завершивших обучение в вузе. Эту категорию курсантов можно описать следующими характеристиками: они общительны (фактор А), имеют высокий интеллект (фактор В), высокую «силу Я» (фактор С), конформны (факторы Е, F4), в меру сдержанны и экспрессивны (фактор F), имеют средний показатель «супер-эго» (фактор G), социальную смелость, склонность к риску (фактор Н), низко чувствительны, суровы, рассудочны, практичны, несколько жестки (фактор I), доверчивы, внутренне расслаблены, откровенны (фактор L), практичны, заняты своими интересами (фактор М), дипломатичны (фактор N), гипертимный (фактор О), консервативны (фактор Q1), зависимы от группы (фактор Q2), имеют высокое самомнение (фактор Q3), низкую «эго-напряженность» (фактор Q4), низкую тревожность и слабую мотивацию (фактор F1), экстраверты (фактор F2), хорошую реактивную уравновешенность (фактор F3), хороший невербальный интеллект (фактор IQ), средний уровень эмоционально-волевых и коммуникативных качеств.

Анализ полученных данных показал, что наряду с общими (схожими) характеристиками в профиле личности курсантов профессионально-личностно нормативных и отклоняющихся, есть и различия. Так, категория курсантов, отчисленных *«по ВЛК»,* характеризуется эмоциональной устойчивостью (фактор С), доминантностью (фактор Е), экспрессивностью (фактор F), реактивной уравновешенностью (фактор F3), доверчивостью и благожелательностью (фактор L) и независимостью, агрессивностью (фактор F4).

Категория курсантов, отчисленных *«по недисциплинированности»*, характеризуется скрытностью, критичностью (фактор А), доминантностью, властностью, конфликтностью, своенравностью (фактор Е), прямолинейностью, бестактностью в обращении и эмоциональной несдержанностью (фактор N), сниженным уровнем эмоционально-волевых качеств.

Категория курсантов, отчислившихся *«по летной неуспеваемости»*, характеризуется высоким интеллектом (фактор B), смелостью (фактор H), способностью хорошо устанавливать и поддерживать социальные контакты (фактор F2), скрытностью (фактор A), конформностью (фактор E), самоуверенностью (фактор O), консерватизмом (фактор Q2), слабой мотивацией достижения (фактор F1).

Категория курсантов, *«переведенных в другой вуз»*, характеризуется суровостью (фактор I), прямолинейностью (фактор N), самоуверенностью (фактор O), низкой эго-напряженностью (фактор Q4), слабой мотивацией достижения (фактор F1).

Статистически значимые различия (при $\alpha \leq 0{,}10$) в группах 3 и 4 выявлены по факторамF2 (интроверсия), IQ, эмоционально-волевых и коммуникативных качеств (курсанты, списанные отчисленные из вуза по результатам врачебно-летной комиссии; H (склонность к риску, не понимает опасности, авантюризм, эмоциональность и т.д.), O (беспечность, самоуверенность, самонадеянность, нечувствительность к одобрению или порицанию окружающих, беспечность, бездумность), Q1 (не доверяет авторитетам, ничего не берет на веру, свободомыслие и т.д.), IQ (невербальный интеллект) (курсанты, отчисленные из вуза по летной неуспеваемости); IQ (невербальный интеллект), эмоционально-волевые и коммуникативные качества (низкие показатели) (курсанты, переведенные в другой вуз).

Итак, проведенное исследование показало, что:

некоторые летчики и курсанты из общей выборки исследуемого контингента оказались со сниженной профессиональной надежностью;

у профессионально-личностноненадежных летчиков и курсантов были выявлены личностные особенности, определенные нами в ходе теоретического анализа как затрудняющие или препятствующие освоение профессиональной деятельности, т.е. являющиеся профессионально отклоняющимися. Но респонденты 2 и 4 групп какое-то время находились в профессии. Следовательно, в процессе профессионального психологическогоотбора не были учтены «вредные» для профессии личностныекачества или на момент профессионального психологического отбора они находились в «спящем» состоянии;

поскольку в исследуемом поведении (конфликтное, агрессивное) различий не выявлено, то можно сказать, что межличностные поведенческие стереотипы не должны быть определяющими в вынесении заключения о профпригодности, так как могут корректироваться образовательной средой;

выявление в процессе профессионального психологического отбора лиц, имеющих в личности профессионально отклоняющиеся качества позволит своевременно снизить число профессионально ненадежных специалистов.

Продолжение работы может вестись в направлении разработки методики выявления личностных особенностей, затрудняющих или препятствующих освоение профессиональной деятельности военного летчика.

Библиографический список

1 Гарбузов В. Инстинкты и судьба человека / В. Гарбузов. - М.: АСТ; СПб.:Астрель-СПб, 2006 г.;

2 Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь, 3-е издание, 2002 г.;

3 Отчет о научно-исследовательской работе «Исследование факторов, обусловливающих психологическую готовность личности к деятельности в экстремальных условиях», ответственный исполнитель Щербакова Е.А. – Краснодар: МО РФ, типография КВВАУЛ, 2007 г.;

4 Пономаренко В.А. Психология человеческого фактора в опасной профессии. – Красноярск, 2006, «Поликом»;

5 Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001;

6 Щербакова Е.А. Об особенностях личности курсантов, снижающих их профессиональную надежность. Кайгородовские чтения. Вып. 9-10: материалы региональной науч.-практ. конф. / КГУКИ. – Краснодар, 2010. – 428 с.;

7 Щербакова Е.А. Образ родителей как фактор нормативного профессионального поведения курсантов-летчиков. Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы V Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 17-18 ноября 2011 г. / редкол.: С.Г. Черников, А.А. Таганова, И.С. Нестеренко, А.И. Тузов, С.А. Павлова. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011. – 268 с.

PROFESSIONAL AND PERSONAL STANDARDS AS A TEMP OF RELIABILITY OF SPECIALIST

Shcherbakova Elena Alekseevna
Krasnodar Air Force Institute for Pilots named after the Hero of the Soviet Union A.K. Serov

Abstract. This article contains theoretical analysis and empirical results of research of professional and personal standards of military pilots.

Key words: professional and personal standards (abnormality), professional reliability, personal particularities

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖА ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Якуба Альберт Владимирович
Пожарицкая Полина Сергеевна
(Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар)
e-mail: Nastavnik1305@yandex.ru, posa65@mail.ru

Аннотация. Доказана целесообразность использования в реализации имиджа полиции РФ программ здорового образа жизни. Приведены примеры по успешной реализации программ здорового образа жизни в деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, имидж, полиция Российской федерации

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – популярное явление общества, направленное на комплексное укрепление и поддержания здоровья человека в целом. ЗОЖ является ведущим трендом XX-XXI века, который исходит не только от состоявшихся людей среднего возраста, дееспособных, со стабильным заработком, но и от подростков. Данное явление распространено как на территории европейских стран и США, так и в постсоветских государствах, включая Россию.

В научной литературе выделяют следующие подходы к дефиниции ЗОЖ:

1) здоровый образ жизни как форма организации всей жизнедеятельности человека: мировоззрения, поведения и деятельности;

2) здоровый образ жизни как обобщенное понятие (научная категория):

- характеристика активности человека, предполагающая создания условий для хорошего состояния своего здоровья;

- характеристика ограничений в поведении человека, предполагающих недопущение привычек, отрицательно влияющих на состояние здоровья [2].

Ученые, рассматривающие тему ЗОЖ, выделяют следящие компоненты:

а) окружающая среда: безопасная и благоприятная для обитания, знания о влиянии неблагоприятных факторов на здоровье;

б) отказ от вредных привычек: курения, употребления наркотиков, алкоголя;

в) правильное питание: умеренное, соответствующее физиологическим особенностям конкретного человека, а также информированность о качестве употребляемых продуктов;

г) физическая активность: как специальные физические упражнения, так и обыденная физическая нагрузка (ходьба);

д) личная и общественная гигиена: совокупность правил, соблюдение и выполнение которых способствует сохранению и укреплению здоровья;

е) медицина: поддержание стабильного уровня здоровья, ежегодный осмотр, владение навыками первой помощи;

ж) воспитание с раннего детства здоровых привычек и навыков;

з) самочувствие (психическое, интеллектуальное, духовное, социальное): умение справляться с собственными эмоциями, проблемами; позитивное мышление; способность устанавливать жизненные цели; способность взаимодействовать с другими людьми.

ЗОЖ является условно общедоступным: не требуется специальных технических условий для его реализации, а также наличие большого денежного капитала. Учеными доказано, для того чтобы вести здоровый образ жизни на протяжении длительного периода времени следует поддерживать уровень мотивации.

Так, с целью общественной мотивации в 2016 году была издана «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года», которая закрепляла ЗОЖ как приоритетное направление развития России [8].

26 мая 2017 года в РФ была принята новая стратегия, основное направление которой – это формирование здорового образа жизни на межведомственной основе [4]. Основным методом воздействия является «информирование и мотивирование населения с привлечением средств массовой информации, образовательных, культурных учреждений, общественных организаций, волонтеров, а также обеспечения условий для здорового образа жизни – безопасной среды, возможности здорового питания и физической активности».

Общество активно стремится к улучшению качества жизни, о чем свидетельствует последняя информация. Так, по данным Росстата за 3 квартала 2017 года продолжительность жизни россиян увеличилась до 72,6 лет, что значительно выше предыдущих лет.

Поскольку полиция Российской Федерации является неотъемлемой частью общества, то уже 1 июля 2017 года приказом МВД России № 450 утверждено «Наставление по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» [7].

Также 7 августа 2017 года Правительство РФ утвердило паспорт приоритетного проекта "Формирование здорового образа жизни". Целью документа является увеличение числа граждан, ответственно относящихся к своему здоровью и ведущих ЗОЖ. Как сообщает INTERFAX.RU в планах «к концу 2019 года увеличить долю граждан, приверженных здоровому образу жизни, до 45%, а к концу 2025 года - до 60%; увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до

38% в 2019 году и до 45% в 2025 году; снизить распространенность потребления табака среди взрослого населения с 30,5% в 2017 году до 29,5% в 2019 году и 27% в 2025 году; снизить потребление алкогольной продукции на душу населения с 10 л в 2017 году до 9,3 л в 2019 году и до 8 л в 2025 году» [6].

Гражданину, состоящему на службе в полиции, на наш взгляд, соблюдать ЗОЖ еще более целесообразно. Так требованиями п. 4 ст. 18 Федерального закона «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 определено, что сотрудник полиции «обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» [1].

Требования к физической проверке на профессиональную пригодность утверждены приказом МВД России №1025дсп «Об утверждении наставления по физической подготовке». Согласно вышеуказанному приказу, общими задачами физической подготовки полицейских определены:

формирование здорового образа жизни;

гармоничное физическое и духовное развитие;

развитие и поддержание на требуемом уровне выносливости, силы, быстроты и ловкости;

формирование навыков в передвижении по пересеченной местности в пешем порядке и на лыжах, преодолении естественных и искусственных препятствий, рукопашном бою, военно-прикладном плавании.

Таким образом, ЗОЖ не только укрепляет здоровье, но и развивает личность: развивает ее волевые качества, формирует дисциплину, культуру и физическое состояние. В целом здоровый образ жизни направлен на становление «скелета человека», как основополагающей части жизнедеятельности.

Во-вторых, здоровый образ жизни является средством воспитания сотрудников полиции: патриотического, культурного, эмоционально-волевого и коллективного. Например, курсанты вузов МВД ведут ЗОЖ: зарядка по утрам, правильное сбалансированное питание, отказ от вредных привычек, наличие комфортных условий для проживания и учебы, регулярная физическая нагрузка, утренний и вечерний туалет, ежегодное прохождение ВВК и постоянный контроль сослуживцев, начальства и специалистов за психологическим и эмоциональным состоянием.

ЗОЖ – это возможность повысить уровень имиджа органов полиции и социально направленной политики государства. Например, в рамках подписанного указа Президента РФ о возрождении советской системы физической подготовки "Готов к труду и обороне", московская полиция в 2014 году сдавала нормы ГТО, хотя законодательно выполнять нормы не обязательно. По-нашему мнению, сотрудник полиции обязан выполнять

данные нормативы «на отлично», так как уровень его квалификации и физической подготовки должен быть выше среднестатистического гражданина. Зампред Общественного совета при ГУ МВД Антон Цветков полагает, что «необходимо ориентироваться на западную практику, где сотрудник, имеющий отличную спортивную подготовку, получает поощрения. Работник с низкими результатами не допускается к определенным видам работ» [5]. Мы разделяем эту позицию и видим целесообразность в ведении норм ГТО на постоянной основе для сотрудников силовых структур. При этом необходимо привлекать СМИ к освещению данного мероприятия.

Открытость, публичность мероприятий, носящих спортивный характер или ЗОЖ, являются важными компонентами в общем развитии государства. Сотруднику полиции необходимо быть образцом ЗОЖ: гармонии силы и мужества, здоровья и ума. Представители силовых структур – «мотиватор» гражданского населения. Так, в рамках Всероссийской акции «Зарядка со стражем порядка», сотрудники привлекают граждан к ЗОЖ и спорту, демонстрируют боевые приемы и навыки [3].

Таким образом, мы считаем, ЗОЖ – часть имиджа полиции, проявляющаяся в ее деятельности и направленности. Мы видим целесообразным дальнейшее развитие данного направления в полиции. Однако, актуальными остаются вопросы популяризации спорта и ЗОЖ как в службе, так и во внеслужебной деятельности.

Библиографический список

1 Федеральный закон «О полиции» № 3-ФЗ от 07.02.2011 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221494

2 Виленский М.Я., Авчинникова С.О. Методологический анализ общего и особенного в понятиях «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни» // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 11. – С. 4-7.

3 Зарядка со стражем порядка – 2017 /[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://мвд.рф/зарядка-со-стражем-порядка-2017

4 Межведомственная стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gnicpm.ru/UserFiles/PROEKT_STRATEGII_NIZ-210616.pdf

5 Московские полицейские будут сдавать нормы ГТО / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.m24.ru/articles/Анатолий-Якунин/01082014/51859

6 Правительство утвердило паспорт проекта «Формирование здорового образа жизни» /[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.interfax.ru/russia/573786

7 Приказ МВД России №1025дсп «Об утверждении наставления по физической подготовке» от 01.07.2017 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://приказы-мвд-россии/item/11124244/

8 Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года /[Электронный ресурс] – Режим доступа : https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/

HEALTHY LIFESTYLE AS AN IMMEDIATELY COMPONENT IMAGE OF THE POLICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yakuba Albert Vladimirovich
Pozharitskaya Polina Sergeevna
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar

Abstract. The expediency of using programs of a healthy lifestyle in the implementation of the image of the Russian police has been proved. Examples are given of the successful implementation of healthy lifestyle programs in the work of law enforcement agencies.

Key words: healthy lifestyle, image, police of the Russian Federation

Сведения об авторах

Абрамов Максим Алексеевич
доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права, кандидат социологических наук, доцент, г. Ессентуки

Асянова Светлана Рифовна
кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников орган внутренних дел, Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа

Абдокова Людмила Вячеславовна
аспирант кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Бедерханова Вера Петровна
профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, г. Краснодар,

Бедулина Галина Федоровна
доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета, кандидат социологических наук, доцент, Республика Беларусь, г. Минск

Белашова Яна Юрьевна
специалист по учебно-методической работе кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Бикчинтаева Ляля Гильвановна
доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент, г. Уфа

Бондаренко Анна Сергеевна
доцент кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук, г. Краснодар

Брюно Виктория Владимировна
старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, кандидат социологических наук, г. Москва

Вакула Иван Михайлович
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, г. Ростов-на-Дону

Верстова Марина Викторовна
доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, кандидат психологических наук, г. Краснодар

Верстов Вадим Викторович

юрист Юридического агентства «Гардарика», кандидат юридических наук, г. Краснодар

Войнова Елена Александровна
младший научный сотрудник Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Гдалевич Ирина Александровна
доцент кафедры теории и философии права Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), кандидат юридических наук, г. Таганрог

Гилинский Яков Ильич
заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург

Гринина Елена Сергеевна
доцент кафедры реабилитационных технологий в образовании на базе ГАУ СО «ЦАРИ» Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат психологических наук, г. Саратов

Деева Наталья Александровна
доцент кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент, г. Краснодар

Жуланов Александр Владимирович
преподаватель кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Загутин Дмитрий Сергеевич
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России, доктор философских наук, доцент, г. Ростов-на-Дону

Иванов Денис Александрович
инспектор оперативной группы отдела МВД по Тимошевскому району Краснодарского края, г. Тимошевск

Исхаков Эдуард Робертович
профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор, г. Уфа

Карабаш Дмитрий Васильевич
начальник кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, г. Краснодар

Кашин Олег Валериевич
соискатель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Киселев Сергей Сергеевич старший преподаватель кафедра уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, г. Краснодар

Ковалева Маргарита Сергеевна
младший научный сотрудник кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Козлова Ирина Викторовна
младший научный сотрудник Института социологии РАН г. Москва

Копцов Сергей Васильевич
соискатель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Корниенко Любовь Викторовна
старший лаборант факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Коротких Виктория Николаевна
заместитель начальника научно-исследовательского отдела Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Краснокутский Дмитрий Николаевич
соискатель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Кропчина Наталья Олеговна
преподаватель-методист факультета переподготовки и повышения квалификации Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Кубякин Евгений Олегович
профессор кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, доктор социологических наук, доцент, г. Краснодар

Кузьменко Ирина Сергеевна
преподаватель кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидат социологических наук, г. Краснодар

Куликов Евгений Михайлович
профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, кандидат социологических наук, доцент, г. Краснодар

Куприянчук Елена Викторовна
доцент кафедры специальной психологии факультета психолого-педагогического и специального образования Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат социологических наук, доцент, г. Саратов

Курипченко Юлия Игоревна
соискатель кафедры педагогики Московского Университета МВД России, г. Орехово-Зуево

Лазарев Дмитрий Александрович
адъюнкт кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар

Линевич Владимир Леонтьевич
начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников орган внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент, г. Уфа
Мансурова Зиля Рахимлановна
преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников орган внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, г. Уфа
Нестеренко Иван Сергеевич
старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидат педагогических наук, г. Краснодар
Нетребко Елена Эдуардовна
старший преподаватель кафедры русского языка и иностранных языков Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар
Никитина Людмила Николаевна
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук, г. Симферополь
Носенко Евгения Викторовна
заместитель главного редактора издательства «Диапазон-В», г. Краснодар
Осипова Анна Сергеевна
преподаватель кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар
Павлова Светлана Алексеевна
заместитель начальника кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент, г. Краснодар
Пожарицкая Полина Сергеевна
курсант факультета по подготовке специалистов для подразделения общественной безопасности Краснодарского университета МВД, г. Краснодар
Позднякова Маргарита Ефимовна
ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, кандидат философских наук, г. Москва
Потарыкина Марина Сергеевна
старший оперуполномоченный ЦСП ОПБ МВД России, г. Санкт-Петербург
Плотников Владимир Валериевич
преподаватель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, доктор философских наук, г. Краснодар
Распопин Евгений Владимирович
доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики Уральского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, г. Екатеринбург

Рассказова Ирина Николаевна
доцент кафедры педагогики и психологии детства Омского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент, г. Омск
Ролдугин Владислав Игоревич
студент юридического факульта Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
Ростова Антонина Тимофеевна
доцент кафедры физики, электротехники и электроенергетики филиала Пятигорского Института сервиса, туризма и дизайна, кандидат физико-математических наук, доцент, г. Ставрополь
Рыбакова Лариса Николаевна
старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, кандидат философских наук, г. Москва
Самойлов Сергей Федорович
начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, доктор философских наук, профессор, г. Краснодар
Светиков Сергей Александрович
соискатель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар
Скляренко Инна Сергеевна
профессор кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Домодедово
Стригуненко Юлия Владимировна
старший преподаватель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, кандидат социологических наук, г. Краснодар
Сулейманова Гульсум Яхиевна
социальный педагог, учитель химии Иглинская средняя школа № 4 Иглинского района, с. Иглино Республика Башкортостан
Сумова Юлия Владимировна
магистр факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар)
Терещенко Жанна Анатольевна
старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидат социологических наук, г. Краснодар
Титова Марина Петровна
ученый секретарь Института социологии Российской академии наук, кандидат социологических наук, г. Москва
Тузов Александр Иванович
доцент кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России, кандидат биологических наук, г. Краснодар

Туравец Наталья Романовна
профессор кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор, г. Краснодар
Тюнь Андрей Петрович
старший преподаватель кафедры правовых и социально-экономических дисциплин Ейского филиала Ростовского государственно экономического университета, г. Ейск
Урбонавичус Марина Игоревна
курсант факультета по подготовке специалистов для подразделения общественной безопасности Краснодарского университета МВД, г. Краснодар
Фролов Алексей Анатольевич
заместитель начальника кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар
Хуторянская Татьяна Валентиновна
доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат педагогических наук, доцент, г. Саратов
Чепелева Лада Металловна
заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшей школы факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, кандидат психологических наук, г. Краснодар
Чистов Владимир Владимирович
доцент кафедры теоретической и практической психологии Казахского государственного женского педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент, г. Алматы, Республика Казахстан
Шаповал Валентин Анатольевич
начальник кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат медицинских наук, доцент, г. Санкт-Петербург
Шульгина Елена Викторовна
научный сотрудник сектора «Социологии девиантного поведения» Центра адаптационных процессов в меняющемся обществе Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва
Щеголева Татьяна Викторовна
преподаватель кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности ОВД Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Домодедово

Щербакова Елена Алексеевна
начальник научно-исследовательской лаборатории психологического и педагогического обеспечения обучения летного состава Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков, кандидат психологических наук, г. Краснодар
Якуба Альберт Владимирович
старший преподаватель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России, кандидат социологических наук, г. Краснодар

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамов М.А. Правосознание и патриотизм: точки пересечения…….. 3

Асянова С.Р. Метод убеждения как форма психолого-педагогического воздействия в профилактике детского дорожно-транспортного травматизма…… 7

Бедерханова В.П., Абдокова Л.В. Социально-психологическое содействие в преодолении насильственного и виктимного поведения…… 10

Бедулина Г.Ф. Диагностика эффективности деятельности педагогов-новаторов по сопровождению процессов социализации подростков в интернет-пространстве…… 14

Бикчинтаева Л.Г. Виды возможных профессионально обусловленных деструкций сотрудника полиции…… 19

Бондаренко А.С. Формирование психологической устойчивости сотрудников полиции как фактор профилактики профессионального выгорания…….. 24

Вакула И.М., Загутин Д.С. Воздействие культурного и информационного обмена в социальных сетях на уровень девиации молодежи (информационную безопасность молодежи)…….. 30

Верстова М.В., Верстов В.В. Профилактика синдрома эмоционального выгорания персонала исправительных учреждении….. 36

Войнова Е.А., Сумова Ю.В. Образ жизни и проблемы «трудных» подростков: опыт эмпиричского исследования……..……. 43

Войнова Е.А. Протестные акции молодежи в полиэтничном регионе: причины, факторы и взгляд в будущее…….. 52

Гдалевич И.А. Противоправное поведение как разновидность девиантного поведения……... 61

Гилинский Я.И. Девиантность в эпоху постмодерна: проблемы и реальность……... 66

Гринина Е.С. Психологическая профилактика девиантного поведения подростков……. 73

Деева Н.А., Урбонавичус М.И. Макиавеллизм и склонность к девиантному поведению как черты манипулятивной личности……. 79

Жуланов А.В. Особенности проявления девиантного поведения и его профилактики в условиях обучения в образовательных учреждениях МВД России……. 85

Исхаков Э.Р. Особенности направленности сотрудников ОВД на ведение образа жизни связанного с профилактикой развития соматических заболеваний…….…… 90

Карабаш Д.В., Фролов А.А. Применение огнестрельного оружия гражданским населением в России сегодня: девиация или норма?..... 94
Кашин О.В. Нормы социального взаимодействия в системе патриотического воспитания военнослужащих……...…….... 98
Киселев С.С. Мода на смерть: опасность и предотвращение….. 102
Ковалева М.С., Иванов Д.А. Молодежная преступность и социальный портрет подростка…..……..…….. 106
Козлова И.В. К вопросу изменения наркоситуации в России…. 110
Копцов С.В. Служба участковых уполномоченных полиции в условиях модернизации российского общества…… 117
Корниенко Л.В. Образы кумиров и героев современной молодежи в полиэтничном регионе…….. 120
Коротких В.Н. Положительные и отрицательные модели взаимодействия в коллективе работников полиции: гендерный аспект……. 125
Краснокутский Д.Н. Девиатное поведение курсантов образовательных учреждений МВД России в социальных сетях интернета…….. 129
Кропчина Н.О., Носенко Е.В., Белашова Я.Ю. Анонимность в онлайн-общении как основание социальной деформации…….. 134
Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремпарантность: обоснование проблемного поля…….. 138
Кузьменко И.С. Основания солидаризации в криминальных группах: социально-феноменологический аспект…… 142
Куликов Е.М. Потенциал социологического мониторинга в анализе отклоняющегося поведения в сети интернет……... 146
Куприянчук Е.В., Ролдугин В.И. Особенности коррупционной мотивации студентов……..…… 150
Лазарев Д.А. Особенности межэтнических отношений в условиях современного российского социума……... 154
Линевич В.Л. Психологическое обеспечение лиц, подлежащие государственной защите, с алкогольной зависимостью…….. 159
Мансурова З.Р., Сулейманова Г.Я. Девиантное поведение: сущность, формы и виды проявлений..……. 164
Нестеренко И.С. Изучение синдрома эмоционального выгорания у сотрудников органов внутренних дел……. 167
Нетребко Е.Э. Профессиональное выгорание……... 173
Никитина Л.Н. Кибераддикция несовершеннолетних как угроза для общества…….. 179
Осипова А.С. Исследование эмоционального интеллекта у сотрудников неуспешных в служебной деятельности……. 183
Павлова С.А. Формирование социальных эмоций как фактор профилактики девиантного поведения…….……. 188

Плотников В.В. Табу и растабуированность социальной антропофагии в коллективе…… 193
Позднякова М.Е., Брюно В.В. «Мягкие» формы потребления наркотиков в русле «контролируемого потребления»……. 197
Позднякова М.Е. К проблеме формирования делинквентного поведения подростков……. 207
Распопин Е.В. Принципы психологической диагностики суицидального риска……... 213
Рассказова И.Н. Межличностные контакты как фактор развития личности и социума……. 219
Ростова А.Т. К вопросу о конфликте поколений и социальной преемственности…….. 224
Рыбакова Л.Н. Изучение «новых психоактивных веществ» в контексте наркоситуации……. 228
Самойлов С. Ф. Проявление расизма и ксенофобии в поведении и внешнем виде праворадикально настроенных футбольных фанатов…… 235
Светиков С.А. Идея социальной справедливости как основание самооправдания носителей делинквентного поведения…….. 241
Скляренко И.С., Курипченко Ю.И. Работа с семьей группы социального риска как условие профилактики девиантного поведения…….. 245
Стригуненко Ю.В. К вопросу об исследовании девиантного поведения молодежи как одного из факторов дезадаптации в современном российском обществе…… 249
Сыровикин А.А. Социально-философская постановка проблемы о социально сберегающем повышении авторитета гражданских институтов (на примере правовой проблематики)…… 253
Терещенко Ж.А. Этнические девиации как вид противоправного поведения (на примере этнических преступных групп)…… 256
Титова М.П. Употребление спайсов в подростковой среде: угроза социальной стабильности российского общества....…… 267
Тузов А.И. Причины проявления девиантного поведения при управлении транспортным средством…… 274
Туравец Н.Р. Девиантность как качественное своеобразие и характер развития одаренности..... 278
Тюнь А.П. Институт полиции в современном российском обществе: теоретико-прикладной анализ……. 284
Хуторянская Т.В. Взаимосвязь конфликтности и удовлетворенности браком в молодой семье……. 287
Чепелева Л.М. Профилактика экстремизма в молодежной среде полиэтничного региона: социально-психологический аспект…. 291

Чистов В.В., Хадиметова М. Особенности проявлений девиантности в подростковом возрасте……. 296
Шаповал В.А. Потарыкина М.С. К вопросу о критериях выявления сотрудников полиции, склонных к проявлению агрессии и насильственному поведению……... 301
Шульгина Е.В. Влияние современных СМИ в распространении беспорядочного сексуального поведения…… 306
Щеголева Т.В. Феноменология девиантного служебного поведения сотрудников органов внутренних дел……. 312
Щербакова Е.А. Профессионально-личностная нормативность как условие надежности специалиста…… 317
Якуба А.В., Пожарицкая П.С. Здоровый образ жизни как неотъемлемая составляющая имиджа полиции Российской Федерации……. 325
Сведения об авторах…… 330

Научное издание

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Материалы
XI Международной научно-практической конференции

(20 октября 2017 г.)

В авторской редакции

ISBN 978-5-9266-1265-0

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 19,9. Заказ 654.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.